P 2/134

Тайное общество декабристовъ

Профессора
М. В. Довнаръ-Запольска

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО ДЕКАБРИСТОВЪ.

Историческій очеркъ, написанный на основаніи слѣдственнаго дѣла.

ГУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1906.

2007237414

Литература о декабристахъ довольно обширна, но въ общемъ она состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, біографій, записокъ участниковъ. Въ ней, такимъ образомъ, недостаетъ общаго обзора развитія и подготовительной дѣятельности тайныхъ обществъ, основанныхъ декабристами. Это вполнѣ понятно, такъ какъ основной источникъ для исторіи этого движенія, слѣдственное дѣло, до послѣдняго времени оставалось недоступнымъ для научныхъ изслѣдованій. Единственнымъ обзоромъ общаго характера служило официальное донесеніе Слѣдственной Комиссіи, представленное императору Николаю I и потомъ нѣсколько разъ переизданное. Настоящая книга имѣетъ цѣлью выполнить указанный пробѣлъ и дать очеркъ развитія тайныхъ обществъ 1816—1825 гг., участники коихъ сдѣлались извѣстны подъ именемъ декабристовъ. Основнымъ источникомъ для настоящей работы послужило слѣдственное дѣло о декабристахъ, хранящееся въ Государственномъ архивѣ въ Петербургѣ, но при этомъ были приняты во вниманіе и печатные матеріалы. Авторъ, однако, спѣшитъ оговориться, что онъ смотритъ на выпускаемую книгу именно какъ на краткій историческій *очеркъ* движенія. Авторъ старался

строго держаться поставленной имъ себѣ задачи—изложить развитіе обществъ, его интересовала жизнь цѣлой организаціи, а не отдѣльныхъ лицъ. Поэтому читатель не встрѣтитъ въ книгѣ біографическихъ подробностей объ участникахъ движенія, что должно составлять предметъ особыхъ изслѣдованій и чѣмъ наша литература уже въ нѣкоторой мѣрѣ обладаетъ.

Что касается значенія отдѣльныхъ показаній, данныхъ декабристами на слѣдствіи, какъ матеріала для исторіи движенія, то авторъ настоящей книги имѣлъ случай въ другомъ мѣстѣ высказать свой взглядъ, склоняющійся къ тому, что въ общей сложности показанія декабристовъ являются въ высшей степени цѣннымъ и заслуживающимъ довѣрія матеріаломъ *). Это, конечно, не исключаетъ неизбѣжности относиться къ этому матеріалу критически. Во многихъ случаяхъ читатель встрѣтитъ въ книгѣ указаніе на тѣ основанія, въ силу которыхъ дано предпочтеніе тому или иному показанію участника движенія. Но въ общемъ авторъ старался опираться преимущественно на тожественныя показанія ряда лицъ и избѣгалъ вводить въ изложеніе такія обстоятельства, которыя внушаютъ сомнѣніе.

Историческій ходъ развитія тайныхъ обществъ 1816—1825 гг.—лишь одна сторона изучаемаго

---

*) Въ книгѣ подъ заглавіемъ:

„Мемуары декабристовъ. Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла". К. 1906 г. Въ этой книгѣ изданы наиболѣе цѣнные матеріалы изъ слѣдственнаго дѣла.

движенія, которой и посвящена настоящая книга. Другая сторона того же вопроса—обзоръ политическихъ и общественныхъ взглядовъ декабристовъ—обрисована авторомъ въ особой книгѣ („Идеалы декабристовъ"), и, наконецъ, самому ходу революціи посвящается особая книга, которая не замедлитъ выходомъ въ свѣтъ.

М. Д.-З.

1906 г., іюль.

Дополнительныя примѣчанія.

Къ *стр. 3.* Изслѣдователи обычно указываютъ на масонскія ложи, какъ на первую ступень общественной дѣятельности многихъ декабристовъ. Дѣйствительно, почти всѣ старшіе изъ нихъ числятся въ спискахъ ложъ. Мы этого вопроса не касаемся, какъ вслѣдствіе его общеизвѣстности, такъ и потому, что масонство не имѣло значенія въ развитіи идей тайныхъ Обществъ, и появленіе въ ложахъ будущихъ декабристовъ указываетъ лишь на стремленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ найти выходъ своему желанію общественной дѣятельности. Только на обрядахъ пріема въ члены Союза Спасенія можно видѣть слѣды вліянія масонскихъ обрядовъ.

Къ *стр. 62.* Оланкашпрской школѣ, основанной М. Ѳ. Орловымъ въ Кіевѣ, см. записку Мартоса, „Кіевская Старина“, 1897, №№ 7—8, 1898, № 8. Ср. Заблоцкій, Десятовскій, графъ Киселевъ и его время, I, 224. Ср. „Мемуары декабристовъ“, введеніе объ Орловѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Союзъ Спасенія или Общества вѣрныхъ и истинныхъ сыновъ отечества	1
II.	Уставъ Союза Благоденствія	28
III.	Исторія Союза Благоденствія	51
IV.	Южное Общество	84
V.	Жизнь Южнаго Общества и его сношенія съ Польскимъ	95
VI.	Общество Соединенныхъ Славянъ	135
VII.	Зарожденіе Сѣвернаго Общества и его первоначальныя сношенія съ Южнымъ	193
VIII.	Пестель въ Петербургѣ	228
IX.	Рылѣевъ—членъ Сѣверной Думы	253
X.	Сѣверное Общество наканунѣ революціи	265
XI.	Южное Общество наканунѣ революціи	299
XII.	Заключеніе	326
	Опечатки.	

I.

Союзъ Спасенія или Общество вѣрныхъ и истинныхъ сыновъ отечества.

Вторая половина царствованія императора Александра I была эпохой самой тяжелой реакціи и правительственной и даже въ средѣ нѣкоторой части русскаго общества. Но съ другой стороны часть русскаго общества, проникнутая идеями свободы и любви къ родинѣ, стремилась найти выходъ изъ такого положенія вещей въ государствѣ. Такой выходъ представлялся въ революціонной борьбѣ съ правительствомъ. Однако пока мелькалъ лучъ надежды на то, что самодержавный монархъ, цѣнившій, какъ онъ самъ объ этомъ не разъ заявлялъ, свободу народовъ, раздѣлитъ свою власть съ народомъ, до тѣхъ поръ еще и въ либеральныхъ кругахъ замѣтно сдержанное настроеніе. Но съ каждымъ годомъ надежды становились меньше, и тѣмъ болѣе рѣзкую форму принимала оппозиція. И когда наступилъ кульминаціонный моментъ Аракчеевскаго режима, въ средѣ Тайнаго Общества созрѣла мысль о цареубійствѣ и о водвореніи республики. Ожесточеніе въ средѣ членовъ Тайнаго Общества росло параллельно усиленію реакціи.

Мысль о Тайномъ Обществѣ начала бродить въ нѣсколькихъ кругахъ либерально настроенной молодежи какъ разъ въ тотъ моментъ, когда опредѣленно начало сказываться реакціонное направленіе. Эта мысль появилась почти одновременно въ нѣсколькихъ кружкахъ молодежи. Первымъ проводникомъ идеи Тайнаго Общества былъ генералъ М. Ѳ. Орловъ. Объ этомъ онъ разсказываетъ въ своемъ показаніи такъ: „Я возвратился

изъ чужихъ краевъ 1814 года, увѣренный, что Тугендъ-Бундъ былъ одно изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ для спасенія Пруссіи и Германіи, и вознамѣрился сдѣлать Таïное Общество, составленное изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи. Я взошелъ въ переписку съ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ по сему предмету, и, установивъ нѣсколько мыслей между нами, мы готовили общій планъ, который хотѣли предложить на утвержденіе его импер. велич., надѣясь, что государь такъ же, какъ его велич. король прусскій, для Тугендъ-Бунда возьметъ насъ подъ свое покровительство. Сія странная мысль, внушенная, однакоже, чистымъ желаніемъ добра, недолго насъ занимала, ибо другія обстоятельства возникли". Обстоятельства слагались такимъ образомъ, что только укореняли Орлова въ мысли о необходимости дальнѣйшихъ дѣйствій. Государь былъ въ Вѣнѣ на конгрессѣ, и оттуда пришелъ слухъ [illegible] тановленіи Польши. „Сія вѣсть,— разсказываетъ [illegible] –горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи". Орловъ тогда же написалъ государю письмо почтительное, но сильное. Письмо это не было передано государю, но, тѣмъ не менѣе, Александръ I, узнавъ о немъ, былъ весьма недоволенъ. Въ 1815 и 1816 гг. Орловъ, проведя значительную часть этого времени въ Парижѣ, не могъ заняться осуществленіемъ своей мысли. Онъ возвратился къ ней при первой возможности. Орловъ полагалъ, что возстановленіе Польши произошло не безъ вліянія на государя польскаго Тайнаго Общества, почему, между прочимъ, предполагалъ противопоставить польскому Тайному Обществу, русское Тайное Общество; такой планъ уже, разумѣется, не могъ быть предложенъ на утвержденіе государя. Предположеніями объ обществѣ Орловъ былъ занятъ

въ концѣ 1816 и въ началѣ 1817 года. Такъ какъ Орловъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи основать Тайное Общество, то мы весьма мало знаемъ о его приготовленіяхъ [1]). Кромѣ гр. Дмитріева-Мамонова, Орловъ еще говорилъ о своемъ обществѣ съ Н. И. Тургеневымъ. По свидѣтельству послѣдняго, Орловъ въ то время увлекался масонствомъ, почему и хотѣлъ даже стремиться къ возстановленію масонства, придавъ ему политическую или, скорѣе, практическую цѣль. Орловъ показывалъ Тургеневу свой проектъ возстановленія масонства, предлагая сообщить его нѣкоторымъ знакомымъ Тургеневу франкмасонамъ; одному изъ нихъ Тургеневъ, дѣйствительно, показывалъ проектъ Орлова. Тогда же Орловъ сообщилъ Тургеневу проектъ Общества, основанный на масонствѣ, и назвалъ двоихъ своихъ союзниковъ, двухъ генералъ-адъютантовъ государя [2]). Вѣроятно, къ этому же времени относится и извѣстіе о попыткахъ Орлова ввести политику въ Арзамасъ [3]). Общество Орлова, или, по крайней мѣрѣ, его намѣреніе таковое составить ц- всей видимости были болѣе серьезны сравнительно съ тѣмъ, какъ это дѣло представляетъ самъ Орловъ въ своихъ показаніяхъ. Никита Муравьевъ разсказываетъ, что когда Александръ Муравьевъ основалъ Общество и старался привлечь въ него Орлова, то „каждый изъ нихъ сталъ уговаривать другого вступить въ свое Общество. Переговоры сіи кончились тѣмъ, что они обѣщались не препятствовать одинъ другому, идя къ одной цѣли и оказывать себѣ взаимныя пособія. Нашему Обществу сталъ извѣстенъ одинъ ген. Орловъ, его Обществу—одинъ Александръ Муравьевъ“. Изъ этого слѣдуетъ, что Орловъ успѣлъ со-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій, „Мемуары декабристовъ“, I, 1 и сл.

[2]) Тургеневъ, La Russie et les russes, томъ I, стр. 161; Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1905, въ ст. „Н. И. Тургеневъ и Союзъ Благодѣтелей“, стр. 68—69.

[3]) „Мемуары декабристовъ“, стр. XXI.

ставить нѣкоторое ядро будущаго Общества. Оно даже носило названіе Общества русскихъ рыцарей. Ядро это держалось еще и тогда, когда уже успѣлъ съорганизоваться Союзъ Благоденствія. Тотъ же Никита Муравьевъ утверждаетъ, что Орловъ примкнулъ къ Союзу Благоденствія только тогда, когда, не успѣвъ составить своего Общества, представитель его въ Петербургѣ Н. И. Тургеневъ вступилъ въ члены Союза Благоденствія; за нимъ послѣдовалъ Орловъ, будучи принятъ въ Москвѣ Александромъ Муравьевымъ [1]). Слѣдовательно, это было въ концѣ 1818 г. или въ нач. 1819 г.

Одновременно съ попытками Орлова учредить Общество, возникла и еще одна попытка, вѣрнѣе только мысль, которая зародилась у полковника М. И. Фонъ-Визина. По словамъ Пестеля, въ Москвѣ было самостоятельное Тайное Общество, состоящее изъ Фонъ-Визина, Якушкина и Колошина [2]). Впрочемъ, такое показаніе Пестеля не подтверждается другими извѣстіями. Якушкинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что въ самомъ началѣ существованія Тайнаго Общества, онъ съ Фонъ-Визинымъ (оба они тогда жили въ Москвѣ и служили въ одномъ полку) не мало толковали о необходимости противодѣйствовать злу, тяготѣвшему надъ Россіей: „Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противодѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать на мнѣніе молодежи; что для этого лучшимъ средствомъ учредить Тайное Общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ, и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ бы дѣйствовать съ большею увѣренностью и рѣшимостью. Накопецъ Фонъ-Визинъ сказалъ мнѣ, что [illegible]

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 48, 50.

[2]) Павловъ-Сильванскій, монография о Пестелѣ въ словарѣ Русскаго Историческаго Общества, стр. 665.

бы такое общество существовало, состоя только изъ 5 человѣкъ, то онъ тотчасъ бы вступилъ въ него". Тогда Якушкинъ не удержался отъ того, чтобы не сообщить Фонъ-Визину о существовавшемъ уже зародышѣ Тайнаго Общества, и принялъ его въ Общество [1]). Въ этомъ разсказѣ для насъ во всякомъ случаѣ интересенъ тотъ фактъ, что мысль объ Обществѣ была, можно такъ сказать, бродячею мыслью въ то время и что къ ней подходили самостоятельно люди либеральнаго образа мыслей. Интересно также подчеркнуть и причину, вызывавшую вопросъ о Тайномъ Обществѣ: мысль отправлялась отъ тягостнаго сознанія существующаго порядка вещей.

Въ то самое время, когда Орловъ лелѣялъ мысль объ учрежденіи Тайнаго Общества, та же идея стала назрѣвать въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ, которымъ удалось составить Общество. Едва ли не первый зародышъ его надо видѣть въ кружкѣ офицеровъ Семеновскаго полка, о которомъ разсказываетъ Якушкинъ. Это былъ собственно кружокъ, составившійся сейчасъ по возвращеніи гвардіи изъ-за границы съ цѣлью обѣдать вмѣстѣ и вмѣстѣ же проводить время. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали иностранныя газеты и толковали о политикѣ [2]). Якушкинъ не сообщаетъ подробностей объ этой своеобразной офицерской артели. Но легко догадаться, что она должна была служить подготовительной школой для членовъ будущаго Тайнаго Общества: среди послѣднихъ было не мало семеновскихъ офицеровъ, разошедшихся по разнымъ полкамъ арміи; кромѣ того, хорошо извѣстно, въ какомъ настроеніи гвардія возвратилась въ Петербургъ.

Объ этой своеобразной артели вспоминаетъ въ своихъ запискахъ и Иванъ Пущинъ. „Еще въ лицейскомъ мундирѣ,—разсказываетъ онъ,— я былъ частнымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ

[1]) „Записки И. Д. Якушкина". М. 1905 г., стр. 8-я.

[2]) „Записки Якушкина", стр. 2-я.

и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ; я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцевъ, которому я больше высказывался, нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ лицея, я готовъ для дѣла. На этомъ основаніи онъ принялъ въ Общество меня и Волконскаго, который, вступивъ въ гвардейскій генеральный штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ. Бурцевъ тотчасъ узналъ его, понялъ и оцѣнилъ. Эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ бурной молодости, наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значащей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе. Первая моя мысль была открыться Пушкину“ [1]).

Дѣйствительно, въ 1816 г. среди довольно значительной группы офицеровъ гвардіи возникла мысль о Тайномъ Обществѣ. Иниціаторомъ этой мысли явился Александръ Муравьевъ. Къ нему первоначально примкнулъ его двоюродный братъ Никита, за нимъ—князь Сергѣй Трубецкой. Затѣмъ были привлечены Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы и Якушкинъ. Послѣдній въ своихъ запискахъ разсказываетъ какъ о подготовкѣ молодыхъ людей къ такому рѣшенію, такъ и о его зарожденіи. Офицеры жили въ казармахъ Семеновскаго полка, часто видались другъ съ другомъ и разговоръ неминуемо пе-

[1]) Л. Майковъ. „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“, стр. 69. Записки Пущина.

реходилъ на положеніе Россіи. „Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторга; повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частію состояло тогда изъ старовѣровъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего". Слѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что всѣ названныя лица, по предложенію Александра и Никиты Муравьевыхъ, рѣшили составить Тайное Общество, цѣлью котораго было бы „всѣми силами трудиться для блага Россіи". Положено было составить уставъ Общества, и вначалѣ принимать въ него членовъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ шестерыхъ [1]). Якушкинъ, указавъ на то обстоятельство, что причиной составленія Тайнаго Общества являлась реакціонная политика правительства, заявляетъ, что цѣлью первыхъ его членовъ была „единственно надежда споспѣшествовать симъ къ благоденствію Россіи". Онъ же сообщаетъ наиболѣе точныя свѣдѣнія о составѣ первыхъ совѣщаній и о первоначальной цѣли Общества. Первое совѣщаніе происходило въ 1816 г. въ квартирѣ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ. На первыхъ же петербургскихъ совѣщаніяхъ 1816 г. установлена была цѣль Общества: „Главная цѣль Общества вообще есть благо Россіи, для достиженія которой будутъ употребляемы средства, какія Общество впослѣдствіи признаетъ удобными и соразмѣрными способамъ своихъ дѣйствій; но пока отстраненіе иноземцевъ отъ вліянія въ государствѣ было признано единственной посредственной цѣлью,

---

[1]) Записки Якушкина, стр. 6—7.

для достиженія которой, сколько припомнить могу, способы никогда опредѣлены не были [1]). Такимъ образомъ съ самаго начала Общество имѣло цѣль политическую, хотя и отдаленную и не вполнѣ опредѣленную. По показанію Никиты Муравьева, первоначальною цѣлью учредителей Общества было „введеніе въ Россіи представительнаго правленія“.

Вскорѣ послѣ этого начала одинъ изъ основателей общества, Якушкинъ, перешелъ въ полкъ, находившійся въ Черниговской губерніи, подъ командой полковника Фонъ-Визина (37 егерскій полкъ); вскорѣ полкъ перешелъ въ Москву, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, Якушкинъ принялъ Фонъ-Визина въ члены Общества. Между тѣмъ въ Петербургѣ число членовъ быстро росло. Никита Муравьевъ познакомился съ Пестелемъ и, „найдя въ немъ тѣ же мысли“, сблизилъ его съ Александромъ Муравьевымъ“ [2]). Пестель въ это время былъ адъютантомъ командира перваго корпуса графа Витгенштейна. По словамъ князя Трубецкого, вообще рѣшено было на первыхъ же совѣщаніяхъ усиленно вербовать членовъ и выбирать ихъ „съ качествами душевными и нравственностью твердою“. Вскорѣ въ числѣ членовъ мы видимъ слѣдующихъ лицъ: Николая Новикова, Илью Бибикова, князя Илью Андреевича Долгорукаго, офицеровъ Преображенскаго полка Сергѣя и Ивана Шиповыхъ, офицера Семеновскаго полка князя Ѳедора Петровича Шаховского и Кавалергардскаго полка Льва Перовскаго, Михаила Лунина, затѣмъ князя Павла Петровича Лопухина [3]). Впрочемъ, по показанію Никиты Муравьева, князь Лопухинъ вступилъ въ Общество, принятый Пестелемъ въ качествѣ боярина уже послѣ образованія Союза Спасенія.

---

[1]) Показаніе Якушкина, стр. 2, 20, 19.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, I.

[3]) Показанія кн. Трубецкого; Александръ Муравьевъ, Шиманъ, Воцареніе Николая I, 164.

Въ первое время Общество не имѣло опредѣленной организаціи, хотя зародышъ ея уже намѣчался въ то время; члены его дѣлились на руководителей и руководимыхъ, на знающихъ и не знающихъ истинныхъ цѣлей Общества. Тогда же, вѣроятно, были выработаны и способы дальнѣйшихъ дѣйствій, состоявшіе прежде всего въ томъ, чтобы распространять правильные взгляды на положеніе государства и критиковать правительственную политику. Члены общества не забывали о своемъ намѣреніи составить уставъ Общества. Къ составленію его было приступлено въ концѣ 1816 г. Руководящими членами общества въ то время были Павелъ Ивановичъ Пестель и Никита Муравьевъ. Пестель взялся написать уставъ. По порученію Общества, составленіе устава было возложено на Пестеля, Трубецкого и Долгорукова. Въ качествѣ секретаря этой комиссіи былъ выбранъ князь Шаховской [1]). Повидимому, въ средѣ членовъ общества было несогласіе о характерѣ будущаго устава. Нѣкоторые изъ членовъ, принадлежащіе къ масонству, настаивали на принятіи масонскихъ обрядовъ въ уставѣ Общества. Среди нихъ Пестель, хотя и оставившій около этого времени масонство, былъ, однако, весьма склоненъ воспользоваться нѣкоторыми его обрядами, напр. для вступающихъ членовъ Общества. Но особенно настойчивымъ въ проведеніи масонскихъ обрядовъ былъ Александръ Муравьевъ, который былъ убѣжденнымъ масономъ. Впрочемъ, въ числѣ соображеній Александра Муравьева было и то, что Общество будетъ безопаснѣе, существуя подъ видомъ масонской ложи. Но большинство высказывалось противъ масонскихъ обрядовъ, въ томъ числѣ князь Трубецкой, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Шиповъ и другіе. Въ концѣ-концовъ Александру Муравьеву пришлось уступить, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ убѣдился въ томъ, что „все время засѣданій ложи

---

[1]) Показанія Пестеля, „Былое“, 1906 г., февр.

занято масонскими работами и всякій масонъ имѣетъ право пріѣхать въ ложу".

Названная комиссія принялась за составленіе устава. Трубецкой занялся правилами пріема членовъ и порядкомъ дѣйствій ихъ въ Обществѣ, Пестель—формою пріема и внутреннимъ устройствомъ Общества, Долгоруковъ—указаніемъ цѣли и средствъ для ея достиженія.

Однако Пестель, несомнѣнно, игралъ первенствующую роль. Въ первомъ засѣданіи, занявшемся проектомъ устава, Пестель читалъ вступленіе, въ которомъ говорилось о блаженствѣ Франціи подъ управленіемъ комитета общественной безопасности. Однако всѣ члены возстали противъ такого предисловія, увидя въ поступкѣ Пестеля желаніе по-своему измѣнить уставъ общества [1]).

Въ началѣ января 1817 г., по показанію самого Пестеля, уставъ Тайнаго Общества былъ готовъ и принятъ членами его. Общество получило названіе *Союза Спасенія* или *Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества.* Общество получило строго опредѣленную организацію.

Пріемъ въ члены Общества былъ обставленъ сложными обрядами и присягой. „Статутъ 1-го Общества,—говоритъ авторъ его устава, Пестель, — имѣлъ много клятвъ и формъ, потому что составленъ былъ въ духѣ масонскихъ учрежденій, формъ и клятвъ" [2]). Князь Трубецкой вспоминаетъ о содержаніи присяги, даваемой вступающимъ членомъ Общества: „Присяга была стремиться къ цѣли Общества, хранить обязанности, покоряться рѣшеніямъ Верховнаго Собора бояръ [3]). Въ другомъ мѣстѣ своихъ показаній онъ въ такихъ выраженіяхъ вспоминаетъ объ этой присягѣ: „Чтобъ члены помогали другъ другу по цѣли Общества и чтобъ повиновались Думѣ или буде по какой причинѣ сами приказанія исполнить не могутъ,

---

[1]) Дубровинъ, „Р. Ст.", 1906 г., январь, стр. 19—21.
[2]) „Былое", 1906 г., февраль, 141.
[3]) „Мемуары декабристовъ", 74—75.

то предавали бы его далѣе [1]). Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о присягѣ членовъ, вступающихъ въ Союзъ Спасенія, даетъ Никита Муравьевъ. Каждая степень имѣла свои клятвы. „Обряды пріема долженствовали быть торжественные. Вступающій давалъ клятву сохранить втайнѣ все, что ему скажутъ, если оно не будетъ согласно съ его мнѣніемъ, по вступленіи онъ давалъ другую клятву. Каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою клятву“ [2]).

О способѣ обрядовъ пріема можно судить по разсказу Кропотова въ его книгѣ о графѣ М. Н. Муравьевѣ. „Однажды,—разсказываетъ онъ,—Александръ Муравьевъ явился къ нему (т.-е. къ Михаилу Николаевичу) съ небольшимъ узелкомъ подъ мышкой. Молча развязавъ узелъ, онъ вынулъ изъ него обложенное малиновымъ бархатомъ Евангеліе и крестъ, которые и положилъ на столѣ. Послѣ этихъ приготовленій, за которыми М. Н. Муравьевъ слѣдилъ съ нѣкоторымъ и весьма естественнымъ недоумѣніемъ, Александръ Николаевичъ обратился къ своему брату съ краткою рѣчью объ обязанностяхъ его, какъ члена Тайнаго Общества, произвести клятву въ безусловномъ повиновеніи высшимъ членамъ Союза Спасенія и храненіи тайны. Эта формальность показалась М. Н. Муравьеву весьма подозрительною“. М. Н. Муравьевъ наотрѣзъ отказался отъ выполненія такихъ формальностей. Въ уставѣ предвидѣлось и наказаніе для отступниковъ отъ Общества—ядъ и кинжалъ [3]).

По уставу Союза Спасенія члены его дѣлились на три степени, *братій, мужей и бояръ* [4]). Боярами называли коренныхъ членовъ Общества, т.-е. его основателей. Въ числѣ бояръ были слѣдующія лица: Александръ, Ни-

---

[1]) Показаніе кн. Трубецкого, стр. 16.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, I, 47.

[3]) Кропотовъ, „Жизнь графа М. Н. Муравьева въ связи съ событіями его времени“. Спб., 1874, стр. 201—203.

[4]) „Мемуары декабристовъ“, I, 47.

кита и Матвѣй Муравьевы, Пестель, Трубецкой, Шаховской, Глинка, Новиковъ, Лунинъ [1]). Илья Бибиковъ, В. А. Перовскій и князь Лопухинъ [2]). Мужемъ назывался тотъ, кто зналъ тайну и далъ клятву. Братомъ признавался тотъ, кто далъ „клятвенную обязанность на свою вѣрность, но коему тайна Общества не была открыта“. Была еще младшая степень друзей. „Другомъ,—какъ разсказываетъ Орловъ,—почитался всякій человѣкъ, имѣющій свободный образъ мыслей, знающій или не знающій о существованіи Общества; слѣдственно, другомъ и внесеннымъ на ихъ регистръ могъ быть всякій, кто бы онъ ни былъ, и совершенно безъ вѣдома и согласія“ [3]). Разумѣется, послѣднее замѣчаніе Орлова сдѣлано въ цѣляхъ защиты, такъ какъ Орловъ признавалъ, что онъ былъ только другомъ.

Изъ бояръ ежемѣсячно должны были избираться предсѣдатель Общества, надзиратель (кажется, блюститель и надзиратель одна и та же должность) и секретарь. Эти должностныя лица назывались старѣйшинами. Показанія не совсѣмъ согласны въ томъ, дѣйствительно ли было соблюдаемо избраніе. Но, вѣроятно, послѣднее надо предполагать. Такъ, Пестель показываетъ, что предсѣдателемъ былъ избранъ князь Трубецкой, надзирателями—князь Лопухинъ и Александръ Муравьевъ, а секретаремъ—Никита Муравьевъ. Всѣ трое отрицали это показаніе. Общество находилось подъ высшимъ управленіемъ *Вер-*

---

[1]) Донесеніе Слѣдственной Комиссіи. „Всемірный Вѣстникъ“, 1905 г., мартъ, стр. 73. Въ дальнѣйшемъ всюду донесеніе цитируется по названному изданію.

[2]) О первыхъ двухъ высказываетъ вѣроятную догадку Петръ Бартеневъ въ своемъ изданіи Донесенія въ „Русскомъ Архивѣ“; о послѣднемъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ Никита Муравьевъ. Это тѣ три члена Общества, о которыхъ говоритъ Донесеніе, не называя ихъ фамилій, какъ относительно лицъ, своевременно отпавшихъ отъ Общества и прощенныхъ Николаемъ I.

[3]) „Мемуары декабристовъ“.

ховнаго Собора Боляръ: рѣшеніямъ его должны были покоряться всѣ члены Общества. Названіе боляръ было тайною для другихъ членовъ Общества. Въ случаѣ расширенія дѣятельности Общества предполагалось образовать округи, изъ которыхъ каждый управлялся бы особою Думою, подъ предсѣдательствомъ боярина, уполномоченнаго отъ Верховнаго Собора. Подъ руководствомъ Думъ предполагалось устроить управы изъ братій и мужей. Члены Общества должны были собираться два раза въ мѣсяцъ. Для собраній никакихъ обрядовъ установлено не было. Князь Трубецкой говоритъ о дѣленіи членовъ на три разряда: управляющихъ, имѣвшихъ участіе въ принятіи и новопринятыхъ [1]). Но это, очевидно, поясшительныя опредѣленія тѣхъ же разрядовъ.

Члены Общества обязывались стремиться къ достиженію его цѣлей, исполнять честно свои обязанности [2]).

Цѣль Общества распадалась на дѣ часги. Одна часть ея заключалась въ опредѣленіи общественной дѣятельности, къ которой призывались члены Общества. Другая была чисто политическая.

Общественныя цѣли Союза Спасенія наиболѣе подробно опредѣлены Трубецкимъ. Онъ говоритъ, что цѣлью Союза было прежде всего „подвизаться на пользу общую всѣми силами“, „препятствовать всякому злу“. Мѣрами для такой дѣятельности предполагалось: поддерживать одобреніемъ полезныя предпріятія всякаго рода, предпринимаемыя правительствомъ или даже частными людьми, а по возможности и принимать личное участіе въ этихъ предпріятіяхъ. Противостоять злу предполагалось разглашеніемъ злоупотребленій чиновниковъ по службѣ, а также доведеніемъ до свѣдѣнія членовъ Общества безчестныхъ поступковъ частныхъ людей. Члены

---

[1]) Показаніе кн. Трубецкого, стр. 16.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, I, 75, Донесеніе тамъ же, стр. 73; Дубровинъ, 24—25; Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I, томъ VI, стр. 415.

Общества должны были воздѣйствовать личными совѣтами, если можно предотвратить злоупотребленія. По отношенію къ самому Обществу члены его обязаны были, дѣйствуя въ указанномъ духѣ, пріискивать людей, способныхъ и достойныхъ войти въ составъ Общества. О таковыхъ лицахъ члены заранѣе давали знать Обществу, при чемъ обязаны были удостовѣряться о личныхъ достоинствахъ и доброй нравственности предлагаемыхъ въ члены не по однимъ слухамъ, но по возможности испытывать ихъ. Само собой разумѣется, что сами члены Общества должны были вести себя такъ, чтобы не заслуживать ни малѣйшей укоризны, ни въ своей общественной дѣятельности ни въ своемъ быту. Члены Общества должны быть откровенны другъ съ другомъ: если одинъ членъ замѣтитъ въ другомъ поступокъ, противный духу Общества, то долженъ ему объ этомъ откровенно сказать, и получившій замѣчаніе не долженъ обижаться и обязанъ стараться загладить свой поступокъ.

На бояръ была возложена спеціальная обязанность пополнять число бояръ новыми достойными членами, если число ихъ почему-либо будетъ уменьшаться, дабы Общество не разрушилось. Даже если останется одинъ бояринъ, то онъ обязанъ возстановить Общество [1]).

Разумѣется, такого рода дѣятельность была наиболѣе сподручна лицамъ, состоящимъ на службѣ, такъ какъ въ то время служебная дѣятельность представляла наиболѣе средствъ для пріобрѣтенія матеріала о дѣятельности правительства и для критики его дѣйствій. Вотъ почему, какъ передаетъ Якушкинъ, уставъ даже требовалъ отъ вступающихъ въ Тайное Общество „ни подъ какимъ видомъ не покидать службы, съ тою цѣлью, чтобы со временемъ высшія всѣ служебныя значительныя мѣста по военной и гражданской части были бы въ распоряженіи Тайнаго Общества“ [2]).

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 74.

[2]) „Записки Якушкина“, стр. 10.

Члены Общества очень внимательно относились къ своимъ обязанностямъ. Въ бумагахъ Ѳ. М. Глинки сохранилась очень любопытная записочка, представляющая собою программу его дѣятельности, какъ члена Общества. Вотъ этотъ набросокъ: „Порицать: 1) Аракчеева и Долгорукова; 2) военныя поселенія; 3) рабство и палки; 4) лѣность вельможъ, 5) слѣпую довѣренность къ правителямъ канцелярій (Геттунъ и Анненскій); 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты; 7) крайнюю небрежность полиціи при первоначальныхъ слѣдствіяхъ; желать открытыхъ судовъ". Глинка для себя сдѣлалъ и нѣсколько характеристикъ, очевидно, для памяти того, о чемъ нужно разсказывать въ обществѣ. Такъ о петербургскомъ головѣ Жуковѣ, Глинка записалъ. „Здѣшній городской голова Жуковъ, человѣкъ злого сердца, плохого ума, войдя въ связь съ иностранцами продалъ имъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, своихъ сограждан. Торгуя самъ пенькою, онъ старается прежде и выгоднѣе всѣхъ сбыть собственный товаръ, и на сей то конецъ, останавливая все теченіе промышленности и торговли, дѣлаетъ неслыханныя притѣсненія купечеству, изъ коего бѣднѣйшіе страждутъ наиболѣе. Многіе отъ притязаній его разорились, другіе, разорясь, померли отъ печали, и, словомъ, нѣтъ ни одного честнаго купца, который бы не проклиналъ головы Жукова. Но онъ не только остается не смѣненнымъ и не наказаннымъ, но дѣйствуетъ еще и губитъ людей свободно потому, что состоитъ въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Геттуномъ, платя ему 25 тысячъ въ годъ отъ Думы за право красть у казны или города 400 тысячъ ежегодно и сверхъ того уплачивая также не малую подать за право стѣснять торги и промыслы и обижать купечество. Геттунъ былъ въ полной довѣренности у графа Милорадовича и злоупотреблялъ его именемъ".

Объ упомянутомъ въ замѣткѣ Глинки Анненскомъ записано: „Юристъ-консультъ Анненскій, пользующійся

полною довѣренностію министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго и употребляющій оную въ полной мѣрѣ во зло, не перестаетъ брать взятки, портить дѣла и губить людей. Недавно увидѣлъ я полковника Курота, блѣднаго, разстроеннаго... „Что съ вами сдѣлалось?“—„Злодѣй Анненскій зарѣзалъ—просилъ съ меня тысячу рублей; я, понадѣясь на правоту, не далъ. Онъ обратился къ соперницамъ, взялъ двѣ тысячи и поворотилъ дѣло въ ихъ пользу“ [1]).

Однако эти гражданскія цѣли Общества были лишь одной стороной его дѣятельности. Его уставъ распадался на двѣ части: въ одной говорилось объ общественной дѣятельности членовъ, въ другой—о конечной цѣли: ввести представительный образъ правленія въ Россіи. При самомъ зарожденіи Общества послѣдняя цѣль предвидѣлась лишь въ отдаленномъ будущемъ, потому что члены Общества считали себя еще слишкомъ слабой организаціей; поэтому они рѣшили, на одномъ изъ самыхъ раннихъ совѣщаній у Трубецкого, въ казармахъ Семеновскаго полка, что на первое время, они „должны ограничиться дѣйствіемъ на умы и пріобрѣтеніемъ членовъ, пока Общество усилится“ [2]). Эта же причина побудила членовъ Общества не открывать всѣмъ членамъ Общества конечной цѣли. Она, показывалъ Якушкинъ, „предполагалась быть извѣстной однимъ только членамъ высшей степени, равно какъ и намѣреніе, въ случаѣ смерти царствующаго въ то время императора, не прежде принести присягу наслѣднику, какъ по удостовѣреніи, что въ Россіи единовластіе будетъ ограничено представительствомъ“ [3]). Однако несомнѣнно, что и самый уставъ Общества уже предвидѣлъ измѣненіе формы правленія. О необходимости потребовать отъ

---

[1]) Дубровинъ, „Рус. Стар.“, 1904 г., мартъ, 512.
[2]) Показанія Сергѣя Муравьева. „Общественныя движенія“, стр. 20.
[3]) Показанія Якушкина, стр. 11.

новаго императора конституцію говоритъ Якушкинъ въ позднѣйшихъ своихъ запискахъ, какъ о требованіи устава [1]).

Такъ смотрѣлъ на дѣло и самый видный изъ членовъ Общества — Пестель. „Тайное Общество, — показывалъ Пестель, — было революціонное съ самаго начала своего существованія и во все продолженіе не переставало никогда быть таковымъ. Перемѣны, въ немъ происходившія, касались собственно его устройства и положительнѣйшаго разъясненія его цѣли, которая всегда пребывала революціонная. О ней знали лишь немногіе, а остальнымъ говорилось глухо, что цѣлью образованія Общества есть введеніе новаго порядка въ управленіи. Для достиженія этого рѣшено было употреблять тѣ способы, которые впослѣдствіи будутъ признаны удобными и соразмѣрными со средствами Общества, „но пока отстраненіе иноземцевъ отъ вліянія въ государствѣ“ и освобожденіе крестьянъ было признано неотложно необходимымъ“ [2]).

Союзъ Спасенія быстро увеличивался въ числѣ своихъ членовъ. Такъ, въ него вступили Бурцевъ [3]), М. Ѳ. Орловъ, хотя и въ качествѣ друга [4]). Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ числѣ членовъ, кромѣ ранѣе названныхъ лицъ, Михаила Муравьева, Н. И. Тургенева [5]), Сергѣя и Александра Шиповыхъ, Колошина, Якушкина [6]). Впрочемъ, такъ какъ многіе члены Союза Спасенія впослѣдствіи оставили Общество, то, разумѣется, трудно опредѣлить составъ его.

Благодаря перемѣнамъ въ служебномъ положеніи нѣкоторыхъ членовъ, идея Тайнаго Общества изъ Пе-

---

[1]) „Записки“, стр. 10.
[2]) Дубровинъ, „Рус. Стар.“, 1904 мартъ, стр. 495.
[3]) „Записки Якушкина“, стр. 10.
[4]) „Мемуары декабристовъ“. I.
[5]) Тамъ же.
[6]) Показанія Матвѣя Муравьева.

тербурга распространилась въ другіе центры. Такъ, Пестель сначала по дѣламъ службы уѣхалъ въ Митаву, гдѣ, впрочемъ, онъ ничего не успѣлъ сдѣлать, а потомъ перешелъ въ Тульчинъ, гдѣ сначала служилъ адъютантомъ при штабѣ, а впослѣдствіи командовалъ Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Якушкинъ перешелъ сначала въ полкъ, который стоялъ въ Черниговской губерніи, а потомъ перешелъ въ Москву. Князь Шаховской тоже уѣхалъ изъ Петербурга. Михаилъ Муравьевъ и Петръ Колошинъ были переведены въ Москву, Бурцевъ уѣхалъ въ Тульчинъ [1]). Впослѣдствіи Тульчинъ оказался самымъ важнымъ центромъ Тайнаго Общества.

Обращаясь къ внутренней жизни Союза Спасенія, надо замѣтить, что въ средѣ членовъ его все чаще и чаще возникали вопросы о необходимости активныхъ дѣйствій для достиженія конечной его цѣли. Такъ, по словамъ и Пестеля, Михаилъ Лунинъ еще въ 1816 или въ 1817 г. уже выражалъ намѣреніе, что, когда наступитъ время дѣйствовать, то прежде всего необходимо убить государя, для каковой цѣли нужно будетъ послать на царскосельскую дорогу нѣсколько человѣкъ въ маскахъ. Матвѣй Муравьевъ также свидѣтельствуетъ объ этомъ [2]). Впрочемъ, въ то время это были только разговоры, первыя предположенія, встрѣчавшія рядъ возраженій со стороны другихъ членовъ. Самъ Пестель тогда же возражалъ Лунину, полагая начало революціи только въ отдаленномъ будущемъ и полагая предварительно изготовить планъ будущей конституціи [3]). Всѣ эти извѣстія ясно указываютъ, что въ средѣ членовъ Общества, по крайней мѣрѣ, въ средѣ его основателей, уже зарождались мысли о необходимости активныхъ дѣйствій. Ясно также и то, что въ составѣ членовъ Общества было двѣ

[1]) Дубровинъ, „Р. Ст.“, 1904, № 4, стр. 25—26.
[2]) Показаніе Пестеля, „Былое“, 1906 г., стр. 259.
[3]) „Общественныя движенія“, I, стр. 21.

группы: одна изъ нихъ была склонна къ переходу къ открытымъ дѣйствіямъ, другая была склонна ограничиться одной приготовительною дѣятельностью. Среди послѣднихъ видную роль игралъ Михаилъ Муравьевъ. По показаніямъ его брата Александра, онъ „всегда удалялся или съ омерзеніемъ прекращалъ всякіе преступные разговоры. Онъ всегда держался прямой писанной (въ уставѣ) цѣли Общества, которая была—распространеніе просвѣщенія и добродѣтели, и когда мнѣ случалось увлеченному быть страстью, то онъ всегда приводилъ меня къ порядку“ [1]).

Вообще по разнымъ причинамъ нѣкоторыя стороны устава Союза Спасенія не нравились нѣкоторымъ изъ членовъ Общества. Александръ Муравьевъ не могъ получить прочнаго согласія на вступленіе въ Общество своего брата Михаила, Бурцева и Колошина. По разсказу Никиты Муравьева, названныя лица „не иначе соглашались войти, какъ съ тѣмъ, чтобы сей уставъ, проповѣдающій насиліе и основанный на клятвахъ, былъ отмѣненъ и чтобы Общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣніе“. Со стороны Якушкина, жившаго въ Москвѣ во время составленія устава, тоже встрѣтились возраженія, когда уставъ этотъ былъ полученъ въ Москвѣ. „Особенно вознегодовалъ онъ противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ сей требовалъ отъ первыхъ двухъ степеней къ воли бояръ и отъ самихъ бояръ рѣшенію большинства голосовъ. Онъ показалъ уставъ сей г. Фонъ-Визину, который раздѣлилъ его образъ мыслей“ [2]). По сообщеніямъ Кропотова, который пользовался разсказами Никиты Муравьева, къ числу противниковъ устава принадлежали также князь Долгоруковъ, Лопухинъ и братья Шиповы [3]). Всѣ эти

---

[1]) Показаніе Александра Муравьева, Дубровинъ, „Р. Ст.“, 1904, апрѣль, стр. 26.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, I, 48.

[3]) Жизнь гр. Муравьева, стр. 211.

обстоятельства подготовляли условія для измѣненія устава Союза Спасенія.

Къ этой мысли пришли члены Союза Спасенія, когда собрались въ Москвѣ. Въ сентябрѣ 1818 года гвардія вмѣстѣ съ дворомъ прибыла въ Москву по случаю торжественной закладки храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ и оставалась тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдующаго года. Съ гвардіею прибыли и петербургскіе члены Общества. Такимъ образомъ въ Москвѣ собрались: Никита и Александръ Муравьевы, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы, Глинка, оба Фонъ-Визины, Михаилъ Муравьевъ, Колошинъ, Бурцевъ, князь Шаховской, Якушкинъ, Лунинъ [1]).

Разговоры объ уставѣ готовы были привести членовъ Общества къ разъединенію. Въ это время въ руки Михаила Муравьева попалъ уставъ нѣмецкаго Тугендъ-Бунда, доставленный княземъ Лопухинымъ. Колошинъ перевелъ этотъ уставъ на русскій языкъ. Михаилъ Муравьевъ въ одномъ изъ засѣданій предложилъ его взамѣнъ Союза Спасенія. „Уставъ сей весьма понравился Михайлѣ Муравьеву, Фонъ-Визину и Якушкину, которые настаивали, чтобы оный приключить къ состоянію Россіи и народному характеру, на что другіе члены не соглашались такъ, что Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ оставили Общество“ [2]). Однако послѣ долгихъ споровъ уставъ Тугендъ-Бунда былъ принятъ Обществомъ. Новое Общество получило названіе *Союза Благоденствія*, или *Зеленой Книги* по цвѣту переплета, въ которомъ былъ уставъ.

Относительно составленія устава надо отмѣтить слѣдующее. Донесеніе Слѣдственной Комиссіи называетъ авторами устава Александра и Михаила Муравьевыхъ, Трубецкого и Колошина [3]). Никита Муравьевъ въ своемъ

---

[1]) Кропотовъ, стр. 212.

[2]) Показанія Никиты Муравьева. „Мемуары декабристовъ“, I, 48.

[3]) „Вс. Вѣсти.“, № 3. Стр. 76.

показаніи говоритъ, что редакція устава была поручена ему, князю Трубецкому и Михаилу Муравьеву. „Но такъ какъ,—прибавляетъ онъ,—моя часть не отвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать“ [1]). Вѣроятно, донесеніе ошибочно приписываетъ Александру Муравьеву участіе въ редакціи устава. Кропотовъ, на основаніи своихъ свѣдѣній, сообщаетъ, что Михаилъ Муравьевъ перевелъ изъ нѣмецкаго устава двѣ главы, остальное перевелъ Колошинъ [2]). Вообще, несомнѣнно, Михаилъ Муравьевъ, какъ иниціаторъ новаго устава, игралъ наиболѣе видную роль въ его редактированіи, опираясь на помощь преданнаго ему Колошина. Вотъ почему неудивительно, что Михаила Муравьева и Колошина впослѣдствіи часто признавали авторами устава Союза Благоденствія. Надо замѣтить, что Муравьевъ въ то время держался такого лояльнаго образа мыслей, что даже предлагалъ своимъ сочленамъ представить уставъ Союза Благоденствія на утвержденіе императора Александра I, но не получилъ на это согласія [3]).

Такъ составилось *Общество Союза Благоденствія*. Такъ какъ совмѣстное пребываніе членовъ Общества въ Москвѣ продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то дѣятельность членовъ за это время сопровождалась нѣсколькими эпизодами, характеризующими ихъ настроеніе.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ несогласія, возникшаго въ самомъ началѣ собраній въ Москвѣ, Александръ Муравьевъ тогда же учредилъ въ Москвѣ особое *Военное Общество*, которое было довольно многочисленно и раздѣлялось на двѣ управы [4]). Это Общество было, впрочемъ, очень близко къ направленію Союза Спасенія.

---

[1]) „Мемуары“, I, 49.
[2]) Жизнь гр. Муравьева, стр. 216.
[3]) Кропотовъ, стр. 216.
[4]) Показанія Никиты Муравьева. „Мемуары“, I, 49.

„На собраніяхъ Военнаго Общества, — разсказываетъ Якушкинъ, — члены сходились для того, чтобы познакомиться и сблизиться другъ съ другомъ; всякій говорилъ свободно о предметахъ, занимавшихъ всѣхъ и каждаго“ [1]). Якушкинъ вспоминаетъ въ своихъ показаніяхъ, что, кромѣ членовъ Союза Спасенія, въ Военномъ Обществѣ бывали еще оба Перовскіе, капитанъ Преображенскаго полка Катенинъ и князь Ѳедоръ Шаховской [2]). Названное Военное Общество, очевидно, было основано по тому же типу филіальныхъ обществъ, которыя впослѣдствіи примыкали къ Союзу Благоденствія. Дѣйствительно, существованіе Военнаго Общества было кратковременное, и члены его большею частью перешли въ составъ членовъ Союза Благоденствія [3]).

Въ тотъ же періодъ жизни Общества въ средѣ наиболѣе радикальныхъ его членовъ снова начали возникать мысли о необходимости немедленныхъ активныхъ дѣйствій. Сохранилось довольно неясное извѣстіе о томъ, что Артамонъ Муравьевъ около этого мнѣнія предлагалъ Александру и Никитѣ Муравьевымъ сдѣлать покушеніе на жизнь государя [4]).

Впрочемъ, настроеніе собравшихся въ Москвѣ членовъ наилучшимъ образомъ выясняется изъ извѣстнаго эпизода съ Якушкинымъ, рѣшившимся на цареубійство.

Князь Трубецкой, пріѣхавшій позже другихъ въ Москву, писалъ Александру Муравьеву, въ октябрѣ 1817 года, о петербургскихъ слухахъ объ отношеніяхъ Александра I къ Польшѣ. Въ памяти Никиты Муравьева это письмо сохранилось въ такой формѣ: „Государь императоръ рѣшился отдѣлить польскія губерніи отъ Россіи и, зная, что таковое предпріятіе не можетъ исполниться безъ сопротивленія, ѣдетъ со всею цар-

---

[1]) Записки, стр. 24.

[2]) Показанія Якушкина, стр. 19.

[3]) Якушкинъ, стр. 25; Показанія Никиты Муравьева, „Мемуары“, I, 49.

[4]) Донесеніе „Всемірный Вѣстникъ“, 1906 года, мартъ, 76.

ствующею фамиліей въ Варшаву, изъ коей издаетъ манифестъ о вольности крѣпостныхъ людей и крестьянъ, что тогда народъ примется за оружіе противъ дворянъ и во время сего всеобщаго смятенія польскія губерніи будутъ присоединены къ новому царству“ [1]). Якушкинъ, приводя также по памяти содержаніе письма, передаетъ, очевидно, тѣ сужденія, которыя были высказаны членами по поводу его содержанія. Очевидно, сообщаемыя княземъ Трубецкимъ извѣстія казались мало вѣроятными, но послѣ нѣкотораго обсужденія они нашли въ немъ ничего невозможнаго при тогдашнемъ порядкѣ вещей. Разсказъ Якушкина любопытенъ для характеристики настроенія членовъ общества. „Во-первыхъ, — пишетъ онъ, — царь влюбленъ въ Польшу, и это было всѣмъ извѣстно; на Польшу, которой онъ только что далъ конституцію и которую почиталъ несравненно образованнѣе Россіи, онъ смотрѣлъ, какъ на часть Европы, во-вторыхъ, что онъ ненавидитъ Россію, и это было, вѣроятно, послѣ всѣхъ его дѣйствій въ Россіи съ 15 г. Въ-третьихъ, что онъ намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить ихъ къ Польшѣ, и это было, вѣроятно, наконецъ, что онъ, ненавидя и презирая Россію, намѣренъ перенести столицу свою въ Варшаву. Это могло показаться невѣроятнымъ, но послѣ всего невѣроятнаго, совершаемаго русскимъ царемъ въ Россіи, можно было повѣрить и послѣднему извѣстію, особенно при нашемъ на эту минуту раздраженномъ воображеніи“ [2]).

Такъ говоритъ Якушкинъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ. На слѣдствіи онъ далъ показаніе, передающее содержаніе письма Трубецкого въ томъ же смыслѣ. Вотъ разсказъ самого Якушкина.

„Въ 1817 году, кажется, въ октябрѣ мѣсяцѣ, котораго числа не припомню, но прежде прибытія покойнаго

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, I, 49.

[2]) Записки, стр. 14.

государя императора въ Москву, былъ я вмѣстѣ съ другими сочленами приглашенъ на особенное совѣщаніе, назначенное по случаю чрезвычайныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Петербурга. На семъ совѣщаніи одинъ изъ членовъ сообщилъ другимъ письмо, содержаніе котораго до сихъ поръ со всѣмъ моимъ стараніемъ точно припомнить я не могъ, но вообще, если не ошибаюсь, то оно заключало въ себѣ извѣщеніе, что будто бы покойный государь императоръ, давъ конституцію Польшѣ, учредивъ отдѣльный Литовскій Корпусъ, присоединя польско-россійскія губерніи къ Царству Польскому, старается симъ привлечь къ себѣ привязанность поляковъ, дабы имѣть въ нихъ вѣрную опору, въ случаѣ сопротивленія въ Россіи угнетеніямъ, угрожающимъ ей при учрежденіи военныхъ поселеній и проч. Излагая содержаніе упомянутаго письма, я можетъ-быть и ошибаюсь; но увѣренъ, вопреки единогласнаго показанія всѣхъ бывшихъ моихъ сочленовъ, что въ это время отъ князя Трубецкого никакого письма я не получалъ, что письмо, читанное на совѣщаніи, было послано не ко мнѣ, но я его читалъ. По выслушаніи читаннаго письма, представляющаго Россію въ самомъ гибельномъ положеніи, я спросилъ у присутствующихъ на совѣщаніи членовъ, точно ли они убѣждены въ справедливости полученныхъ извѣщеній, и по увѣреніи, что они нисколько не сомнѣваются въ достовѣрности оныхъ, равно какъ и въ томъ, что для Россіи не можетъ быть ничего несчастнѣе, какъ остаться управляемой покойнымъ государемъ, объявилъ я имъ, что въ такомъ случаѣ я готовъ пожертвовать собой, дабы спасти Россію отъ погибели и рѣшаюсь покушаться на жизнь покойнаго государя императора. Присутствующіе на совѣщаніи члены предложили мнѣ раздѣлить со мной опасность предпріятія и предоставить жребію назначить того, кто долженъ совершить оное; но я отвергъ ихъ участіе, не желая никого изъ нихъ подвергнуть опасности предложеннаго мною предпріятія“.

Авторъ письма, кн. Трубецкой, на слѣдствіи далъ показаніе, въ которомъ сначала отрицалъ возможность подобнаго содержанія письма; подобнаго рода слуховъ онъ тогда не зналъ, напротивъ, были благопріятные слухи о желаніи государя освободить крестьянъ. Но затѣмъ, ссылаясь на запамятованіе, кн. Трубецкой заявляетъ: „Впрочемъ, показаніе читавшихъ письмо мое должно быть предпочтено моему, но я никакъ не помню, чтобъ сіе писалъ. Я могу только утвердительно сказать, что я не съ инымъ намѣреніемъ писалъ означенное письмо, какъ единственно съ тѣмъ, что желалъ, чтобъ почитаемое мною тогда истиннымъ намѣреніе государя императора отдѣлить россійско-польскія провинціи къ Царству Польскому сдѣлалось извѣстнымъ, ибо сколько замѣчено было, то блаженной памяти государь императоръ обыкновенно не приводилъ въ дѣйство того, о чемъ много говорили и о чемъ предполагали, что будетъ сдѣлано его величествомъ“. Въ другомъ своемъ показаніи кн. Трубецкой прибавляетъ, что самъ онъ узналъ сообщенныя имъ тогда новости отъ флигель-адъютанта князя Лопухина и тогда же онъ полагалъ, что о мѣрахъ относительно Царства Польскаго будетъ объявлено на первомъ Варшавскомъ сеймѣ [1]).

Сообщенныя въ письмѣ извѣстія показались собесѣдникамъ вѣроятными. Тогда въ квартирѣ Муравьева, кромѣ Якушкина, были Сергѣй Муравьевъ, Никита Муравьевъ, кн. Ѳедоръ Шаховской, Матвѣй Муравьевъ и Михаилъ Фонъ-Визинъ. Одинъ Фонъ-Визинъ считалъ рѣшеніе Якушкина „сумасшествіемъ“. Но Якушкинъ настаивалъ на своемъ. „Я вижу, — говорилъ онъ, — что судьба избрала меня жертвою. Я убью царя и послѣ застрѣлюсь; убійца не долженъ жить“.

Повидимому, къ этому моменту относится извѣстіе о предложеніи кн. Ѳедора Шаховского. Горячо поддержи-

[1]) Показаніе кн. Трубецкого отъ 11 января 1826 г., стр. 56 — 57 и стр. 58.

вая мысль о цареубійствѣ, онъ предлагалъ его совершить, когда Семеновскій полкъ будетъ занимать караулъ во дворцѣ. Надо замѣтить, что кн. Шаховской тогда былъ очень рѣшительно настроенъ, такъ что Сергѣй Муравьевъ называлъ его le tigre. Впрочемъ, женившись, кн. Шаховской вскорѣ совсѣмъ оставилъ Общество.

Предложеніе Якушкина подвергалось обсужденію еще на слѣдующій день. Къ скептицизму Фонъ-Визина присоединился и Сергѣй Муравьевъ, но, повидимому, по чисто принципіальнымъ соображеніямъ. Онъ написалъ письмо, въ которомъ не соглашался съ замысломъ Якушкина. Это письмо было прочитано въ собраніи Матвѣемъ Муравьевымъ, такъ какъ его братъ не могъ быть по болѣзни [1]). Спокойно обсудивъ сообщеніе кн. Трубецкого, нѣкоторые изъ членовъ стали высказывать сомнѣніе въ вѣроятности его. Поэтому Якушкину предлагали отложить его намѣреніе. „На совѣщаніи, — показываетъ Якушкинъ, — всѣ члены единогласно объявили мнѣ, что полученныя изъ Петербурга извѣщенія кажутся имъ совершенно невѣроятными, и потому они убѣждаютъ меня оставить отчаянное мое намѣреніе“. Во всякомъ случаѣ рѣшено подождать пріѣзда Трубецкого изъ Москвы. Дѣйствительно, послѣдній вскорѣ пріѣхалъ и не могъ представить никакихъ положительныхъ доказательствъ рѣшимости императора. Петербургскіе слухи, сообщенные ему кн. Лопухинымъ, были весьма мутны. Якушкинъ, видя малодушіе своихъ сотоварищей, отказался отъ своего намѣренія и вышелъ изъ состава Общества. „Я согласился на ихъ предложеніе, — показывалъ онъ на слѣдствіи, — но вмѣстѣ съ симъ объявилъ имъ, что сообщество ихъ или подвергло меня малодушію отказаться отъ

---

[1]) Показанія Матвѣя Муравьева.

[2]) Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола, стр. 92, и показаніе Сергѣя Муравьева.

исполненія того, что ими же признано было единственнымъ средствомъ спасти Россію, или въ противномъ случаѣ увлекло меня къ намѣренію, исполненіе котораго не только было бы вредно, но совершенно пагубно для Россіи, почему я и поставляю себѣ долгомъ отказаться отъ всякаго сношенія съ ними, какъ съ членами Тайнаго Общества, и къ оному болѣе не принадлежать". Такъ закончился этотъ инцидентъ. Прибавимъ еще, что на вопросъ Комиссіи о способахъ цареубійства, предположенныхъ Якушкинымъ, онъ показалъ на слѣдствіи: „Какимъ образомъ хотѣлъ я совершить убійство, я не знаю и, сколько могу припомнить, никогда не зналъ, ибо не имѣлъ довольно времени, чтобъ сіе обдумать, но во всякомъ случаѣ предполагалъ, по совершеніи онаго, убить себя" [1]).

При такихъ условіяхъ вырабатывался въ Москвѣ уставъ Союза Благоденствія. Легко замѣтить, что въ составѣ его членовъ основателей были лица, стремившіяся къ медленному дѣйствію. Но ихъ было немного. Преобладали члены, склонные къ медленному воздѣйствію на общество и правительство, готовые даже итти въ союзѣ съ правительствомъ. Оттого и уставъ Союза Благоденствія представляетъ собою компромиссъ: первая часть его устава, дошедшая до насъ, рисуетъ Союзъ, какъ филантропическое и общественное учрежденіе. Напротивъ, не дошедшая до насъ вторая часть устава, впрочемъ и не утвержденная собраніемъ всѣхъ членовъ, имѣла своей цѣлью превратить Союзъ Благоденствія въ Общество съ политическими цѣлями.

---

[1]) Показанія Якушкина, стр. 13.

II.

Уставъ Союза Благоденствія.

Прежде, чѣмъ приступить къ знакомству съ уставомъ Союза Благоденствія, мы познакомимся съ тѣми характеристиками его, которыя оставили намъ его члены. Эти характеристики, сдѣланныя по памяти, иногда много лѣтъ спустя послѣ прочтенія устава, интересны потому, что даютъ намъ представленіе о томъ впечатлѣніи, какое производили цѣли устава на принявшихъ его. Къ требованіямъ устава многіе относились серьезно и въ душѣ каждаго отражались тѣ черты его, которыя наиболѣе соотвѣтствовали настроенію даннаго лица. Эти характеристики также объясняютъ намъ причины, вслѣдствіе которыхъ Союзъ Благоденствія имѣлъ столь широкое распространеніе.

„Союзъ сей,—говоритъ Никита Муравьевъ,—который обнималъ всѣ отрасли человѣческихъ занятій, увеличился весьма скоро потому, что правила, изложенныя въ его уставѣ, были основаны на правилахъ чистѣйшей нравственности и дѣятельной любви къ человѣчеству. Многіе члены предлагали поднести его правительству и испросить отъ онаго утвержденія. Но оный не могъ существовать по множеству занятій и трудовъ, которыхъ онъ требовалъ отъ каждаго члена“ [1]). По впечатлѣнію М. Ѳ. Орлова уставъ, который онъ читалъ только одинъ разъ, и составъ его членовъ произвели на него такое впечатлѣніе: „Онъ (т.-е. уставъ) заключалъ въ себѣ много филантропическихъ мыслей такихъ, какихъ можно найти во всякой книгѣ, и былъ почти весь выписанъ изъ устава Тугендъ-Бунда. Члены сего Общества были всѣ свободомыслящіе молодые люди, старающіеся рас-

[1]) „Мемуары декабристовъ“, I, 49.

пространять свои теоріи, но едва ли имѣющіе какую-нибудь мысль о переворотѣ. Они были болѣе нѣмецкіе идеологи, чѣмъ французскіе якобинцы. Изысканіе средствъ для освобожденія крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о Россіи, народное образованіе, изученіе конституціональнаго права всѣхъ другихъ народовъ составляли ихъ занятія. Противодѣйствія правительству, кажется, не было, ибо правительство само шло тогда почти тою же дорогою. По крайней мѣрѣ, я, отдаленный отъ круга дѣйствія, такъ могъ понимать сіе Общество. [1]). Не забудемъ, что эта сдержанная характеристика дана человѣкомъ на слѣдствіи, и притомъ такимъ членомъ Общества, который всячески въ своемъ показаніи старался ослабить значеніе и цѣли Тайнаго Общества. Полковникъ Комаровъ, тоже оставившій Общество и на слѣдствіи выказывавшій весьма враждебное къ нему отношеніе, характеризуетъ однако цѣль Союза Благоденствія въ слѣдующихъ чертахъ: „Въ ней неприкосновенна была ни господствующая вѣра ни главныя обязанности въ отношеніи государя и государства; даже вмѣнялось въ долгъ раскрывать всякаго рода злоупотребленія властей равно военныхъ, какъ и гражданскихъ и доносить объ нихъ, сохранять нравственность въ высочайшей степени, не нарушая существующаго порядка въ правленіи, предлагать, однакоже, лучшія замѣчанія, а главное, чтобъ распространять кротость обращенія въ войскахъ съ офицерами и солдатами, крѣпостными людьми и поселянами, и на образованіе нравственное“ [2]).

Не менѣе любопытенъ еще и отзывъ Н. И. Тургенева, также весьма скептически относившагося къ уставу Союза Благоденствія: „За нѣсколько предъ симъ лѣтъ (думаю въ 1819 или 1820 году) мнѣ принесли

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, I, 4—5.
[2]) „Мемуары декабристовъ“, I, 29.

уставъ Общества или это была такъ называемая „Зеленая Книга“. Я пробѣжалъ (въ точномъ смыслѣ сего слова) эту книжку. Сколько могу теперь вспомнить (ибо съ тѣхъ поръ я никогда этой книги въ рукахъ не имѣлъ), въ семъ уставѣ излагались нѣкоторыя правила относительно учрежденія училищъ, благодѣянія и т. п. Далѣе помню только, что эту книжку у меня взяли назадъ. По правиламъ сего устава надлежало принадлежать къ одному изъ отдѣленій Общества, по части училищъ и благодѣяній. Но я не избралъ для себя никакой части, и дѣло кончилось для меня прочтеніемъ „Зеленой Книги“. Въ то же время я слышалъ, что эта книга была показываема многимъ, которые такъ же, какъ и я, не находили въ ней ничего предосудительнаго“ [1]).

Высокія гражданскія обязанности, по словамъ князя Оболенскаго, издагались вновь принимаемымъ членамъ въ слѣдующихъ чертахъ: „1) Въ поддержаніи всѣхъ тѣхъ мѣръ правительства, отъ которыхъ возможно ожидать хорошихъ послѣдствій для благосостоянія государства. 2) Въ осужденіи всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя будутъ несоотвѣтствующими этой цѣли. 3) Въ преслѣдованіи всѣхъ чиновниковъ отъ самыхъ высшихъ до низшихъ за злоупотребленіе по должности и за несправедливости. 4) Въ исправленіи, по силѣ каждаго члена, всѣхъ несправедливостей и защитѣ потерпѣвшихъ. 5) Въ разглашеніи всѣхъ благородныхъ и полезныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ и гражданъ. 6) Въ распространеніи убѣжденія о необходимости освобожденія крестьянъ, при чемъ каждый членъ Общества принималъ на себя обязанность освободить крестьянъ, когда они поступятъ къ нему во владѣніе. 7) Въ пріобрѣтеніи и распространеніи свѣдѣній по части государственнаго устройства, законодательства, судопроизводства и проч.

---

[1]) „Р. Ст.“, В. А. Жуковскій и братья Тургеневы, стр. 51—52.

8) Въ распространеніи чувства любви къ отечеству и ненависти къ несправедливости и угнетенію. 9) Занятіе должностей въ гражданскомъ вѣдомствѣ, съ цѣлью исполненія не только принятыхъ на себя обязанностей, но уничтоженія лихоимства и другихъ злоупотребленій постепеннымъ улучшеніемъ нравственности среди товарищей и подчиненныхъ и распространеніемъ просвѣщенія“ [1]).

Князь Волконскій на слѣдствіи въ такихъ словахъ характеризуетъ задачи Союза Благоденствія: „Лично былъ я знакомъ только съ Фонъ-Визиномъ, а по его разговорамъ, со мною бывшимъ, судилъ, что главная цѣль Общества—принятіе мѣръ къ прекращенію рабства крестьянъ въ Россіи, произведеннаго безъ всякаго потрясенія и съ соблюденіемъ обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ, къ чему я готовъ былъ участвовать. По вступленіи узналъ я, что цѣлью Общества—приготовлять сочленовъ: въ служеніи по гражданской службѣ искоренять вкравшіяся злоупотребленія, въ военной же—введеніемъ не жестокаго обращенія съ нижними чинами и охраненія собственности ихъ отъ расхищеній, также учрежденія искренней дружбы между сочленами. Вотъ могу сказать съ чистосердечіемъ, что побудило меня вступить въ Союзъ Благоденствія“ [2]).

Познакомимся еще съ нѣкоторыми отзывами декабристовъ о цѣляхъ Союза Благоденствія. Якушкинъ утверждаетъ, что цѣль Союза Благоденствія приближалась къ той, которую Общество поставило себѣ съ самаго начала: „Сближеніе дворянства съ мыслью освободить крѣпостныхъ людей, образованіе сихъ послѣднихъ и вообще людей низшаго состоянія распространеніемъ

[1]) Показанія князя Оболенскаго, Дубровинъ, „Рус. Стар.“, 1904 г., май, 252.

[2]) Показанія князя Волконскаго.

школъ и, наконецъ, образованіе общаго мнѣнія, обративъ вниманіе всѣхъ къ пользѣ общественной“ [1]). По опредѣленію Семенова, секретаря Коренного Совѣта Союза, „цѣль Союза Благоденствія, которая была извѣстна всѣмъ членамъ при вступленіи въ Общество и въ подробности изложена въ 4 § устава, состояла: a) въ уничтоженіи крѣпостного состоянія крестьянъ; b) въ улучшеніи нравственности народной и c) во введеніи въ государствѣ всего полезнаго“ [2]).

Такъ говорятъ о цѣляхъ Союза наиболѣе видные члены Тайнаго Общества. Въ столь же симпатичныхъ чертахъ характеризуютъ цѣли Союза и члены, имѣвшіе къ нему довольно отдаленное отношеніе. Подполковникъ Миклашевскій такъ опредѣляетъ цѣли Союза, какъ онѣ ему представлялись: „Стараться о распространеніи просвѣщенія вообще и въ особенности между нижнимъ классомъ народа, дабы тѣмъ самымъ довести его со временемъ до того состоянія, въ которомъ онъ могъ бы пользоваться свободою, подобно той, какова въ Остзейскихъ нашихъ провинціяхъ самимъ правительствомъ установлена“ [3]). По словамъ капитана графа Мусина-Пушкина, цѣлью Союза Благоденствія было: „Стараться елико возможно искоренить все злоупотребленіе чиновниковъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія, способствовать къ лучшему образованію всѣхъ сословій и къ пріобрѣтенію крестьянамъ свободы, споспѣшествовать къ лучшему воспитанію юношества, имѣть въ виду улучшеніе торговли и промышленности и, наконецъ стараться такимъ образомъ поставить отечество въ цвѣтущее положеніе на ряду съ прочими европейскими государствами и тѣмъ заслужить право воспользоваться выгодами, которыя обѣщаны были даровать

---

[1]) Показаніе Якушкина, стр. 11.

[2]) Показаніе Семенова, стр. 39.

[3]) Показаніе подполковника Егерскаго полка Миклашевскаго, стр. 75 об.

Россіи покойнымъ ея въ бозѣ почившимъ императоромъ при открытіи перваго сейма въ Варшавѣ. Средства же, которыми предполагало дѣйствовать Общество, сколь мнѣ извѣстно, были: умноженіемъ числа членовъ онаго и доставленіемъ имъ мѣстъ значительнѣйшихъ въ государственномъ управленіи“ [1]). Даже такіе бывшіе члены Союза Благоденствія, которые на судѣ готовы были всячески раскаиваться даже въ своей принадлежности къ Союзу, не могли отказать ему въ признаніи высокой нравственности его задачи. „Я принадлежалъ къ отрасли правосудія,—показываетъ о себѣ титулярный совѣтникъ Горсткинъ, — которая предписывала мнѣ разыскивать злоупотребленія разнаго рода, стараясь выставлять ихъ на видъ начальства, дурныхъ, пустыхъ людей всячески унижать, пускать ихъ въ огласку при всякомъ случаѣ, хорошихъ же превозносить, дабы чрезъ то сколько можно способствовать къ установленію общаго мнѣнія въ Россіи. Наблюдать, гдѣ случится быть, чтобы помѣщики крестьянъ своихъ не мучили, о таковыхъ также доводить до свѣдѣнія начальства“ [2]).

Александръ Муравьевъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ въ такихъ чертахъ передаетъ задачи Союза: 1) освобожденіе крестьянъ, 2) равенство гражданъ передъ законами, 3) публичность государственныхъ дѣйствій, 4) публичность суда, 5) уничтоженіе винной монополіи, 6) уничтоженіе военныхъ поселеній, 7) улучшеніе положенія солдатъ, 8) уменьшеніе срока ихъ службы, 9) улучшеніе положенія православнаго духовенства, 10) уменьшеніе арміи въ мирное время [3]). Это требованія не устава, но духа Общества, его направленія.

Даже впослѣдствіи члены Союза Благоденствія характеризовали его уставъ какъ такой, который удовлетво-

---

[1]) Показаніе графа Мусина-Пушкина, стр. 26.

[2]) Показаніе Горсткина, стр. 6.

[3]) Шильдеръ, Восшествіе на престолъ Николая I, Берл., 1906 г., 165.

рялъ высшимъ гражданскимъ чувствамъ. По словамъ князя Оболенскаго, молодые люди искали выхода своимъ гражданскимъ стремленіямъ. Такой исходъ они находили въ дѣятельности въ качествѣ членовъ Союза Благоденствія. Этотъ союзъ удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. „Трудно было устоять противъ обаяній Союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ направленіе современнаго общества посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разъясненію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой виднѣлась окончательная цѣль—политическое преобразованіе общества, когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ, и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа [1]).

Но надо помнить, что приведенныя характеристики отражаютъ на себѣ впечатлѣнія первой части устава Союза Благоденствія. Эта часть, какъ увидимъ, преслѣдовала лишь одинъ нравственно общественныя задачи и была далека отъ революціонной и вообще противоправительственной задачи. Но легко догадаться, что основное ядро членовъ Союза Спасенія, перелившись въ Союзъ Благоденствія, не могло отказаться отъ той конечной цѣли, которую преслѣдовало первое Общество. Уже изъ

---

[1]) „Общественныя движенія“, I, Воспоминанія князя Оболенскаго, стр. 234.

уставѣ Союза Спасенія было раздвоеніе цѣлей на общественныя и политическія. То же было и въ Обществѣ Союза Благоденствія. Основные члены Союза продолжали лелѣять мысль о подготовкѣ своей организаціи къ политической дѣятельности. Князь Трубецкой довольно осторожно говоритъ объ этомъ: „Главная мысль составлявшихъ Общество членовъ была, что блаженной памяти государю императору угодно было дать Россіи конституцію, подобно какъ его величество дать изволилъ въ Царствѣ Польскомъ, и что первою мѣрою къ сему должно служить освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостности помѣщикамъ. О послѣднемъ тогда очень много говорили московскіе жители, мнѣніе сіе основывалось на рѣчи государя императора, произнесенной на первомъ открытіи Польскаго Сейма, и потомъ на мѣрахъ, принятыхъ касательно крестьянъ нѣмецкихъ губерній. Члены Общества должны были истолковывать незнающимъ, что такое конституціонное правленіе, и изъяснять необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія“ [1]). Но эта цѣль была извѣстна немногимъ, только основателямъ. Они исходили изъ той мысли, что предварительно необходима продолжительная подготовка общества. „Сокровенной цѣлью,—показывалъ Семеновъ,—извѣстной вначалѣ только главнымъ членамъ и которую впослѣдствіи проникли и прочіе члены, было представительное правленіе. Для достиженія сей двоякой цѣли необходимыми средствами признаваемо было: умножить сколько можно болѣе число членовъ, усилить просвѣщеніе, распространить политическія понятія и овладѣть мнѣніемъ общественнымъ“ [2]).

Итакъ, политическая цѣль, положенная въ основу перваго Общества, продолжала существовать и по превращеніи его въ Союзъ Благоденствія. Пестель, вообще дѣйство-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 77.

[2]) Показаніе Семенова, стр. 39.

вавшій исключительно въ видахъ политическихъ, прямо заявлялъ, что „содержаніе Зеленой Книги Союза Благоденствія, было не что иное, какъ пустой отводъ отъ настоящей цѣли на случай открытія Общества и для показанія вступающимъ“ [1]). Но эта характеристика принадлежитъ наиболѣе радикальному члену Общества. Другіе его сотоварищи были болѣе убѣждены въ необходимости медленнаго подготовительнаго дѣйствія. Всѣ признавали необходимость стремиться къ конечной цѣли, но расходились въ способахъ ея осуществленія. Это признаетъ и самъ Пестель и заявляетъ, что для осуществленія политическихъ цѣлей первоначально въ Обществѣ не было рѣшено ничего положительно. Въ Обществѣ происходили частыя пренія по этимъ вопросамъ, сдѣлано было много плановъ и проектовъ, но къ общему рѣшенію члены не приходили и въ общемъ сходились лишь въ одномъ, что необходимо предварительно усилить Общество. Самъ Пестель тогда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что необходимо прежде всего расширить идеи Союза по всему государству, чтобы подготовить общество къ принятію конституціи: тогда революція, произведенная въ Петербургѣ, не встрѣтитъ сопротивленія въ провинціи. У Пестеля тогда уже созрѣлъ опредѣленный планъ. Но, повидимому, онъ не находилъ достаточной поддержки въ остальныхъ членахъ Коренной Управы. Пестель тогда же настаивалъ на томъ, чтобы Общество вполнѣ опредѣленно высказалось о той формѣ правленія, какую оно предпочитаетъ: на случай революціи Пестель опасался междоусобной борьбы. Нѣкотораго успѣха Пестель добился только въ 1820 году, когда былъ выясненъ основной политическій принципъ Общества [2]). Но взгляды Пестеля, высказанные имъ въ его показаніяхъ, въ сильной мѣрѣ являются выраженіемъ его собственныхъ мыслей и мыслей Нови-

[1]) Дубровинъ, „Р. Ст.“, 1904 г., май, стр. 252.
[2]) „Былое“, 1906 г., мартъ, 211.

кова, наиболѣе радикальныхъ членовъ. Изъ всего того, что извѣстно о политическихъ задачахъ Союза Благоденствія, при самомъ его зарожденіи, можно прійти къ тому несомнѣнному убѣжденію, что члены, основатели Общества, ставя своею конечною цѣлью введеніе конституціи, признавая необходимость подготовки къ ней широкихъ слоевъ общества, не могли сговориться въ отношеніи плана преобразованія и организаціи Общества для цѣлей политическихъ.

Это разногласіе выразилось въ томъ, что члены Общества не могли прійти къ окончательному рѣшенію относительно 2-й части устава Зеленой Книги, которая должна была опредѣлять политическую физіономію Общества. Нѣкоторые изъ декабристовъ на слѣдствіи категорически утверждали, что 2-я часть Зеленой Книги никогда не была написана [1]). Но не была составлена 2-я часть, которая была бы признана Кореннымъ Совѣтомъ. Однако проекты этой части были. Одинъ изъ нихъ былъ въ рукахъ Александра Муравьева. Александръ Муравьевъ вообще былъ очень остороженъ на слѣдствіи, ничего положительнаго онъ не показывалъ, и все дѣло старался представить въ довольно невинномъ свѣтѣ. Однако въ этомъ пунктѣ онъ, вѣроятно, не разсчитывая скрыть обстоятельства или предполагая извѣстнымъ правительству содержаніе 2-й части, счелъ необходимымъ выяснить свое къ ней отношеніе: „Вторая часть Зеленой Книги,—пишетъ онъ,—сочинена была въ Москвѣ на весьма отдаленный случай умноженія Общества. Подлиннаго экземпляра не было и быть не могло, потому что она не была утверждена и даже не всѣмъ извѣстно ея содержаніе. Черновой экземпляръ былъ у князя Сергѣя Трубецкого; моего содѣйствія въ написаніи оной совсѣмъ не было. О сей второй части я не упомянулъ въ первомъ моемъ показаніи, потому что она

---

1) Никита Муравьевъ, показаніе, стр. 33.

не была ни утверждена, ни принята Обществомъ, а была въ видѣ проекта, въ которомъ можно было дѣлать перемѣны и даже совсѣмъ уничтожить. Она не была прошнурована, какъ первая часть, и при ней не было ни печати, ни подписи. И, слѣдовательно, не бывъ никогда приложенною къ дѣлу, не бывъ ни одного раза отдаваема въ управы, а только поверхностно опредѣлила къ отдаленному будущему, почитаю оную за ничтожный проектъ. Къ тому же я хоть и взялъ съ онаго чернового проекта копію въ Москвѣ еще, но едва ли одинъ разъ прочиталъ оную“ [1]).

Къ вопросу о второй части устава Благоденствія слѣдуетъ еще обратить вниманіе на одно мѣсто изъ письма Александра Поджіо къ генералу Левашову. Разсказывая о зарожденіи Сѣвернаго Общества и о составленіи его устава, Поджіо, между прочимъ, говоритъ, что Никита Муравьевъ вручилъ ему, какъ матеріалъ для устава, литографированный листъ съ изложеніемъ общихъ правилъ Союза Благоденствія и къ этому присоединилъ нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ. Въ матеріалѣ, полученномъ Поджіо, была опредѣлена цѣль Общества—введеніе представительнаго правленія и что при возстаніи всѣ должны соединиться подъ знаменами свободы; предателю мститъ весь Союзъ, и имя его вносится въ черную книгу. Когда Поджіо прочиталъ свой проектъ устава, то Тургеневъ замѣтилъ, что это тотъ же Союзъ Благоденствія. Это мѣсто въ письмѣ Поджіо не совсѣмъ ясно, такъ какъ онъ говоритъ и о литографированномъ листѣ съ изложеніемъ устава (могли быть здѣсь общія правила 1-й части) и о добавленіяхъ Никиты Муравьева. Но, повидимому, добавленія Никиты Муравьева были сдѣланы устно и касались преимущественно формъ управленія, а литографированный листъ и былъ 2-й частью Зеленой Книги.

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, вып. I, стр. 201.

Выяснивъ какъ общественное, такъ и политическое настроеніе членовъ Союза Благоденствія, перейдемъ теперь къ знакомству съ первой частью устава Союза.

Какъ уже было сказано, Союзъ Благоденствія сложился подъ вліяніемъ нѣмецкаго Тугендбунда. Уставъ его въ сильной мѣрѣ повторяетъ собою нѣмецкій оригиналъ.

Прусское Общество Тугендбунда было основано въ 1808 году въ Кенигсбергѣ нѣсколькими патріотами. Основною цѣлью Общества было поднятіе національнаго чувства съ цѣлью борьбы противъ французскаго ига. Нѣмецкій Союзъ Добродѣтели отличался отъ современныхъ ему обществъ, италіанскихъ карбонаріевъ или греческихъ гетерій, тѣмъ, что стремился путемъ мирной подготовки общества достигнуть свободы. Въ числѣ основателей Общества, или, по крайней мѣрѣ, въ числѣ близкихъ къ нему лицъ считался знаменитый прусскій министръ Штейнъ. Такъ какъ цѣли Тугендбунда были вполнѣ лойяльны, то уставъ его былъ утвержденъ прусскимъ королемъ [1]). Хотя нѣмецкіе историки различно смотрятъ на дѣятельность Тугендбунда, однако, несомнѣнно, его дѣятельность весьма способствовала поднятію національнаго чувства въ Германіи.

Современное русское общество находилось въ аналогичномъ положеніи съ прусскимъ. Оно также страдало подъ игомъ, но это иго было русскимъ самодержавіемъ. Въ Россіи благо отечества требовало усиленной общественной дѣятельности на полѣ борьбы съ государственными и общественными недостатками. Русское общество было также проникнуто восторженной любовью къ правительству и желаніемъ принести ему пользу. Вотъ причины, которыя вполнѣ естественно побудили членовъ Союза Спасенія, собравшихся въ Москвѣ, остановиться на уставѣ нѣмецкаго Тугендбунда.

---

[2]) Пыпинъ, „Общественное движеніе при Александрѣ I“, 368.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что уставъ Союза Благоденствія въ сильной мѣрѣ воспользовался уставомъ Тугендбунда. Такъ, замѣчается сходство въ организаціи обоихъ Обществъ. Но въ программѣ выполненія цѣлей Обществъ есть различіе. Нѣмецкій уставъ съ большими подробностями обнимаетъ общественную и литературную дѣятельность его членовъ; въ немъ гораздо болѣе практическихъ указаній, которыя въ жизни были болѣе исполнимы, чѣмъ въ русскомъ; русскій уставъ отличается большею общностью требованій, предъявляемыхъ имъ къ членамъ Общества. Весьма замѣчательно также отношеніе обоихъ уставовъ къ крестьянамъ. Нѣмецкій уставъ требуетъ отъ тѣхъ, кто вступаетъ въ Союзъ, освобожденія ихъ крестьянъ отъ подданства и обезпеченія ихъ землею. Русскій уставъ рекомендуетъ только человѣческое отношеніе къ крестьянамъ и заботу объ ихъ просвѣщеніи. Далѣе въ русскомъ уставѣ находится введеніе, излагающее общіе взгляды; это введеніе отсутствуетъ въ нѣмецкомъ. (Вообще надо замѣтить, что составители русскаго устава, взявъ нѣмецкій образецъ, отнеслись къ нему самостоятельно и приноровили къ условіямъ русской жизни. „Видно вообще, — говоритъ Пыпинъ,—что у составителей русскаго устава постоянно присутствовала мысль о русской жизни и ея условіяхъ нѣмецкій союзъ увлекъ ихъ своей общей идеей, доставлялъ практическія указанія, которыя казались полезными, но они брали изъ него лишь то, что отвѣчало русскимъ условіямъ, что казалось исполнимымъ“ [1]).

Законоположеніе Союза Благоденствія начинается общимъ введеніемъ философскаго характера. Авторы исходятъ изъ признанія закономѣрности во всей природѣ. Видимая цѣль, къ которой клонятся всѣ законы природы, это общее сохраненіе существъ. Отсюда, какъ отдѣльный человѣкъ стремится къ собственному сохра-

---

[1]) Пыпинъ, „Общественное движеніе“, 379.

ненію, такъ и общество людей должно стремиться къ общему благу. Это есть общій законъ, нравственная идея, которыми должны быть проникнуты и законы, опредѣляющіе взаимоотношеніе между благомъ общимъ и частнымъ, и правительство, наблюдающее за примѣненіемъ законовъ. Авторы считаютъ высшей добродѣтелью въ людяхъ стремленіе къ общей пользѣ. Но правительство само не можетъ водворить общей пользы безъ поддержки общества. „Добродѣтель, т.-е. добрые нравы народовъ, всегда были и будутъ опорою государствъ: не станетъ добродѣтели, и никакое правительство, никакіе благіе законы не удержатъ его отъ паденія, развратъ всюду водворится, поселитъ вражду между всѣми состояніями, заставитъ забыть и даже гнушаться пользою общею; предпочтеніе личныхъ выгодъ всѣмъ другимъ, невѣжество, лихоимство, подлость, суевѣріе и безбожіе, презрѣніе къ отечеству и равнодушіе къ несчастію ближняго займутъ мѣсто любви къ пользѣ общей, просвѣщенія, праводушія, чести, истинной вѣры и искренной къ ближнему привязанности. Тщетно малое число благомыслящихъ людей будутъ терзаться симъ зрѣлищемъ и возлагать вину всего на правительство: ропотъ и укоризны ихъ будутъ совершенно несправедливы; причиною толикаго зла всегда управляемые. Правительство есть многосложное цѣлое, коего различныя части устремлены къ одной цѣли: пользѣ общей; могутъ ли онѣ стремиться и достигнуть предположенной цѣли, когда мы сами, составляющіе оныя, предпочитаемъ наши личныя выгоды всѣмъ прочимъ“.

Итакъ, Союзъ имѣетъ своей цѣлью благо отечества. Онъ долженъ споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи „на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена“. Союзъ надѣется на доброжелательное отношеніе къ нему правительства

Общественная дѣятельность Союза раздѣляется на четыре отрасли: *человѣколюбія, распространенія правилъ нравственности* въ связи съ воспитаніемъ юношества и распространеніемъ познаній, *правосудія* и *общественнаго хозяйства.*

По первой отрасли, *человѣколюбія*, Союзъ имѣетъ подъ своимъ наблюденіемъ больницы, тюрьмы, вообще мѣста, „гдѣ страждетъ человѣчество“. Союзъ доводитъ до свѣдѣнія правительства всякаго рода злоупотребленія въ этихъ учрежденіяхъ. Въ той же отрасли члены Союза побуждаютъ соотечественниковъ къ учрежденію новыхъ благотворительныхъ заведеній и сами работаютъ въ уже существующихъ. Они помогаютъ находить работу людямъ, ея не имѣющимъ, издаютъ сочиненія по этой части и т. п. Особенно интересно наставленіе членамъ Союза объ отношеніи ихъ къ крѣпостному праву: „Вообще стараются склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, что подданные такіе же люди и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться“.

Вторая отрасль предполагаетъ прежде всего *распространеніе правилъ нравственности* и *добродѣтели.* Такъ, этотъ отдѣлъ требуетъ отъ членовъ, чтобы они подавали добрый примѣръ въ исполненіи семейныхъ и общественныхъ обязанностей, чтобы они унижали порочныхъ людей и восхваляли добродѣтельныхъ, чтобы они выказывали полную приверженность ко всему отечественному и т. п. Такъ, между прочимъ, встрѣчаемъ требованія: „доказать всѣмъ, что жестокость съ подвластными есть дѣло безчестное“, „показывать всю нелѣпую приверженность къ чужеземному и худыя сего послѣдствія, также стараться увѣрить, что добродѣтельный гражданинъ долженъ всегда предпочитать пріятное полезному и чужеземному—отечественное“. Предполагалось правила нравственности распространять изда-

нiемъ сочиненій, журналовъ. Къ этой отрасли относилось *воспитаніе юношества*. Члены обязаны были по знакомству или по службѣ принимать участіе въ управленіи учебными заведеніями или сами заводить училища. Помѣщики обязывались учреждать училища въ своихъ деревняхъ. Между прочимъ, среди правилъ воспитанія члены обязаны были поддерживать мысль „избѣгать чужестраннаго, дабы ни малѣйшее къ чужому пристрастіе не потемняло святого чувства любви къ отечеству". Даже въ своихъ разговорахъ съ посторонними члены Общества должны были развивать правила нравственности и указывать ея значеніе въ дѣлѣ воспитанія.

Наконецъ къ тому же отдѣлу относилось и дѣло *распространенія знаній*. Союзъ всѣми силами собирался бороться съ невѣжествомъ и обращать умы къ полезнымъ занятіямъ, особенно къ познанію отечества. Наибольшее значеніе предполагалось придавать тѣмъ наукамъ, которыя „поспѣшествуютъ общему благу, просвѣщаютъ человѣка насчетъ его обязанности". Занимающіеся словесностью члены должны на произведенія свои „налагать печать изящнаго", но въ то же время помнить, „что истинное изящное есть все то, что возбуждаетъ въ насъ высокія и къ добру увлекающія чувства". Въ разговорахъ своихъ съ посторонними члены, борясь съ невѣжествомъ, должны были объяснять потребности отечественной словесности и распространять истинное мнѣніе о нѣкоторыхъ ея видахъ. Напримѣръ, „доказывать, что истинное краснорѣчіе состоитъ не въ пышномъ облеченіи незначущей мысли громкими словами, а въ приличномъ выраженіи полезныхъ, высокихъ, живо ощущаемыхъ помышленій". Или: „убѣждать, что сила и прелесть стихотвореній не состоитъ ни въ созвучіи словъ, ни въ высокопарности мыслей, ни въ непонятности изложенія, но въ живости писаній, въ приличіи выраженій, а болѣе всего въ непритворномъ изложеніи чувствъ высокихъ и къ добру

увлекающихъ". Или: „Что описаніе предмета или изложенія чувства, не возбуждающаго, но ослабляющаго высокія помышленія, какъ бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзіи".

Отрасль *правосудія* признавалась одной изъ главныхъ отраслей народнаго благоденствія. Союзъ собирался наблюдать за исполненіемъ государственныхъ постановленій, побуждать чиновниковъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ къ исполненію ихъ обязанности, наблюдать за рѣшаемыми въ правительственныхъ учрежденіяхъ дѣлами и содѣйствовать рѣшенію ихъ по справедливости; поддерживать матеріально людей, пострадавшихъ за правду. Кромѣ того, Союзъ старается также „укрощать и искоренять властолюбіе и презрѣніе правъ человѣческихъ, вмѣстѣ съ воспитаніемъ въ насъ вкрадывающихся", и убѣдить всякаго въ истинѣ, что „общее благо народа требуетъ непремѣнно частнаго и что каждый человѣкъ, какого бы онъ сословія ни былъ, въ правѣ онымъ пользоваться". Члены этой отрасли обязаны были распространять понятія о томъ, что различныя племена или сословія, существующія въ государствѣ, одинаково полезны для отечества. Они должны бороться съ духомъ „раболѣпствія и властолюбія" своихъ согражданъ, искоренять всякаго рода злоупотребленія, заводить вольныя общества, имѣющія цѣлью стремленіе къ справедливому и подавленіе порока. Неправосудіе, взяточничество и всякаго рода насилія находятся подъ наблюденіемъ этой отрасли членовъ Союза. Однимъ словомъ, они являются „отъ Союза поставленными блюстителями справедливости. Они всегда дѣйствуютъ, говорятъ и судятъ право, не страшатся мнѣнія малодушныхъ, не считаютъ себя несчастными, когда за истину страждутъ. Сильные будучи правдою, болѣе еще укрѣпляются тѣсною своею связью и особеннымъ покровительствомъ Союза и правительства". Члены этой отрасли входятъ также въ отношенія помѣщиковъ къ ихъ крестья-

намъ. Такъ они „выхваляютъ“ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ добрымъ обхожденіемъ съ крестьянами. Они всячески стараются истребить продажу людей въ рекруты и вообще продажу поодиночкѣ, стараясь вразумлять продающихъ, „что люди не суть товаръ и что только простительно однимъ народамъ, не просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанства, почитать подобныхъ себѣ собственностью, участью коей каждый, имѣющій оную, располагать можетъ по произволенію“.

Перейдемъ теперь къ послѣдней отрасли—*общественнаго хозяйства*. Члены этой отрасли, состоящіе преимущественно изъ людей, занимающихся торговлею или служащихъ по государственному хозяйству, стараются о проведеніи началъ честности и довѣрія въ торговлю, составляютъ сочиненія о новыхъ и полезныхъ открытіяхъ, гдѣ-нибудь сдѣланныхъ, поддерживаютъ потерпѣвшихъ убытки по какому-нибудь случаю. Они обращаютъ особенное вниманіе на хлѣбопашество и вообще на земледѣліе и стараются поднять его культуру. Члены заводятъ вольныя общества для улучшенія земледѣлія и промышленности.

Изъ этого обзора задачъ Союза Благоденствія видно, что онъ долженъ былъ представлять собою общество, съ одной стороны, благотворительное, съ другой—контроль надъ дѣятельностію общественныхъ учрежденій и даже частныхъ лицъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ долженъ былъ играть роль, которую въ настоящее время беретъ на себя печать. Съ другой стороны, задачи его многосложны и чрезвычайно обширны, въ высшей степени растяжимы, постановка ихъ носитъ столь общій характеръ, что выполненіе ее въ столь обширномъ государствѣ, конечно, являлось-бы неосуществимымъ.

Столь высокія задачи Союза требовали и подходящихъ членовъ. Неудивительно поэтому, что цѣлая глава въ уставѣ посвящена выясненію тѣхъ качествъ, коими должны были обладать принимаемые въ Союзъ члены.

Такъ, въ Союзъ принимаются лица, удостоившіяся въ обществѣ добраго имени и сознающіе величіе цѣлей Союза. Сословное различіе не принимается въ расчетъ; женщины, однако, исключаются изъ членовъ Союза. Люди безчестные, порочные не принимаются въ члены.

Каждый вновь принимаемый членъ записывается по одной изъ отраслей Союза. Членъ обязанъ безпрекословно повиноваться законнымъ властямъ Союза, не долженъ уклоняться отъ общественныхъ обязанностей, обязанъ помогать ближнимъ, доносить властямъ Союза о всякихъ противозаконныхъ и постыдныхъ поступкахъ своихъ сочленовъ, а личнымъ примѣромъ и словомъ поддерживать въ обществѣ задачи Союза. Для цѣлей Союза собирается казна, въ которую каждый вноситъ ежегодно двадцать пятую часть своихъ доходовъ. Вступающій въ Союзъ давалъ особыя расписки — первую, даваемую до чтенія устава въ качествѣ обязательства, что данное лицо не будетъ разглашать о Союзѣ, если по прочтеніи устава въ него не вступитъ, и вторую, даваемую вступающимъ членомъ, —обязательство дѣятельно участвовать въ Союзѣ и подчиняться его властямъ. Имена членовъ вносятся въ особую книгу, при чемъ наиболѣе ревностные члены вносятся въ почетную книгу.

Теперь познакомимся съ организаціей Союза.

Члены-основатели Союза составляютъ его *Коренной Союзъ*. Онъ избираетъ изъ своей среды шесть членовъ, составляющихъ *Совѣтъ Коренного Союза*. Одинъ изъ нихъ избирается *блюстителемъ Союза*, остальные называются засѣдателями. Изъ членовъ Коренного Совѣта избираются *председатели* срокомъ на два мѣсяца. Засѣдатели выходятъ изъ Совѣта по жребію каждые четыре мѣсяца и замѣщаются членами Коренного Союза. Коренной Совѣтъ является *исполнительной властью* Союза. Коренной Совѣтъ вмѣстѣ съ членами Коренного Союза, въ него не вошедшими, составляетъ *Коренную*

Управу, которой принадлежатъ: *законодательная власть* Союза, Верховный Судъ и избраніе должностныхъ лицъ.

Каждый членъ Коренной Управы обязанъ составить свою особою управу изъ принятыхъ имъ членовъ. Весь ходъ составленія управъ и ихъ управленія представляютъ собою довольно сложный механизмъ. Членъ Союза, получившій право составлять управы, приступаетъ къ этому слѣдующимъ образомъ: „Изыскавъ честною жизнью и хорошими правилами извѣстнаго гражданина“, предлагаетъ ему вступленіе въ Союзъ и, взявъ отъ него „утвердительную“ расписку, прочитываетъ ему первыя двѣ книги законоположенія Союза; когда онъ по прочтеніи ихъ согласится вступить въ Союзъ, беретъ отъ него вторую расписку.

Членъ, давшій расписку, записывается въ одинъ изъ четырехъ дѣловыхъ отдѣловъ, по которому желаетъ упражняться.

Когда получено десять расписокъ и, слѣдовательно, принято десять членовъ, то составлена Управа, и членъ, составившій оную, передаетъ ей право принятія. Число членовъ въ Управѣ должно быть не менѣе десяти и не болѣе двадцати. Управы бываютъ *дѣловыя*, *побочныя* и *главныя*. Пока нѣтъ въ Управѣ десяти членовъ, то она считается не дѣйствительной; коль же скоро соберутся въ ней десять членовъ, то она и получаетъ списокъ первыхъ двухъ книгъ законоположенія, т.-е. вступленіе, цѣль, обязанности и права членовъ. Половина законнаго числа членовъ Управы, т.-е. пять человѣкъ, должны непремѣнно быть жителями того мѣста, гдѣ основывается Управа. Такъ образуется дѣловая Управа. Затѣмъ идутъ развѣтвленія. Каждая управа имѣетъ право основать другую, которая называется *побочною Управою*. Основавшая Управа имѣетъ право давать наставленія побочной Управѣ и вообще наблюдать, чтобы она дѣйствовала въ смыслѣ Союза. Побочная

Управа, кромѣ непредвидѣнныхъ случаевъ, никогда не сообщается съ высшимъ правленіемъ Союза, но только съ основавшею ее Управою. Ежели побочная Управа оснуетъ сама другую таковую же, то становится независима отъ основавшей ее прежде. Но для этого побочная Управа должна состоять не менѣе какъ изъ десяти членовъ. Никто не можетъ основать Управы, не получивъ на то позволенія отъ Совѣта своей Управы.

Управы, основавшія три побочныя управы или вольныя общества, получаютъ названіе *Главной Управы* и ей передается списокъ законовъ Союза.

Каждый основатель Управы есть въ первые три мѣсяца предсѣдатель и блюститель ея. Если же онъ въ это время изъ своей Управы выбудетъ, то она немедленно приступаетъ къ выбору этихъ двухъ „чиновниковъ“. Предсѣдатель Управы имѣетъ право избрать себѣ письмоводителя. Въ каждой Управѣ десять членовъ избираютъ себѣ одного, а двадцать—двухъ въ старшины и, кромѣ того, одного блюстителя. Эти избранные члены составляютъ *Совѣтъ Управы*. Совѣтъ Управы занимается: 1) правленіемъ дѣлъ подвѣдомственныхъ ей побочныхъ управъ и вольныхъ обществъ. 2) Производствомъ работъ по порученіямъ высшаго начальства Союза. 3) Предсѣдательствующій старшина его предсѣдательствуетъ и въ Управѣ. 4) Совѣтъ имѣетъ право налагать пеню за безпорядки. 5) Совѣтъ даетъ право основать Управу и выдаетъ основателю списокъ цѣли и обязанностей членовъ Союза. 6) Въ Совѣтѣ храпятся подъ отвѣтственностью всѣхъ его членовъ: 1) Списокъ членовъ Управы и вольныхъ обществъ. 2) Книга расписокъ вступающихъ въ Союзъ членовъ. 3) Списокъ данныхъ Управѣ законовъ Союза. Занятія Управы состоятъ въ слѣдующемъ: законодательство; расправа надъ преступившими членами и старшинами; рѣшеніе дѣлъ, поступающихъ ихъ побочныхъ управъ; выборъ старшины и блюстителя; въ первые два года они выбираются на

шесть мѣсяцевъ, а потомъ уже на одинъ годъ. Выборъ производится въ полномъ собраніи наличныхъ членовъ въ присутствіи и подъ надзоромъ блюстителя, который, однакожъ, при этомъ случаѣ не имѣетъ голоса. Въ первые два года, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, выходитъ изъ Совѣта одинъ старшина по жребію; по истеченіи же шести мѣсяцевъ выходитъ остальной старшина и блюститель. По прошествіи же первыхъ двухъ лѣтъ, каждые четыре мѣсяца выходитъ по жребію одинъ старшина, а по истеченіи года и блюститель. Выбывшіе члены изъ Совѣта замѣняются другими членами той же Управы. Тѣ же „чиновники“ могутъ быть избраны вновь двумя третями голосовъ. Другіе же избираются большинствомъ голосовъ. Сообщеніе между управами и Коренным Союзомъ производится въ видѣ частной переписки, отъ имени старшины или блюстителя на имя главы или кого изъ засѣдателей или блюстителя Коренного Союза.

Основатель Управы, доколѣ въ ней нѣтъ еще десяти членовъ, имѣетъ право одинъ принимать въ нее членовъ, но коль скоро въ Управѣ десять членовъ, то это право переходитъ ей. Въ такомъ случаѣ одинъ изъ членовъ предлагаетъ знакомаго въ Управу при описаніи его качествъ. Сверхъ того представляетъ поруку за справедливость описанія. О предложенномъ Совѣтъ увѣдомляетъ всѣхъ наличныхъ членовъ Управы, и тотъ, кто не соглашается на принятіе, долженъ въ теченіе трехъ дней объявить предсѣдательствующему старшинѣ причину. Безъ причины же протестъ не принимается во вниманіе. Если членъ протестъ объявитъ, то Совѣтъ разсматриваетъ основательность его и въ утвердительномъ случаѣ предложенный на время отвергается; если же два члена Совѣта противъ предлагаемаго, то онъ навсегда отъ этой Управы отвергается. Вступающій, давъ извѣстныя расписки, принимается и подаетъ въ Управу списокъ всѣхъ тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, которые

могутъ вступить въ Союзъ; въ этомъ спискѣ должны быть означены: мѣстопребываніе, лѣта, чинъ и званіе кандидатовъ. О тѣхъ же, которые по способностямъ своимъ могутъ быть полезны для Союза, онъ особенно увѣдомляетъ Управу. Эти описанія хранятся у блюстителя Управы, который сообщаетъ списокъ съ нихъ „высшему“ блюстителю. Совѣтъ Коренного Союза даетъ только тогда право основать дѣловую Управу, когда получаетъ десять расписокъ отъ основателя.

Казна Управы хранится у избраннаго для того Управою члена, употребленіе ея зависитъ отъ Управы; правленіе Союза можетъ потребовать часть ея для общаго употребленія. О взносахъ Совѣтъ увѣдомляетъ правленіе Союза.

Кромѣ того, предполагалось основать вольныя общества. Вольными обществами называются въ Союзѣ Благоденствія всѣ общества, къ его цѣли стремящіяся, но внѣ его существующія. Учрежденіе ихъ и долженіе вмѣняется въ особую заслугу членамъ Союза. Имена ихъ записываются въ Книгу Славы.

Для составленія такихъ обществъ необходимо, однакоже, позволеніе Верховнаго Правленія Союза. Пріисканіе причинъ для ихъ основанія предоставляется совершенно волѣ основателя, равно какъ и образованіе, число членовъ и предметъ занятій. Въ нихъ должны быть продолжаемы и укрѣпляемы „согласіе и единодушіе между гражданами, охота къ взаимному сообщенію мыслей, вниканіе въ свойство правленія и народная гордость“.

Помѣщики и имѣющіе вліяніе крестьяне, также священники должны заботиться о заведеніи таковыхъ обществъ въ деревняхъ.

Обязанность блюстителя состоитъ въ слѣдующемъ: Онъ имѣетъ надзоръ за поведеніемъ членовъ и за сохраненіемъ законоположенія Союза и потому имѣетъ право дѣлать первымъ замѣчаніе и останавливать все,

что съ послѣднимъ не сходно. О всемъ относится высшему блюстителю. Всякій членъ имѣетъ право избрать по дѣламъ своимъ въ Союзѣ уполномоченнаго изъ членовъ Союза, за котораго лично отвѣчаетъ. Уполномоченный Коренного Союза имѣетъ право основывать управы во всѣхъ мѣстахъ, ему ввѣренныхъ, давать позволенія на составленіе управъ въ томъ же краѣ, давать наставленіе имъ и порученія членамъ. Получаетъ отъ управъ донесенія и даетъ имъ разрѣшенія, сходныя съ законоположеніемъ Союза; въ противномъ случаѣ представляетъ Коренной Управѣ, которую и увѣдомляетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Можетъ избрать себѣ помощниковъ. Всѣ основанныя имъ управы сообщаются съ Коренною чрезъ него до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ Коренного Совѣта права относиться прямо [1]).

III.

Исторія Союза Благоденствія.

Итакъ, весь строй Союза Благоденствія представлялъ собою весьма сложную организацію. Если къ этому прибавить еще многосложность его цѣлей, необходимость дѣйствовать тайно, то легко представить себѣ, что выполненіе задачъ Союза хотя бы въ нѣкоторой ихъ мѣрѣ едва ли было по силамъ небольшому кругу лицъ, основавшихъ Союзъ. „Многосложный уставъ Союза никогда не былъ приведенъ въ дѣйство. Несмотря на оный, наибольшая часть членовъ Коренного Союза, какъ-то: князь Трубецкой, князь Долгорукій, Михайло Мура-

[1]) Законоположеніе Союза Благоденствія напечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ Пыпина „Общественное движеніе въ царствованіе императора Александра I“. Въ дѣлѣ о декабристахъ находится списокъ законоположенія, снабженный параллельными выписками къ введенію въ уставъ изъ уставовъ Общества Иллюминатовъ. Кромѣ того, въ дѣлѣ имѣется особая инструкція подъ заглавіемъ „Способъ составленія управъ“.

вьевъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, оба Фонъ-Визины и я, не имѣли управъ; управы дѣловыя, побочныя и главныя дѣловыя, равно какъ и формы и правила ихъ образованія, существовали только на бумагѣ". Такъ характеризуетъ дѣятельность Союза Никита Муравьевъ [1]).

Такая мрачная характеристика дѣятельности Союза не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Союзу никогда не удалось обнять всѣхъ отраслей, намѣченныхъ имъ, но среди его членовъ были группы, несомнѣнно, дѣйствовавшія въ цѣляхъ Союза; объ этой дѣятельности, надо сказать правду, мало заботились какъ разъ нѣкоторые изъ членовъ Коренного Союза, но это объясняется тѣмъ, что ихъ вниманіе и симпатіи привлекала больше политическая дѣятельность.

Прежде всего обратимся къ внѣшней исторіи Союза Благоденствія.

Онъ получилъ начало свое въ Москвѣ. Но затѣмъ съ переходомъ гвардіи въ Петербургъ, туда же перешло и главное правленіе Союза. Уже къ началу 1819 года въ Москвѣ были учреждены двѣ управы. Одна состояла подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Шаховского, въ которой были Михаилъ Волковъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Семеновъ, служившій при канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, и нѣкоторые другіе. Другая состояла подъ предсѣдательствомъ полковника Александра Муравьева и къ ней причислялись его братъ Михаилъ Муравьевъ, свитскій офицеръ Петръ Колошинъ, студентъ Богородицкій и Ранчъ (вѣроятно, небезызвѣстный впослѣдствіи литераторъ; оба послѣдніе къ дѣлу привлечены не были) [2]). Это свѣдѣніе не внушаетъ никакихъ сомнѣній. Изъ одной обмолвки въ показаніи Александра Муравьева можно

---

[1]) Показаніе Никиты Муравьева, стр. 33.

[2]) Показанія Семенова, стр. 39.

еще вывести заключеніе, что была еще Управа, собиравшаяся въ квартирѣ нѣкоего Юрьева. О томъ, какъ происходили собранія управъ въ Москвѣ и чему посвящались ихъ засѣданія, точныхъ свѣдѣній не имѣется. Кое-что о характерѣ этихъ засѣданій сообщаетъ въ своихъ показаніяхъ Александръ Муравьевъ, вообще стремившійся на слѣдствіи умалить дѣятельность Общества. Онъ, напримѣръ, отрицаетъ (противорѣча, впрочемъ, самому себѣ) существованіе управъ въ Москвѣ, основанныхъ по уставу Союза, — очевидно, въ цѣляхъ самозащиты. „Всѣ участвовали въ наборѣ членовъ,—говоритъ онъ.— Въ Москвѣ полныхъ и регулярныхъ управъ не было, и по новости устава не было того порядка въ собраніяхъ, который по уставу долженъ былъ быть. Собирались члены, безъ раздѣленія на управы, болѣе по знакомству; да и самыя скопища сіи не были отдѣлены ясною чертою и регулярныхъ собраній не имѣли. Члены Коренного Союза, въ числѣ которыхъ былъ и я, были установители оныхъ, но кто именно какое скопище учредилъ, того поистинѣ не знаю. Все было перемѣшано. Про себя скажу, что у Юрьева на квартирѣ былъ я одинъ разъ или два, и тогда собирались новопринятые члены, но полной и регулярной управы не было, и прочіе члены съ своей стороны также набирали членовъ, но нигдѣ не было ни предсѣдателя, ни секретаря, слѣдовательно не было и управы. Ежели же были предсѣдатель и секретарь, то мнѣ сіе не извѣстно, или я забылъ. Кругъ дѣйствій сихъ скопищъ не распространялся далѣе извѣщенія о могущихъ быть принятыми въ члены, принятія и чтенія устава первой части“ [1]).

Если отбросить въ этомъ показаніи то, что Александръ Муравьевъ скрываетъ въ цѣляхъ самозащиты (отрицаніе организаціи управъ), то отсюда можно извлечь нѣсколько достовѣрныхъ штриховъ. Очень

---

[1]) Показаніе Александра Муравьева, стр. 26 обор.

вѣроятно, что непринужденность господствовала на московскихъ сборищахъ. Объ этомъ можно судить по разсказу Якушкина о собраніяхъ Военнаго Общества, учрежденнаго въ Москвѣ тѣмъ же Александромъ Муравьевымъ на время, пока вырабатывался уставъ Союза Благоденствія; этимъ московскія собранія отличались отъ чопорныхъ петербургскихъ [1]); такъ какъ тамъ предсѣдательствовалъ Александръ Муравьевъ, то характеръ собраній былъ одинъ и тотъ же. Строгаго раздѣленія по управамъ, дѣйствительно, не было, и члены одной появлялись въ засѣданіяхъ другой [2]).

Во всякомъ случаѣ первые два года дѣятельность Союза въ Москвѣ подвигалась довольно успѣшно. По словамъ Якушкина, дѣла Общества въ 1818 и 1819 гг. находились въ цвѣтущемъ состояніи, и въ одной Москвѣ было до тридцати членовъ, навербованныхъ большею часть Александромъ Муравьевымъ [3]). Вотъ почему Александръ Муравьевъ имѣлъ полное основаніе сообщить предсѣдателю Общества въ Петербургѣ князю Сергѣю Трубецкому объ успѣшномъ ходѣ дѣятельности Общества въ Москвѣ. Когда Семеновъ въ мартѣ 1819 г. собирался уѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, онъ былъ приглашенъ въ собраніе Управы Александра Муравьева и здѣсь получилъ отъ предсѣдателя Управы порученіе передать въ Петербургѣ о составившихся въ Москвѣ управахъ и о томъ, что „московскіе члены надѣются имѣть успѣхъ въ своихъ дѣйствіяхъ“ [4]).

Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя сохранились отъ дѣятельности Московскаго отдѣла Союза Благоденствія.

Дѣятельность Союза въ Петербургѣ была нѣсколько шире. Здѣсь было нѣсколько управъ. Такъ въ 1819 г. въ Петербургѣ была Управа подъ руководствомъ егер-

---

[1]) Записки Якушкина, 24.
[2]) Показаніе Семенова, стр. 39.
[3]) Записки Якушкина, стр. 24, 35.
[4]) Показаніе Семенова, стр. 39.

скаго офицера Алексѣя Семенова, въ которую входили между прочимъ слѣдующіе офицеры: Павелъ Колошинъ, Вольховскій, Алексѣй Шереметьевъ. Эта Управа иногда именуется Егерской Управой. Кромѣ нея, были еще Измайловская и Московская Управы (отъ названія полковъ). Изъ числа членовъ двухъ послѣднихъ управъ можно назвать офицеровъ измайловскихъ: Бригена, Годалло, Кутузова; егерскихъ: Норова, Панкратьева, Челищева, Горсткина; московскихъ: Нарышкина, барона Фридрихса; преображенскихъ: Сергѣя и Ивана Шиповыхъ; свитскихъ—Алексѣя Оленина; павловскаго—кн. Евгенія Оболенскаго; артиллерійскихъ—Пущина и Марковича [1]).

Никита Муравьевъ утверждаетъ, что въ Петербургѣ, кромѣ того, была Управа, учрежденная Бурцевымъ, которой, послѣ его отъѣзда, руководилъ Павелъ Колошинъ; въ другой управѣ руководителями были Горсткинъ и Челищевъ, и въ третьей—полковникъ Марковичъ [2]). Хотя тѣ же лица принимали участіе и въ другихъ управахъ, но по всей видимости ихъ надо отличать и считать совершенно самостоятельными.

Кромѣ управъ въ собственномъ смыслѣ, непосредственно связанныхъ съ Союзомъ Благоденствія, было еще нѣсколько попытокъ создать особыя общества, находившіяся, однако, въ связи съ Союзомъ и дѣйствовавшія въ его видахъ. Таковъ, напримѣръ, Союзъ русскихъ, въ которомъ принималъ близкое участіе Нарышкинъ. Въ этомъ Обществѣ были какъ члены Союза Благоденствія, такъ и сторонніе ему лица. Этотъ Союзъ больше всего интересовался крестьянскимъ вопросомъ, принимая, однако, отдаленною цѣлью введеніе въ Россіи конституціоннаго правленія. Особой формы Союзъ не имѣлъ, но члены его собирались у Каннистовъ, снабжали

---

[1]) Показаніе Семенова, 39.

[2]) Показаніе Никиты Муравьева, стр. 33.

другъ друга книгами, и разговоры въ нихъ средѣ чаще всего касались крестьянскаго вопроса.

Другой примѣръ такого Общества, руководимаго также членами Союза Благоденствія, мы встрѣчаемъ въ Измайловскомъ полку (его надо отличать отъ Измайловской Управы). Члены его не были освѣдомлены о Союзѣ Благоденствія, но Общество было основано княземъ Оболенскимъ для дѣятельности въ цѣляхъ Союза. Оно было составлено осенью 1820 года и дѣйствовало даже нѣкоторое время послѣ закрытія Союза Благоденствія. Въ числѣ его членовъ считались: подполковникъ Егерскаго полка Миклашевскій, князь Евгеній Оболенскій, два брата Капниста, Жуковъ, Летюхинъ, Черевинъ, адъютантъ князя Меньшикова графъ Яковъ Толстой, прапорщикъ Данченко и два Семеновыхъ (казначей лейбъ-гвардейскаго полка и офицеръ, состоявшій при князѣ Голицынѣ [1]). Кромѣ того, князь Оболенскій вмѣстѣ съ графомъ Яковомъ Толстымъ и коллежскимъ асессоромъ Токаревымъ образовали еще особое Общество, дѣйствовавшее отдѣльно отъ другихъ такъ, чтобы остальные члены не знали о существованіи обществъ. Но жизнь этихъ обществъ была кратковременна; послѣднее существовало всего два—три мѣсяца. Ѳедоръ Глинка и титулярный совѣтникъ Перетцъ пытались образовать особое общество, впрочемъ, кажется, довольно безуспѣшно [2]).

Кромѣ управъ и обществъ, дѣйствующихъ въ обѣихъ столицахъ, были еще двѣ мѣстности, въ которыхъ проявилась дѣятельность Союза Благоденствія. Такъ, въ Полтавѣ директоръ канцеляріи князя Репнина Новиковъ основалъ масонскую ложу, которая должна была служить подготовительной стадіей для перехода наиболѣе видныхъ членовъ ея въ Союзъ Благоденствія. Повидимому,

---

[1]) Показаніе подполковника Миклашевскаго, стр. 35.

[2]) Показаніе Семенова, стр. 41.

Новиковъ пытался тамъ же, въ Полтавѣ, учредить особое малороссійское общество. Въ числѣ членовъ Полтавской ложи Матвѣй Муравьевъ называетъ помѣщика Переяславскаго уѣзда Семена Михайловича Кочубея, Алексѣева, бывшаго губернскаго судью, Тарновскаго и Котляревскаго. Эта ложа или малороссійское Общество (едва ли это не было одно и то же) было въ сношеніяхъ съ петербургской Управой и, кажется, при посредствѣ Тургенева [1]).

Наконецъ наиболѣе интереснымъ развѣтвленіемъ Союза Благоденствія была Тульчинская Управа, подъ руководствомъ Пестеля. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что Пестель, стремившійся къ чисто-политической дѣятельности, не признавалъ Союза Благоденствія [2]). Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что Пестель не сочувствовалъ первой части устава Благоденствія. Но тѣмъ не менѣе онъ явился въ Тульчинѣ руководителемъ Управы, имѣвшей связь съ Кореннымъ Совѣтомъ въ Петербургѣ; онъ дѣйствовалъ въ своемъ отдѣлѣ очень искусно въ смыслѣ подготовки его членовъ къ созданію чисто-политическаго общества. О направленіи дѣятельности тульчинскихъ членовъ намъ еще придется говорить.

Такова была та сторона въ дѣятельности Общества, которая выражалась въ распространеніи его отдѣленій. Замѣтимъ между прочимъ, что въ петербургскихъ отдѣленіяхъ фигурируютъ не имена членовъ Коренного Совѣта, какъ слѣдовало бы по уставу Общества, но имена второстепенныхъ лицъ. Можетъ-быть, это дѣлалось изъ тактическихъ соображеній. Во всякомъ случаѣ пока во главѣ Общества былъ кн. Трубецкой, до его отъѣзда въ Кіевъ, Общество дѣйствовало интенсивно, и самъ

---

[1]) Показаніе Матвѣя Муравьева.

[2]) „Мемуары декабристовъ“.

Трубецкой принималъ участіе въ засѣданіяхъ управъ, не будучи официальнымъ ихъ руководителемъ [1]).

Въ довольно неясныхъ очертаніяхъ представляется дѣятельность Коренного Союза и Коренного Совѣта Общества. Относительно состава Коренного Совѣта можно указать, напримѣръ, что въ 1819—20 гг. онъ состоялъ: изъ кн. Долгорукова, графа Ѳедора Толстого, Никиты и Сергѣя Муравьевыхъ, Николая Тургенева, Ѳедора Глинки, а секретаремъ въ тотъ же періодъ былъ Семеновъ; кромѣ того, членомъ Совѣта былъ еще Грибовскій, впослѣдствіи (въ 1825 г.) симбирскій вице-губернаторъ. Большею частью Совѣтъ собирался въ квартирѣ Ѳедора Глинки, иногда у Никиты Муравьева. Предметами засѣданій Совѣта было принятіе мѣръ осторожности, дѣла по управленію Союзомъ, но вообще до 1820 г. никакихъ серьезныхъ дебатовъ не подымалось. Можно отмѣтить лишь два инцидента, непріятно поразившіе членовъ Совѣта. Лѣтомъ 1819 г. одинъ изъ дѣятельныхъ московскихъ членовъ, Михаилъ Волковъ, прислалъ чрезъ Семенова заявленіе Совѣту о своемъ нежеланіи далѣе состоять членомъ Общества. Затѣмъ до свѣдѣнія членовъ Коренного Совѣта дошли извѣстія о возникшихъ въ Москвѣ между княземъ Шаховскимъ и Александромъ Муравьевымъ несогласіяхъ. Совѣтъ обратился къ нимъ съ письмомъ, прося дѣйствовать согласно и въ духѣ Общества. Сущность этихъ разногласій неизвѣстна, но въ результатѣ ихъ Александръ Муравьевъ извѣстилъ Совѣтъ Общества, что онъ, „познавъ свое заблужденіе“, выходитъ изъ состава Общества, уничтожаетъ заведенную имъ Управу и всѣмъ совѣтуетъ сдѣлать то же. Отказываясь отъ Общества, Александръ Муравьевъ предварительно созвалъ свою Управу въ Москвѣ и передалъ предсѣдательство въ ней Петру Ивановичу Колошину. Отреченіе Александра Му-

---

[1]) Показаніе Семенова, стр. 39.

равьева произвело, вѣроятно, смущеніе въ средѣ петербургскаго Совѣта. Онъ поручилъ сообщить Муравьеву, что его совѣтъ исполненъ, Общество закрыто, о чемъ и предлагалось ему объявить московскимъ членамъ. Все это было сдѣлано въ цѣляхъ разорвать совершенно сношеніе съ бывшими членами, чтобы они не подозрѣвали о дальнѣйшемъ существованіи Общества. Между тѣмъ были приняты предохранительныя мѣры: экземпляры устава были отобраны отъ членовъ и сожжены, прекращено всякое письменное производство по дѣламъ Общества [1]).

Къ этимъ немногимъ свѣдѣніямъ о дѣятельности Совѣта можемъ еще прибавить одинъ штрихъ, рисующій физіономію его засѣданій. Якушкинъ, будучи въ Петербургѣ, былъ приглашенъ въ засѣданіе Коренной Управы (это было именно засѣданіе Коренной Управы, потому что разсматривался вопросъ законодательнаго характера). Тутъ Якушкинъ встрѣтилъ кн. Лопухина, Петра Колошина, кн. Шаховского и др. Собраніе происходило у Никиты Муравьева. Якушкина поразилъ формализмъ этого совѣщанія, который „далъ ему видъ плохой комедіи“. Въ продолженіе всего совѣщанія разсуждали „о составленіи самой заклинательной присяги“ для вступающихъ въ Общество и о томъ, какъ приносить самую присягу: надъ Евангеліемъ или надъ шпагой“. „Все это было до крайности смѣшно“, прибавляетъ Якушкинъ. Но тутъ же и даетъ объясненіе этой странности: Лопухинъ, Шаховской и почти всѣ присутствующіе были ревностные масоны, они „привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія“ [2]).

[1]) Показаніе Семенова, стр. 40; показаніе Александра Муравьева, стр. 28 об.

[2]) Записки Якушкина, стр. 14.

Замѣтимъ еще, что по уставу Союза онъ долженъ собирать средства на разныя благотворительныя учрежденія. Въ дѣйствительности такихъ средствъ не собиралось [1]). Союзомъ не было также учреждено ни одно благотворительное учрежденіе или общество.

Такова внѣшняя сторона исторіи Союза Благоденствія, та сторона, которая соотвѣтствовала бы первой части устава. Къ этому прибавимъ еще нѣсколько свѣдѣній о составѣ его членовъ, не имѣя, впрочемъ, цѣли дать полный ихъ списокъ.

Къ Обществу присоединился цѣлый рядъ членовъ, среди которыхъ можно отмѣтить самого Якушкина, который подъ вліяніемъ настойчивыхъ убѣжденій сотоварищей измѣнилъ своему прежнему рѣшенію и вступилъ въ члены Союза Благоденствія [2]). Затѣмъ онъ же называетъ членами Союза Благоденствія обоихъ Перовскихъ, Кавелина, бывшаго впослѣдствіи петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, Илью Бибикова, впослѣдствіи бывшаго кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, Пущина, князя Оболенскаго, Нарышкина, Лорера (всѣ четверо приняты Бурцевымъ), графа Толстого [3]). Въ число членовъ вступилъ также М. Ѳ. Орловъ, который впослѣдствіи принялъ Василія Львовича Давыдова [4]). По словамъ Комарова, тульчинскій отдѣлъ Общества состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: генералъ-интенданта Юшневскаго, Фонъ-Визина, М. Ѳ. Орлова, князя Сергѣя Волконскаго; затѣмъ онъ считаетъ членами: Николая Филипповича Руге, князя Барятинскаго, Ивашева, Баранова, флигель-адъютанта графа Витгенштейна, который, впрочемъ, по его словамъ, „болѣе зналъ о существованіи, чѣмъ принадлежалъ къ нему; завлеченъ Пестелемъ и Барятинскимъ для наруж-

---

[1]) Показаніе Семенова, стр. 40 об.
[2]) Тамъ же, стр. 25 и 33.
[3]) Записки, стр. 24.
[4]) Показаніе Орлова.

ности“, затѣмъ Бурцева, Аврамова, майора Охотникова, полковника Остафьева, полковника Кальма („принадлежалъ поверхностно“), полковника Непенина, майора Раевскаго, майора Юнина, отставного полковника Липранди, полковника Краснокутскаго, впослѣдствіи сенатскаго оберъ-прокурора, оставившаго Общество, адъютанта генерала Киселева Басаргина („всегда былъ слабо привержснъ и едва ли не отсталъ“) эта характеристика согласуется съ позднѣйшими записками Басаргина; онъ былъ принятъ Бурцевымъ), доктора Вольфа. Затѣмъ Комаровъ сообщаетъ о лицахъ, о которыхъ ему было только по слухамъ извѣстно объ участіи ихъ въ Союзѣ Благоденствія; среди нихъ онъ называетъ: полковника Раевскаго, полковника Повало-Швейковскаго, адъютанта Орлова Александра Исленьева, его брата Николая Исленьева („едва ли принадлежалъ“), Василія Львовича Давыдова, его брата Александра Львовича („не знаю принадлежалъ ли“), Стояновскаго („болѣе извѣстенъ по ревностному масонству“), иностранца Фурнье, обоихъ Колошиныхъ („кажется, оба давно отстали, особенно старшій“), генералъ-майора Пущина, Ивана Пущина, лицеиста, гусарскаго полковника Граббе [1]).

Хотя, какъ мы видѣли, гражданскія начала, которыми проникнутъ уставъ Союза Благоденствія, многими декабристами признавались лишь внѣшнимъ предлогомъ для составленія Общества, однако съ такимъ крайнимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Требованія устава были широки. Но тѣмъ не менѣе члены относились къ нимъ серьезно и старались провести ихъ въ жизнь. Якушкинъ свидѣтельствуетъ, что главные члены Союза Благоденствія весьма цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. „Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно“, прибавляетъ Якушкинъ. Въ

[1]) Показаніе Комарова, „Мемуары декабристовъ“, I.

Семеновскомъ полку палка „почти совсѣмъ“ была выведена изъ употребленія; то же вліяніе сказывалось и въ другихъ полкахъ. „Многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе; ужъ не довольствовались, какъ прежде, разсказами о выходахъ во дворцѣ и разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, что вокругъ нихъ дѣлалось“. Критика дѣйствій правительства приводила къ тому, что въ средѣ членовъ союза проявлялось „какое-то ожесточеніе противъ царствующаго императора“ [1]).

Члены Союза Благоденствія стремились не къ одному воздѣйствію на общественное мнѣніе. Многіе изъ нихъ старались на практикѣ провести требованія устава. Хорошо извѣстно, что Якушкинъ сдѣлалъ много облегченій для своихъ крестьянъ и даже хотѣлъ освободить ихъ, хотя сейчасъ же наткнулся на цѣлый рядъ препятствій въ правительственныхъ сферахъ. М. Ѳ. Орловъ въ своемъ показаніи разсказываетъ, что, будучи назначенъ въ Кишиневъ, онъ встрѣтилъ въ членахъ Общества Охотниковѣ и Раевскомъ, своихъ подчиненныхъ, весьма большую поддержку: „Сіи два офицера были мнѣ очень полезны, чтобъ открывать злоупотребленія по дивизіи, а особливо во всемъ томъ, что касается до благосостоянія солдатъ“ [2]).

Дѣятельность кишиневскаго кружка декабристовъ, гдѣ былъ Орловъ, командовавшій тамъ дивизіею, майоръ Раевскій, Охотниковъ, служитъ хорошимъ свидѣтельствомъ, что члены Союза серьезно отнеслись къ взятымъ на себя обязательствамъ. Начальникъ штаба 2-й арміи Киселевъ, замѣтивъ броженіе въ войскахъ, принужденъ

---

[1]) Записки Якушкина, с. д. 25, 26, 33.

[2]) Показанія Орлова въ „Мемуарахъ декабристовъ“.

былъ учредить особую тайную полицію, донесенія которой свидѣтельствуютъ о характерѣ дѣятельности этого кружка. Въ данномъ случаѣ приходится обращать вниманіе на донесенія тайныхъ агентовъ, потому что, благодаря упорному молчанію Раевскаго на слѣдствіи, судьи отъ него не добились никакихъ признаній. Орловъ завелъ въ своей дивизіи ланкастерскія школы и преподавателемъ назначилъ Раевскаго. „Въ ланкастерской школѣ, — носились тогда слухи, — говорятъ, что, кромѣ грамоты, учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи“. Однимъ изъ средствъ пропаганды для Раевскаго служили прописи. Онъ употреблялъ вмѣсто печатныхъ литографированныхъ прописей собственныя рукописныя прописи, помѣстивъ въ послѣднія слова: „свобода, равенство, конституція, Квирога, Вашингтонъ, Мирабо“, а на лекціяхъ, между прочимъ, говорилъ: Квирога, будучи полковникомъ, „сдѣлалъ въ Мадридѣ революцію и когда въѣзжалъ въ городъ, то самыя значительныя дамы и самъ народъ вышли къ нему навстрѣчу и бросали цвѣты къ ногамъ его, а Мирабо былъ тоже участникомъ во французской революціи и писалъ много противъ государя и что конституцкое правленіе лучше всѣхъ правленій, а особливо нашего монархическаго, которое управляется деспотизмомъ“. Далѣе Раевскому предъявлялось обвиненіе въ томъ, что, командуя раньше ротою въ 9 егерскомъ полку, онъ внушалъ нижнимъ чинамъ, что „между солдатами и офицерами не должно быть различія, а должно быть равенство“, и что „природа создала всѣхъ одинаковыми“. Далѣе въ 1821 г. онъ склонялъ поручика Гомоновскаго къ образованію между офицерами „дружескихъ связей“, основанныхъ на оказаніи взаимной помощи. Послѣ семеновской исторіи называлъ возмутившихся семеновцевъ молодцами, а подчиненнымъ ему нижнимъ чинамъ говорилъ: „Придетъ время, въ которомъ должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться“. Обращаясь „весьма фамильярно съ под-

чиненными нижними чинами, цѣлуя ихъ, нюхая вмѣстѣ съ ними табакъ, онъ говорилъ имъ, что палки противны законамъ природы, и налагающій наказаніе—злодѣй, и объявилъ ротѣ, что онъ позволяетъ разстрѣлять полкового адъютанта за напрасный ея приводъ въ Аккерманъ для содержанія карауловъ“ [1]).

Исторія возмущенія Семеновскаго полка въ 1820 г. до сихъ поръ остается невыясненной; извѣстна только внѣшняя ея сторона: полкъ возсталъ вслѣдствіе жестокости полкового командира Шварца. Но если мы примемъ во вниманіе, что первою возмутилась рота Сергѣя Муравьева, что онъ былъ любимымъ офицеромъ въ полку, то весьма вѣроятнымъ кажется, что Семеновская исторія — несвоевременная и неожиданная для членовъ Общества вспышка солдатъ.

Но, впрочемъ, мы очень мало знаемъ о практической дѣятельности Союза. Слѣдственная Комиссія мало ею интересовалась, такъ какъ привлекать за участіе въ Союзѣ Благоденствія было нецѣлесообразно по массѣ принимавшихъ въ немъ участіе лицъ. Наиболѣе видные дѣятели Союза, именно въ смыслѣ первой его части, не оставили намъ своихъ воспоминаній, и только у Якушкина можно найти кое-какія указанія и то преимущественно объ отношеніи его и его ближайшихъ друзей къ крестьянамъ. Гораздо болѣе свѣдѣній мы имѣемъ о настроеніи членовъ Общества и особенно о томъ, какъ постепенно въ кружкахъ членовъ Союза Благоденствія концентрировалась мысль о дѣятельности чисто революціоннаго характера. Къ этому вопросу мы и перейдемъ.

Настроеніе среди членовъ Общества поддерживалось частными собраніями и бесѣдами членовъ. „Мы часто собирались вмѣстѣ,—разсказываетъ Басаргинъ, — разсу-

---

[1]) Матеріалы для исторіи декабристовъ, стр. 50, „Всемірный Вѣстникъ“, 1905 г., январь.

ждали, спорили, толковали, передавали другъ другу свои душевные помыслы, желанія, сообщали все, что могло интересовать общее дѣло, и, натурально, нерѣдко очень свободно, скажу болѣе, неумѣренно говорили о правительствѣ. Предложеніямъ, теоріямъ не было конца. Разумѣется, въ этихъ собраніяхъ первенствовалъ Пестель. Его свѣтлый логическій умъ управлялъ нашими преніями и нерѣдко соглашалъ разногласія. Даже и въ такихъ бесѣдахъ, гдѣ участвовали посторонніе, т.-е. непринадлежавшіе къ Обществу, разговоръ болѣе всего обращенъ былъ на предметы серьезные, болѣе или менѣе относящіеся къ тому, что занимало насъ". На этихъ собраніяхъ нерѣдко присутствовалъ и генералъ Киселевъ. Онъ былъ предашъ государю, но однако откровенно соглашался въ томъ, что „многое надо измѣнить въ Россіи и съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нерѣдко рѣзкія сужденія Пестеля" [1]). Тотъ же Басаргинъ оставилъ намъ и характеристику членовъ тульчинскаго Общества. Очертивъ въ весьма привлекательныхъ чертахъ выдающуюся фигуру Пестеля, онъ говоритъ о рядовыхъ членахъ Общества: „Прочіе члены нашего Общества были добрые, большею частью умные люди и образованные—молодые люди, горячо любившіе свое отечество, желавшіе быть ему полезными и притомъ готовые на всякое пожертвованіе. Съ намѣреніями чистыми, но безъ опытности, безъ знанія свѣта, людей и общественныхъ отношеній, они принимали къ сердцу каждую несправедливость, возмущались каждымъ неблагороднымъ поступкомъ, каждою мѣрою правительства, имѣвшею цѣлью выгоду частную, собственную вопреки общей". Неудивительно поэтому, что всякая непопулярная мѣра правительства вызывала броженіе въ средѣ членовъ Общества. Всякій успѣхъ свободныхъ идей на Западѣ подавалъ надежды въ средѣ членовъ Союза [2]).

[1]) Записки Басаргина, „Девятнадцатый вѣкъ" Бартенева, кн. I, стр. 71.
[2]) Тамъ же, стр. 68—69.

Приведенные факты характеризуютъ намъ настроеніе членовъ Союза Благодѣянія, преимущественно южной его отрасли.

Союзъ Благоденствія заключалъ въ себѣ, какъ легко догадаться изъ предшествующаго изложенія, элементы, мало соединимые. Всѣ члены его были недовольны существующимъ порядкомъ вещей, но не всѣ одинаковымъ образомъ представляли себѣ тотъ путь, по которому государство должно пойти въ преобразованіяхъ. Однимъ впереди рисовалась многолѣтняя культурная работа надъ исправленіемъ существующаго въ Россіи зла, лихоимства, неправосудія и пр. Эту культурную работу они даже готовы были поставить подъ покровительство самого императора. Другіе рвались впередъ и далеко заходили въ своихъ проектахъ. Составъ членовъ также измѣнился: нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ охладѣли къ Обществу, отдалились отъ него, другіе тяготились бездѣйствіемъ, которое, по ихъ мнѣнію, было въ Обществѣ потому, что они не довольствовались, какъ замѣчаетъ Якушкинъ, вліяніемъ на общественное мнѣніе [1]).

Этотъ разладъ въ средѣ Общества иногда сказывался въ порывистыхъ предположеніяхъ его нѣкоторыхъ членовъ. Якушкинъ и Фонъ-Визинъ, пораженные отчаяннымъ положеніемъ народа, готовы были однажды обратиться къ императору съ адресомъ, подъ которымъ должны были подписаться всѣ члены Союза Благоденствія. Въ этомъ адресѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи и для искорененія ихъ императору предлагалось созвать земскую думу. Якушкинъ написалъ проектъ такого адреса, Фонъ-Визинъ согласился подписать, но Граббе отговорилъ ихъ, потому что такое предпріятіе привело бъ только подписавшихъ въ крѣпость. Неудивительно поэтому, что, изорвавъ проектъ адреса, всѣ трое „долго мы разсуждали о горестномъ положеніи Россіи и сред-

---

[1]) Записки, стр. 32.

ствахъ, которыя бы могли спасти ее. Союзъ Благоденствія, казалось намъ, дремалъ“ [1]).

Такъ возникала мысль о необходимости болѣе активнаго способа дѣйствій. Не забудемъ, что эта мысль проявляется въ средѣ болѣе умѣренныхъ членовъ. Фонъ-Визинъ всегда былъ однимъ изъ очень умѣренныхъ членовъ Общества [2]). Граббе даже отсталъ отъ Общества. Политическое credo Якушкина трудно опредѣлить; онъ всегда былъ далекъ отъ крайнихъ мнѣній, хотя и склоненъ къ порывистымъ проектамъ. Названные члены, среди которыхъ возникала мысль о преобразованіи Союза Благоденствія, группировались около Москвы. Одновременно къ тому же дѣло клонилось и въ Тульчинѣ.

Наибольшимъ вліяніемъ здѣсь пользовался Пестель Но не трудно догадаться, что Пестель дѣйствовалъ и подготовлялъ членовъ далеко не въ цѣляхъ первой части устава Союза Благоденствія. Въ средѣ членовъ Союза онъ подготовлялъ болѣе активную группу. Среди петербургскихъ членовъ была также группа, стремившаяся къ болѣе активной дѣятельности въ видахъ политическихъ. Наиболѣе рельефнымъ показателемъ политическаго настроенія основного кружка членовъ Союза Благоденствія является засѣданіе Коренной Думы, состоявшееся въ январѣ 1820 года въ Петербургѣ. Сюда пріѣхалъ и Пестель, оказавшій на рѣшеніе Думы наибольшее вліяніе.

Засѣданіе происходило въ квартирѣ Ѳедора Глинки. Предсѣдателемъ Союза тогда былъ графъ Толстой, а блюстителемъ кн. Долгорукій. Кромѣ названныхъ лицъ въ засѣданіи присутствовали: Николай Тургеневъ, Семеновъ, Иванъ Шиповъ, Колошинъ, Лунинъ, Фонъ-деръ-Бригенъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и Пестель. Засѣданіе было посвящено вопросу о выгодахъ и

---

[1]) Записки Якушкина, стр. 40—41.

[2]) „Общественныя движенія“, I, стр. 27.

невыгодахъ разныхъ образовъ правленія. Пестель доказывалъ превосходство строя Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Его поддерживали Сергѣй Муравьевъ и кн. Долгорукій. Между прочимъ, указывалось что „государи всегда питаютъ враждебное чувство къ конституціямъ и думаютъ, что ихъ, какъ тарифъ, можно перемѣнять". Въ конечномъ результатѣ преній всѣ, кромѣ Глинки, оказались на сторонѣ республиканскаго правленія. Предсѣдатель предложилъ каждому изъ присутствовавшихъ изложить свое мнѣніе и подать голосъ за ту или другую форму правленія; каждый долженъ былъ сказать, кого онъ предпочитаетъ: монарха или президента. Когда очередь дошла до Тургенева, то онъ сказалъ по-французски: „Президентъ безъ дальнихъ толковъ". Какъ мы сказали, на этомъ засѣданіи только Глинка настаивалъ на томъ, что въ Россіи слишкомъ укоренены монархическія начала, и введеніе республики невозможно; онъ предлагалъ возвести на престолъ императрицу Елисавету Алексѣевну. Его оппозиція не была принята во вниманіе, и такимъ образомъ Коренная Дума высказалась за введеніе республики. Это засѣданіе является очень важнымъ въ исторіи Тайнаго Общества. Такъ какъ рѣшенія Коренной Думы имѣли законодательный характеръ, то, по словамъ Пестеля, это рѣшеніе опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ членамъ, и онъ сообщилъ его въ Тульчинѣ. „Съ тѣхъ поръ,—заявляетъ онъ,—республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены говорили, что если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями". Надо замѣтить, что разсказъ Пестеля о петербургскихъ собраніяхъ тогда же на слѣдствіи былъ отвергаемъ въ томъ смыслѣ, что это было не засѣданіе Коренной Думы, но простое собесѣдованіе, наконецъ и нѣкоторыя мнѣнія, высказаныя членами, были передаваемы не въ столь категорической формѣ.

Вообще всѣ показывавшіе объ этомъ инцидентѣ на слѣдствіи старались всячески затушевать категоричность состоявшагося постановленія [1]). Самъ Тургеневъ объяснялъ впослѣдствіи въ совершенно иномъ смыслѣ приписываемую ему фразу [2]). Несомнѣнно, однако, что на слѣдствіи члены старались затушевать результатъ постановленія, и Пестель правъ въ своемъ утвержденіи. Это можно заключить изъ нѣкоторыхъ оговорокъ Никиты Муравьева. Никита Муравьевъ довольно осторожно касается того же инцидента, настаивая, что онъ не считалъ названное рѣшеніе окончательнымъ, но главнымъ образомъ потому, что Союзъ Благоденствія вскорѣ разрушился и трое изъ присутствовавшихъ членовъ Коренной Думы—Долгоруковъ, Толстой и Глинка—оставили Общество. По наблюденіямъ, вынесеннымъ Никитою Муравьевымъ изъ поѣздки въ Тульчинъ осенью 1820 года, здѣсь была „принята всѣми республика“. Самъ Никита Муравьевъ, по его собственнымъ словамъ, только въ продолженіе 1821 и 1822 гг. „удостовѣрился въ выгодахъ монархическаго представительнаго правленія и въ томъ, что введеніе онаго обѣщаетъ Обществу наиболѣе надеждъ къ успѣху“. И тогда онъ сталъ заниматься вопросомъ о монархической конституціи. Такимъ образомъ показаніе Никиты Муравьева, хотя и очень осторожное, подходитъ къ утвержденію Пестеля о формальномъ значеніи петербургскаго собранія 1820 г., и самъ Муравьевъ тогда еще былъ приверженцемъ республики. Впрочемъ, большой важности не имѣетъ вопросъ,—дебатировался ли этотъ вопросъ въ формальномъ засѣданіи Коренной Думы, или же является простымъ обмѣномъ мнѣній въ средѣ членовъ-основателей Общества. Весьма понятно также побужденіе тѣхъ изъ под-

---

[1]) Дѣло № 5, „О совѣщаніи Коренной Думы въ 1820 году“, стр. 4; Показаніе Семенова, стр. 40.

[2]) „Русская Старина“, 1901 г., сентябрь, стр. 627.

судимыхъ, которые показали, что въ данномъ случаѣ былъ простой обмѣнъ мнѣній, и старались нѣсколько сгладить категоричность утвержденій Пестеля. Во всякомъ случаѣ обмѣна мнѣній и его результата никто не отрицалъ, если не считать туманныхъ разъясненій Тургенева. Для насъ тутъ чрезвычайно важно указаніе на то настроеніе, которое сложилось въ кружкѣ основателей Общества.

Принятіе республиканской формы правленія естественно повело къ обсужденію другого вопроса—о способахъ предполагаемой ликвидаціи самодержавнаго режима. Непосредственно за засѣданіемъ въ квартирѣ Глинки послѣдовало новое совѣщаніе въ квартирѣ полковника Ивана Шипова въ казармахъ Преображенскаго полка. Присутствовали тѣ же лица за исключеніемъ графа Толстого, Глинки и Николая Тургенева. Тутъ въ первый разъ былъ поднятъ вопросъ о цареубійствѣ. Починъ принадлежитъ Пестелю, хотя, впрочемъ, нѣкоторыя показанія указывали на Никиту Муравьева. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Никита Муравьевъ горячо поддерживалъ Пестеля. Остальные члены отрицали необходимость подобной мѣры. Они доказывали, что подобное покушеніе можетъ привести Россію къ анархіи. Но Пестель тогда уже выставилъ свое предложеніе о введеніи верховнаго правленія съ высшей властью, которое обезпечитъ порядокъ и введетъ новый образъ правленія. Наиболѣе жаркій споръ противъ этихъ предложеній началъ кн. Илья Долгорукій, препиравшійся съ Никитой Муравьевымъ. Это совѣщаніе, несомнѣнно носившее уже частный характеръ, не пришло ни къ какому опредѣленному заключенію. Тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ интересъ, какъ первое обсужденіе даннаго вопроса. Кромѣ того, послѣ этого не одинъ Пестель развивалъ необходимость этой мѣры: кромѣ Никиты Муравьева, ее признавали и нѣкоторые другіе петербургскіе члены. Въ показаніяхъ Александра

Поджіо, отличающихся безусловною точностью, встрѣчаемъ отголосокъ мнѣній тогдашнихъ петербургскихъ членовъ. Поджіо въ 1821 году получилъ предложеніе отъ Шипова вступить въ члены Союза Благоденствія. Тогда же онъ бесѣдовалъ съ Лунинымъ. Тогда у нихъ была бесѣда „о покушеніи на жизнь покойнаго государя“, съ чѣмъ соглашался Поджіо. Изъ разговора онъ не могъ опредѣлить, было ли покушеніе мѣрой, принятой въ Обществѣ, или же лично мнѣніемъ Лунина; не помнитъ также, былъ ли при этомъ разговорѣ Шиповъ [1]). Такъ впервые была высказана членами Общества мысль о цареубійствѣ, впослѣдствіи бывшая цѣлью Южнаго Общества.

Оба инцидента говорятъ намъ о томъ, что уже около 1820 года оформились мысли Пестеля о республикѣ и о переходной къ ней стадіи—верховномъ правленіи.

У себя, въ Тульчинѣ, Пестель, несомнѣнно, очень дѣятельно подготовлялъ членовъ въ указанномъ направленіи. Разумѣется, не всѣ были посвящены въ основную мысль Пестеля. Но здѣсь же, въ Тульчинѣ, Пестель встрѣчалъ противодѣйствіе въ очень вліятельномъ своемъ сотоварищѣ полковникѣ Бурцевѣ. Бурцевъ держался умѣренныхъ воззрѣній, и такъ какъ это былъ человѣкъ съ большимъ вліяніемъ, то тульчинское Общество дѣлилось какъ бы на двѣ партіи [2]). Разладъ Пестеля съ Бурцевымъ долженъ былъ повести къ удаленію одного изъ нихъ изъ отдѣла Общества. Полковникъ Комаровъ, далеко не посвященный въ задушевные планы Пестеля, сообщаетъ намъ, однако, любопытнѣйшія подробности о способахъ агитаціи Пестеля среди тульчинскихъ офицеровъ. Пестель прежде всего старался внушить каждому, что „нашъ долгъ есть необходимо стре-

---

[1]) Дѣло № 5, стр. 6—7; Показаніе Никиты Муравьева отъ 3 февраля 1826 г., стр. 26; Показаніе Сергѣя Муравьева того же числа, стр. 172; Показаніе Поджіо, 16 апрѣля, 1826 г., стр. 52.

[2]) Записки Якушкина, стр. 42.

миться къ пользѣ". Для этого необходимо ускорить „нравственное образованіе ума и чувствованій, чтобъ умѣть приложить ихъ со временемъ на общеполезное". Онъ совѣтовалъ подготовлять себя чтеніемъ Беккаріа, Макіавеля, Вольтера, Гельвеція, Сейя, Смита и другихъ авторовъ. Пестель старался внушать, „что безъ этихъ понятій и свѣдѣній не достигнешь быть полезнымъ ни себѣ, ни Обществу, ни отечеству". Рѣчь государя на варшавскомъ сеймѣ Пестель коментировалъ (такъ тогда понимали многіе эту рѣчь), какъ сокровенную мысль государя и по отношенію къ Россіи. Отсюда онъ указывалъ на необходимость дѣятельной подготовки къ будущему служенію Обществу. Тульчинское Общество превратилось, такъ сказать, въ Общество самообразованія. Вечера проводились въ чтеніи, разсужденіяхъ и спорахъ.

Когда Общество было достаточно подготовлено, когда разсужденія его пріобрѣли достаточно рѣшимости и самостоятельности, настроеніе его членовъ окончательно раздвоилось. Тогда Пестель предложилъ учредить въ Обществѣ временное диктаторство съ тѣмъ, „чтобы избраннаго уполномочить властію сдѣлать постановленія пространнѣйшія и болѣе самовластныя, чѣмъ ничтожныя правила, изложенныя въ Зеленой Книгѣ, и что это (т.-е. правила Зеленой Книги) было только для робкихъ душъ на первый разъ". Это предложеніе вызвало много оживленныхъ споровъ. Одни указывали, что такой перемѣны устава нельзя сдѣлать безъ совѣщанія со всѣми членами, другіе не соглашались на диктатуру и предлагали замѣнить ее тріумвиратомъ. Жаркіе споры ни къ чему не привели. Тогда Комаровъ, уже давно, подобно другимъ, тяготившійся новымъ направленіемъ Общества, сдѣлалъ предложеніе о созваніи съѣзда въ Москвѣ для измѣненія устава [1]).

---

[1]) Показаніе Комарова.

Эти дебаты въ тульчинскомъ Обществѣ, вѣроятно, относятся къ лѣту 1820 г., т.-е. ко времени возвращенія Пестеля изъ Петербурга послѣ извѣстнаго намъ собранія Коренной Думы. Сама собою напрашивается мысль, что предложеніе Пестеля о диктатурѣ связано съ петербургскимъ рѣшеніемъ: диктаторъ создалъ бы новый уставъ или планъ дѣйствій, соотвѣтственный петербургскому рѣшенію. Неудивительно также, что Пестель предпочиталъ обратиться къ диктаторскимъ полномочіямъ въ надеждѣ тѣмъ самымъ сохранить колеблющихся членовъ.

Мы только что видѣли, что Комаровъ приписываетъ себѣ инициативу московскаго съѣзда. Это очень возможно и какъ кажется, нисколько не противорѣчитъ разсказу Якушкина. Въ то время въ Тульчинѣ былъ и Фонъ-Визинъ и отсюда онъ отправился въ Москву, гдѣ могъ уяснить себѣ настроеніе московскихъ членовъ. Фонъ-Визинъ, державшійся весьма умѣренныхъ воззрѣній, могъ быть и не посвященъ Пестелемъ въ его окончательный планъ, могъ оказаться и въ числѣ лицъ, противодѣйствовавшихъ Пестелю въ его республиканскихъ воззрѣніяхъ. Во всякомъ случаѣ мы уже знаемъ, что и по мнѣнію московскихъ членовъ Союзъ Благоденствія не проявлялъ достаточной дѣятельности, и здѣсь стремились къ его преобразованію.

По совѣщанію съ Якушкинымъ, происходившимъ въ Смоленской губерніи въ имѣніи Якушкина, рѣшено было созвать депутатовъ въ Москву къ первому января 1821 г. Фонъ-Визинъ съ братомъ Иваномъ отправились въ Петербургъ для приглашенія тамошнихъ членовъ, а Якушкинъ съ той же цѣлью направился въ Тульчинъ и въ Кишиневъ, гдѣ стоялъ съ своей дивизіей генералъ Орловъ.

Въ Тульчинѣ, въ квартирѣ Пестеля, состоялось совѣщаніе, на которомъ Якушкинъ изложилъ цѣль своего пріѣзда. На этомъ совѣщаніи шла рѣчь объ опредѣленіи

въ Москвѣ на будущемъ съѣздѣ, необходимыхъ измѣненій въ уставѣ Союза Благоденствія, или даже въ устройствѣ самого Общества. Бурцевъ былъ очень противъ поѣздки въ Москву самого Пестеля, опасаясь его вліянія въ Москвѣ. Между тѣмъ Пестель хотѣлъ ѣхать, но его удержали, представивъ весьма важныя соображенія: поѣздка Пестеля въ Москву могла бы показаться подозрительной, такъ какъ онъ здѣсь не имѣлъ связей. Кромѣ того четыре тульчинскихъ члена ѣхали по своимъ надобностямъ въ Москву и уже имѣли отпуски. Это были: Бурцевъ, Комаровъ, Охотниковъ и князь Волконскій. Пестель долженъ былъ уступить. Изъ Тульчина Якушкинъ отправился въ Кишиневъ и здѣсь передалъ приглашеніе на съѣздъ генералу Орлову [1]).

Итакъ на предварительномъ совѣщаніи въ Тульчинѣ рѣшено было послать депутатовъ исключительно для переустройства Союза Благоденствія. Басаргинъ прямо заявляетъ, что тульчинскимъ Обществомъ дано было порученіе Бурцеву побудить московскихъ членовъ къ большей дѣятельности [2]).

Такимъ образомъ изъ Москвы и съ Юга давались порученія депутатамъ преобразовать Общество для болѣе интенсивной дѣятельности. Петербургскій членъ Семеновъ говоритъ, что около того времени „безпрестанно болѣе и болѣе увеличивающіеся безпорядки въ Обществѣ были причиной, что нѣкоторые изъ членовъ Союза сначала стали уклоняться отъ участія въ дѣлахъ Общества, и наконецъ совсѣмъ оное оставили, а другіе начали помышлять объ учрежденіи независимыхъ отъ Союза Благоденствія обществъ“. Поэтому, по его мнѣнію, цѣлью собранія въ Москвѣ депутатовъ Союза было не столько

---

[1]) Записки Якушкина, стр. 41. 43, 44, 47. Въ своихъ показаніяхъ Якушкинъ сообщаетъ, что онъ былъ въ Тульчинѣ въ 1820 г. и здѣсь видѣлся съ Бурцевымъ, Пестелемъ, Юшневскимъ, Комаровымъ, Барятинскимъ, Крюковымъ и др. Показаніе отъ 13 февраля, 1826 г., стр. 19.

[2]) „Девятнадцатый вѣкъ“ Бартенева, I, стр. 73.

намѣреніе отдалить ненадежныхъ членовъ, сколько желаніе или упрочить существованіе Общества или, ежели не найдется вѣрныхъ къ тому способовъ, совсѣмъ оное уничтожить [1]). По мнѣнію самого Якушкина, цѣлью собранія было „обозрѣть положеніе и способы Общества и опредѣлить причины, до сихъ поръ препятствующія распространенію и успѣхамъ Общества“ [2]). Таковы были цѣли, съ которыми съѣзжались члены въ Москву на съѣздъ.

Въ началѣ января 1821 года члены Общества стали съѣзжаться въ Москву. Изъ московскихъ членовъ тутъ были оба Фонъ-Визины, Граббе, Якушкинъ и Колошинъ, изъ петербургскихъ—Глинка и Тургеневъ, изъ южныхъ—Бурцевъ, Комаровъ, Орловъ, Охотниковъ и князь Волконскій. Съѣздъ продолжался въ теченіе трехъ недѣль. Къ концу съѣзда пріѣхалъ еще Михаилъ Муравьевъ (по сообщенію Якушкина). Не всѣ члены всегда присутствовали на совѣщаніяхъ. Было условлено, что отъ участія въ преніяхъ должны быть устранены некоренные члены, такъ что отъ Южной Думы единственнымъ полноправнымъ представителемъ явился Бурцевъ [3]).

При самомъ началѣ совѣщаній члены получили извѣстіе о томъ, что правительство слѣдитъ за Обществомъ. Это извѣстіе привезъ Ѳедоръ Глинка, адъютантъ петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, а онъ имѣлъ самыя положительныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ правительства [4]). Эти свѣдѣнія были совершенно вѣрны. Нѣкоторые члены уже получили компетентныя предостереженія, такъ, напр., Орловъ былъ предостереженъ Ермоловымъ [5]). Въ правительственныхъ сферахъ также знали о томъ, что въ Москвѣ собирается съѣздъ, на

---

[1]) Показаніе Семенова, стр. 41.
[2]) Показанія, стр. II.
[3]) Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1902 г., стр. 411.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тургеневъ, La Russie, томъ I, стр. 88.

которомъ предполагается имѣть сужденія объ освобожденіи крестьянъ и объ измѣненіи правленія; знали также и имена генераловъ: Фонъ-Визина, Орлова, полковниковъ: Глинки и Граббе, Тургенева и Муравьевыхъ, какъ объ участникахъ предполагаемаго съѣзда [1]). Это открытіе имѣло важное значеніе на постановленія съѣзда. Оно привело къ удаленію колеблющихся членовъ и къ объявленію о формальномъ закрытіи Союза Благоденствія. Дѣйствительно, правительство слѣдило настолько удачно, что даже получило довольно полныя свѣдѣнія о самомъ съѣздѣ.

Первыя же засѣданія московскаго съѣзда неразрывно связаны съ спорнымъ вопросомъ о роли на этомъ съѣздѣ М. Ѳ. Орлова и о его выходѣ изъ Общества. Извѣстна полемика по этому вопросу двухъ сыновей декабристовъ, г. Якушкина и Н. М. Орлова. Послѣдній опирается на разсказы своего отца и категорически опровергаетъ разсказъ, находящійся въ запискахъ Якушкина. Прежде всего Н. М. Орловъ настаиваетъ на томъ, что М. Ѳ. Орловъ былъ избранъ предсѣдателемъ на этомъ съѣздѣ [2]) До послѣдняго времени это категорическое утвержденіе было одинокимъ. Но въ запискахъ князя Волконскаго, друга Орлова, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшаго въ Москву, получаетъ подтвержденіе [3]). Въ утвержденіяхъ Н. М. Орлова нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ Тургеневъ дѣйствительно могъ не присутствовать на первомъ собраніи, почему предсѣдательство могло быть предоставлено Орлову. По словамъ послѣдняго, онъ присутствовалъ только на двухъ засѣданіяхъ, при чемъ заявляетъ, что на второмъ засѣданіи онъ отказался отъ участія въ Обществѣ. О причинахъ своего отказа М. Ѳ. Орловъ совершенно не упоминаетъ въ своемъ показаніи, что́ имѣетъ немаловажное значеніе.

---

[1]) „Русск. Арх.“, 1875 г., № 8, стр. 442.

[2]) „Р. Ст.“, 1872 г., май, стр. 778.

[3]) Записки, стр. 411.

Между тѣмъ объ этихъ причинахъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что въ первомъ же засѣданіи Орловъ читалъ письменныя условія, на которыхъ онъ соглашался присоединиться къ Тайному Обществу. Орловъ настаивалъ, что для достиженія своихъ цѣлей Общество должно рѣшиться на самыя крутыя мѣры и даже прибѣгнуть къ преступнымъ средствамъ. Онъ предлагалъ завести нелегальную типографію для печатанія и распространенія статей противъ правительства и даже фабрику фальшивыхъ ассигнацій какъ для пріобрѣтенія средствъ, такъ и для подрыва кредита правительства. Собравшіеся были изумлены подобными предложеніями, готовы были принять ихъ, какъ шутку. Но Орловъ настаивалъ на своемъ и отказался отъ всякаго участія въ Тайномъ Обществѣ [1]).

Этотъ разсказъ Якушкина представляется совершенно невѣроятнымъ Н. М. Орлову. Въ передачѣ послѣдняго о засѣданіи, въ которомъ послѣдовалъ отказъ М. Ѳ. Орлова, много фактическихъ несообразностей, доказывающихъ, что разсказъ едва ли происходитъ отъ самого М. Ѳ. Орлова. Кромѣ того, если бы послѣдній дѣйствительно предостерегалъ своихъ сочленовъ отъ увлеченій, „опасныхъ для отечества“, то едва ли онъ не преминулъ бы привести эту рѣчь для своего оправданія на слѣдствіи [2]). Но съ другой стороны имѣется подтвержденіе, хотя и исходящее изъ мутнаго источника, что Орловъ дѣйствительно предлагалъ на съѣздѣ крайнія мѣры. Это сообщеніе мы находимъ у довольно освѣдомленнаго автора записки о Тайныхъ Обществахъ, переданной въ 1821 г. генераломъ Бенкендорфомъ императору Александру I. Авторомъ этой записки, вѣроятно, былъ тайный агентъ Грибовскій. Авторъ записки разсказываетъ, что Орловъ на съѣздѣ, „ручаясь за свою дивизію, требовалъ полномочія дѣй-

---

[1]) Записки Якушкина, стр. 53.

[2]) Разсказъ Н. М. Орлова въ „Р. Ст.“, 1872 г., май, стр. 779.

ствовать по своему усмотрѣнію, настаивалъ объ учрежденіи „Невидимыхъ Братьевъ“, которые составляли бы центръ и управляли всѣмъ; прочихъ раздѣлить на языки (по народамъ: греческій, еврейскій и пр.), которые какъ бы лучи сходились къ центру и приносили дань, не вѣдая кому“. Агентъ также высказываетъ предположеніе, что предложеніе Орлова, можетъ-быть, клонилось къ тому, чтобы найти предлогъ для выхода изъ Общества [1]). Въ этой передачѣ отразилось прежде всего предложеніе Орлова о необходимости крутыхъ мѣръ. Затѣмъ здѣсь есть черты, дѣйствительно характеризующія Орлова. Нѣсколько ранѣе онъ носился съ проектомъ Общества Русскихъ Рыцарей. Въ своемъ показаніи онъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на томъ постановленіи устава Союза Благоденствія, которое требовало, чтобы каждый членъ принималъ въ Союзъ не болѣе двухъ членовъ: въ этомъ ему представляется большая прочность организаціи, такъ какъ разысканія правительства остановятся на первомъ устойчивомъ человѣкѣ. Это и есть мысль о „лучахъ“.

Нѣтъ, однако, нужды заподозривать намѣреній Орлова предположеніемъ, что онъ искалъ предлога для удаленія изъ Общества. Этотъ предлогъ видѣли въ предполагаемой женитьбѣ Орлова на Е. Н. Раевской. Братомъ невѣсты Орлову было поставлено условіемъ выходъ изъ Общества, и онъ ѣхалъ въ Москву „въ шаткомъ убѣжденіи, что ему дѣлать“ [2]). Очень возможно, что Орловъ рѣшилъ или жениться и выйти изъ Общества, или побудить его дѣйствовать быстро и рѣшительно. Вѣдь намъ уже приходилось говорить о томъ, что бездѣйствіе Общества и его нѣсколько неопредѣленная политическая физіономія тяготили многихъ членовъ. Добавимъ, что сообщаемое въ письмѣ Граббе извѣстіе, что онъ не слышалъ на

---

[1]) Записки Волконскаго, стр. 410.

[2]) „Р. Арх.“, 1875 г., стр. 428.

съѣздѣ о предложеніи Орлова [1]), нисколько не говоритъ противъ мнѣнія о возможности предположеній Орлова. Уже декабристъ Розенъ высказалъ мнѣніе, что предложеніе Орлова могло быть сдѣлано не въ полномъ собраніи членовъ съѣзда, и Граббе могъ и не знать о нихъ [2]).

Переходимъ теперь къ дальнѣйшему изложенію того, что́ происходило на московскомъ съѣздѣ.

Независимо отъ отношеній Орлова къ задачамъ Общества, среди собравшихся членовъ намѣтились двѣ группы: болѣе радикальная, склонявшаяся къ преобразованію Общества въ цѣляхъ чисто политическихъ, и болѣе умѣренная, склонявшаяся даже къ его уничтоженію. Якушкинъ въ своемъ показаніи, передаетъ точку зрѣнія первой группы, къ которой принадлежалъ онъ самъ, Фонъ-Визинъ, Волконскій, Охотниковъ. Обсужденіе настоящаго положенія Общества приводило ихъ къ убѣжденію, во-первыхъ, что неограниченность цѣли, изложенной въ уставѣ Союза Благоденствія, охлаждая многихъ членовъ, замедляетъ ходъ Общества; а во-вторыхъ, что положеніе относительно принятія „не довольно ограждая Общество отъ вступленія ненадежныхъ членовъ, подвергало ходъ онаго безпрестаннымъ опасностямъ, и что сіи двѣ главныя причины не только противились успѣхамъ Общества, но даже угрожали ему совершеннымъ уничтоженіемъ“ [3]).

Первоначально члены дѣйствительно занимались проектомъ новаго устава. Въ одномъ изъ засѣданій Фонъ-Визинъ предложилъ раздѣлить Общество на три разряда. Высшій разрядъ, „незнаемыхъ“, долженъ составлять постоянный главный совѣтъ Общества, который упра-

[1]) „Р. Ст.“, 1873 г., стр. 374.
[2]) „Р. Ст.“, 1874 г., январь, стр. 69.
[3]) Показаніе Якушкина, стр. 11.

вляетъ Обществомъ и составляетъ для него законы. Ему непосредственно подчиненъ второй разрядъ „исполнительный“, который приводитъ „ихъ положенія къ исполненію, изъ него же должны командироваться члены для объѣздовъ и наблюденій хода Общества по разнымъ мѣстамъ“; частная переписка по дѣламъ Общества прекращается. Третій разрядъ долженъ получить названіе „нововводимыхъ“. Фонъ-Визина поддерживали его братъ, Граббе, Волконскій, Якушкинъ, Охотниковъ, Бурцевъ [1]).

Но занятія по составленію новаго устава вскорѣ должны были прерваться, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ членовъ. Подъ вліяніемъ ли коренныхъ несогласій о цѣляхъ Общества, или подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ слуховъ изъ Петербурга, но въ средѣ собравшихся замѣчается большой разладъ. Комаровъ клонитъ дѣло къ полному уничтоженію Общества. По его же наблюденіямъ, Тургеневъ выказывалъ себя весьма умѣреннымъ. Комаровъ съ нимъ часто ведетъ бесѣды по этому поводу, и въ этихъ бесѣдахъ съ одной стороны указывалось Комаровымъ на то, что во второй арміи Общество имѣетъ видъ „якобинства“, и опасенія со стороны полиціи. Бурцевъ держался неопредѣленной политики: онъ то указывалъ на опасенія, то выказывалъ большую ревность. Колошинъ сталъ рѣшительно на сторону Комарова.

При такихъ условіяхъ между членами Общества не было полнаго довѣрія. Охлажденіе нѣкоторыхъ казалось подозрительнымъ другимъ. Отъ наблюденій Комарова не укрылась таинственность нѣкоторыхъ разговоровъ Фонъ-Визина. Комаровъ довольно наивно разсказываетъ нѣкоторые инциденты, происшедшіе въ засѣданіяхъ. Онъ является въ одно изъ засѣданій, очевидно, одно изъ первыхъ, и застаетъ въ горячемъ спорѣ Орлова съ Фонъ-Визинымъ, Якушкинымъ и Охотниковымъ.

---

[1]) Комаровъ, „Мемуары декабристовъ“, I, 33.

Орловъ назвалъ предложеніе Фонъ-Визина (сущность его осталась неизвѣстною Комарову), что оно похоже на „заговоръ въ заговорѣ“. Когда споръ нѣсколько поутихъ, Комаровъ обратился къ Орлову за разъясненіемъ его фразы. Комаровъ понялъ, что Орловъ первымъ заговоромъ считаетъ партію Фонъ-Визина, но просилъ разъясненія, что онъ разумѣетъ подъ вторымъ заговоромъ, потому что Комаровъ Союзъ Благоденствія не считалъ заговоромъ. Не успѣлъ Орловъ отвѣтить Комарову, какъ Якушкинъ сказалъ послѣднему, „что онъ читаетъ на челѣ моемъ противное благу Общества“. Комаровъ ему отвѣтилъ: „Если оно не взойдетъ въ предѣлы первыхъ правилъ“.— „Это невозможно!“ отвѣтилъ Якушкинъ. Охотниковъ постарался прекратить этотъ разговоръ, заявивъ Комарову, что онъ понимаетъ слишкомъ „литерально“ слова, особенно вырвавшіяся въ горячемъ спорѣ. Но Орловъ настаивалъ, отвѣчая Комарову, что Тайное Общество и заговоръ — синонимы [1]).

Замѣтимъ, что Комаровъ велъ журналъ и ссылается на то, что этотъ инцидентъ былъ записанъ у него въ журналѣ. Этотъ инцидентъ въ достаточной мѣрѣ характеризуетъ намъ настроеніе московскаго съѣзда. Ясно, что дальнѣйшее существованіе Общества было невозможно. Къ такому заключенію и пришли собравшіеся на одномъ изъ засѣданій. Комаровъ увѣряетъ, что это засѣданіе было собрано Тургеневымъ по его просьбѣ, и что на немъ Бурцевъ охотно поддержалъ предложеніе объ уничтоженіи Общества. Такое утвержденіе совершенно совпадаетъ съ дальнѣйшимъ поведеніемъ обоихъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, объявилъ о закрытіи Союза Благоденствія и даже впослѣдствіи въ Петербургѣ письменно оповѣстилъ объ этомъ членовъ.

Нѣкоторые члены были увѣрены въ дѣйствительномъ за-

---

[1]) Показанія Комарова, „Мемуары декабристовъ“, 43.

крытіи Союза Благоденствія. Въ него вѣрили Комаровъ, Орловъ, какъ они показывали въ своихъ показаніяхъ, даже, повидимому, князь Волконскій [1]). Однако наиболѣе преданные дѣлу члены, освободившись отъ колеблющихся, не разставались съ мыслью о возобновленіи Общества и о новомъ для него уставѣ.

Въ вопросѣ о закрытіи Союза Благоденствія есть одна неясность. Союзъ былъ закрытъ, о чемъ и было объявлено членамъ Общества. Судя по разсказу Комарова, члены съѣзда сначала занимались вопросомъ о преобразованіи Общества. Затѣмъ этотъ вопросъ былъ оставленъ, при чемъ официальной мотивировки этого факта нельзя найти. Но, какъ мы видѣли, этотъ перерывъ объясняется желаніемъ освободиться отъ умѣренныхъ членовъ и закрыть Союзъ съ цѣлью отвратить отъ Общества вниманіе правительства. Но среди членовъ съѣзда осталась группа болѣе радикальнаго направленія. Спрашивается, какъ она, тогда же на съѣздѣ, отнеслась къ факту закрытія Союза? Впослѣдствіи Пестель настойчиво утверждалъ, что Южное Общество является продолженіемъ Союза Благоденствія и осуществляетъ поставленныя имъ цѣли. Въ извѣстной мѣрѣ подтвержденіе этой мысли находимъ въ показаніяхъ и позднѣйшихъ запискахъ Якушкина. Онъ принадлежалъ къ „заговору“ Фонъ-Визина. Съ его точки зрѣнія, уставъ Союза Благоденствія „былъ уничтоженъ, и членамъ ненадежнымъ положено было объявить, что Общество болѣе не существуетъ“.

По мысли Якушкина часть членовъ Съѣзда не считала Общество закрытымъ и потому сочла необходимымъ, согласно съ основною задачею Съѣзда, выработать новый уставъ для Общества. Онъ такъ и показалъ на слѣдствіи, что рѣшено было „вновь преобразовать устройство Общества“. Новый уставъ явился

---

[1]) Записки, стр. 412.

переработкой устава Союза Благоденствія. Тотъ же декабристъ сообщаетъ и основныя черты новаго устава. Члены дѣлились на двѣ степени. Членамъ первой степени была извѣстна цѣль Общества—„приготовить государство къ принятію представительнаго правленія“. Членамъ второй степени главная цѣль оставалась неизвѣстной. Пріемъ въ члены былъ обставленъ большими затрудненіями, такъ какъ для первой степени требовалось согласіе на принятіе главнаго правленія Общества, а для второй — согласіе двухъ Управъ. Правленіе Общества предполагалось въ Петербургѣ. Предполагалось завести 4 управы новаго Общества: въ Петербургѣ, Москвѣ, Тульчинѣ и въ Смоленской губ. Но Общество не начало въ этомъ видѣ своего существованія и списки его устава были истреблены въ 1822 г. Такъ говорилъ Якушкинъ въ своихъ показаніяхъ [1]). Въ позднѣйшихъ запискахъ онъ сообщаетъ еще нѣкоторыя подробности. Такъ, уставъ предполагалось раздѣлить на двѣ части. Въ первой для вступающихъ предлагались тѣ же филантропическія цѣли, что и въ Зеленой Книгѣ. Редакціей этой части занимался Бурцевъ. Вторая часть устава, которую написалъ Тургеневъ, предназначалась для членовъ высшаго разряда. Здѣсь прямо говорилось, что цѣлью Общества является ограниченіе самодержавія, а въ числѣ средствъ для его достиженія признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска. Предполагалось учредить четыре главныя думы: въ Петербургѣ подъ руководствомъ Тургенева, въ Москвѣ — Ивана Фонъ-Визина, въ Смоленской губерніи — Якушкина, въ Тульчинѣ — Бурцева. Якушкинъ увѣряетъ, что этотъ уставъ даже былъ подписанъ [2]).

Изъ этихъ фактовъ очевидно, что Союзъ Благоденствія былъ закрытъ чисто формально, для объявленія этого

---

[1]) Показаніе, стр. 13.

[2]) Записки, стр. 54—55.

колеблющимся членамъ и для усыпленія бдительности полиціи. Группа же собравшихся, притомъ весьма небольшая (къ ней надо отнести, кромѣ Якушкина, обоихъ Фонъ-Визиныхъ, Тургенева и, вѣроятно, Бурцева), преобразовала Общество. Попытки Тургенева немедленно возстановить Общество въ Петербургѣ также подтверждаютъ это. Попытки эти были неудачны и даже отрицались впослѣдствіи самимъ Тургеневымъ, но онѣ въ дѣйствительности были. Но съорганизоваться новое Общество, дѣйствительно, не успѣло, такъ что фактически Союзъ прекратилъ свое существованіе въ Петербургѣ и Москвѣ до возстановленія Сѣвернаго Общества. Однако въ устройствѣ Сѣвернаго Общества есть черты, напоминающія схему устава 1821 года въ изложеніи Якушкина. Такимъ образомъ традиція Союза Благоденствія была сохранена.

IV.

Южное Общество.

Можно весьма сомнѣваться, однако, въ томъ, чтобы въ Тульчинѣ были освѣдомлены своевременно о новомъ преобразованіи Союза. Комаровъ и Волконскій, какъ мы видѣли, были убѣждены въ закрытіи Союза. Бурцевъ не счелъ нужнымъ сообщить о новомъ уставѣ. Можетъ-быть, антагонистъ Пестеля предполагалъ объявленіемъ о закрытіи Союза, тѣмъ самымъ дать поводъ Пестелю выйти изъ Общества и самому выполнить постановленіе въ Москвѣ о составленіи управы въ Тульчинѣ. Пестель еще до пріѣзда Бурцева имѣлъ совѣщаніе съ членами по вопросу о возобновленіи Общества [1]). При-

---

[1]) Намекъ видно въ показаніяхъ Басаргина, стр. 33.

нятіе Тульчинскимъ Обществомъ основныхъ чертъ устава Союза Спасенія подтверждаетъ, что выработанный въ Москвѣ новый уставъ не былъ здѣсь сообщенъ Бурцевымъ.

Съ внѣшней стороны ходъ образованія Тульчинскаго Общества представляется въ такомъ видѣ.

Бывшіе въ Москвѣ депутаты Тульчинскаго отдѣла Союза Благоденствія привезли въ Тульчинъ извѣстіе о закрытіи Общества. Первыми вѣстниками были князь Волконскій и Комаровъ. Послѣдній сообщилъ поодиночкѣ членамъ о рѣшеніи Московскаго съѣзда, но формальное совѣщаніе по этому поводу Пестель откладывалъ до пріѣзда Бурцева [1]). Наконецъ пріѣхалъ и Бурцевъ, хорошо освѣдомленный о рѣшеніи въ Москвѣ возобновить дѣятельность Общества [2]). Тѣмъ не менѣе на общемъ собраніи Тульчинскаго отдѣла Бурцевъ, и Комаровъ заявили объ окончательномъ закрытіи Общества и удалились изъ засѣданія.

Пестель съ большими подробностями передаетъ ходъ этого засѣданія. Приведемъ его разсказъ въ виду его важности. („По возвращеніи Бурцева и Комарова изъ Москвы, узнали мы все тамъ происшедшее отъ Комарова, прежде, нежели Бурцевъ по порученію о томъ въ Думѣ объявилъ. Посему прежде собранія Думы былъ у насъ о томъ разговоръ съ Юшневскимъ. Изъ неудовольствія всѣхъ членовъ нашей Думы о московскомъ происшествіи видно уже было, что большая часть склонна не признать объявленнаго уничтоженія Союза. По сему обстоятельству говорилъ мнѣ Юшневскій прежде собранія Думы, что онъ намѣренъ въ оной представить обо всѣхъ опасностяхъ и трудностяхъ предпріятія, дабы испытать членовъ и удалить всѣхъ слабосердыхъ, говоря, что лучше ихъ теперь отъ Союза при семъ

[1]) Показанія Комарова, „Мемуары“, 35.
[2]) Басаргинъ, тамъ же, 73.

удобномъ случаѣ удалить, нежели потомъ съ ними возиться. Когда Дума была собрана, и Бурцевъ объявилъ о московскомъ уничтоженіи Союза, а потомъ вышелъ, и за нимъ Комаровъ, тогда Юшневскій проговорилъ свою рѣчь, которая не только никого не удалила отъ Союза, но, напротивъ того, самолюбіе каждаго подстрекнула, и полковникъ Аврамовъ первый сказалъ, что ежели всѣ члены оставятъ Союзъ, то онъ будетъ считать его сохраненнымъ въ себѣ одномъ. Послѣ него всѣ члены объявили намѣреніе оставаться въ Союзѣ, и тутъ было замѣчено, что Московская чрезвычайная Дума имѣла порученіе преобразовать Союзъ и потому преступила границы своей власти, объявляя Союзъ уничтоженнымъ, а потому Тульчинская Дума признаетъ Союзъ существующимъ съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи. То и другое было подтверждено, и притомъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ образованіи Союза. Всѣ тогда присутствовавшіе члены приняли названіе бояръ Союза и выбрали въ предсѣдатели Юшневскаго, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что онъ, подобно намъ, не признаетъ уничтоженія Союза, ибо онъ не былъ въ Москвѣ. Вотъ самое вѣрнѣйшее и подробнѣйшее повѣствованіе всего сего происшествія. Вскорѣ послѣ того получили мы извѣстіе отъ Никиты Муравьева, что многіе члены въ Петербургѣ точно такъ же поступили, какъ Тульчинская Дума“ [1]).

Разсказъ Пестеля о первомъ собраніи Тульчинской Думы подтверждается, съ нѣкоторыми разъясненіями, показаніями и другихъ участниковъ. Ротмистръ Ивашевъ опредѣляетъ порядокъ засѣданія и разрѣшенные на немъ вопросы слѣдующимъ образомъ. Прежде всего былъ поставленъ вопросъ, признаетъ ли собраніе Общество разрушеннымъ; затѣмъ, рѣшаютъ ли собравшіеся продолжать Общество? Какъ мы уже знаемъ, на

---

[1]) „Былое“, 1906 г. февраль, 172.

оба вопроса даны были утвердительные отвѣты. Тогда было рѣшено преобразовать Общество и предоставить полную въ немъ власть начальствующимъ лицамъ. Пестель подробно объяснилъ, какъ сходно съ Иваше-вымъ показываетъ и князь Барятинскій, что прежнее Общество рушилось вслѣдствіе несогласій среди его членовъ относительно цѣли Общества и средствъ ея осуществленія, почему необходимо теперь же опредѣлить то и другое. Пестель тутъ же высказалъ свое мнѣніе о необходимости лишить жизни государя, если онъ не согласится на конституцію.

„Если не согласится его величество на принятіе предложеннаго правленія, то будетъ ли монархъ прѣградою намѣреніямъ Общества?“ И самъ, отвѣчая на свой вопросъ, высказалъ свое убѣжденіе въ необходимости такой мѣры. Потомъ, обращаясь къ каждому члену въ отдѣльности, получилъ на предложеніе свое согласіе отъ всѣхъ.

Хотя Аврамовъ выказывалъ большую горячность въ желаніи продолжать дѣло Общество, но послѣ этой рѣчи Пестеля произошелъ нѣкоторый инцидентъ. Онъ заявилъ, что желаетъ только конституціи, а не какого-нибудь другого рода правленія, и вступилъ въ споръ съ Пестелемъ и Юшневскимъ. Ему, наконецъ, доказали, что цѣль Общества и есть конституція, но что ея невозможно получить и сохранить при царствующемъ государѣ. Съ этимъ Аврамовъ, наконецъ, согласился. Между прочимъ, по наблюденію князя Барятинскаго, рѣчь Юшневскаго была направлена преимущественно по адресу Аврамова, такъ какъ въ немъ было нѣкоторое сомнѣніе [1]).

Относительно опредѣленія цѣли Общества и средствъ ея осуществленія, о чемъ говорилось въ этомъ первомъ

---

[1]) Показаніе князя Барятинскаго, отвѣтъ на вопросы отъ 3 апрѣля, стр. 35—36. Показаніе ротмистра Ивашева, дополнительный отвѣтъ къ допроснымъ пунктамъ отъ 29 марта, стр. 29

засѣданіи, мы имѣемъ показанія двухъ свидѣтелей, Барятинскаго и Ивашева, вообще весьма осторожныхъ въ своихъ признаніяхъ Слѣдственному Комитету. Къ нимъ можно отнестись съ довѣріемъ: Пестель также призналъ, что на этомъ засѣданіи обсуждался вопросъ о цареубійствѣ, но въ своихъ показаніяхъ онъ строго проводитъ взглядъ, что вопросъ о республиканскомъ правленіи и о способахъ его осуществленія ведетъ свое начало съ постановленія Коренной Думы Союза Благоденствія въ 1820 г. и что онъ являлся лишь проводникомъ и исполнителемъ этого постановленія [1]).

Любопытно отмѣтить, что хотя собравшіеся въ квартирѣ Пестеля были, повидимому, единодушны въ своемъ желаніи, но Юшневскій и Пестель были правы, предполагая, что въ ихъ средѣ есть колеблющіеся. Можетъ-быть, въ этихъ цѣляхъ въ томъ же первомъ засѣданіи, послѣ избранія директоровъ, было объявлено о временномъ прекращеніи дѣйствій Общества и присутствующимъ предложено было ограничиться лишь принятіемъ новыхъ членовъ. Дѣйствительно, нѣкоторые члены фактически отпали послѣ перваго же совѣщанія. Любопытную характеристику настроенія этой категоріи членовъ передаетъ Басаргинъ. На другой же день послѣ совѣщанія у Пестеля онъ былъ у Ивашева; сюда же пришелъ и докторъ Вольфъ. Ивашевъ говорилъ, что полковникъ Пестель, „будучи избранъ директоромъ, достигъ цѣли своихъ стремленій и что теперь будетъ располагать членами по своему произволу“. Обсуждая этотъ вопросъ, присутствующіе, „не желая быть руководимы противъ нашихъ мнѣній и правилъ, согласились быть всегда заодно и явно противопоставлять противу тѣхъ предложеній или дѣйствій, кои будутъ имъ вводимы, въ противномъ же случаѣ удалиться изъ Общества“. Басаргинъ предполагаетъ, что Пестель могъ

---

[1]) „Былое“, 1906, апрѣль, 146.

узнать объ этомъ разговорѣ, потому что „симъ разговоромъ кончилось наше участіе въ Обществѣ, ибо по изволенію ли не быть опровергаему, или по другимъ какимъ-либо причинамъ полковникъ Пестель о дѣйствіяхъ Общества и о своихъ намѣреніяхъ ничего болѣе не говорилъ, тѣмъ болѣе что ротмистръ Ивашевъ въ сіе время совершенно отъ него отдалился и онъ видѣлъ, что мы не мало къ тому способствовали“ [1]).

Такъ сложилось Южное Общество. Теперь оно получило чисто политическій характеръ, цѣль была опредѣлена, равно намѣчены и средства ея исполненія. Пестель достигъ того, къ чему стремился. Онъ былъ сторонникомъ сильной власти въ управленіи Обществомъ, стремился къ планомѣрности въ его работѣ; теперь въ качествѣ директора онъ соединилъ власть въ своихъ рукахъ и могъ направить дѣятельность Общества по предположенному имъ плану. Генералъ-интендантъ Южной арміи Юшневскій, сотоварищъ Пестеля по директоріи, былъ человѣкомъ уступчивымъ, во всемъ подчинялся вліянію Пестеля, былъ вѣрнымъ отраженіемъ своего болѣе энергичнаго сотоварища. Ужъ изъ предыдущаго можно было замѣтить, что у Пестеля сложился планъ еще около 1819 — 1820 гг. Конечною цѣлью Общества, согласно этому плану, было введеніе въ Россіи республиканскаго образа правленія посредствомъ военной революціи, въ которую входило истребленіе особъ царствующаго дома. Съ момента объявленія республики, государство находится подъ властью временнаго правленія, которое проводитъ въ жизнь страны начала конституціи. Эти начала должны быть выработаны заранѣе и должны быть проведены въ жизнь твердою властью. Около того же времени Пестель работалъ надъ своею „Русскою Правдою“, но контуры ея тогда еще не опредѣлились. Пестель не полагалъ возможнымъ начи-

---

[1]) Показаніе Басаргина, стр. 37 об.

нать революцію ранѣе, чѣмъ будетъ готова его конституція. Поэтому ближайшей его задачею теперь является дальнѣйшая обработка „Русской Правды“ и подготовка членовъ къ совершенію переворота. Въ этомъ направленіи и дѣйствуетъ Пестель.

Теперь выяснимъ организацію Южнаго Общества.

Письменнаго устава не было, но Общество сложилось по типу Союза Спасенія. Члены его дѣлились на *бояръ*, каковое названіе усвоено было членамъ Союза Благоденствія, не признававшимъ разрушенія Союза; вторую степень составляли *мужи*, наконецъ слѣдовали *братья* и *друзья*. Бояре въ важныхъ случаяхъ приглашались для совѣщанія въ Директорію. Они имѣли право принимать новыхъ членовъ безъ разрѣшенія управъ, доводя только до свѣдѣнія послѣднихъ о вновь принятыхъ; мужи имѣли право принимать членовъ, но съ разрѣшенія управъ. Братья этого права не имѣли. Мужи и бояре были вполнѣ освѣдомлены о цѣли и планѣ Общества. Братья не вполнѣ знали объ этомъ, а друзьями считались тѣ, кто еще не принятъ въ Общество, но на которыхъ имѣлись виды. Впрочемъ, эта градація, согласно многимъ заявленіямъ, на практикѣ не выполнялась. Плохо выполнялось также и правило, по которому новопринятый членъ Общества не долженъ былъ знать никого изъ членовъ, кромѣ принявшаго его.

Новопринимаемому члену первоначально открывалось только, что стремленіе Общества состоитъ въ преобразованіи существующаго порядка вещей, при чемъ отъ него требовалось безусловное повиновеніе властямъ Общества. Каждый новопринятый обязанъ былъ дать честное слово, что онъ пребудетъ вѣренъ цѣли Общества и, нещадя себя, будетъ посвящать всѣ свои способности для ея достиженія; онъ обязывался хранить въ тайнѣ какъ цѣль Общества, такъ и самое его существованіе, пріобрѣтать для Общества единомышленниковъ и безъ

пощады преслѣдовать всякаго, кто сдѣлалъ бы попытку обнаружить Общество. Такъ какъ писанной формулы принятія въ члены не было, то нѣкоторые изъ принимающихъ угрожали вновь принимаемымъ, что при малѣйшей ихъ нескромности или измѣнѣ для нихъ найдется ядъ или кинжалъ. Къ такимъ угрозамъ прибѣгали: Бестужевъ - Рюминъ, Пестель, Лихаревъ, Давыдовъ. Общество избѣгало пріема въ члены генераловъ, такъ что важныхъ лицъ предполагалось принимать только съ согласія властей Общества. Дѣйствительно, изъ генераловъ былъ принятъ только графъ Виттъ, и есть нѣкоторыя, впрочемъ, довольно неопредѣленныя, указанія, что даже подготовленные къ пріему генералы не были, однако, приняты [1]).

Вновь принимаемымъ членамъ сообщались принципіальные взгляды Южнаго Общества. О планахъ его и средствахъ ихъ исполненія, разумѣется, не говорили; это сообщалось только мужамъ и боярамъ. Вотъ тѣ условія, которыя были сообщены Бобрищеву-Пушкину I при принятіи его въ члены: „Условія, предложенныя мнѣ при пріемѣ, были: способствовать введенію въ Россіи правленія, ограниченнаго посредствомъ народной депутаціи, для чего предполагалось доставить свободу и помѣщичьимъ крестьянамъ. Защищать неприкосновенность господствущей вѣры, но обезпечить вѣротерпимость и прочихъ христіанскихъ исповѣданій. Всѣми силами не позволять раздробленія государства, если бы нѣкоторыя области, воспользовавшись перемѣною, захотѣли отдалиться. Не принимать въ Общество никого, кромѣ русскихъ, или тѣхъ, которые по обстоятельствамъ совершенно привязаны къ русской землѣ.

---

[1]) Показа́ніе Юшневскаго, стр. 23, отъ 18 января 1826 года, стр. 46, 47, 56, отъ 1 апрѣля 1826 года. Показаніе Василія Давыдова, стр. 64. Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола. Показаніе Пестеля, „Былое“, 1906 г., февраль, 148.

Принимаемому не сказывать никакъ ничьего имени, кромѣ своего, и сообщаться посредствомъ того, кто принялъ. О средствахъ, которыя Общество употребляло для достиженія своей цѣли, кромѣ способа принимать въ члены, никакого свѣдѣнія не имѣю; мнѣ сказано было при моемъ принятіи, что есть многіе члены, особенно въ Петербургѣ, которые стараются о достиженіи этой цѣли, почему и полагалъ я, что многія значущія лица“ [1]).

Въ началѣ дѣятельности Общества предполагалось еще собрать нѣкоторую сумму денегъ на случай какихъ-нибудь предпріятій, но это выполнено не было [2]).

Во главѣ всего Общества стояла Директорія, состоявшая, какъ мы видѣли, первоначально изъ Пестеля и Юшневскаго. Она находилась въ Тульчинѣ, гдѣ стоялъ полкъ Пестеля. Власть Директоріи состояла въ надзорѣ за исполненіемъ установленныхъ Обществомъ правилъ, въ сохраненіи связи между членами и управами, въ назначеніи предсѣдателей въ управы, въ принятіи членовъ въ бояре и въ присоединеніи къ Директоріи новыхъ ея членовъ [3]). Власть Директоріи предполагалась очень широкая: „принятые члены должны были только стараться принимать другихъ; весь же трудъ умственный ввѣренъ былъ директоріату“, характеризуетъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ [4]). У Пестеля мы находимъ такое опредѣленіе власти, которую получала Директорія: „Предсѣдателямъ была дана полная власть для управленія Обществомъ до того времени, когда оно дойдетъ до готовности къ дѣйствію, но прежде начатія онаго должны были бояре быть собраны на общее окончательное совѣщаніе, имѣющее предшествовать началію

---

[1]) Показаніе Бобрищева-Пушкина, стр. 12.
[2]) Показаніе Давыдова, стр. 64.
[3]) Показаніе Пестеля, „Былое“, 1906 года, 148.
[4]) Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

дѣйствія. Я, какъ предсѣдатель, предлагалъ предметы на совѣщаніе, а мнѣнія заключались по общимъ сужденіямъ“ [1]). Барятинскій называетъ Пестеля предсѣдателемъ Общества, а Юшневскаго—блюстителемъ и говоритъ, что „дали имъ полную власть надъ членами. Послѣ сего члены Тульчинскаго Общества не собирались и не было засѣданій, слѣдственно они тайнымъ образомъ всегда соглашались на всѣ послѣдующія предпріятія своихъ начальниковъ“ [2]). Какъ увидимъ впослѣдствіи, засѣданія были частыя, но на нихъ директоры призывали предсѣдателей управъ или тѣхъ бояръ, съ которыми считали нужнымъ совѣщаться. Барятинскій, Аврамовъ, Вольфъ, Басаргинъ, Ивашевъ среди нихъ не были.

До ноября 1825 года Директорія состояла только изъ двухъ названныхъ лицъ. Въ этомъ мѣсяцѣ въ нее былъ введенъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ по предложенію Пестеля. „Послѣдній передаетъ тѣ соображенія, которыя онъ высказывалъ Юшневскому по этому поводу: „Смѣшно, — говорилъ я, — что онъ въ числѣ предсѣдателей, когда его Управа гораздо значительнѣе и сильнѣе обѣихъ другихъ вмѣстѣ, да и ради нашей отвѣтственности передъ союзомъ, ибо Васильковская Управа гораздо независимѣе прочихъ двухъ дѣйствуетъ; надо, чтобы Сергѣй Муравьевъ принадлежалъ къ Директоріи. Юшневскій согласился на то, и тогда былъ Сергѣй Муравьевъ къ Директоріи пріобщенъ“. [3]).

Непосредственно въ вѣдѣніи Директоріи находились Управы. Ихъ было три: въ мѣстечкахъ Каменкѣ, Тульчинѣ и Васильковѣ. Каменская Управа, или правая, находилась подъ руководствомъ князя Волконскаго и Василія Давыдова. Васильковская, или лѣвая, — подъ руководствомъ Сергѣя Муравьева и Бестужева-Рюмина;

---

[1]) „Былое“, февраль, 146.

[2]) Показаніе князя Барятинскаго, стр. 36, отвѣтъ на вопросы отъ 3 апрѣля 1826 года.

[3]) „Былое“, 1906 года, февраль, 144.

Тульчинская находилась въ вѣдѣніи обоихъ директоровъ, но въ 1825 г. начальникомъ ея былъ назначенъ князь Барятинскій. Тульчинская Управа являлась географическимъ центромъ по отношенію къ двумъ первымъ.

Познакомившись съ организаціей Южнаго Общества, можемъ теперь перейти къ обзору его дѣятельности. Эта дѣятельность распадается на нѣсколько частностей. Внутренняя дѣятельность Общества состояла въ періодическихъ съѣздахъ директоровъ и предсѣдателей управъ, на которыхъ подвергались разсмотрѣнію вопросы о способахъ осуществленія цѣлей Общества. Параллельно съ этимъ шла дѣятельность самого Пестеля по утвержденію новыхъ членовъ въ мысли о республикѣ и объ истребленіи членовъ царствующаго дома. Затѣмъ внѣ этой сферы внутренней жизни Общества шли его сношенія съ другими организаціями: съ Польскимъ Патріотическимъ Обществомъ, съ Обществомъ Соединенныхъ Славянъ и съ Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ.

Дальнѣйшее обозрѣніе исторіи Южнаго Общества мы расположимъ такимъ образомъ: мы будемъ слѣдить за внутреннею жизнью Общества и вмѣстѣ съ этимъ будемъ разсматривать и исторію его сношеній съ Польскимъ Тайнымъ Обществомъ, такъ какъ эти отношенія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ собраніями членовъ Южнаго Общества для обсужденія его дѣлъ. Затѣмъ въ особыя рубрики мы выдѣляемъ исторію Славянскаго и Сѣвернаго Обществъ, такъ какъ оба они имѣли и самостоятельныя задачи, и сношенія съ ними Южнаго Общества отличаются большою сложностью.

V.

Жизнь Южнаго Общества и его сношенія съ Польскимъ.

Между офиціальнымъ зарожденіемъ Южнаго Общества и началомъ его дѣятельности протекъ небольшой подготовительный періодъ. Очевидно, у Пестеля были какія-то соображенія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ не желалъ или не могъ опереться въ своей дѣятельности на лицъ, собравшихся въ первый разъ въ Тульчинѣ. По крайней мѣрѣ въ числѣ ближайшихъ помощниковъ Пестеля изъ числа тамъ собравшихся мы встрѣчаемъ одного только Юшневскаго. Другихъ же своихъ ближайшихъ сотрудниковъ Пестель нашелъ уже послѣ собранія Тульчинской Думы. Такими сотрудниками оказались: князь Волконскій, командовавшій тогда пѣхотною бригадою, центромъ которой было мѣстечко Каменка, отставной подполковникъ Василій Львовичъ Давыдовъ, владѣлецъ той же Каменки, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ. Съ этими лицами, уже состоявшими членами Союза Благоденствія, Пестель успѣлъ сговориться до кіевскихъ контрактовъ 1822 года. Въ этомъ году названныя лица съѣхались на контракты, и тутъ къ нимъ присоединился Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ [1]).

Такимъ образомъ на контрактахъ въ Кіевѣ 1822 года былъ первый съѣздъ предсѣдателей управъ Южнаго Общества. Здѣсь были: Пестель, Юшневскій, Давыдовъ, кн. Волконскій и Сергѣй Муравьевъ. Любопытно, что кн. Волконскій и Сергѣй Муравьевъ единогласно

---

[1]) Показаніе Пестеля, „Былое“, 1906, мартъ, 220.

свидѣтельствуютъ, что именно здѣсь, въ ихъ средѣ, было произведено *избраніе* директорами Пестеля и Юшневскаго. Такимъ образомъ Пестель и Юшневскій, или не считали возможнымъ разсказать собравшимся объ уже состоявшемся ихъ избраніи, или желали подтвержденія такового. Предметами совѣщанія 1822 года были преимущественно вопросы о той формѣ правленія, ввести которую предпочитаетъ Общество. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ, при новыхъ членахъ, Пестель начиналъ трактовать вопросъ какъ будто сызнова. Это была обычная манера Пестеля. Вопросъ о способѣ осуществленія плановъ совсѣмъ не былъ затронутъ, такъ что у кн. Волконскаго, составилось даже впечатлѣніе, что рѣчь шла о монархической конституціи. Такъ, на этомъ совѣщаніи шли пренія о двухпалатной системѣ, о способахъ составленія законовъ, т.-е. объ устройствѣ законодательной власти въ государствѣ, о способахъ избранія народныхъ представителей, освобожденіи крестьянъ. Общій планъ дѣйствій намѣчался въ томъ смыслѣ, что необходимо опереться на войска для произведенія революціи. На этомъ же совѣщаніи собравшіеся признали и основную мысль Пестеля о необходимости имѣть готовую конституцію до переворота. Пестель тутъ уже объяснялъ основныя черты своей „Русской Правды“. Было принято и его мнѣніе о томъ, что послѣ переворота должно быть составлено временное правленіе, ввѣряемое директорамъ Общества. Но вообще окончательнаго рѣшенія постановлено не было, оно отложено было на годъ, въ теченіе какого времени каждый членъ долженъ былъ обдумать основные вопросы „Русской Правды“ и способовъ ея осуществленія.

Тутъ же выяснилось по вопросу о способахъ переворота, что необходимо войти въ сношенія съ петербургскими членами Общества. Въ частности такимъ посредникомъ былъ намѣченъ Александръ Поджіо, слу-

жившій тогда въ Преображенскомъ полку. Чрезъ него Пестель писалъ Никитѣ Муравьеву [1]).

Такимъ образомъ первое совѣщаніе было посвящено отчасти организаціоннымъ работамъ, санкціонированію ихъ, частью предварительному обсужденію конституціоннаго плана. Въ теченіе этого года между членами были еще совѣщанія частнаго характера, заведены были сношенія съ Петербургомъ, и въ январѣ 1823 года по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены явились на кіевскіе контракты, уже значительно подготовленные въ смыслѣ ускоренія дѣйствій Общества. Побуждающимъ элементомъ въ данномъ направленіи явился Сергѣй Муравьевъ [2]).

На контрактахъ 1823 года появился новый членъ Общества, принятый Сергѣемъ Муравьевымъ, поручикъ Бестужевъ-Рюминъ.

Это былъ молодой человѣкъ, къ способностямъ котораго члены относились скептически, почему и можно повѣрить заявленію Давыдова, что появленіемъ Бестужева „всѣ прочіе были не довольны и я“ [3]).

Такъ какъ члены имѣли время обдумать намѣченные вопросы, то теперь приступлено было къ ихъ рѣшенію. Пестель торжественно открылъ засѣданіе, и первымъ его вопросомъ было, согласны ли собравшіеся на введеніе республиканскаго правленія въ Россіи. Всѣ отвѣтили безусловнымъ согласіемъ. Тогда Пестель, далъ вопросъ: согласны ли присутствовавшіе „съ мнѣніемъ Общества“ о необходимости истребленія всей императорской фамиліи? Это предложеніе возбудило продолжительныя пренія. Главную оппозицію составили Сергѣй

---

[1]) Показаніе кн. Сергѣя Волконскаго отъ 1 февраля 1826 года, стр. 23 об.; показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола, стр. 155 и стр. 254, отвѣты 5 апрѣля 1826 г.; въ показаніяхъ Юшневскаго, въ отвѣтахъ 1 апрѣля 1826 г., стр. 41 и 52.

[2]) Показаніе кн. Волконскаго, отъ 1 февраля 1826 г., стр. 23.

[3]) Показаніе Давыдова, стр. 63.

Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ. Послѣ спора послѣдній уступилъ, но Сергѣй Муравьевъ оставался при своемъ, такъ что, наконецъ, Пестель, оставивъ этотъ вопросъ, перешелъ къ другому [1]). Сергѣй Муравьевъ сильно настаивалъ на томъ обстоятельствѣ, что никогда не соглашался на истребленіе всей императорской фамиліи, что эту мысль онъ считалъ безразсудной, признавая лишь необходимымъ лишеніе жизни одного государя; и съ этимъ мнѣніемъ Муравьевъ, по его завѣреніямъ, примирился лишь въ силу того, что таково было господствующее мнѣніе Общества, а не по убѣжденію въ политической необходимости этой мѣры [2]).

Во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ, въ виду оппозиціи Сергѣя Муравьева, не былъ окончательно рѣшенъ на означенномъ собраніи, хотя мнѣніе Общества было совершенно ясно.

Оставивъ вопросъ объ истребленіи царствующей фамиліи, Пестель перешелъ къ вопросу о выборахъ и предложилъ обсудить, предпочитаютъ ли собравшіеся прямые выборы или косвенные. Муравьевъ стоялъ за прямые выборы, основанные на цензѣ. Его поддерживалъ Бестужевъ-Рюминъ. Пестель, Юшневскій и Давыдовъ старались доказать преимущество косвенныхъ выборовъ. Волконскій въ преніяхъ не участвовалъ. Вопросъ этотъ, повидимому, остался не вполнѣ выясненнымъ. Затѣмъ разсматривался вопросъ о господствующей религіи, при чемъ всѣ единодушно высказались, что православная религія должна остаться господствующею [3]).

Тогда же Пестелемъ былъ предложенъ вопросъ о распредѣленіи земель по волостямъ, объ образованіи волостей и о временномъ правительствѣ. Вообще уже

---

[1]) Показаніе Бестужева-Рюмина, стр. 130. Это подтверждается рядомъ другихъ показаній и самимъ Пестелемъ.

[2]) Показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 254—255.

[3]) Показаніе Бестужева-Рюмина, стр. 130.

въ этомъ засѣданіи въ существенныхъ чертахъ обсуждался планъ государственнаго устройства, отлившійся въ „Русской Правдѣ“ [1]).

Сергѣй Муравьевъ, часто не соглашавшійся съ Пестелемъ, былъ большимъ противникомъ медлительности, поддерживаемой Пестелемъ. На тѣхъ же совѣщаніяхъ онъ доказывалъ членамъ, что необходимо не ждать подходящихъ обстоятельствъ, но самимъ ихъ создать. Онъ самъ признаетъ, что всегда убѣждалъ членовъ и на этомъ кіевскомъ съѣздѣ и на послѣдующихъ отбросить всякую медлительность, доказывая имъ, что „рѣшившись разъ на толикое дѣло, они поступили бы безразсудно, оставаясь въ бездѣйственности, что они симъ умножаютъ лишь опасности, на каждомъ шагу намъ угрожающія“ [2]). Очевидно, у Сергѣя Муравьева тогда уже созрѣлъ планъ, который онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя едва не привелъ въ исполненіе, — произвести революцію посредствомъ арестованія государя и истребованія у него конституціонныхъ гарантій.

Однако настояніе Муравьева на этомъ совѣщаніи, его призывъ къ большей дѣятельности, имѣли только тотъ результатъ, что всѣ члены рѣшили снова вступить въ болѣе тѣсную связь съ Сѣвернымъ Обществомъ и такимъ образомъ усилить дѣйствіе Южнаго. Былъ составленъ планъ, по которому должны быть поведены переговоры между Сѣвернымъ и Южнымъ Обществами. Пестель предложилъ объяснить тѣ главныя статьи, которыя должны быть предметомъ разсужденія обѣихъ управъ, чтобы представить на разсмотрѣніе въ Петербургѣ; по имѣвшемуся у него въ видѣ памятной записки конспекту о предметѣ разговора, онъ словесно объяснилъ свои мысли; главныя изъ нихъ были, „чтобы

[1]) Показаніе В. Давыдова, стр. 63.

[2]) Показаніе кн. Волконскаго, отъ 9 марта 1826 года, стр. 82 об. Показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 254.

при началѣ революціи вооруженною силою въ Петербургѣ и Южною Управою въ одно время начать тѣмъ, что въ столицѣ учредить временное правленіе и обнародовать отреченіе высочайшихъ особъ отъ престола. Созваніе представителей для опредѣленія о родѣ правленія и, наконецъ, какъ теперь, такъ и впослѣдствіи, чтобы разговорами и волненіемъ членовъ Общества объяснить имъ лучшій образецъ — Соединенные Американскіе Штаты—съ тою отмѣною, чтобъ и частное управленіе было одинаково по областямъ, а не раздѣлялось бы на различнаго рода по провинціямъ“ [1]).

Таковы результаты второго кіевскаго съѣзда. Тутъ уже выяснилось различіе въ направленіи дѣятельности его членовъ. Пестель считалъ нужнымъ осторожно подойти къ началу революціи, предусмотрѣвъ предварительно даже всѣ мелкія подробности и самаго переворота и будущей формы правленія. Сергѣй Муравьевъ рвался впередъ, полагая возможнымъ изыскать первый же подходящій случай. Была разница во взглядахъ на способъ осуществленія перехода къ новому правленію: Муравьевъ довольствовался захватомъ царствующаго государя.

На томъ же кіевскомъ съѣздѣ члены его узнали объ одной крупной новости—о существованіи Польскаго Тайнаго Общества. Это сообщеніе сдѣлалъ Бестужевъ-Рюминъ; ему же и Сергѣю Муравьеву поручено было завести первыя сношенія съ поляками [2]).

Съ этой цѣлью оба они стараются ближе познакомиться съ графомъ Александромъ Ходкевичемъ. Они открыли ему о существованіи Русскаго Общества и о своихъ желаніяхъ вступить въ сношеніе съ Польскимъ. Ходке-

---

[1]) Показаніе кн. Волконскаго отъ 9 марта 1826 года, стр. 82 об. Въ главнѣйшихъ частяхъ своихъ разсказъ о кіевскомъ съѣздѣ подтвержденъ и Юшневскимъ, показанія, стр. 52 отъ 1 апрѣля 1826 г.; показаніе Пестеля, „Былое“, 1906 г. мартъ, 224.

[2]) Дѣло полковника Повало-Швейковскаго, стр. 25.

вичъ не былъ членомъ Польскаго Общества, но имѣлъ нѣкоторыя предположенія объ его существованіи и потому выразилъ готовность содѣйствовать взаимному сближенію обществъ. Онъ спачала далъ было Бестужеву письмо къ графу Прозору, тогда находившемуся въ своихъ помѣстьяхъ въ Минской губ.; но затѣмъ взялъ письмо обратно, обѣщая въ теченіе наступающаго лѣта, когда оба русскіе депутата будутъ при крѣпости Бобруйскѣ, направить туда для переговоровъ депутата съ польской стороны; однако такой депутатъ не пріѣзжалъ. По возвращеніи изъ Бобруйска Бестужевъ и Муравьевъ снова имѣли свиданіе съ Ходкевичемъ, и послѣдній увѣрялъ ихъ, что разныя обстоятельства воспрепятствовали пріѣзду члена Польскаго Общества, но обѣщалъ быть на контрактахъ 1824 года и тогда устроить сближеніе Обществъ [1]). Этими попытками кончились первыя сношенія Муравьева и Бестужева съ Польскимъ Обществомъ.

Познакомимся въ краткихъ словахъ съ задачами Польскаго Общества, съ которымъ намъ впослѣдствіи не разъ придется встрѣчаться.

Польское Тайное Общество окончательно образовалось въ 1821 г. изъ національнаго масонскаго Общества. Центромъ его была Варшава. Основателями его являются: Лукасинскій, подполковники Козаковскій и Пронзинскій, генералъ Уминскій, Оборскій, Моравскій, Собаньскій и адвокатъ Шредеръ. Цѣлью его было утвержденіе свободы и независимости Польши. Общество получило названіе Патріотическаго Польскаго Общества. Общество имѣло довольно сложное устройство и вскорѣ раскинуло свою дѣятельность среди провинцій Царства Польскаго, а также въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ Краѣ. Начальникомъ Варшавской провинціи, а, слѣдовательно, и всего Общества, былъ графъ Станиславъ Солтыкъ. Вмѣстѣ съ нимъ главными дѣяте-

---

[1]) Показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 162.

лями Общества были кн. Антонъ Яблоновскій и подполковникъ Крыжановскій; особенно два послѣдніе. Всѣ трое составляли Верховный Совѣтъ Общества. Въ юго-западной Россіи намѣстникомъ Подольской провинціи Общества былъ мѣстный помѣщикъ Мошинскій, а Волынской — Карвицкій; въ Кіевскомъ Комитетѣ наибольшимъ вліяніемъ пользовался Тарновскій. Почти со всѣми названными лицами впослѣдствіи вступили въ переговоры члены Южнаго Общества [1]).

Теперь перейдемъ къ знакомству съ жизнью Ю. Общества въ 1823 г. Этотъ годъ былъ однимъ изъ наиболѣе оживленныхъ въ дѣятельности Южнаго Общества. Помимо сношеній съ Петербургскимъ и Польскимъ Тайными Обществами, члены дѣятельно сносятся другъ съ другомъ и даже одна часть ихъ готова была сдѣлать попытку начать революцію.

Лѣтомъ 1823 года девятая дивизія, въ которой служили С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, вновь принятый членъ Общества полковникъ Повало-Швейковскій, командиръ Кременчугскаго полка, и капитанъ Норовъ, была лѣтомъ на работахъ въ Бобруйскѣ. Въ дивизіи былъ слухъ о томъ, что государь лѣтомъ посѣтитъ Бобруйскъ. Этимъ обстоятельствомъ задумали воспользоваться Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ и начать революцію. Къ нимъ пристали другіе, находившіеся въ Бобруйскѣ члены Общества. Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ арестовать императора и сопровождавшихъ его великаго князя Михаила и генералъ-адъютанта барона Дибича, произвести возмущеніе во всей дивизіи и, захвативъ крѣпость, оставить въ ней гарнизонъ, а съ остальными войсками двинуться къ Москвѣ. Предполагалось увлечь съ собою войска по дорогѣ въ Москву и одновременно начать возстаніе въ Петербургѣ и во второй арміи. Въ самомъ Бобруйскѣ захватъ царственныхъ

---

[1]) Государственныя преступленія въ Россіи, Сборникъ Базилевскаго Штуттартъ, 1903, т. I, стр. 131—149.

особъ предполагалось сдѣлать такимъ образомъ: офицеры, которые примкнутъ къ заговору, должны были переодѣться въ солдатскіе мундиры, подъ видомъ вновь причисленныхъ къ полку Швейковскаго солдатъ, и занять караулы при императорѣ.

Составивъ этотъ планъ, бобруйскіе члены вступили въ сношенія съ тульчинскими и московскими. Бестужевъ отправился въ Москву съ письмами отъ Сергѣя Муравьева къ Фонъ-Визину и Михаилу Муравьеву. Затѣмъ были посланы письма къ Давыдову и къ кн. Волконскому на югъ, съ приглашеніемъ начать дѣйствія, а Давыдова призывали въ Бобруйскъ.

Приступить, однако, къ осуществленію этого плана не удалось. Государь не пріѣхалъ въ Бобруйскъ. Но, кромѣ того, такой стремительный образъ дѣйствій произвелъ только тревогу среди тѣхъ членовъ, къ которымъ адресовались изъ Бобруйска.

Миссія Бестужева-Рюмина въ Москвѣ оказалась совершенно не удачною. Тутъ онъ явился къ Ивану Фонъ-Визину. При переговорахъ присутствовалъ и Якушкинъ. Надо замѣтить, что къ Бестужеву многіе относились крайне скептически, объ его усиленной дѣятельности въ Южномъ Обществѣ и даже объ его дружбѣ съ Муравьевымъ въ Москвѣ еще не знали. Поэтому когда Бестужевъ изложилъ Якушкину и Фонъ-Визину сущность своей миссіи, то послѣдній грубо ему отвѣтилъ, что зная его, онъ никакъ не вѣритъ, чтобы Сергѣй Муравьевъ далъ ему какое-нибудь важное порученіе, и отказался вести какіе бы то ни было переговоры [1]). Тутъ же, въ Москвѣ, Бестужевъ узналъ о томъ, что смотра въ Бобруйскѣ не будетъ.

Съ юга кн. Волконскій прислалъ Сергѣю Муравьеву почтою письмо, въ которомъ старался удержать его отъ начала дѣйствій. Давыдовъ, по желанію Пестеля, совсѣмъ

---

[1]) „Записки Якушкина“, стр. 69.

ничего не отвѣтилъ въ Бобруйскъ. Въ своихъ показаніяхъ Волконскій даже утверждалъ, что Пестель посылалъ въ Бобруйскъ Крюкова 1-го для удержанія Муравьева, но въ дѣйствительности этого не было. Когда дивизія возвратилась на югъ и Бестужевъ отправился къ Пестелю, чтобы дать отчетъ о неудавшемся планѣ, то Пестель прочелъ ему нотацію: „Теперь я радъ,—говорилъ онъ,—что никого въ Бобруйскъ по вашему требованію не прислалъ. Арестованіе государя произвело бы или междоусобную войну или неминуемую нашу гибель. Кто устережетъ государя? Неужели вы думаете, что приставленные къ нему часовые не оробѣютъ отъ одного взгляда его? Неужели вы думаете, что никому не взойдетъ въ голову измѣнить вамъ, выручить государя и тѣмъ безъ великаго риска получить награду". Онъ еще приводилъ много доводовъ и кончилъ, объявляя отъ имени всего Общества, что никто не станетъ дѣйствовать, покуда существуетъ государь. „Возвратясь къ Сергѣю Муравьеву, я все это ему передалъ,—показываетъ Бестужевъ,—и тогда мы положили дать согласіе на смерть государя, но твердо стоять за остальныхъ особъ императорской фамиліи, и въ семъ смыслѣ я написалъ рѣчь, извѣстную всему Обществу". Вообще эта неудача, отказъ въ поддержкѣ не мало огорчили обоихъ руководителей Васильковской Управы. Впослѣдствіи Сергѣй Муравьевъ имѣлъ по этому поводу разговоръ съ Артамономъ Муравьевымъ и выражалъ сожалѣніе объ охлажденіи Якушкина къ дѣлу революціи и о бездѣятельности московскихъ членовъ [1]).

Кромѣ контрактовъ, члены Общества имѣли обыкновеніе съѣжаться для общихъ совѣщаній въ Каменкѣ у Давыдова. Для такихъ съѣздовъ былъ подходящій предлогъ—именины матери Давыдова.

---

[1]) Показаніе Повало-Швейковскаго, стр. 26 отъ 9 марта 1826 г.: показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 157 об.—158, стр. 244, 256—257; показаніе Бестужева-Рюмина, стр. 78, 127—128.

Въ 1823 году члены собрались въ Каменкѣ для разсмотрѣнія тѣхъ же вопросовъ, которые обсуждались въ Кіевѣ. Въ Каменку пріѣхали: Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ, Пестель, Юшневскій, здѣсь же были кн. Волконскій и Давыдовъ. Главнымъ предметомъ разговоровъ былъ вопросъ о необходимости истребленія всей императорской фамиліи. На этомъ особенно настаивалъ Пестель, доказывая многими доводами, что бобруйскій планъ былъ совершенно не исполнимъ. Въ доказательство приводился примѣръ Испаніи, гдѣ король, принявъ конституціонныя гарантіи, впослѣдствіи, однако, отъ нихъ отказался. Вслѣдствіе противорѣчія показаній трудно сказать, кто собственно поддерживалъ болѣе другихъ Пестеля. Во всякомъ случаѣ ясно, что споръ былъ главнымъ образомъ между Сергѣемъ Муравьевымъ и Пестелемъ. Первый вмѣстѣ съ Бестужевымъ, согласился на умерщвленіе одного государя, но не соглашался на истребленіе всей императорской фамиліи. Бестужевъ даже, уже повидимому послѣ совѣщанія, а можетъ-быть еще и во время каменскихъ совѣщаній, подалъ членамъ написанную имъ рѣчь, въ которой высказывался противъ истребленія всей фамиліи. Въ своихъ показаніяхъ Пестель утверждалъ, что Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ заявили тогда о перемѣнѣ своего мнѣнія и „нынѣ совершенно такъ же судятъ, какъ и мы прочіе судили на контрактахъ 1823 года“. Но это, очевидно, или преувеличеніе, къ которому охотно прибѣгалъ Пестель въ своихъ показаніяхъ, или запамятованіе, такъ какъ самъ Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Давыдовъ и Поджіо приводятъ свидѣтельства, что Муравьевъ соглашался только на умерщвленіе государя. Какъ бы то ни было, мнѣніе объ истребленіи всей императорской фамиліи на этотъ разъ было признано мнѣніемъ всего Общества, съ которымъ молча должны были примириться и оспаривавшіе его.

Кромѣ этого вопроса, подымался еще вопросъ о формахъ конституціи. Въ частности трактовался вопросъ о двухпалатной или однопалатной системѣ. Сергѣй Муравьевъ, ранѣе державшійся системы Никиты Муравьева о двухъ палатахъ, теперь согласился съ той постановкой вопроса, какая ему была дана въ „Русской Правдѣ“ Пестеля.

Можно еще сообщить одну маленькую подробность этихъ совѣщаній въ Каменкѣ. На послѣднее засѣданіе былъ приглашенъ новопринятый членъ графъ Полиньякъ. Бестужевъ сообщаетъ интересную подробность для характеристики пріема Пестеля. Онъ прекратилъ при Полиньякѣ разговоры принципіальнаго характера, не желая „заводить распрей“, и, объявивъ себя предсѣдателемъ Управы (а не Общества), сталъ ему весьма краснорѣчиво говорить о распространившемся уже просвѣщеніи въ Россіи, о многочисленности и могуществѣ Общества, объ его обширныхъ видахъ, о возможности произвести политическій переворотъ въ Россіи, избѣгая долговременности и кровопролитности французской революціи [1]).

Такъ прошелъ этотъ наиболѣе дѣятельный въ жизни Общества годъ. Жизнь Общества въ этотъ промежутокъ еще разъ подчеркнула два теченія, существовавшія въ Обществѣ: одна часть его рвалась впередъ, не особенно заботясь о различныхъ деталяхъ; другая подробно останавливалась на различныхъ частностяхъ. Выяснилось также, что фактически Общество имѣетъ двухъ вождей въ лицѣ Сергѣя Муравьева и Пестеля. Тѣмъ не менѣе съ внѣшней стороны побѣда Пестеля была полная: Общество приняло его проектъ объ истребленіи всей императорской фамиліи; повидимому, также на этомъ совѣ-

[1]) Показаніе Бестужева-Рюмина, стр. 131; показаніе Василія Давыдова, стр. 46—47, 57; показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола, стр. 243, 254—256; показаніе Пестеля, „Былое“, 1906 г., мартъ, 224—225.

щании въ основѣ была принята „Русская Правда", хотя тогда еще не вполнѣ законченная ея авторомъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что членамъ Общества оставалось лишь расширять свой составъ и подготовлять его въ принятомъ направленіи, такъ какъ всѣ принципіальные вопросы были порѣшены.

Дѣйствительно, этой сторонѣ дѣятельности и былъ посвященъ слѣдующій годъ. Кромѣ сношеній съ Польскимъ Обществомъ, дѣятельность Южнаго выразилась въ усиленныхъ сношеніяхъ съ Сѣвернымъ и даже поѣздкѣ самого Пестеля въ Петербургъ. Обычное собраніе на контрактахъ въ январѣ 1824 года было, повидимому, довольно блѣднымъ. Вѣроятно, оно было посвящено преимущественно вопросамъ по сношенію съ Сѣвернымъ Обществомъ. Какъ разъ къ контрактамъ пріѣхалъ Давыдовъ изъ Петербурга и привезъ ободряющія для южныхъ членовъ свѣдѣнія о настроеніи въ Петербургѣ. Эти сообщенія показываютъ нѣкоторое легкомысліе Давыдова, такъ какъ пріѣхавшій въ Кіевъ 26 января подполковникъ Поджіо, выѣхавшій тоже изъ Петербурга, могъ сообщить членамъ менѣе радостныя извѣстія. Впрочемъ, Пестель къ этому времени уже уѣхалъ изъ Кіева, оставались здѣсь еще Юшневскій, Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ, Давыдовъ и Волконскій. Правильныхъ засѣданій уже не было, и Поджіо сдѣлалъ свой докладъ о настроеніи въ Петербургѣ Юшневскому.

Поджіо хорошо понималъ настроеніе петербургскихъ членовъ, и потому его докладъ представляетъ дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ. Прежде всего онъ оцѣнилъ дѣятельность Никиты Муравьева: „Никита Муравьевъ не тотъ, — объяснялъ Юшневскому Поджіо, — уже, какъ вы говорите, что онъ сдѣлался весьма осторожнымъ, и что врядъ ли тамъ Общество возымѣетъ тотъ успѣхъ, какъ на югѣ; вы знаете, сколько это важно не обманываться въ человѣкѣ, вамъ много обѣщающемъ, и тамъ, гдѣ Общество хочетъ дѣйствіе свое имѣть". Это было какъ его

собственное мнѣніе, такъ и мнѣніе М. Муравьева. Предложеніе Поджіо удалить Н. Муравьева было одобрено всѣми, но рѣшить это предоставлено Пестелю. Поджіо указывалъ также, что на содѣйствіе Петербурга нельзя разсчитывать, такъ какъ тамъ Общество не увеличивается. Правда, тутъ же высказывались надежды, что остающійся въ Петербургѣ М. Муравьевъ „все исправитъ и будетъ о семъ доносить и что оттуда не отлучится". Собраніе признавало важность Петербурга для дѣла Общества. Только С. Муравьевъ смотрѣлъ на это иначе: онъ полагалъ, что исполнить намѣреніе Южнаго Общества можно и здѣсь, на югѣ, во время какого-нибудь смотра: надо только начать. Поджіо указывалъ также на отсутствіе единства въ мнѣніяхъ сѣверныхъ членовъ по коренному вопросу для Общества: „мнѣніе раздѣлено; иные хотятъ республику съ покушеніемъ на жизнь всей царской фамиліи, другіе, какъ говорилъ М. Муравьевъ, отвергли республику" [1]).

Между прочимъ Поджіо передаетъ чрезвычайно любопытный разговоръ свой съ Сергѣемъ Муравьевымъ по кардинальному вопросу для всего Общества. Узнавъ о мнѣніи крайнихъ членовъ Петербургскаго Общества, Муравьевъ сказалъ Поджіо:

— Все то, что вы говорите о мнѣніи истребить всю фамилію ужасно: достаточно смерти одного.

Поджіо объяснилъ ему, что такая мѣра принимается для избѣжанія внутреннихъ раздоровъ.

— Но скажите мнѣ, — спрашиваетъ Поджіо, — какимъ образомъ вы, столь вліятельной членъ Общества, противникъ сему мнѣнію Южнаго Общества?

— Мнѣніе мое и Бестужева ничего не значитъ; я знаю, что не остановлю тѣмъ цѣль прочихъ.

Самъ Поджіо, давшій въ высшей степени искреннія показанія,—показанія человѣка, который разочаровался

---

[1]) „Мемуары декабристовъ", 204 и 214.

въ тѣхъ людяхъ, которымъ онъ безпрекословно довѣрялъ, былъ весьма удивленъ такими заявленіями Муравьева. Онъ старается дать объясненія этому разногласію между Пестелемъ и Муравьевымъ. Приведемъ этотъ отзывъ Поджіо, характеризующій настроеніе столь видныхъ дѣйствующихъ лицъ:

„Но вотъ пружина сей мысли Муравьева. Сей хотѣлъ непремѣнно дѣйствія, чему всегда противился Пестель. Можно сіе изъ того видѣть, что предложенія на сіе всегда были отъ Муравьева. Сей, видя, что совершеніе всего преступленія не можетъ иначе совершиться, какъ въ Петербургѣ, что по слыханному надежды на то мало и потому замедлится дѣйствіе, былъ противенъ тому, хотѣлъ всегда быть первый въ началѣ возстанія и нанесенія de ce grand coup de lumière, какъ онъ говорилъ. Пестель, зная очень, весьма, болѣе всякаго, ибо болѣе всякаго имѣлъ въ томъ свои виды, что изведеніе одного недостаточно, чтобы водружить цѣль его, и что, вѣроятно, наслѣдникъ трона не устрашится имени его или Муравьева и довольно будетъ всегда могущественъ, чтобы ниспровергнуть ихъ, располагалъ сіе иначе и потому всегда тому сопротивлялся или соглашался на то, чтобы въ то же время былъ нанесенъ ударъ въ Петербургѣ, для чего онъ думалъ употребить Матвѣя Муравьева“ [1].

Обратимся къ другой сторонѣ кіевскаго съѣзда 1824 года, къ сношеніямъ съ Польскимъ Тайнымъ Обществомъ. Какъ мы уже знаемъ, графъ Ходкевичъ обѣщалъ здѣсь познакомить Муравьева и Бестужева съ представителемъ Польскаго Общества. Дѣйствительно, на контракты пріѣхалъ Крыжановскій. Первое свиданіе съ нимъ было въ квартирѣ графа Ходкевича. Бестужевъ все время велъ самъ переговоры, при которыхъ присутствовалъ Муравьевъ, но въ нихъ не вмѣшивался. Въ памяти рус-

[1]) „Мемуары декабристовъ“, I, стр. 204.

скихъ депутатовъ сохранилось заявленіе Крыжановскаго что Польское Общество поручило ему заключить союзъ съ русскимъ. Впрочемъ, самъ Крыжановскій показывалъ, что онъ объявилъ Бестужеву и Муравьеву объ отсутствіи у него какихъ-либо полномочій Общества, и что его цѣль установить между обоими обществами дружественныя сношенія и связи, чтобы тѣмъ дать возможность приступить къ взаимному соглашенію. Судя по дальнѣйшимъ переговорамъ, заявленіе Крыжановскаго ближе къ истинѣ. Русскіе депутаты въ самомъ началѣ переговоровъ высказали свое мнѣніе о польско-русскихъ отношеніяхъ: „Чувства народной ненависти,—заявлялъ Муравьевъ,—родившіяся во времена варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда извѣстно, что пользы всѣхъ народовъ одинѣ и тѣ же, что на семъ основаніи Русское Общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способствовать къ искорененію взаимной нелюбви двухъ націй“. Крыжановскій отвѣтилъ, что русскіе депутаты, а можетъ-быть и онъ самъ, выше этихъ предразсудковъ, но что вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ предразсудокъ этотъ такъ укоренился, что не легко полякамъ войти въ связь съ русскими и оказывать имъ довѣренность. Дальнѣйшія свиданія происходили—одно въ квартирѣ Крыжановскаго и другое—въ квартирѣ Бестужева.

Сущность этихъ свиданій заключалась въ выработкѣ договора между обоими Обществами, въ обсужденіи нѣкоторыхъ мѣръ совмѣстныхъ дѣйствій при началѣ революціи и, наконецъ, въ выработкѣ условій дальнѣйшихъ сношеній.

По показанію Муравьева, сущность Союза обоихъ Обществъ выразилась въ томъ, что Общества Русское и Польское, продолжая дѣйствовать отдѣльно, составляютъ союзъ между собою. Русское Общество признаетъ независимость Польши, требуетъ отъ Польскаго Обще-

ства содѣйствія и пособія, когда будутъ начаты открытыя дѣйствія. Крыжановскій согласился на это съ тѣмъ что Русское Общество должно увѣдомить поляковъ за двѣ недѣли до начала дѣйствій [1]). Бестужевъ-Рюминъ указываетъ еще на два условія, которыя, по его словамъ, были категорически рѣшены: „1) что поляки употребятъ всѣ возможныя средства для воспрепятствованія государю цесаревичу возвратиться въ Россію, когда Русское Тайное Общество начнетъ открыто дѣйствовать; 2) что, буде литовскій корпусъ войскъ объявитъ себя на сторонѣ его императорскаго высочества, то поляки обязываются обезоружить оный или инымъ образомъ не допустить его противиться успѣхамъ Общества". Обо всѣхъ этихъ вопросахъ дѣйствительно шли разговоры, но, повидимому, Крыжановскій избѣгалъ окончательнаго рѣшенія, предлагая впослѣдствіи заключить формальныя условія. Съ другой стороны и русскіе депутаты кое о чемъ умалчивали и кое чего-не договаривали. Этимъ надо объяснить то обстоятельство, что обѣ стороны вынесли не одинаковое впечатлѣніе о томъ, что окончательно рѣшено и что еще не рѣшено. Такъ, когда начались разсужденія о границахъ Польши и Россіи, Бестужевъ прервалъ этотъ разговоръ заявленіемъ, что въ Русскомъ Обществѣ этотъ вопросъ еще не выясненъ. Бестужеву очень хотѣлось узнать подробности о Польскомъ Обществѣ, но Крыжановскій отмалчивался. Равнымъ образомъ обѣ стороны не могли сговориться и о формѣ правленія. Бестужевъ открылъ, что ихъ Общество стремится къ республикѣ. Крыжановскій, заявилъ, что въ ихъ Обществѣ сужденій о формѣ правленія не было еще.

Весьма темнымъ представляется вопросъ о переговорахъ относительно цесаревича. Русскіе депутаты полагали обязать поляковъ какими бы то ни было средствами

---

[1]) Показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 162.

воспрепятствовать Константину Павловичу возвратиться въ Россію для произведенія контръ-революціи. Крыжановскій отвѣчалъ уклончиво, указавъ на возможность исполнить это условіе, если русскіе не потребуютъ смерти великаго князя. Впрочемъ, Крыжановскій рѣшительно отрицалъ на слѣдствіи и этотъ уклончивый свой отвѣтъ. Говорилось также о литовскомъ корпусѣ: русскіе депутаты опасались, что онъ можетъ сдѣлаться оплотомъ контръ-революціи; Крыжановскій успокоивалъ ихъ завѣреніемъ, что поляки найдутъ средство обезоружить литовскій корпусъ. Наконецъ была еще одна частная просьба со стороны Крыжановскаго: онъ просилъ, чтобы Русское Общество приняло мѣры, для оказанія покровительства полякамъ, пріѣзжающимъ въ Петербургъ по дѣламъ своимъ, прибавляя, что покровительство, имъ просимое, не въ томъ состоитъ, чтобы „полякъ каждый получилъ успѣхъ по своему дѣлу, но чтобы, пріѣзжая въ вовсе незнакомую ему столицу, каждый зналъ, по крайней мѣрѣ, къ кому ему прибѣгнуть“. Это было обѣщано.

Наконецъ трактовался вопросъ о порядкѣ дальнѣйшихъ сношеній. Крыжановскій просилъ прекратить всякія дальнѣйшія сношенія по Обществу съ графомъ Ходкевичемъ. Было условлено, что дальнѣйшія сношенія съ русской стороны будутъ поддерживать Муравьевъ и Бестужевъ, а съ польской: Гродецкій и Чарковскій; впрочемъ, послѣднему Крыжановскій не сообщилъ объ его назначеніи, и онъ никогда участія въ переговорахъ не принималъ. Было также условлено, что если русскимъ нужно будетъ писать въ Варшаву по дѣламъ Общества, то вмѣсто подписи Бестужевъ будетъ ставить стихъ изъ Танкреда: Moi toujours éprouvé, moi qui sait mon ouvrage; а Муравьевъ: Ma joie. Но письменныхъ сношеній не было.

На этомъ кончились переговоры въ Кіевѣ между Крыжановскимъ, Муравьевымъ и Бестужевымъ. Въ этихъ переговорахъ есть одна любопытная сторона, которую

чистосердечно раскрываетъ Муравьевъ: „Я долженъ здѣсь объявить, что мы сами не были откровенны съ Крыжановскимъ насчетъ Общества нашего, и что дабы дать ему о немъ самое высокое понятіе, мы увѣряли его, что управляетъ нами главная Директорія, составленная изъ людей, намъ самимъ неизвѣстныхъ, поручавшая намъ сношенія съ поляками единственно потому, что намъ удобнѣе сіе исполнить по нахожденію нашему въ странѣ ихъ“ [1]).

Послѣ этихъ совѣщаній Бестужевъ составилъ особую записку о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ могъ бы быть заключенъ договоръ. Эту записку онъ представилъ въ Директорію Юшневскому. Она не имѣетъ официальнаго характера, не представляя собою мнѣнія Общества, и для насъ любопытна только какъ выраженіе желаній самого Бестужева о способахъ содѣйствія обоихъ обществъ и какъ его взглядъ на возможныя польско-русскія отношенія [2]).

---

[1]) Показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 162—163; показаніе Бестужева-Рюмина, 81—82; донесеніе Варшавской Слѣдственной Комиссіи, Государственныя преступленія въ Россіи въ IX вѣкѣ. Сборникъ Базилевскаго, т. I, Штутгартъ, 1903 г., 150—155.

[2]) Сущность этой записки состоитъ въ слѣдующемъ. Первый пунктъ ея гласитъ: „Россія, предпочитая имѣть благодарныхъ союзниковъ на мѣсто тайныхъ враговъ, по окончаніи своего преобразованія отдастъ независимость Польшѣ“. Относительно границъ Польши и Россіи предполагается: возвратить Польшѣ „области, не довольно обрусѣвшія, чтобы душевно быть привязанными пользѣ Россіи“. Однако при разграниченіи должны быть приняты во вниманіе „выгоды“ Россіи такъ, чтобъ она получила хорошую военную границу. Во всякомъ случаѣ поляки могутъ получить Гродненскую губернію и части Виленской, Минской и Волынской. Съ утвержденія договора, русское Общество будетъ оказывать покровительство полякамъ, имѣющимъ дѣла въ Россіи, „буде оныя справедливы“. Русское Общество будетъ подготовлять примиреніе національностей: „Общество Русское всѣми мѣрами будетъ стараться искоренять ненависть, существующую между обоими народами, представляя, что въ просвѣщенномъ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, польза всѣхъ народовъ одинакова, а закоренѣлая ненависть есть принадлежность временъ

Несомнѣнно, Бестужева не удовлетворилъ исходъ его первыхъ переговоровъ съ членомъ Польскаго Общества. Въ теченіе наступившаго 1824 года онъ три раза видѣлся съ Гродецкимъ, для чего пріѣзжалъ въ Кіевъ въ маѣ или началѣ іюня, осенью и въ началѣ зимы. Во время этихъ совѣщаній Бестужевъ упрекалъ своего собесѣдника въ недовѣріи, которое существуетъ между Польскимъ и Русскимъ Обществами, говорилъ, по порученію Пестеля, о явномъ отклоненіи Польскаго Общества отъ Русскаго, о нежеланіи поляковъ давать Русскому Обществу важныя свѣдѣнія о Польскомъ, наконецъ, жаловался на остановку въ дѣлахъ Польскаго Общества, о чемъ онъ слышалъ отъ графа Ходкевича. О Русскомъ Обществѣ Бестужевъ говорилъ въ преувеличенномъ видѣ, указывая на его силу. Между прочимъ, по словамъ самого Бестужева, онъ подымалъ вопросъ о томъ, чтобы поляки нашли способъ лишить жизни цесаревича Константина, на что Гродецкій, будто бы, объщалъ сообщить о томъ Варшавскому Центральному Комитету и прибавилъ: „Вѣроятно, они согласятся“. Хотя Гродецкій это обстоятельство на слѣдствіи отрицалъ, но можно повѣрить показаніямъ Бестужева, такъ какъ,

---

варварства“. Къ полякамъ предъявляются слѣдующія требованія: „1) Поляки обязываются всѣ мѣры употребить, какого бы то рода ни было, дабы великій князь Константинъ Павловичъ не могъ возвратиться въ Россію. 2) Возстать въ одно время съ нами. 3) Итти противъ литовскаго корпуса, буде онъ объявитъ себя противъ насъ. 4) Подавать намъ всѣ помощи, въ ихъ возможности состоящія. 5) Устроить сношенія между нами и прочими политическими обществами, существующими въ Европѣ. 6) Увѣдомлять насъ о всѣхъ важныхъ вещахъ, какъ скоро онѣ дойдутъ до ихъ свѣдѣнія. 7) Дѣйствовать въ продолженіе революціи такимъ образомъ, какъ имъ предпишется нашимъ Обществомъ, коему они признаютъ себя подвластными. 8) Принять правленіе республиканское“. Съ обѣихъ сторонъ назначались депутаты для взаимныхъ сношеній.

Эта записка на французскомъ и русскомъ языкахъ находится въ дѣлѣ Бестужева-Рюмина. Оба текста ея напечатаны также въ приложеніяхъ къ книгѣ Кропотова „Жизнь графа М. Н. Муравьева“, стр. 414—417.

несомнѣнно, этой мыслью былъ занятъ Бестужевъ. Бестужевъ даже писалъ Варшавскому Обществу (содержаніе этого письма передается разнорѣчиво), но письмо это не было отправлено по настоянію князя Волконскаго [1]).

На этомъ закончились переговоры Бестужева-Рюмина и Муравьева съ польскими депутатами въ 1824 году.

Теперь мы возвратимся снова къ знакомству съ дальнѣйшимъ ходомъ жизни Южнаго Общества въ теченіе даннаго года. Останавливаясь на результатѣ обмѣна мнѣній между членами на послѣднихъ совѣщаніяхъ въ Кіевѣ, нельзя не отмѣтить раздвоенія, которое съ этого времени уже начинаетъ давать себя знать въ настроеніи членовъ Общества.

Хотя съ внѣшней стороны между обоими главами Южнаго Общества господствовало согласіе, но на практикѣ выходило такъ, что Пестель сочинялъ свою конституцію, велъ теоретическія бесѣды о республикѣ и объ истребленіи царской фамиліи, а Муравьевъ составлялъ планы практическихъ дѣйствій и рвался ихъ привести въ исполненіе. Такъ случилось снова въ 1824 году, когда повторилось почти то же, на что разсчитывали при Бобруйскѣ. Еще въ Каменкѣ Бестужевъ-Рюминъ говорилъ съ Давыдовымъ и обоими Поджіо о необходимости начать дѣйствіе умерщвленіемъ государя, когда онъ, какъ это тогда предполагалось, будетъ дѣлать смотръ войскамъ лѣтомъ 1824 года въ лагерѣ при Бѣлой Церкви. Тотъ же Бестужевъ велъ объ этомъ переговоры съ Пестелемъ въ деревнѣ Линдахъ, а съ полковникомъ Швейковскимъ — въ деревнѣ сестры Давыдова, Бороздиной. Такъ уже заранѣе главнѣйшіе члены Общества знали о предположеніяхъ, исходившихъ отъ Муравьева и Бестужева. Отношеніе Пестеля къ этому плану не вполнѣ ясно: пови-

---

[1]) Показаніе Бестужева-Рюмина, стр. 82; „Государственныя преступленія въ Россіи", Базилевскаго, 156—158.

димому, онъ не могъ противостоять рѣшительности и пылкости Муравьева и Бестужева. Самъ Пестель къ этому времени сталъ какъ бы охладѣвать.

Весь планъ былъ составленъ по плану бобруйскаго замысла. Предполагалось по пріѣздѣ государя въ Александрію ночью караулъ смѣнить и замѣстить новымъ, гдѣ бы находились нѣкоторые члены, переодѣтые въ солдатскіе мундиры. Выбравъ удобное время, они пошли бы наверхъ, вторглись въ спальню государя и лишили бы его жизни. Предполагалось при этомъ арестовать генераловъ Толя и Рота. Тогда Тизенгаузенъ, Швейковскій и Сергѣй Муравьевъ произвели бы возмущеніе въ лагерѣ и съ арміею предприняли движеніе въ Кіевъ, а оттуда—въ Москву. Муравьевъ изъ Кіева отправился бы въ Петербургъ, чтобы дѣйствовать совмѣстно съ Сѣвернымъ Обществомъ, а Бестужевъ долженъ былъ принять командованіе Черниговскимъ полкомъ. Во время тревоги мѣсто Бестужева должно быть при присоединяющихся вновь войскахъ. Предполагалось употребить разжалованныхъ офицеровъ, находящихся въ дивизіи, какъ-то: въ Черниговскомъ полку Башмакова, Лярскаго, Рагузина, Грохольскаго, въ Алексопольскомъ полку Сборова, представя имъ, что это—единственный способъ возвратить потерянное. Сверхъ того, разсчитывали на Жукова, Сенявина (послѣдній къ Обществу никогда не принадлежалъ) и на Кузьмина, человѣка весьма рѣшительнаго. Впрочемъ, никому изъ вышеупомянутыхъ лицъ предложеніе сдѣлано не было, потому что считалось опаснымъ объ этомъ прежде времени говорить. Когда же дивизія собралась въ лагерь, то узнали, что государь не пріѣдетъ, и планъ не состоялся. Этотъ планъ, какъ и предшествующій, показываетъ въ его составителяхъ большую опрометчивость. Они хотѣли въ дѣлѣ убійства государя опереться на лицъ, ими не подготовленныхъ. Насколько это было возможно, показываетъ признаніе самого Бестужева, что когда, нѣсколько позже, при

упомянутомъ выше Жуковѣ зашла рѣчь о предпріятіи Общества, онъ сказалъ въ присутствіи Бестужева, Швейковскаго и др.: „Я знаю, что для успѣха въ предпріятіи нашемъ необходима смерть государя, но если бы на меня палъ жребій быть въ числѣ заговорщиковъ (остальные назывались революціонеры), то я послѣ сего самъ бы лишилъ себя жизни“ [1]). Названные выше рядовые Башмаковъ и Рагуза во время слѣдствія засыпали Комиссію гнусными доносами, большею частью столь не лѣпыми, что имъ не придавала значенія даже Слѣдственная Комиссія. Такимъ образомъ Бестужевъ готовъ былъ опереться на лицъ, способныхъ на предательство.

Этими планами кончился лѣтній лагерный сборъ 1824 года.

Вѣроятно, собраніе въ Каменкѣ прошло болѣе или менѣе безцвѣтно въ жизни Общества, потому что о немъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Интересуясь собраніями Думы Южнаго Общества, нельзя опустить еще нѣкоторыхъ подробностей, которыя были предметомъ ея обсужденія. Мы не знаемъ, въ какомъ изъ собраній онѣ обсуждались, хотя, впрочемъ, это обстоятельство не имѣетъ особеннаго значенія. Такъ, кн. Волконскій, побывавъ на Кавказѣ, собралъ свѣдѣнія о существующемъ, будто бы, на Кавказѣ Тайномъ Обществѣ. Эти свои свѣдѣнія онъ изложилъ въ видѣ отчета, который написалъ ему, какъ кажется, В. Давыдовъ. Самъ Волконскій почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ весьма неопредѣленныхъ слуховъ и, какъ впослѣдствіи оказалось, такого Общества никогда не существовало. Въ запискѣ, между прочимъ, говорилось, что „въ управленіи войсками кавказскаго корпуса замѣчается необыкновенное и притомъ очень явное братство между

---

[1]) Показаніе Бестужева-Рюмина, стр. 87 — 88; подтверждено Пестелемъ, Поджіо, Лореромъ, Майбородой и другими; показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 246; показаніе Повало-Швейковскаго, стр. 28; показаніе Давыдова, стр. 58.

общими и частными начальниками, нисходящее даже до низшихъ чиновъ. Каждый понимаетъ, что ихъ ведутъ постепенно къ какому-то другому быту, который извѣстенъ одному только главнокомандующему ихъ. Что повсюду замѣтно вліяніе сокровенныхъ его дѣйствій на умы; но что, будучи необыкновенно хитръ, онъ весьма искусно скрываетъ пружины, посредствомъ коихъ даетъ направленіе цѣлому". Въ запискѣ приводились имена лицъ, будто бы принимавшихъ участіе въ кавказскомъ Обществѣ [1]).

На одномъ изъ засѣданій обсуждался докладъ Лихарева о военныхъ поселеніяхъ подъ заглавіемъ „Взглядъ на военное поселеніе". Этотъ докладъ былъ переданъ Лихаревымъ Пестелю чрезъ Давыдова. Въ докладѣ авторъ излагалъ свои политическія убѣжденія и между прочимъ, какъ онъ вспоминалъ потомъ въ тюрьмѣ, о военныхъ поселеніяхъ писалъ: „Объ уродливомъ постановленіи военныхъ поселеній, изобрѣтенныхъ графомъ Аракчеевымъ, котораго тутъ назвалъ таинственнымъ врагомъ государя императора и нашего отечества. Представилъ угнетеніе и бѣдственное положеніе военныхъ поселянъ, беззаботливость и ничтожность частныхъ начальниковъ и, наконецъ, говорилъ, что бо́льшая часть военныхъ поселянъ отъ несчастнаго состоянія, въ которомъ они находятся, легко могутъ покуситься на какія-нибудь крайности" [2]). Можетъ-быть, это сообщеніе Лихарева имѣло своимъ слѣдствіемъ постановленіе Южной Думы, которымъ поручалось В. Давыдову „дѣйствовать на офицеровъ поселенныхъ войскъ" [3]).

Конечно, на тѣхъ же засѣданіяхъ, въ Каменкѣ или на контрактахъ, обсуждались и планы революціонныхъ дѣйствій и, вѣроятно, неоднократно. Объ этихъ планахъ намъ еще придется говорить.

---

[1]) Показанія Юшневскаго, стр. 28.

[2]) Показанія Лихарева, стр. 20.

[3]) Показанія М. Муравьева-Апостола.

Теперь перейдемъ къ собранію на кіевскихъ контрактахъ 1825 г. Тогда въ Кіевѣ съѣхались: Пестель, Давыдовъ, кн. Барятинскій, Юшневскій, А. Поджіо, Повало-Швейковскій, кн. Волконскій, полк. Враницкій и полк. Тизенгаузенъ. Бестужева и Муравьева на контрактахъ не было, такъ какъ корпусный командиръ не разрѣшилъ имъ отпуска. Были также и братья Лихаревы [1]).

О совѣщаніяхъ, происходившихъ на этихъ контрактахъ, мало извѣстно. Повидимому, Муравьевъ и Бестужевъ представили свое мнѣніе о необходимости начать рѣшительныя дѣйствія лѣтомъ 1826 г. Но, несомнѣнно, среди членовъ было мало рвенія къ обсужденію предложеній и вообще дѣлъ Общества. „Хотя насъ много было, — повѣствуетъ А. Поджіо, — однакожъ все пошло къ разладію: не было того единодушія, того прежняго единства. Муравьевъ и Бестужевъ не пріѣзжали въ Кіевъ по запрещенію корпуснымъ ихъ командиромъ. Лихаревы братья были посватаны, я имѣлъ также свои развлеченія, у Давыдова—дѣла, Волконскаго—свадьба,— словомъ все это приводило Пестеля въ негодованіе и онъ мнѣ говорилъ: вы все всѣмъ другимъ заняты, никогда времени не имѣете говорить о дѣлахъ".

Суть разлада заключалась въ томъ, что Пестель охладѣлъ къ Поджіо и былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ выходитъ въ отставку. Пестель замѣтилъ самостоятельность Сергѣя Муравьева, видѣлъ возросшую его силу и былъ этимъ крайне недоволенъ: „ни о чемъ другомъ не было разговора, какъ объ отклоненіи Муравьева. Пестелю это изъ головы не выходило". Поджіо утѣшалъ Пестеля, указывая на то, что „какъ Муравьевъ ни отваженъ, однакожъ удары въ воду не даетъ" [2]).

Таково было настроеніе членовъ Южнаго Общества, съѣхавшихся на контрактахъ 1825 года.

---

[1]) „Мемуары декабристовъ", 209 и показанія Тизенгаузена, стр. 10.
[2]) „Мемуары декабристовъ", 210.

Теперь остановимся на тѣхъ вопросахъ, которые обсуждались на этихъ контрактахъ. Такъ, тутъ обсуждали проектъ Муравьева начать дѣйствія во время лагернаго сбора 1825 года. Пестель по этому поводу говорилъ: „Есть много хорошаго и удобнаго въ семъ началѣ, однакожъ не вѣрно“. Это онъ говорилъ, какъ вѣрно подмѣтилъ Поджіо, только для того, чтобы не охлаждать членовъ. Самъ же Пестель былъ рѣшительно противъ предложенія Муравьева. Въ этомъ духѣ онъ старался воздѣйствовать на Швейковскаго и Юшневскаго. Уѣзжая изъ Кіева, всѣ трое по дорогѣ заѣхали въ Васильковъ къ Муравьеву. Тамъ, очевидно, дебаты продолжались, при чемъ Швейковскій остался на сторонѣ Муравьева, а Юшневскій поддерживалъ Пестеля [1]).

Несогласіе между членами, такимъ образомъ, было довольно значительно.

На тѣхъ же контрактахъ обсуждался и еще вопросъ, поднятый Бестужевымъ. Онъ написалъ на французскомъ языкѣ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что „истребленіе цесаревича необходимо, ибо доколѣ его высочество будетъ живъ, до тѣхъ поръ Польское Общество не можетъ полагаться на войска свои, преданныя цесаревичу“. Бестужевъ желалъ, чтобы кн. Волконскій это его мнѣніе передалъ членамъ Польскаго Общества при предстоящихъ съ ними переговорахъ, но кн. Волконскій возвратилъ бумагу обратно Бестужеву [2]). Съ этимъ мнѣ-

---

[1]) Показанія Давыдова, стр. 61 и Поджіо въ „Мемуарахъ декабристовъ“, 210.

[2]) Впослѣдствіи Муравьевъ сдѣлалъ попытку сообщить это мнѣніе членамъ Польскаго Общества, придавъ ему значеніе мнѣнія Общества. Это онъ сдѣлалъ въ моментъ, когда былъ уже извѣстенъ неудачный исходъ 14 декабря. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ самъ С. Муравьевъ: „Свѣдавъ въ Житомірѣ о происшествіи 14 декабря въ Петербургѣ, хотя не со всѣми подробностями, но заключая изъ слышаннаго мною, что дѣла Общества плохи, я рѣшился воспользоваться находящимся спмъ мнѣніемъ у меня съ тѣмъ, чтобы вовлечь поляковъ въ такой поступокъ, послѣ коего имъ оставалось бы только возмутиться.

ніемъ Бестужева былъ согласенъ и С. Муравьевъ. Это—единственный случай, когда онъ примирился съ мыслью объ истребленіи одного изъ членовъ царскаго семейства, такъ какъ онъ всегда соглашался лишь только на цареубійство.

Такъ проходили контракты 1825 года. Не было ничего ободряющаго. Напротивъ, выяснился разладъ. Настроеніе было подавленное еще и потому, что всѣмъ было извѣстно о постигшей Пестеля неудачѣ въ Петербургѣ. Правда, Пестель иногда ободрялъ своихъ собесѣдниковъ, говоря, что его не остановятъ дурныя вѣсти изъ Петербурга, но въ то же время упрекалъ и своихъ сочленовъ въ бездѣйствіи [1]).

Теперь перейдемъ еще къ одной сторонѣ, характеризующей описываемое собраніе, именно—къ переговорамъ съ Польскимъ Обществомъ. Переговоры этого года отличаются большимъ интересомъ.

Какъ мы знаемъ, Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ не могли быть въ этомъ году въ Кіевѣ на контрактахъ и потому веденіе дѣла на себя взялъ Пестель. Впрочемъ, есть извѣстіе, что Пестель былъ недоволенъ въ этомъ отношеніи Бестужевымъ, почему и счелъ нужнымъ вступить въ переговоры.

Согласно условію на съѣздѣ 1824 года, на контракты въ Кіевъ должны были явиться уполномоченные Польскаго Общества. Познакомить уполномоченныхъ взялъ на себя кн. Волконскій. Онъ давно былъ знакомъ съ

Будучи у гр. Мошинскаго, я ему говорилъ, что хотя Общество Польское и обѣщало, въ случаѣ возмущенія въ Россіи, не выпускать великаго князя изъ Варшавы, но Обществу нашему вѣрнѣе кажется, лишить его жизни, и что имѣю на сей щетъ бумагу, которую прошу сообщить въ Директорію ихъ Общества. На сіе мое предложеніе гр. Мошинскій, не давъ мнѣ никакого отвѣта, сказалъ только, что онъ никакъ не смѣетъ принять поданнаго мнѣнія, ибо это противъ законовъ ихъ Общества. И тѣмъ разговоръ нашъ кончился“ (показанія С. Муравьева, стр. 181).

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 211.

Гродецкимъ, но въ своихъ разговорахъ съ нимъ ранѣе никогда не касался дѣлъ Общества. Кн. Волконскій въ своей квартирѣ познакомилъ Пестеля съ Гродецкимъ. Это было въ половинѣ января 1825 года. Пестель тогда же спросилъ Гродецкаго, имѣетъ ли онъ полномочіе отъ Польскаго Общества для заключенія договора съ Русскимъ. Гродецкій отвѣтилъ, что такого полномочія у него нѣтъ, но что въ непродолжительномъ времени изъ Варшавы пріѣдетъ полномочный членъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней на контракты явился кн. Яблоновскій. Первоначально онъ хотѣлъ одинъ вести переговоры въ качествѣ уполномоченнаго отъ Варшавской Директоріи, но члены Кіевской провинціи заявили, что ему одному, безъ депутата отъ провинціи, вести переговоры неудобно; такимъ депутатомъ былъ назначенъ тотъ же Гродецкій. Крыжановскій тоже былъ въ это время въ Кіевѣ, но участія въ переговорахъ съ русскими депутатами не принималъ; впрочемъ и Гродецкій уклонился отъ переговоровъ.

Первое свиданіе Яблоновскаго съ Пестелемъ произошло въ квартирѣ кн. Волконскаго.

Князь Волконскій, дававшій весьма искреннія показанія, разсказываетъ о нѣкоторой мистификаціи, къ которой къ данномъ случаѣ полагалъ нужнымъ прибѣгнуть Пестель. „Пестель себя объявилъ, — говоритъ онъ, — какъ уполномоченнымъ отъ управленія Петербургской Директоріи, а меня, какъ—члена, назначеннаго отъ Южной Управы на будущія сношенія по дѣламъ Общества“. Когда впослѣдствіи при переговорахъ кн. Яблоновскій обратилъ вниманіе на то, что оба русскіе представителя принадлежатъ къ Южной Директоріи, между тѣмъ какъ при предварительныхъ переговорахъ требовалось, чтобы съ польской стороны одинъ изъ депутатовъ былъ отъ Варшавской Директоріи, то Пестелю пришлось отвѣтить, „что онъ—членъ обѣихъ Директорій, а я (разсказываетъ кн. Волконскій), какъ

уполномоченный отъ Южной для будущихъ сношеній съ Польскими Обществами посредствомъ того, кто назначенъ будетъ для сего отъ Польской Директоріи". На той же почвѣ произошло и еще одно недоразумѣніе. „Князь Яблоновскій заключилъ тѣмъ свой разговоръ, что обязанъ онъ дать свѣдѣніе Варшавской Директоріи, кто именно въ Петербургѣ изъ первенствующихъ лицъ имѣетъ вліяніе или соучаствуетъ въ Обществѣ, — и буде ему сіе будетъ объявлено, онъ объявитъ также о таковомъ лицѣ и въ Польскихъ Обществахъ. Пестель на сіе отвѣчалъ, что сіе онъ не можетъ исполнить безъ разрѣшенія Петербургской Директоріи, и посему было положено къ будущему съѣзду испросить таковое позволеніе и дать сіе свѣдѣніе". Впрочемъ, нѣкоторая мистификація была съ обѣихъ сторонъ: кн. Яблоновскій былъ, дѣйствительно, членъ Варшавской Директоріи, но никакихъ полномочій отъ Патріотическаго Общества для переговоровъ не имѣлъ.

Пестель прежде всего счелъ нужнымъ указать своему собесѣднику на настроеніе въ русской средѣ. Онъ говорилъ, „что не только весь народъ, но и войско хочетъ свергнуть съ себя иго деспотизма; что нельзя сомнѣваться въ содѣйствіи всѣхъ областей, населенныхъ настоящими русскими, но что Общество хочетъ знать расположеніе и тѣхъ, которыя вошли въ составъ Имперіи въ позднѣйшія времена; что нѣмецкія губерніи желаютъ оставаться соединенными съ Россіею, и теперь нужно лишь свѣдѣніе о видахъ поляковъ, бывшихъ прежде отдѣльною державою. Нѣтъ средины, — продолжалъ Пестель,—вамъ необходимо объявить себя за насъ или противъ насъ. Но мы и безъ вашей помощи можемъ оружіемъ даровать себѣ свободу; а вы, если пропустите представляющійся вамъ случай, должны будете уже навсегда отказаться отъ надежды быть народомъ независимымъ".

Далѣе Пестель настаивалъ, чтобъ Яблоновскій выяснилъ образъ правленія, который предполагаютъ ввести поляки въ случаѣ успѣха, предлагая и съ своей стороны также откровенно объяснить цѣли русскихъ обществъ. Князь Яблоновскій высказывалъ свое собственное мнѣніе, что въ Польшѣ республика немыслима, но что окончательно этотъ вопросъ долженъ быть предоставленъ волѣ націи, при чемъ предварительно должно быть объявлено временное правленіе.

По вопросу о положеніи Польши въ случаѣ успѣха революціи, на выясненіи чего настаивалъ Яблоновскій и просилъ искренно ему отвѣтить, признаютъ ли русскія тайныя общества независимость Польши, Пестель отвѣчалъ, „что именемъ всѣхъ обществъ въ томъ даетъ слово; а что касается до россійскихъ польскихъ губерній — возвратить, что справедливо и возможно будетъ".

По вопросу о взаимномъ содѣйствіи обществъ при началѣ революціи Яблоновскій именемъ Варшавской Директоріи, говоритъ кн. Волконскій, „обѣщалъ первоначально принять общій ходъ въ революціи — и вслѣдствіе сего согласія заключено было, что при начатіи общей революціи Польскія Общества должны принять мѣры къ заточенію всѣхъ тѣхъ членовъ высочайшей фамиліи, которые тогда будутъ находиться въ Польшѣ, и принять мѣры къ устраненію всякаго покушенія къ освобожденію ихъ. Послѣ сего Пестель требовалъ отъ Яблоновскаго, чтобъ онъ также именемъ Варшавской Директоріи обязался не починать никакихъ дѣйствій до того времени, какъ отъ насъ будетъ о семъ дано извѣстіе, но тогда въ назначенное время непремѣнно начать. Яблоновскій отвѣчалъ согласіемъ отъ имени Польской Варшавской Директоріи, но попросилъ, чтобъ по объявленіи данъ былъ всегда мѣсячный срокъ для предварительнаго извѣщенія всѣхъ, кому подлежитъ о семъ знать, распоряженій и приготовленій всѣхъ способовъ".

По вопросу о членахъ царствующей фамиліи Пестель также показывалъ, что поляки должны поступить съ великимъ княземъ Константиномъ точно такъ же, какъ русскіе поступятъ съ великими князьями. Яблоновскій на слѣдствіи совершенно отрицалъ переговоры о членахъ царствующаго дома, но, несмотря на видимую искренность этихъ отрицаній, едва ли можно имъ довѣрять: планы Южнаго Общества къ тому времени вполнѣ оформились, и разъ Пестель говорилъ о республикѣ, то, очевидно, говорилъ и о цареубійствѣ.

Въ заключеніе Пестель указывалъ члену Польскаго Общества, „что хотя Петербургская Директорія искренно желаетъ успѣха Польскимъ Обществамъ, но что оная требуетъ взаимное искренное содѣйствіе и что не Россіи искать подпоры въ Польшѣ, но всегда полякамъ у русскихъ. Яблоновскій на сіе отвѣчалъ, что общія дѣйствія въ Россіи и Польшѣ должны завѣрить въ успѣхѣ предпріятія, что прежде они думали не иначе начать дѣйствія свои, какъ при возобновленіи какихъ-либо бурныхъ политическихъ явленій въ Европѣ, нынѣ же содѣйствіе россійскихъ тайныхъ обществъ сблизитъ ожидаемый часъ возбужденія ихъ отечества“.

Въ концѣ засѣданія оба представителя обществъ сочли нужнымъ познакомить другъ друга съ силами своихъ обществъ. Началъ Пестель, который для свѣдѣнія Варшавской Директоріи, говоритъ кн. Волконскій, „далъ вымышленное большею частью поясненіе о большомъ распространеніи нашихъ обществъ, какъ въ войскѣ, такъ и въ Россіи, въ особенности въ Польшѣ, о сношеніи нашемъ съ французскими либералами и, сколько помнится, просилъ Яблоновскаго ввести насъ въ таковыя съ нѣмецкими и съ Англіею — какъ намъ извѣстно изъ прежнихъ сношеній, что они съ оными находятся въ тѣсной связи“. Съ своей стороны Яблоновскій говорилъ о силахъ Польскаго Общества, особенно среди войска, но преимущественно говорилъ о

Варшавской Директоріи и распространеніи идей Общества въ Царствѣ Польскомъ.

Наконецъ условились назначить новый съѣздъ на контрактахъ 1826 года. Незаконченнымъ оставался лишь вопросъ о способахъ сообщеній до будущаго съѣзда, для чего назначено было свиданіе черезъ два дня. Между прочимъ условливались также хранить результаты совѣщанія даже и отъ сочленовъ обществъ.

Депутаты съѣхались черезъ два дня у Пестеля, который жилъ у Давыдова. Тутъ условились, что по дѣламъ Общества кн. Волконскій будетъ вести дальнѣйшія сношенія по болѣе важнымъ дѣламъ чрезъ Гродецкаго на случай принятія мѣръ обѣими Директоріями. Менѣе значительныя сообщенія должны быть передаваемы чрезъ Швейковскаго Мощинскому и Гродецкому [1]).

Относительно дальнѣйшаго теченія переговоровъ въ томъ же 1825 году можно добавить, что кн. Волконскій имѣлъ свиданіе въ Бердичевѣ съ Мощинскимъ, но ни особой цѣли ни результатовъ это свиданіе не имѣло [2]). Швейковскій никакого участія въ дѣлѣ не принялъ.

На этомъ закончились сношенія Русскаго Общества съ Польскимъ, вскорѣ и внезапно прерванныя революціонными дѣйствіями.

Мы познакомились съ дѣятельностью Южнаго Общества на контрактахъ 1825 года. 1825 годъ начинался при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ, если объ этомъ судить по настроенію членовъ. Но послѣдующее теченіе жизни Южнаго Общества показало, что этотъ годъ былъ годомъ значительнаго усиленія Общества и поднятія энергіи среди его членовъ. Но это послѣднее относится къ той группѣ членовъ Южнаго Общества,

---

[1]) Показаніе кн. Волконскаго, стр. 41 и сл.: „Сборникъ Базилевскаго“, 151—161; показаніе Пестеля, „Былое“.

[2]) Показаніе кн. Волконскаго.

въ которой господствовалъ Сергѣй Муравьевъ. Интересъ этой эпохи въ жизни Общества сосредоточивается въ тѣхъ треволненіяхъ, которыя пережили его члены во время лагернаго сбора подъ мѣстечкомъ Лещинымъ.

Этотъ сборъ былъ посвященъ сношеніямъ съ Обществомъ Соединенныхъ Славянъ, о чемъ намъ еще придется говорить, а въ средѣ членовъ Васильковской Управы снова возникъ вопросъ о немедленномъ началѣ революціонныхъ дѣйствій.

Поводъ для начала ихъ былъ чисто внѣшній. У полковника Повало-Швейковскаго былъ отнятъ полкъ. Узнавъ объ этомъ, Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, полковникъ Враницкій, всѣ члены, бывшіе тогда въ лещинскомъ лагерѣ, съѣхались вечеромъ къ Швейковскому. Они нашли его „въ совершенномъ отчаяніи“, „въ такомъ уныніи и въ такомъ малодушіи, что сколько мы ни старались его успокоить и утѣшить, но въ томъ успѣть не могли“. Тутъ же подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшаго Артамонъ Муравьевъ предложилъ немедленно начать возстаніе. Члены Общества были настолько возбуждены, что согласились на это предложеніе. Надо замѣтить, что для такого порыва у членовъ была болѣе серьезная причина, чѣмъ отнятіе полка у одного изъ нихъ. Причина отнятія командованія была для нихъ не ясна, почему являлось предположеніе, что Общество открыто правительствомъ. Къ тому же существовало въ Обществѣ условіе немедленно приступить къ дѣйствію, если хотя бы одинъ изъ его членовъ будетъ открытъ правительствомъ. Наконецъ было и то соображеніе, что съ отнятіемъ командованія у Швейковскаго Общество теряетъ цѣлый полкъ, на который могло бы разсчитывать. Тотчасъ же былъ составленъ цѣлый планъ возстанія. Бестужевъ долженъ былъ ѣхать немедленно къ Пестелю, спросить его мнѣнія и требовать его содѣйствія. При началѣ дѣйствій предполага-

лось прежде всего арестовать корпуснаго командира и начальника главнаго штаба, генераловъ Толя и Рота, возмутить весь корпусъ, двинуться съ нимъ въ Кіевъ и, овладѣвъ городомъ, дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Предполагалось, что Сергѣй Муравьевъ успѣетъ въ частности возмутить восьмую дивизію, разсчитывали на девятую, на третью гусарскую и на всю артиллерію. Собравшіеся разсчитывали въ восьмой дивизіи на бывшихъ семеновскихъ солдатъ; въ артиллеріи служили славяне, съ которыми тогда уже оканчивалъ соглашеніе Бестужевъ, гусарскимъ полкомъ командовалъ Артамонъ Муравьевъ, въ Черниговскомъ полку служили Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ. Были члены и въ Полтавскомъ полку. Сергѣй Муравьевъ хотѣлъ немедленно послать за своимъ братомъ Матвѣемъ и отправить его въ Петербургъ для соглашенія съ Сѣвернымъ Обществомъ. Въ случаѣ успѣха петербургскимъ членамъ рекомендовалось арестовать великихъ князей и отправить ихъ за границу на кораблѣ при помощи сформированной Рылѣевымъ Морской Управы.

Таковъ былъ планъ. Энтузіазмъ членовъ былъ очень великъ. Предполагалось немедленно же послать за капитаномъ Якубовичемъ, о готовности котораго лишить жизни Александра I было тогда уже извѣстно въ Южномъ Обществѣ. Впрочемъ, изъ среды собравшихся было лицо, вызывавшееся нанести ударъ государю: Артамонъ Муравьевъ вызвался немедленно ѣхать въ Таганрогъ, гдѣ тогда былъ императоръ, но его удерживали въ томъ соображеніи, что онъ нуженъ при своемъ полку.

— Когда государя не будетъ, — разсуждалъ Сергѣй Муравьевъ, — то большая часть дѣла, если даже уже и не все, сдѣлана и кончена: Константинъ лишился почти всѣхъ приверженцевъ чрезъ то, что живетъ въ Варшавѣ, партіи онъ въ Петербургѣ не найдетъ; Николай и Михаилъ молоды,—ихъ не знаютъ.

На Петербургъ вообще были большіе расчеты. Собравшіеся полагали, что въ Петербургѣ найдется не одинъ Якубовичъ.

— О, я знаю многихъ, которые не откажутся принять сіе на себя. Въ Петербургѣ ихъ болѣе одного, — говорилъ Бестужевъ-Рюминъ.

— Да и у многихъ не дрогнетъ рука... ихъ въ Петербургѣ довольно... Матвѣй (Муравьевъ) найдетъ всѣхъ, кого надобно, — говорили Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ [1]).

Особенно настаивалъ на неотложности дѣйствій Артамонъ Муравьевъ.

— Надобно дѣйствовать, — повторялъ онъ неоднократно, — пора начать; у меня предчувствіе, что если будемъ медлить, то насъ или всѣхъ вдругъ или поодиночкѣ переберутъ и перевяжутъ.

Всѣ соглашались, были довольны и говорили: „пора начать!“

Среди собравшихся былъ одинъ охлаждающій элементъ въ лицѣ молчаливаго и хладнокровнаго полковника Тизенгаузена; онъ былъ привлеченъ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, но, повидимому, искренно колебался и во всякомъ случаѣ не былъ способенъ увлекаться. Среди всеобщаго возбужденія Артамонъ Муравьевъ обращается къ нему съ вопросомъ:

— Полковникъ, что вы думаете? Это прекрасно, я давно сего желалъ и всегда говорилъ: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Увидите, что все къ намъ пристанетъ.

— Дѣлайте что хотите, а мое мнѣніе, что лучше остаться при первомъ рѣшеніи, какъ опредѣлено, до іюня или іюля мѣсяца будущаго года (т.-е. 1826).

---

[1]) На слѣдствіи Бестужевъ-Рюминъ по поводу приведенныхъ выраженій писалъ: „Легко можетъ статься, что въ то время, когда тѣ и другія выраженія я употреблялъ... сіе могло относиться къ славянамъ“. Не отрицая выраженій своихъ, онъ лишь старался отвести ихъ отъ петербургскихъ членовъ.

Оба Муравьева почти въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Полковникъ, увидите, что насъ поодиночкѣ переберутъ.

— И вы, можетъ-быть, только одни будете тому виною, — прибавилъ Сергѣй Муравьевъ.

— Не надобно отлагать! У меня какое-то вѣрное предчувствіе, что насъ если не всѣхъ вдругъ, то поодиночкѣ перевяжутъ. Надобно дѣйствовать, — съ жаромъ сказалъ Артамонъ Муравьевъ.

На этомъ, повидимому, кончилось первое совѣщаніе.

На другой день послѣ этого собранія самъ Швейковскій опомнился, явился къ Сергѣю Муравьеву и Бестужеву и сталъ уговаривать ихъ отложить рѣшительныя дѣйствія. Онъ вспоминаетъ сущность своей рѣчи, подтверждаемую показаніемъ Сергѣя Муравьева: „Мое несчастіе не должно имѣть никакого вліянія на дѣла Общества; да если бы на казнь меня вели, то я заклинаю ихъ и въ то время оставить меня моей участи, и ежели они предпріятія своего не отложутъ, то я сей же часъ рапортуюсь больнымъ и уѣзжаю изъ лагеря". Эти ли увѣщанія или вообще хладнокровное обсужденіе вопроса нѣкоторыми изъ совѣщающихся заставили вновь приступить къ обсужденію всего плана. Всѣ члены собрались на обѣдъ у полковника Артамона Муравьева.

На этомъ собраніи Бестужевъ уже могъ сообщить о присоединеніи Славянскаго Общества къ Южному. Въ общемъ стало преобладать убѣжденіе въ необходимости отложить дѣло до лѣта 1826 года. Одинъ Артамонъ Муравьевъ настаивалъ на неотложности дѣйствій. Обсуждали вопросъ о возможности отправиться въ Таганрогъ съ цѣлью покушенія на государя. Бестужевъ указывалъ на возможность содѣйствія въ этомъ отношеніи членовъ Славянскаго Общества. Ему было поручено выяснить настроеніе славянъ подробнѣе. Впрочемъ, Артамонъ Муравьевъ самъ настоятельно порывался от-

правиться въ Таганрогъ, нанести ударъ, если никто другой не рѣшится.

По обыкновенію больше всего говорили Сергѣй и Артамонъ Муравьевы и Бестужевъ. Повало-Швейковскій съ ними соглашался, Тизенгаузенъ молчалъ, Враницкаго совсѣмъ не было. Среди этихъ разговоровъ Артамонъ Муравьевъ обращается къ Тизенгаузену съ вопросомъ:

— А вы какъ думаете, полковникъ?

— И вы думаете, что такъ легко рука можетъ подняться на государя? — былъ отвѣтъ Тизенгаузена.

Артамонъ Муравьевъ, отличавшійся вообще склонностью къ пафосу, не далъ окончить рѣчи Тизенгаузену, и, призывая въ свидѣтели Всевышняго, торжественнымъ голосомъ произнесъ:

— Ну, такъ я вамъ за себя отвѣчаю и готовъ собою жертвовать, если не сыщется другого. Несмотря на то, что я имѣю жену и дѣтей, которыхъ люблю, что при сей перемѣнѣ не могу столько выиграть, сколько рискую потерять, но я готовъ всѣмъ жертвовать общему благу.

Послѣ сильныхъ преній все-таки было рѣшено отложить предпріятіе до лѣта 1826 года. Протестующимъ оставался только Артамонъ Муравьевъ, который нѣсколько разъ повторялъ:

— Вспомните мое предчувствіе: вы увидите, что оно сбудется.

Передъ самымъ выступленіемъ изъ лагеря, т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго совѣщанія, было новое собраніе у Повало-Швейковскаго.

Въ начальной части своей оно было повтореніемъ двухъ предшествующихъ. Артамонъ Муравьевъ снова настаивалъ на немедленномъ покушеніи на императора, ссылаясь на свои предчувствія, снова вызывался нанести первымъ ударъ въ Таганрогѣ, и снова его увѣщали не ѣхать и оставаться при полку для успѣха самого дѣла. Бестужевъ-Рюминъ могъ въ этомъ засѣ-

даніи уже доложить собравшимся, что пятнадцать членовъ присоединившагося Общества Славянъ готовы на цареубійство. Умѣряя горячность Артамона, Бестужевъ заявлялъ, что онъ самъ предпочитаетъ отправиться въ Таганрогъ съ славянами, такъ какъ Муравьевъ нуженъ здѣсь съ своимъ Ахтырскимъ полкомъ. Настаивая на своемъ планѣ, Артамонъ Муравьевъ, между прочимъ, приводилъ въ доказательство то соображеніе, что государь, узнавъ о настроеніи въ корпусѣ, можетъ въ будущемъ году совсѣмъ не пріѣхать въ лагери.

Во всякомъ случаѣ и на этотъ разъ остановились на прежнемъ планѣ и закрѣпили его клятвою на Евангеліи; не далъ присяги одинъ только Тизенгаузенъ, заявивъ, что онъ начнетъ и безъ присяги.

Клятвеннаго обѣщанія требовалъ Артамонъ Муравьевъ. Нѣкоторые угрожали удаленіемъ изъ Общества, если будетъ пропущенъ лѣтній сборъ 1826 года.

— Я отдѣлюсь отъ Общества, если во время смотра останемся безъ дѣйствія, — заявлялъ Повало-Швейковскій, поддерживая Артамона Муравьева.

Условившись окончательно насчетъ будущаго года, начали обсуждать нѣкоторые практическіе вопросы, связанные съ предпріятіемъ. Тизенгаузенъ обратилъ вниманіе на обстоятельство, что во время похода надо продовольствовать войска, а у Общества денегъ нѣтъ Муравьевъ, указалъ на такой источникъ—на артельныя полковыя суммы и на казначейства. Кто-то замѣтилъ: „Есть изобильнѣе источникъ: погреба графини Браницкой“. Этими предложеніями былъ недоволенъ практическій и хладнокровный Тизенгаузенъ.

— Прекрасный и самый благородный совѣтъ!—по его собственнымъ словамъ возражалъ онъ (сущность его рѣчи подтверждаетъ Швейковскій).—Такъ вы намѣрены начать дѣло грабежомъ и разбоемъ? Хорошъ будетъ конецъ!— Нѣтъ, это не мое дѣло; я чужой собственности никогда не прикасался и не коснусь!— Клянусь вамъ

честію, что я лучше пожертвую всѣмъ тѣмъ, что имѣю, и не откажусь упросить жену продать всѣ свои вещи и даже платье, если бы отъ меня вмѣсто гнуснаго своего предложенія потребовали сдѣлать общую складку для пополненія той суммы, какую бы отъ каждаго члена назначили внести для сего, лишь бы только избѣгнуть всякое насильство подобнаго рода; впрочемъ, вы предлагаете мнѣ о семъ уже не въ первый разъ и мое мнѣніе насчетъ сего предмета слышали неоднократно.

Его поддержалъ Повало-Швейковскій:

— Нѣтъ, господа, — говорилъ онъ, по его собственнымъ словамъ. — Согласитесь, что это все такого рода средства, которыя ни въ какомъ отношеніи извинительны быть не могутъ, а вы сдѣлайте то, что должны; займите деньги да раздайте въ полки прежде движенія, а безъ того, я согласенъ съ Тизенгаузеномъ, что затѣивать дѣйствія невозможно!

Муравьевъ пытался увѣрить обоихъ въ томъ, что деньги, взятыя изъ артельныхъ суммъ, могутъ быть возвращены, но это мало всѣхъ успокоивало, и разговоръ былъ прекращенъ завѣреніемъ Артамона Муравьева, что онъ достанетъ средства.

На этомъ закончились переговоры, и на слѣдующій день войска вышли изъ лагеря.

Во всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ позиція, занятая Артамономъ Муравьевымъ, является весьма любопытной. Трудно провѣрить тогдашнее его настроеніе. Изъ того, что извѣстно о немъ по послѣдующимъ фактамъ, выяснившимся съ момента возмущенія Черниговскаго полка, казалось бы, такая роль мало подходитъ къ нерѣшительному человѣку. Его вообще въ Обществѣ считали способнымъ къ излишнему фразерству и паѳосу. Но, впрочемъ, надо замѣтить, что положеніе вещей лѣтомъ 1825 года и въ декабрѣ того же года было весьма не

одинаково, и Муравьевъ не даромъ ссылался на свои предчувствія [1]).

Въ то время, когда члены Южнаго Общества колебались, начать ли возстаніе тотчасъ, или отложить до будущаго года, Бестужевъ и С. Муравьевъ дѣлаютъ неожиданное для себя открытіе о существованіи Тайнаго Общества среди армейскихъ офицеровъ. Это и было Общество Соединенныхъ Славянъ, о присоединеніи кото-

---

[1]) Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о лещинскихъ сборахъ даетъ Тизенгаузенъ (показаніе стр. 7—8; стр. 54—56; стр. 33). Тизенгаузенъ много распространяется о своемъ раскаяніи, даже о своихъ намѣреніяхъ сдѣлать своевременно доносъ; можно одно сказать, что дѣйствительно Тизенгаузенъ далеко не былъ изъ числа вполнѣ убѣжденныхъ членовъ; онъ самъ не разъ отмѣчаетъ недовѣріе къ себѣ со стороны другихъ. Показанія, данныя Тизенгаузеномъ, въ общемъ сходятся или подтверждаются остальными соучастниками совѣщаній: показаніе Сергѣя Муравьева, стр. 159; показаніе Бестужева-Рюмина, стр. 115, 116, 117, 136—138; показанія Повало-Швейковскаго, стр. 30—33, стр. 44—46. Повало-Швейковскій давалъ свои утвердительныя показанія только тогда, когда ему предъявлялся рядъ уликъ, и когда запирательство было дѣломъ безполезнымъ. Отвѣты онъ давалъ краткіе и, гдѣ возможно, уклончивые. Бестужевъ-Рюминъ, напротивъ, давалъ сжатыя, но точныя показанія, не ожидая уликъ. О себѣ говорилъ вполнѣ откровенно. Почти такимъ же характеромъ отличаются показанія Сергѣя Муравьева. Оба они хорошо владѣли русской рѣчью, и, судя по изложенію мыслей и фактовъ, Бестужевъ-Рюминъ далеко не былъ такимъ ограниченнымъ человѣкомъ, какимъ онъ казался многимъ изъ тѣхъ, кто съ нимъ сталкивался.

Такъ какъ въ этихъ совѣщаніяхъ главный интересъ сосредоточивается на роли Артамона Муравьева, то не безынтересно привести его показанія. Онъ былъ вообще скупъ на признанія Слѣдственному Комитету, но въ данномъ случаѣ онъ отрицать не могъ своихъ заявленій. Послѣ нѣкотораго запирательства и въ Комитетѣ и на письменные вопросные пункты, Артамонъ Муравьевъ, наконецъ, 30 января 1826 года, подтвердилъ въ общихъ чертахъ происходившее въ Лещинѣ, стараясь смягчить свою участь ссылками на свой темпераментъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ искрененъ, ибо эти свойства его темперамента были отмѣчаемы и его сотоварищами.

„Заключались наши разговоры,—говоритъ онъ,—въ предположеніяхъ, какимъ образомъ привести предпріятія Общества къ исполненію; тутъ-то

раго къ Южному Обществу могъ сообщить Бестужевъ въ одномъ изъ только что описанныхъ собраній. Перейдемъ теперь къ знакомству съ этимъ Славянскимъ Обществомъ.

VI.

Общество Соединенныхъ Славянъ.

Общество Соединенныхъ Славянъ составилось большею частью изъ офицеровъ Пензенскаго пѣхотнаго полка и конныхъ ротъ первой гренадерской бригады.

Муравьевъ и Бестужевъ говорили, что они только увѣрены въ успѣхѣ тамъ, гдѣ они, а потому рѣшительно полагали срокомъ послѣднимъ предполагаемый смотръ 3-го корпуса въ 1826 году. Я тутъ много говорилъ; тутъ-то я отвѣчалъ за готовность командуемаго мною полка, тогда какъ ни одинъ подчиненный мой слова подобнаго отъ меня не слыхалъ; тутъ-то я утверждалъ, что солдатъ не отстанетъ отъ своего офицера,—словомъ, я старался выказаться ревностнѣйшимъ изъ членовъ. Касательно отлагательства перваго предпріятія возобновить покушеніе на жизнь покойнаго государя,—было это потому учинено, что замѣтилъ Муравьевъ и Бестужевъ, что сіе не быть возможнымъ исполнить какъ послѣ лагеря, то трудно будетъ поднять корпуса, по причинѣ растяженнаго его положенія по квартирамъ; я же какъ бѣшеный вызывался на все, утверждая, что въ отлагательствѣ наша гибель. Къ стыду моему, и тутъ долженъ сказать, что побуждало меня на это,—увѣренность, что твердо рѣшился Муравьевъ ждать будущаго смотра, и что безъ опасенія быть взяту въ словѣ, могу показаться имъ рѣшительнымъ и предпріимчивымъ человѣкомъ. Слова, какъ Сергѣя Муравьева касательно посылки за Якубовичемъ, такъ и отвѣтъ Бестужева, справедливы. Говорилъ я Швейковскому, что ждать будущаго смотра и отсрочить посылку 15 человѣкъ опасно и не должно потому, что не будетъ смотра, и что духъ корпуса вѣрно государю извѣстенъ, а потому не пойдетъ. Слова повторяю, что та же постыдная причина меня и на сіи вела слова. Во время моего заѣзда къ Муравьеву 20 или 19 ноября, ѣхавъ по дѣламъ службы въ Кіевъ, я опять говорилъ Муравьеву, что гибель наша — откладывать, и это я сказалъ тогда, когда Муравьевъ мнѣ объявилъ, что Пестель подозрѣваемъ или даже обвиненъ правительству, а слова мои, вѣчно для меня убійственныя, итти одинъ въ Таганрогъ, если никто другой на сіе не рѣшится, справедливы“ (показаніе Артамона Муравьева, стр. 15—16).

Это — простые армейскіе офицеры, охваченные жаждой знанія, сдѣлавшіе много для своего самообразованія. Они глубоко были прошикнуты гражданскими чувствами, и это привело ихъ къ сознанію необходимости улучшеній въ общественномъ и политическомъ строѣ страны. У нихъ было много желанія сдѣлать добра для своихъ солдатъ, для Россіи, для всего славянства. Послѣдняя черта, именно славянизмъ, объясняется, вѣроятно, отчасти стоянкою этого полка въ Западной Россіи, въ сильно тогда ополяченной Волынской губерніи. Составленное ими Общество носитъ слѣды крайняго увлеченія, романтически наивной вѣры въ силу благихъ начинаній. Все это сообщество армейскихъ офицеровъ производитъ въ высшей степени симпатичное впечатлѣніе: они подкупаютъ своею искренностью, непосредственностью. Они преисполнены вѣры въ свое дѣло и дышатъ рѣшимостью, не знающею благодѣтельной осторожности.

Наиболѣе дѣятельными изъ среды Соединенныхъ Славянъ являются братья Петръ и Андрей Борисовы. Старшій изъ нихъ Борисовъ 1 (Андрей) не отличался особенной откровенностью на слѣдствіи. Это обстоятельство лишаетъ насъ возможности болѣе детальнымъ образомъ опредѣлить степень его образованія, равно и причины, которыя побудили его къ образованію Тайнаго Общества. Впрочемъ, кое-что онъ сообщаетъ о побудительныхъ причинахъ къ образованію Общества, хотя въ очень общихъ чертахъ. Еще до производства въ офицеры (вѣроятно, онъ былъ юнкеромъ въ полку), онъ уже пытался, по его собственному признанію, составить Тайное Общество и велъ по этому поводу переговоры съ своимъ братомъ Петромъ и артиллерійскимъ юнкеромъ Волковымъ. Побудительной причиной Андрей Борисовъ объявляетъ „разныя несправедливости и угнетенія въ имперіи“ и то, что онъ имѣлъ „воспаленное воображеніе насчетъ любви къ отечеству“. Цѣль этого

перваго Общества—чисто политическая, „чтобы потребовать, по усиленіи онаго (т.-е. Общества), отъ государя положительныхъ законовъ, коимъ бы онъ самъ былъ подвластенъ“. Это было только предположеніе, повидимому, осуществившееся немного позже. Это было до 1817 года. Въ этомъ послѣднемъ году 13 мая было, наконецъ, братьями Борисовыми учреждено первое Тайное Общество подъ названіемъ *Друзей Природы*. Первыми членами этого Общества были братья Борисовы, упомянутый Волковъ и еще два артиллерійскихъ юнкера, Корсунъ и Лукьяновичъ. Цѣлью Общества было объявлено „усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи отъ предразсудковъ“. Былъ составленъ уставъ этого Общества, впослѣдствіи уничтоженный.

Мы ничего не знаемъ о дѣятельности Общества Друзей Природы. Вѣроятнѣе всего, оно не проявляло особенной дѣятельности и выражалось въ самообразованіи его членовъ и въ общихъ бесѣдахъ. Оно не соотвѣтствовало „сокровенному намѣренію“ основателя, какъ это легко замѣтить изъ предыдущаго объясненія Борисова 1. Онъ самъ признается, что „несправедливая взыскательность со стороны начальниковъ и насмѣшки надъ патріотическими моими мнѣніями, коихъ не скрывалъ, утверждая во мнѣ чувство негодованія“, побудили его учредить Общество съ чисто политическими цѣлями. Трое пріятелей, двое Борисовыхъ и польскій шляхтичъ Люблинскій, составили новое Общество, поставивъ ему отдаленную цѣль — соединеніе славянскихъ племенъ въ одну республику. Тогда же были написаны правила Общества или катихизисъ и клятвенное обѣщаніе, которое требовалось отъ вступающихъ. Общество получило названіе *Общества Соединенныхъ Славянъ*. Это было въ 1823 году.

Борисовъ 1 дѣлаетъ очень важное признаніе, что это Общество, по его предположеніямъ, было лишь средствомъ, чтобы набрать значительное число членовъ и

тогда „открыто требовать отъ императора законовъ“, т.-е. конституціонныхъ законовъ.

Не совсѣмъ ясно, имѣло ли это Общество, кромѣ катихизиса и клятвеннаго обѣщанія, особый уставъ и какую-нибудь организацію. Извѣстно только, что вступающіе клялись на мечѣ, тогда какъ отъ вступающихъ въ Общество Друзей Природы требовалась клятва на Евангеліи. Вѣроятно, Борисовъ 1 занималъ первенствующее мѣсто въ обществѣ: онъ говоритъ о себѣ, что онъ никого не принималъ въ члены для того, чтобы „сохранить болѣе вѣсу въ Обществѣ“, т.-е. какъ глава его. Число членовъ Общества начало довольно быстро расти. Первыми принятыми членами были поручики Горбачевскій и Бечасный. Каждый членъ имѣлъ право принимать одного члена, наблюдая при этомъ, чтобы вновь принимаемый „имѣлъ твердость въ характерѣ и нравственности“ [1]). Вскорѣ въ члены Общества вступилъ подпоручикъ Андреевичъ 2, принятый Бечаснымъ въ присутствіи Борисова 2 [2]), и нѣкоторые другіе. Впрочемъ, довольно трудно опредѣлить, по разнорѣчію въ показаніяхъ, кто, когда и кѣмъ былъ принятъ въ Общество. Это и не особенно важно.

Первоначально Общество Соединенныхъ Славянъ состояло изъ небольшого числа членовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстностямъ южной Россіи; большого успѣха оно не имѣло, и даже многіе стали отставать, останавливаемые отдаленностью цѣли Общества. Очевидно, это обстоятельство побудило основателей и старѣйшихъ членовъ Общества заняться его реорганизаціей. 6 декабря 1824 года Горбачевскій и Борисовъ 2 долго совѣщались и рѣшили, въ цѣляхъ ускоренія хода Общества, ввести новую организацію и опредѣлить отвѣтственность членовъ Общества за ихъ дѣйствія. Бори-

[1]) Показаніе Борисова 1.
[2]) Показаніе Андреевича 2.

совъ 2 написалъ новый проектъ устава Общества. Этого устава въ дѣлѣ не сохранилось, но о немъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ Горбачевскій. По этому уставу Общество управляется президентомъ и секретаремъ, избираемымъ на одинъ годъ и подлежащимъ отвѣтственности предъ Обществомъ. На обязанности президента лежало назначеніе времени и мѣста обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ собраній, направленіе дѣйствій Общества, исполненіе всѣхъ его плановъ и предначертаній. На обязанности секретаря лежало способствовать взаимнымъ сношеніямъ между членами и членовъ съ президентомъ и храненіе денежныхъ средствъ Общества, изъ коихъ, съ согласія президента, онъ могъ расходовать на предпріятія, признанныя полезными для Общества [1]).

Первоначально Общество развивалось очень медленно. Небольшой кругъ членовъ весьма осторожно расширялъ свой составъ. Намъ кажется, что небезынтересно будетъ познакомиться съ пропагандистской дѣятельностью молодыхъ офицеровъ. Это сблизитъ насъ съ ихъ кружкомъ. Вотъ разсказъ артиллерійскаго подпоручика Веденяпина 1 о томъ, какъ онъ былъ привлеченъ въ члены Славянскаго Общества. Разговоры съ нимъ начали заводить издалека. Въ одномъ частномъ домѣ въ Таращѣ онъ былъ съ своимъ сотоварищемъ Пестовымъ. Это было въ январѣ 1825 г. Въ общемъ разговорѣ зашла рѣчь о неравенствѣ состояній въ государствѣ. Пестовъ выразилъ мнѣніе, что въ каждомъ государствѣ всѣ граждане должны быть равны. Собесѣдники оспаривали это мнѣніе, въ томъ числѣ и Веденяпинъ. Очевидно, для Пестова вопросъ о сословіяхъ въ общемъ разговорѣ былъ пробнымъ камнемъ. Вѣроятно, Веденяпинъ, возражая Пестову, выразилъ болѣе или менѣе либеральныя мысли. Когда молодые подпоручики вышли изъ гостей, Пестовъ спросилъ своего спутника, хочетъ

---

[1]) Записки Горбачевскаго, „Рус. Арх“., 1882 г., кн. 1, 735.

ли онъ быть масономъ. Веденяпинъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ масонскихъ правилъ, но ежели „цѣль ихъ благородная и сообразна съ моими обстоятельствами, то я готовъ". На этомъ пока разговоръ оборвался. Веденяпинъ былъ переведенъ въ Житомиръ, гдѣ прожилъ до конца апрѣля. Тутъ онъ познакомился съ Борисовымъ 2. Отъѣзжая вновь въ свою команду, Веденяпинъ получилъ порученіе отъ Борисова передать Пестову какой-то конвертъ. Борисовъ спросилъ Веденяпина, знакомъ ли онъ съ Пестовымъ, и на утвердительный отвѣтъ, прибавилъ, что совѣтуетъ познакомиться съ нимъ получше. По прибытіи въ свою команду въ Таращу, Веденяпинъ поинтересовался узнать, почему ему совѣтовали познакомиться съ Пестовымъ получше. Тогда Пестовъ принесъ тотъ самый пакетъ, который передалъ былъ ему Борисовымъ чрезъ Веденяпина, и далъ ему для прочтенія. Тутъ были какъ разъ правила Общества, клятвенное обѣщаніе и мнѣніе Борисова объ учрежденіи собраніи съ возраженіями, сдѣланными уже Пестовымъ. Возвращая бумаги, Веденяпинъ получилъ вопросъ, желаетъ ли онъ быть членомъ. Тотъ поинтересовался, какъ велико Общество. О размѣрахъ его Пестовъ ничего сообщить не могъ, но назвалъ нѣсколько общихъ знакомыхъ и объяснилъ знаки въ катехизисѣ. Веденяпинъ выразилъ свое согласіе и на этомъ пріемъ окончился [1]).

Перейдемъ къ дальнѣйшей исторіи Общества.

Въ мартѣ 1825 года члены Общества Соединенныхъ Славянъ съѣхались въ 25 верстахъ отъ Житомира въ мѣстечкѣ Черниковѣ на общее собраніе. Составленный Борисовымъ 2 уставъ былъ принятъ единогласно. Борисовъ 2 по общему желанію принялъ должность президента, однако лишь временно до лагернаго сбора подъ мѣстечкомъ Лещинымъ, когда предполагалось по-

---

[1]) Показанія Веденяпина I, стр. 12.

вое и болѣе полное собраніе Общества; тогда предполагалось избрать новаго президента. Военный чиновникъ Ивановъ былъ избранъ временнымъ секретаремъ Общества; онъ служилъ при корпусной квартирѣ и поэтому чрезъ него членамъ Общества было удобно сноситься. Тутъ же было положено начать составленіе общественной суммы посредствомъ взносовъ съ 1 сентября. Секретарю было разрѣшено употреблять общественный капиталъ въ торговыхъ оборотахъ съ цѣлью приращенія его [1]).

Такъ окончательно образовалось Общество Соединенныхъ Славянъ. Отсутствіе Борисова I въ послѣдней стадіи развитія Общества объясняется тѣмъ, что онъ въ это время былъ въ отставкѣ. Къ Лещинскому лагерю 1825 года опредѣлился и составъ этого Общества.

Познакомимся съ этимъ составомъ. Въ силу манифеста 1 іюня 1826 года верховному уголовному суду было предано 23 члена Славянскаго Общества; среди нихъ были артиллерійскіе офицеры: подпоручикъ Борисовъ 2, отставной подпоручикъ Борисовъ 1, подпоручикъ Горбачевскій, прапорщикъ Бечасновъ, подпоручикъ Пестовъ, подпоручикъ Андреевичъ 2, прапорщикъ Кирѣевъ, подпоручикъ Веденяпинъ 1, прапорщикъ Веденяпинъ 2 и подполковникъ Берстель. Офицеры Пензенскаго пѣхотнаго полка: майоръ Спиридовъ, капитанъ Тютчевъ, поручикъ Громницкій, подпоручикъ Мозганъ, подпоручикъ Фроловъ 2, поручикъ Лисовскій. Саратовскаго пѣхотнаго полка: прапорщикъ Шимковъ, подпоручикъ Мозгалевскій. Черниговскаго пѣхотнаго полка: поручикъ Шахиревъ и капитанъ Фурманъ; наконецъ шляхтичъ Люблинскій, провіантскій чиновникъ Ивановъ и канцеляристъ Выгодовскій. Въ Обществѣ были и нѣкоторые другіе члены, не попавшіе въ число подсудимыхъ по малой своей виновности.

---

[1]) Записки Горбачевскаго, „Русскій Архивъ“, 1822, книга I, 435 – 436.

Новое образованіе Общества, данное въ 1825 году въ Черниковѣ, касалось только его организаціи. Цѣли его оставались прежними. Поэтому теперь надлежитъ познакомиться съ упоминавшимся не разъ катехизисомъ Соединенныхъ Славянъ и съ клятвеннымъ обѣщаніемъ. Борисовъ 2 въ своемъ показаніи заявляетъ, что катехизисъ и клятвенное обѣщаніе написаны имъ. Борисовъ 1 показывалъ, что онъ также вмѣстѣ съ Люблинскимъ принималъ участіе въ выработкѣ того и другого. Такимъ образомъ вопросъ объ авторѣ того и другого остается не совсѣмъ яснымъ. Надо замѣтить, что братья Борисовы, выгораживая одинъ другого, охотно брали на себя то, что приписывалось брату. Впрочемъ, это не особенно важно, потому что мы хорошо знаемъ уже, что иниціаторомъ Общества былъ Борисовъ 1, повидимому болѣе энергичный, и что то и другое было принято въ тѣсномъ кружкѣ трехъ друзей.

Катехизисъ Соединенныхъ Славянъ состоитъ изъ 17 параграфовъ, заключающихъ въ себѣ рядъ изреченій нравственнаго характера. Онъ призываетъ къ надеждѣ на друзей своихъ и на свое оружіе, призываетъ къ простотѣ, трезвости, скромности, независимости, любви, къ наукамъ, художествамъ и ремесламъ, къ борьбѣ съ предразсудками, къ защитѣ невинности отъ несправедливости; онъ требуетъ отреченія отъ рабства, терпимости ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, наконецъ призываетъ къ единенію всѣхъ славянъ и говоритъ о будущемъ цвѣтущемъ состояніи Славянской республики.

Такъ какъ катехизисъ Общества Соединенныхъ Славянъ неизвѣстенъ до сихъ поръ, то мы приведемъ его цѣликомъ:

Правила Соединенныхъ Славянъ.

1. Не надѣйся ни на кого, кромѣ твоихъ друзей и своего оружія. Друзья тебѣ помогутъ, оружіе тебя защитить.

2. Не желай имѣть раба, когда самъ рабомъ быть не хочешь.

3. Каждый почтетъ тебя великимъ, когда гордости и избытку ты искать не будешь.

4. Простота, трезвость и скромность, сіи блюстительницы, сохранятъ твое спокойствіе.

5. Не желай болѣе того, что имѣешь, и будешь независимымъ.

6. Богиня просвѣщенія пусть будетъ пенатомъ твоимъ и удовольствія съ любовію водворятся въ домѣ твоемъ.

7. Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже къ нимъ любовь до энтузіазма и будешь имѣть истинное уваженіе отъ друзей твоихъ.

8. Невѣжество съ дѣтьми своими гордостію, суетностью и фанатизмомъ да будетъ твоимъ злымъ духомъ Велзевуломъ.

9. Будешь терпѣть всѣ вѣроисповѣданія и обычаи другихъ народовъ, пользоваться же только истинно хорошими обязанъ.

10. Будешь стараться разрушать всѣ предразсудки, а наиболѣе до разности состояній касающіяся, и въ то время станешь человѣкомъ, когда станешь узнавать въ другомъ человѣка.

11. Будешь добродѣтельнымъ, и добродѣтель цѣлой жизни соплететъ вѣнецъ спокойствія для твоей совѣсти.

12. Употребишь даже свое оружіе, если того нужда будетъ требовать на защиту невинности, и отъ несправедливости и мщенія не погибнешь, ибо друзья твои защищать тебя будутъ.

13. Будешь помогать своимъ разсудкомъ и своимъ оружіемъ друзьямъ твоимъ, ибо и они также помогать тебѣ будутъ.

14. Будешь такимъ, и гордость тиранніи своею суетностью падетъ предъ тобою на колѣна.

15. Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь четыре флота—Черный, Бѣлый, Далмацкій и Ледовитый, а въ срединѣ оныхъ воздвигнешь городъ и въ немъ богиню просвѣщенія и своимъ могуществомъ на тронѣ посадишь, оттуда будешь получать для себя правосудіе и ему повиноваться обязанъ, ибо оное съ дороги тобою начертанной совращаться не будетъ.

16. Въ портахъ твоихъ, славянинъ, будутъ цвѣсти торговля и морская сила, а въ городѣ посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станетъ.

17. Желаешь имѣть сія, соединись съ твоими братьями, отъ которыхъ невѣжество твоихъ предковъ отдалило тебя. Желаешь все то имѣть, будешь жертвовать 10 частью твоихъ доходовъ годовыхъ и будешь обитать въ сердцахъ друзей твоихъ.

L'ésprit de servitude paraît naturellement ampoule, comme celui de la liberté est nerveux et celui de la vrai grandeur est simple. Voilà que vous devez observer, т.-е. духъ рабства показывается обыкновенно надменнымъ, подобно какъ духъ вольности бодрымъ, а духъ истинной великости простымъ. Вотъ что вы должны наблюдать.

Какъ въ катехизисѣ, такъ, вѣроятно, и въ письменныхъ сношеніяхъ славяне употребляли нѣкоторые символическіе знаки. Такъ, знакъ осьмиугольника съ якорями былъ девизомъ Общества и означалъ восемь славянскихъ племенъ: русскихъ, поляковъ, венгровъ (такъ въ показаніи Горбачевскаго), богемцевъ, кроатовъ, далматовъ, сербовъ, моравянъ; четыре якоря въ этомъ знакѣ означали 4 славянскихъ моря и на нихъ 4 порта — Балтійскій, Черный, Бѣлый, Средиземный (Горбачевскій сомнѣвался — Атлантическій портъ предполагался или Средиземный). Единица въ срединѣ его означаетъ единство славянскихъ народовъ. Знакъ двухъ соединенныхъ

вверху якорей означалъ портовые города; знакъ означалъ городъ, столицу будущаго славянства; знакъ оружіе; вѣтвь свободу. Повидимому, знакъ славянскаго союза предполагался для употребленія на печатяхъ.

Таковъ былъ славянскій катехизисъ. Теперь приведемъ клятвенное обѣщаніе, которое давали члены при вступленіи въ Общество. Въ дѣлѣ Борисова 2 сохранились польскій текстъ этого обѣщанія (переводъ его принадлежитъ шляхтичу Люблинскому) и русскій текстъ его; послѣдній названъ переводомъ съ польскаго. Но это была только осторожность со стороны Борисова, такъ какъ въ своемъ показаніи онъ утверждаетъ, что текстъ обѣщанія составленъ имъ и что онъ лишь многимъ членамъ говорилъ, что катехизисъ или клятвенное обѣщаніе получены имъ на польскомъ языкѣ отъ Люблинскаго. Очевидно, изъ предосторожности Борисовъ надписалъ на имѣвшемся у него экземплярѣ „переводъ съ польскаго“.

Клятвенное обѣщаніе отражаетъ на себѣ юношескій возрастъ и романтическое настроеніе основателей и первыхъ членовъ Общества. Это клятва, угрожающая всѣми муками ада, невыносимыми нравственными мученіями и физическою смертью тѣмъ, кто ее нарушитъ. Припомнимъ, что клятва произносилась на мечѣ. Такъ какъ клятва до сихъ поръ не напечатана, то мы ее приведемъ цѣликомъ:

„Вступая въ число Соединенныхъ Славянъ для избавленія себя отъ тиранства и для возвращенія свободы, столь драгоцѣнной роду человѣческому, я торжественно присягаю на семъ оружіи на взаимную любовь, что для меня есть Божествомъ, и отъ чего я ожидаю исполненія всѣхъ моихъ желаній. Клянусь быть всегда добродѣтельнымъ, вѣчно быть вѣрнымъ нашей цѣли и соблюдать глубочайшее молчаніе. Самый адъ со всѣми своими

ужасами не вынудитъ меня указать моимъ тиранамъ моихъ друзей и ихъ намѣренія. Клянусь, что уста мои тогда только откроютъ названіе сего союза предъ человѣкомъ, когда онъ докажетъ несомнѣнное желаніе быть участникомъ онаго, клянусь до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха вспомоществовать вамъ, друзья мои, отъ этой святой для меня минуты. Особенная дѣятельность будетъ первою моею добродѣтелью, а взаимная любовь и пособіе—святымъ моимъ долгомъ. Клянусь, что ничто въ мірѣ тронуть меня не будетъ въ состояніи. Съ мечомъ въ рукахъ достигну цѣли, нами назначенной. Пройдя тысячи смертей, тысячи препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то пусть угрызеніе совѣсти будетъ первою местью гнуснаго клятвопреступленія, пусть сіе оружіе обратится остріемъ въ сердце мое и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей вредная— для друзей — будетъ послѣднею, пусть отъ сей гибельной минуты, когда я забуду свои обѣщанія, существованіе мое превратится въ цѣпь неслыханныхъ бѣдъ; пусть увижу все, любезное моему сердцу, издыхающимъ отъ сего оружія въ ужасныхъ мученіяхъ и оружіе сіе, достигая меня преступнаго, пусть покроетъ меня руками и, собравъ на главу мою цѣлое бремя физическаго и моральнаго зла, выдавитъ на челѣ печать юродливаго сына всей природы“ [1]).

Но ни катехизисъ, ни клятвенное обѣщаніе не разъясняютъ вполнѣ цѣли Славянскаго Общества. Можетъ-быть, эти цѣли заключались въ недошедшемъ до насъ уставѣ. Можетъ-быть также эти цѣли сообщались членамъ при ихъ вступленіи въ Общество. Горбачевскій въ своихъ запискахъ даетъ отчетливое представленіе

[1]) Текстъ катехизиса и клятвеннаго обѣщанія находится въ дѣлѣ о Борисовѣ 2 и взятъ у него при арестѣ. Нѣкоторыя разъясненія о знакахъ находятся въ показаніяхъ Горбачевскаго.

объ этомъ. Къ сообщенію Горбачевскаго можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ одному изъ старѣйшихъ членовъ Общества и пользовавшемуся среди славянъ большимъ вѣсомъ. Если взвѣсить эти сообщенія, то цѣли Общества Соединенныхъ Славянъ предстанутъ предъ нами въ гораздо болѣе серьезномъ видѣ, чѣмъ это можно было бы заключить по катехизису и клятвенному обѣщанію и вовсе не заслуживаютъ того ироническаго отношенія, которое проглядываетъ у составителя Доносенія Слѣдственной Комиссіи и у Богдановича въ его исторіи царствованія Александра I.

Такъ, цѣль Общества Соединенныхъ Славянъ была посвятить всю свою жизнь освобожденію славянскихъ племенъ, искорененію существующей между нѣкоторыми изъ нихъ вражды и водворенію свободы, равенства и братской любви во всемъ славянствѣ. Это такая цѣль, которой, конечно, могло содѣйствовать Общество. Въ политическомъ отношеніи Общество ставило своею задачею освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія и образованіе изъ нихъ федеративнаго союза. Это, конечно, широкая и отдаленная цѣль, но она отнюдь не можетъ быть предметомъ ироническаго отношенія: она и въ послѣдующее время занимала и даже занимаетъ умы серьезныхъ славянскихъ дѣятелей. Въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ предполагалось точно опредѣлить границы каждаго славянскаго государства и въ каждомъ изъ нихъ ввести демократическую форму представительнаго правленія. Каждая федеративная единица независима во внутреннемъ устройствѣ и издаетъ для себя частные законы. Но вся федерація представляетъ собою одинъ союзъ, управляемый общимъ конгрессомъ. Славяне придавали большое значеніе вопросамъ экономическимъ и успѣхи промышленности ставили на первомъ планѣ. Они заботились о поднятіи нравственности и особенное значеніе придавали просвѣщенію народа. „Развертывать, распространять сіи три

остальныя начала (т.-е. поднятіе промышленности, нравственности и просвѣщенія), — говоритъ Горбачевскій, — общественнаго блага поставлялось въ первую и неизмѣнную обязанность славянина. Онъ долженъ былъ по возможности истреблять предразсудки и порочныя наклонности, сглаживать различіе сословій и искоренять нетерпимость вѣрованій, собственнымъ примѣромъ возбуждать къ воздержанію и трудолюбію, стремиться къ умственному и нравственному усовершенствованію и поощрять къ сему дѣлу другихъ, всѣми способами помогать бѣднымъ, но не быть расточительнымъ; не дѣлать людей богатыми, но научать ихъ, какимъ образомъ посредствомъ труда и бережливости безъ вреда для себя и другихъ пользоваться оными".

Въ вопросахъ соціальныхъ Общество Соединенныхъ Славянъ стояло за полное равенство сословій. Крѣпостное рабство ихъ возмущало. Для характеристики членовъ Общества въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что эти бѣдные артиллерійскіе и пѣхотные прапорщики и поручики рѣшались жертвовать десятой частью своихъ доходовъ на составленіе капитала для выкупа крѣпостныхъ крестьянъ и для учрежденія сельскихъ и деревенскихъ училищъ. По отношенію къ крестьянамъ и солдатамъ славяне стремились внушать необходимость познанія правды и любовь къ исполненію гражданскихъ обязанностей и такимъ путемъ подготовлять въ нихъ стремленіе къ измѣненію своего рабскаго состоянія.

Чтобы суммировать задачи Славянскаго Общества, приведемъ отзывъ одного изъ членовъ его, подпоручика Кирѣева. Онъ такъ объяснялъ на слѣдствіи задачи Общества: „Правила, объявленныя намъ при вступленіи нашемъ въ Общество славянъ, заключали большею частью правила морали, по которымъ мы долженствовали слѣдовать. Они предлагали намъ воздержаніе, отдаляли насъ отъ суетности и тщеславія; представляли

лесть въ самомъ презрительномъ видѣ; призывали насъ на защиту страждущей невинности; обязывали насъ имѣть братскую любовь къ людямъ всякаго состоянія, въ особенности жъ—къ товарищамъ нашего Общества; приглашали къ образованію себя во всѣхъ родахъ наукъ и художествъ и къ протчему сему подобному. Однимъ словомъ, бо́льшая часть правилъ состояла въ средствахъ заслужить любовь и уваженіе отъ людей, умѣющихъ цѣнить достоинства, и пользуясь симъ, успѣшнѣе итти къ назначенной цѣли". Но на ряду съ этическими и просвѣтительными цѣлями Общество имѣло и политическую цѣль и не только отдаленную, касавшуюся всѣхъ славянскихъ народовъ, какъ объясняетъ Горбачевскій въ своихъ запискахъ, но и ближайшую—борьбу съ правительствомъ. „Настоящая цѣль Общества,—объясняетъ тотъ же Кирѣевъ,—было уничтоженіе существующей власти и введеніе народнаго образа правленія. Средства къ достиженію сей цѣли заключались отчасти въ правилахъ, мною поясненныхъ, и въ обязанности каждаго члена распространять сколь можно болѣе кругъ своего дѣйствія на людей, имѣющихъ одинакія мысли съ Обществомъ". Съ точки зрѣнія Кирѣева, Славянское Общество „обязывало каждаго ко всегдашней ненависти къ трону" [1]).

Такимъ образомъ въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ были поставлены широкія цѣли политическія, этическія и просвѣтительныя. Какъ это видно и изъ катехизиса, славяне придавали большое значеніе распространенію этическихъ и просвѣтительныхъ задачъ въ Обществѣ. Конечно, проведеніе такихъ цѣлей требовало времени, медленной и продолжительной работы. Это сознавали члены Общества Соединенныхъ Славянъ. Въ теоріи они не были поклонниками военныхъ революцій, но въ дѣйствительности это были энтузіасты, горячіе поклон-

---

[1]) Показанія Кирѣева, стр. 13.

ники идеи свободы и человѣческаго блага, дѣйствительно готовые пожертвовать жизью за идеи, въ которыя они вѣрили. Вся послѣдующая исторія Общества, энтузіазмъ и способность къ самопожертвованію, приведшіе къ возстанію Черниговскаго полка, доказали, что одинъ изъ членовъ Общества, Горбачевскій, совершенно правъ, охарактеризовавъ тогдашнее настроеніе своихъ друзей въ слѣдующихъ словахъ: Славяне были проникнуты мыслью, что „свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью“; эта мысль была вкоренена въ ихъ сердца и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: „обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе“, долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія [1]).

Таковъ былъ характеръ Общества Соединенныхъ Славянъ. Мы видѣли, что оно образовалось въ 1823 году, но только къ началу 1825 года оно достаточно разрослось и въ средѣ его членовъ замѣтно стремленіе къ энергической дѣятельности. Оно получило теперь новое образованіе, и его члены собирались воспользоваться лагернымъ сборомъ подъ мѣстечкомъ Лещинымъ для того, чтобъ окончательно оформить уставъ Общества и приступить къ обновленной дѣятельности. Уже съ начала августа 1825 года полки 7 корпуса начали постепенно стягиваться къ Лещину. Но какъ разъ въ это время члены Славянскаго Общества узнаютъ, вѣрнѣе догадываются, что бывшіе офицеры Семеновскаго полка, теперь служившіе въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, имѣютъ какія-то тайныя совѣщанія противъ правительства. Разумѣется, члены Славянскаго Общества рѣшили воспользоваться сдѣланнымъ наблюденіемъ, предполагая склонить на свою сторону черниговскихъ офицеровъ. Наблюденіе было обоюдное, такъ какъ и Бестужевъ-Рюминъ сдѣлалъ такое же наблюденіе относительно славянъ.

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1882, кн. I, 441, 443—445.

Уже въ августѣ мѣсяцѣ члены Славянскаго Общества чрезъ своего секретаря Иванова были увѣдомлены о существованіи Тайнаго Общества, къ которому принадлежитъ С. Муравьевъ, и что это Общество очень сильно. Это открытіе очень удивило славянъ, и нѣкоторые изъ нихъ выражали желаніе немедленно вступить въ сношенія съ Муравьевымъ. Сближеніе началось разными путями и съ обѣихъ сторонъ. Славянами былъ найденъ посредникъ въ лицѣ капитана Тютчева, о близкомъ знакомствѣ котораго съ Муравьевымъ узналъ Борисовъ 2. Послѣдній поручилъ Громницкому принять Тютчева въ члены Славянскаго Общества съ тѣмъ, чтобъ онъ осторожно развѣдалъ объ Обществѣ С. Муравьева [1]). Посредникъ началъ дѣйствовать со стороны славянъ. Тютчевъ такъ разсказываетъ о своемъ первомъ разговорѣ съ Муравьевымъ и Бестужевымъ объ Обществѣ. Онъ зашелъ къ нимъ на квартиру и спрашиваетъ, не слыхать ли чего объ отставкахъ или объ отпускахъ. „Намъ надо самимъ отыскивать свободу“, сказали ему хозяева, и завязали разговоръ объ Обществѣ. Тютчевъ признался, что онъ принадлежитъ къ Славянскому Обществу, и на вопросъ собесѣдниковъ о цѣляхъ Общества заявилъ, что онѣ заключаются въ революціи. Бестужевъ просилъ познакомить его съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ Славянскаго Общества, что Тютчевъ и сдѣлалъ, познакомивъ ихъ съ Борисовымъ и Горбачевскимъ [2]). Въ дѣйствительности Тютчевъ былъ, однако, гораздо откровеннѣе съ Муравьевымъ и Бестужевымъ и разсказалъ имъ все, что зналъ о славянахъ. Онъ доставилъ имъ уставъ Славянскаго Общества и назвалъ членовъ. Мало того, получивъ приглашеніе вступить въ члены Славянскаго Общества, Тютчевъ далъ свое согласіе только по просьбѣ Бестужева. Такимъ образомъ, славяне и Бестужевъ, ища

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 436.

[2]) Показанія Тютчева, стр. 14 об.

взаимно сближенія, остановились на одномъ и томъ же посредникѣ [1]).

Очевидно, при первой же встрѣчѣ С. Муравьевъ далъ Борисову 2-му „нечувствительно замѣтить, что принадлежитъ къ Тайному Обществу"; Борисовъ выразилъ желаніе вступить въ это Общество [2]). Согласіе Борисова 2-го преслѣдовало цѣли Славянскаго Общества.

Между тѣмъ Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ дѣйствовали настойчиво и спѣшили завязать непосредственныя сношенія съ членами Славянскаго Общества. 29 августа Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ уже были въ деревнѣ Млинищахъ, гдѣ стояла артиллерія, съ цѣлью переговорить съ Горбачевскимъ и Борисовымъ 2, но, не заставши ихъ дома, запискою просили обоихъ пріѣхать къ себѣ въ лагерь. Тотчасъ же были собраны наличные члены Славянскаго Общества и рѣшили открыть сношенія съ Муравьевымъ и Бестужевымъ чрезъ Борисова и Горбачевскаго, но послѣднимъ было предложено не давать окончательнаго согласія безъ общаго совѣщанія [3]).

Между тѣмъ на слѣдующій день, 30 августа, во время церковнаго молебна самъ Бестужевъ подошелъ къ Спиридову и познакомился съ нимъ и тогда же хотѣлъ познакомить его съ Муравьевымъ, но это не удалось. Цѣль этого знакомства была вполнѣ понятна для Спиридова [4]). Вообще въ первое время оба члена Васильковской Управы особое вниманіе обращаютъ на Спиридова, вѣроятно, какъ на старшаго лѣтами и чиномъ.

30-го же августа состоялось и первое свиданіе Борисова и Горбачевскаго съ Муравьевымъ и Бестужевымъ. Послѣдніе, не довольствуясь пригласительной запиской,

---

[1]) Показанія Бестужева-Рюмина, стр. 141; показанія С. Муравьева, стр. 261.

[2]) Показанія Борисова 2-го.

[3]) Записки Горбачевскаго, 436—437.

[4]) Показаніе Спиридова.

пригласили обоихъ чрезъ посредника между обоими обществами, Тютчева; приглашенъ былъ также и Громницкій. Всѣ четверо отправились въ Лещинъ, гдѣ стоялъ Черниговскій полкъ. Все это указываетъ на энергію Муравьева и Бестужева. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, перешли къ вопросамъ, имѣющимъ политическій характеръ. Муравьевъ говорилъ о корпусномъ командирѣ и „противъ правительства“. Бестужевъ его поддерживалъ. Муравьевъ старался обворожить Борисова и Горбачевскаго, „обласкали насъ какъ можно лучше“, разсказываетъ Горбачевскій. Бестужевъ весьма откровенно говорилъ о задачахъ Южнаго Общества, объ его силѣ, о союзѣ съ Польскимъ Обществомъ, назвалъ имена членовъ. Такая откровенность очень удивляла славянъ. Не менѣе удивило ихъ и то обстоятельство, что Муравьеву и Бестужеву хорошо извѣстны были составъ Славянскаго Общества и его цѣли. Бестужевъ доказывалъ „несовершенство Славянскаго Общества по своей несвязности, и что оно никогда не можетъ совершиться“ (т.-е. что оно не можетъ достигнуть своей цѣли [1]).

Для обоихъ членовъ Славянскаго Общества все это было большою неожиданностью, и Борисовъ, какъ президентъ, старался отвѣчать весьма уклончиво [2]).

Уклончивые отвѣты Борисова и Горбачевскаго, вѣроятно, побудили Муравьева и Бестужева особенно энергично дѣйствовать на Спиридова. 31 августа вечеромъ мы уже встрѣчаемъ Спиридова съ Тютчевымъ у Муравьева; Бестужева въ этотъ день не было дома. Осторожный въ своихъ показаніяхъ, Спиридовъ пере-

[1]) Записки Горбачевскаго, стр. 438, и показанія Горбачевскаго, стр. 26. Показанія сходны съ записками, при чемъ Горбачевскій тутъ оказывается припомнить, говорилъ ли уже на этомъ первомъ свиданіи Бестужевъ о силѣ Южнаго Общества. Горбачевскій въ показаніяхъ объясняетъ, что будто бы всѣ четверо явились къ Муравьеву случайно, не имѣя опредѣленной цѣли, но это, конечно, простая отговорка.

[2]) Записки Горбачевскаго, стр. 438.

даетъ содержаніе разговора своего съ Муравьевымъ. Разговоръ сначала шелъ „о различныхъ государственныхъ предметахъ“, потомъ перешли къ Россіи. Самъ Спиридовъ говорилъ о недостаткахъ нашего законодательства, о крѣпостномъ правѣ, о суровости военной службы. Спиридовъ въ очень смягченной формѣ передаетъ свои замѣчанія по этимъ вопросамъ (впрочемъ, онъ держался вообще довольно умѣренныхъ взглядовъ, поэтому, быть-можетъ, и не долженъ былъ слишкомъ смягчать своихъ выраженій). Такъ Спиридовъ говорилъ о необходимости „улучшенія порядка законовъ, т.-е. соединить ихъ въ одинъ составъ“; онъ проектировалъ, „не давая вольности крестьянамъ, сдѣлать ихъ вольными, т.-е. чтобы они производили мелкія работы на условіяхъ съ помѣщиками“; наконецъ объ ограниченіи тѣлесныхъ наказаній въ полкахъ. Все это указываетъ на сюжетъ разговора. На всѣ эти замѣчанія Муравьевъ заявилъ: „Дѣла не такъ отдалены, какъ вы думаете“. И предложилъ ему „участвовать въ семъ приближеніи“. Такъ какъ Спиридовъ нѣсколько недоумѣвалъ, по его словамъ, то Муравьевъ сказалъ ему: „Завтра придетъ къ вамъ Бестужевъ и все скажетъ“.

Дѣйствительно,на другой день Бестужевъ съ Тютчевымъ уже были у Спиридова. Бестужевъ показалъ ему и далъ прочитать Государственный Завѣтъ, т.-е. сокращенную „Русскую Правду“. Спиридовъ очень удивился, не найдя въ проектѣ конституціи упоминанія о царѣ.

— Гдѣ же царь? — спросилъ онъ.

— Можно и отдѣлаться, — отвѣтилъ по-французски Бестужевъ.

Бестужеву не удалось окончательно убѣдить Спиридова. На слѣдующій день къ нему приходилъ Муравьевъ, снова его убѣждалъ, указывая, между прочимъ, что „вся вторая армія на сіе согласна, что 4-й корпусъ, въ которомъ дѣйствуетъ князь Трубецкой, также на ихъ сторонѣ“. Этими доводами Спиридовъ былъ поколебленъ.

Что касается показанія Спиридова о преувеличеніяхъ со стороны Муравьева силы Общества, то этому можно вполнѣ довѣрять, потому что, дѣйствительно, Муравьевъ и Бестужевъ импонировали славянамъ, допуская преувеличенія въ этомъ отношеніи. Однако Спиридовъ и впослѣдствіи оставался нѣсколько колеблющимся членомъ. Онъ разсказываетъ, что въ день посѣщенія его Муравьевымъ было назначено собраніе у подпоручика Владимира Пестеля, но онъ туда не пошелъ. Колебанія Спиридова имѣли основаніемъ его сомнѣнія по вопросу о цареубійствѣ.

Но вообще Спиридовъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ у славянъ, не сразу согласился на всѣ предположенія Южнаго Общества. Онъ написалъ возраженія на Государственный Завѣтъ, который и читалъ Тютчеву, Громницкому и Лисовскому. Впрочемъ, впослѣдствіи, по настоянію Бестужева, онъ уничтожилъ свои замѣчанія. Мы познакомимся въ короткихъ чертахъ съ этими возраженіями Спиридова, какъ съ мнѣніемъ наиболѣе умѣреннаго изъ членовъ Славянскаго Общества. Онъ прежде всего не соглашался съ планомъ цареубійства, такъ какъ оно не будетъ популярно въ народѣ, вызоветъ борьбу партій, отторженіе польскихъ губерній, вмѣшательство иностранныхъ державъ, вообще произойдетъ „рѣзенина“. Онъ не признавалъ также вѣрною мысль Пестеля о „превращеніи жидовъ, татаръ и другихъ многихъ народовъ въ русскихъ“. Не соглашался также Спиридовъ на уничтоженіе сословнаго различія. Въ противовѣсъ „Русской Правдѣ“, онъ предлагалъ принципы иного государственнаго строя. Онъ полагалъ необходимымъ лишить Сибирь и всѣ не русскія племена участія въ общемъ государственномъ управленіи; но всѣмъ этимъ областямъ предполагалъ предоставить широкія права внутренняго управленія. Относительно евреевъ онъ держался взгляда о необходимости ограничить ихъ права: евреи, какъ и другіе нехристіанскіе народы, по его

мысли, не должны пользоваться въ Россіи гражданскими правами, даже если бы обладали собственностью. Затѣмъ онъ предлагалъ оставить сословное дѣленіе, составить сводъ законовъ. Утвержденіе подобнаго рода конституціи должно послѣдовать отъ представителя верховной власти, по представленію возставшаго войска [1]). Изъ этихъ возраженій, какъ ихъ припоминалъ Спиридовъ въ тюрьмѣ, ясно, что онъ далеко расходился и со многими изъ требованій устава Общества Соединенныхъ Славянъ. Но надо еще разъ подчеркнуть то обстоятельство, что Спиридовъ, дѣйствительно, стоялъ нѣсколько особнякомъ среди другихъ членовъ, представляя собою наиболѣе сдержанный элементъ. Переговоры Муравьева и Бестужева съ Спиридовымъ держались въ тайнѣ отъ другихъ членовъ Славянскаго Общества, и славяне лишь замѣчали недовѣріе, съ которымъ Бестужевъ и Муравьевъ относились къ Спиридову.

Но возвратимся къ прерванному разсказу о первоначальныхъ сношеніяхъ славянъ съ Муравьевымъ и Бестужевымъ.

Отъ Горбачевскаго и Борисова 2, послѣ ихъ свиданія съ Муравьевымъ и Бестужевымъ 30 августа, славяне узнали о предложеніяхъ Южнаго Общества и о томъ, что послѣднему извѣстны всѣ тайны славянскаго. Славяне собрались на совѣщеніе въ квартирѣ Андреевича 2 (указаніе на это имѣется въ его показаніяхъ). Засѣданіе было довольно бурное. Нѣкоторые даже требовали смерти капитана Тютчева, благодаря нескромности котораго Муравьевъ и Бестужевъ получили точныя свѣдѣнія о славянахъ; мнѣніе Борисова клонилось къ тому, чтобы продолжить переговоры съ Муравьевымъ и предложить ему присоединиться къ славянамъ. Въ случаѣ же отказа взять слово съ Муравьева, что онъ не выдастъ тайны Славянскаго Общества другимъ чле-

---

[1]) Показаніе Спиридова.

намъ Южнаго Общества, и предложить ему, что славяне примутъ участіе въ переворотѣ, когда его начнетъ Южное Общество. Борисова поддерживалъ Ивановъ, но большинство находилось подъ вліяніемъ мысли о скоромъ переворотѣ, вѣря Бестужеву. Поэтому рѣшено было всѣмъ славянамъ собраться и на это собраніе пригласить Муравьева и Бестужева [1]).

3 или 4 сентября большая часть членовъ Славянскаго Общества собралась на квартирѣ Пестова и Борисова 2 въ ожиданіи Бестужева и Муравьева. Изъ числа членовъ въ этомъ собраніи были: Горбачевскій, Кирѣевъ, Мозганъ, Андреевичъ 2, Мозгалевскій, Тютчевъ, Бечасновъ, Веденяпинъ, Шимковъ, Фроловъ, Лисовскій, Громницкій, баронъ Соловьевъ, юнкеръ Шеколли и оба хозяина квартиры [2]). Это было въ лагеряхъ въ селѣ Млинищахъ.

Бестужевъ пріѣхалъ изъ Лещина съ нѣкоторымъ опозданіемъ, заявивъ, что важныя дѣла задержали Муравьева. Бестужевъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ съ одной стороны пытался возбудить энтузіазмъ среди славянъ, съ другой стороны говорилъ о силѣ и значеніи Южнаго Общества. Бестужевъ говорилъ о несчастномъ положеніи отечества и необходимости его избавленія отъ этихъ несчастій. Въ памяти одного изъ подсудимыхъ сохранился отрывокъ изъ этой рѣчи (конечно, трудно сказать, насколько точно сохранила память этотъ отрывокъ; но содержаніе рѣчи было, дѣйствительно, таково [3]). Такъ Бестужевъ говорилъ: „довольно уже страдали, что стыдно терпѣть угнетеніе, что всѣ благородномыслящіе люди рѣшились свергнуть съ себя иго, что всѣ унижены и презрѣны слишкомъ, а въ особенности офицеры, что благородство должно одушевлять каждаго

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 438—439.

[2]) Показаніе Бечаснова.

[3]) Это видно изъ записокъ Горбачевскаго и изъ показанія Спиридова.

къ исполненію великаго предпріятія освобожденія несчастнаго своего отечества, что слава для избавителей, въ позднѣйшемъ потомствѣ вѣчная благодарность отечества".

Такъ передаетъ эту рѣчь Бечасновъ. Другой очевидецъ, подпоручикъ Веденяпинъ, вспоминаетъ ее въ слѣдующихъ словахъ. Бестужевъ говорилъ „объ угнетеніи солдатъ, объ обидахъ, дѣлаемыхъ начальниками младшимъ офицерамъ, о несправедливости высшихъ властей и проч." Изъ этого ораторъ выводилъ необходимость перемѣнить въ Россіи правленіе, увѣряя притомъ, что такая перемѣна воспослѣдуетъ въ непродолжительномъ времени, и Россія будетъ имѣть конституцію. Относительно конституціи Бестужевъ объяснялъ, что она уже написана, спорить о ней совершенно излишне, потому что она составлена еще въ 1816 году, и кн. Трубецкой возилъ ее для одобренія за границу извѣстнѣйшимъ иностраннымъ публицистамъ [1]).

---

[1]) Когда на слѣдствіи Бестужеву былъ поставленъ вопросъ, дѣйствительно ли онъ говорилъ славянамъ объ одобреніи конституціи иностранными авторитетами, онъ показалъ слѣдующее: „Я точно сіе говорилъ славянамъ въ Лещинскомъ лагерѣ. Вотъ по какой причинѣ. Дабы присоединить ихъ къ нашему Обществу, нужно было имъ представить, что у насъ уже все обдумано и готово. Ежели бы я имъ сказалъ, что конституція написана однимъ изъ членовъ и никѣмъ знаменитымъ не одобрена, то славяне, никогда объ умѣ Пестелевомъ не слыхавшіе, усомнились бы въ добротѣ его сочиненія. Тѣмъ болѣе, что Спиридовъ, которому я давалъ выписки изъ „Русской Правды", написалъ было на многіе пункты свои воззрѣнія (особенно на учрежденіе Сената). Итакъ, для прекращенія уже начавшихся толкованій и для предупрежденія новыхъ, я сказалъ, что кн. Трубецкой нарочно былъ посланъ въ чужіе края для показанія сей конституціи знаменитѣйшимъ публицистамъ, и что они ее совершенно одобрили. Но извѣстно, что Сѣверное Общество, въ особенности Тургеневъ, Никита Муравьевъ и кн. Сергѣй Трубецкой, всегда Пестелеву конституцію отвергали, съ нѣкоторыми даже перемѣнами, Сергѣемъ Муравьевымъ и мною предложенными, ввести не соглашались и при отъѣздѣ Трубецкого изъ Кіева, было положено между нами тремя, что онъ предложитъ Сѣверному Обществу по введеніи

При этомъ Бестужевъ увѣрялъ, что для возстанія все уже готово. Онъ сообщилъ о силѣ и о механизмѣ управленія Южнаго Общества, о томъ, что оно управляется Верховной Думой, что въ союзѣ съ Южнымъ Обществомъ находятся гвардейскіе полки, полки второй арміи, третьяго и четвертаго корпусовъ. Начало возстанія предположено во время лагернаго сбора въ третьемъ корпусѣ, на слѣдующій 1826 годъ: третій корпусъ долженъ двинуться въ Москву для учрежденія временнаго правленія.

Указывая на необходимость перемѣны правленія и средства для ея осуществленія, Бестужевъ, разумѣется, объяснилъ, что цѣлью Общества является введеніе республики посредствомъ военной революціи. Онъ указывалъ необходимость подготовлять солдатъ, стараясь поселять въ нихъ неудовольствіе и недовѣріе къ начальству, указывать имъ, что при перемѣнѣ правленія будетъ убавлено десять лѣтъ службы и притомъ будетъ увеличено жалованье.

Себя Бестужевъ называлъ посредникомъ между Верховной Думой и третьимъ корпусомъ.

Всѣ эти сообщенія Бестужева привели въ изумленіе членовъ Славянскаго Общества. Они преслѣдовали отдаленную цѣль, а тутъ исполненіе ихъ желаній представлялось въ весьма близкомъ будущемъ: Россія стоитъ наканунѣ переворота.

Однако послѣдовали вопросы, и Бестужевъ давалъ на нихъ разъясненія. Нѣкоторые спрашивали, что значитъ „военная революція“. Бестужевъ пояснилъ: „Военная революція значитъ — начать возмущеніе отъ войска, и когда войска будутъ приготовлены, то ничего не значитъ свергнуть монархическое правленіе“. Тутъ же Бе-

---

временнаго правленія составить комитетъ ученыхъ членовъ для сочиненія конституціи, основанія коей пошлются Бенжаменъ-Констанъ, Дестютъ-де-Траси, Бентамъ и Гизо на одобреніе“ (показанія Бестужева-Рюмина, отъ 13 февраля 1826 г., стр. 67).

стужевъ нашелъ случай изложить свой взглядъ на превосходство военной революціи сравнительно съ революціей, начинаемой чернью. Послѣдней онъ не одобрялъ. „Мы имѣемъ въ виду,—объяснялъ онъ славянамъ,—двѣ революціи; одну французскую, которая началась чернью и потому тамъ произошли всѣ ужасы безначалія, а другую испанскую, которая началась, хотя довольно обдуманно, но оставила власть короля. У насъ же это будетъ лучше, для того что еще въ 16 году князь Трубецкой былъ посланъ отъ Общества за границу, и конституція была подтверждена многими дворами".

Но вопросъ о введеніи республики и о переворотѣ вообще естественно вызывалъ и вопросъ о кровопролитіи. Бестужевъ старался устранить его ссылкою на примѣръ испанской революціи. Спиридовъ, знавшій болѣе другихъ, первый поднялъ вопросъ объ этомъ, заявивъ, что „должно правиломъ поставить — избѣгать одной капли пролитія человѣческой крови" [1]). Конечно, это больше всего касалось цареубійства. Бестужевъ поспѣшилъ отвѣтить: „Кровопролитія почти не будетъ, ибо кромѣ весьма малаго числа вельможъ вся Россія ожидаетъ счастливой сей перемѣны, что анархія также предупреждена, но что касается до династіи, то оная, безъ сомнѣнія, не будетъ согласна, но что сіе препятствіе будетъ уничтожено, что все зло происходитъ отъ нее, и что таковое должно искоренить". Спиридовъ пробовалъ было возражать, но Бестужевъ указывалъ, что „необходимость заставитъ пролить кровь". По замѣчанію одного очевидца, споръ между Спиридовымъ и Бестужевымъ „похожъ былъ на раздоръ", но оба замолчали.

Вообще въ этомъ первомъ засѣданіи многія объясненія Бестужева не удовлетворили славянъ. Нѣкоторые спрашивали относительно конституціи, Бестужевъ объ-

---

[1]) Лисовскій указываетъ, что это говорилъ именно Спиридовъ, другіе не помнятъ, кто именно поднялъ объ этомъ вопросъ.

щалъ ее доставить. Другіе интересовались таинственной Думой, но Бестужевъ объяснилъ, что правила Общества запрещаютъ ему открыть мѣстопребываніе Думы и ея членовъ. Многіе члены Славянскаго Общества поколебались. „Сомнѣніе вкралось въ сердца многихъ, — повѣствуетъ Горбачевскій въ своихъ запискахъ, — требовали доказательствъ, дѣлали возраженія,—однимъ словомъ, съ обѣихъ сторонъ ожидали взаимной довѣренности, но никто первый не хотѣлъ быть откровеннымъ". Избѣгая дальнѣйшихъ разговоровъ, Бестужевъ закрылъ засѣданіе и уѣхалъ [1]).

На слѣдующій день утромъ Бестужевъ передалъ Пестову извлеченіе изъ „Русской Правды" и въ тотъ же день уже всѣ славяне имѣли списки съ нея. Вечеромъ того же дня Горбачевскій и Борисовъ 2 были у Муравьева, очевидно, съ цѣлью провѣрить все сказанное Бестужевымъ. Муравьевъ подтвердилъ слова Бестужева, успокоилъ славянъ и просилъ снова скорѣе собраться и кончить дѣло соединенія двухъ Обществъ [2]).

---

[1]) Это собраніе описано въ короткихъ чертахъ въ запискахъ Горбачевскаго, стр. 439. Подробное показаніе о немъ дали: Веденяпинъ I (показанія, стр. 12 об.); Лисовскій (показанія, стр. 15); Бечасновъ (показанія, стр. 21 и 23); Спиридовъ, Тютчевъ (показанія, стр. 14 об.); Горбачевскій и др. даютъ краткія указанія объ этомъ собраніи. Здѣсь необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Въ запискахъ Горбачевскаго (стр. 453) приводятся слова Бестужева, въ которыхъ онъ увѣряетъ, что русская революція будетъ безкровной; это относится Горбачевскимъ къ собранію въ квартирѣ Андреевича. Очень возможно, что Бестужевъ и въ этотъ разъ обратился къ своей излюбленной мысли о сравненіи испанской революціи съ русской, хотя, впрочемъ, надо замѣтить, что Горбачевскій и въ своихъ показаніяхъ не отчетливо различаетъ, что говорилось на собраніяхъ у Андреевича. Пріурочивая приведенный въ текстѣ разговоръ о пролитіи крови во время революціи къ этому первому собранію, мы основываемся на показаніяхъ Веденяпина и Лисовскаго, которые какъ разъ не были на второмъ собраніи у Андреевича, и были только на этомъ первомъ собраніи и на заключительномъ. Бечасновъ помнитъ нѣкоторыя подробности этого разговора, но самъ сомнѣвается, къ какому изъ собраній ихъ надо отнести.

[2]) Записки Горбачевскаго, 439—440.

Черезъ 2 или 3 дня послѣ перваго совѣщанія въ квартирѣ Пестова и Борисова славяне собрались на второе совѣщаніе, которое состоялось въ квартирѣ Андреевича 2, тамъ же въ деревнѣ Млинищахъ. Его квартира находилась на краю деревни на берегу рѣки. Это уединенное мѣсто было весьма удобно для совѣщанія [1]). На этомъ совѣщаніи присутствовали: Горбачевскій, Пестовъ, Бечасновъ, Тютчевъ, Громницкій, Лисовскій, Усовскій, баронъ Соловьевъ, Спиридовъ, Мозгалевскій, Шимковъ, Веденяпинъ 1, Тихановъ, Мозганъ, Шультенъ [2]).

Бестужевъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Тютчевымъ и снова возобновилъ вопросъ о соединеніи обоихъ Обществъ и требовалъ неограниченной довѣренности Верховной Думѣ. Сначала его требованія вызвали ропотъ въ средѣ собравшихся, требовавшихъ доказательствъ и подробныхъ объясненій. Бестужевъ успѣлъ выйти изъ этого затрудненія. Онъ объяснилъ схему устройства Южнаго Общества, затѣмъ говорилъ снова объ его силѣ и значеніи, назвалъ имена князей Волконскаго и Трубецкого, генераловъ Раевскаго, Орлова, Киселева, затѣмъ имена Юшневскаго, Пестеля, Муравьевыхъ, Давыдова и многихъ другихъ.

— Всѣ сіи благородные люди, — говорилъ Бестужевъ въ заключеніе, —забывая почести и богатства, поклялись освободить Россію отъ постыднаго рабства и готовы умереть за благо своего отечества. Онъ разсказалъ также о силѣ и вліяніи Польскаго Тайнаго Общества и назвалъ имена главныхъ его предетавителей — князя Яблоновскаго, графа Мошинскаго и полковника Крыжановскаго. По увѣренію Бестужева, поляки согласились раздѣлить съ русскими опасность переворота и готовы всѣми силами и способами содѣйствовать ему [3]).

[1]) Показанія Андреевича 2.
[2]) Показанія Борисова 2.
[3]) Записки Горбачевскаго, 440—441.

На этомъ же засѣданіи Бестужевъ прочелъ и отрывки изъ „Русской Правды“ [1]).

Откровенность Бестужева обворожила славянъ. Только Борисовъ 2, поддерживаемый немногими изъ присутствовавшихъ, сдѣлалъ попытку нѣкоторой оппозиціи. Онъ пробовалъ отстаивать самостоятельность основаннаго имъ Славянскаго Общества и не желалъ подчиненія его таинственной Думѣ. Бестужевъ опровергалъ Борисова, доказывая, что Россія, освобожденная отъ тиранніи, будетъ открыто содѣйствовать цѣли Славянскаго Союза; она освободитъ Польшу, Богемію, Моравію и другія земли и утвердитъ въ нихъ свободное правленіе. Энтузіазмъ Бестужева, его вдохновеніе, его сообщенія о небывалой силѣ Тайнаго Общества сильно подѣйствовали на членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ. Благо всеи родины казалось столь близкимъ и столь возможнымъ. Бестужевъ достигъ своего и получилъ согласіе на соединеніе обоихъ обществъ.

Тогда онъ предложилъ славянамъ составить особенную управу и избрать изъ своей среды посредника для сношеній съ Южнымъ Обществомъ черезъ Бестужева или Муравьева. „Избранный посредникъ, — объяснялъ его обязанности Бестужевъ, — долженъ завѣдывать дѣлами Управы и относиться во всемъ ко мнѣ или къ Сергѣю Муравьеву; мы обязываемся, съ своей стороны, доставлять ему предписанія отъ Верховной Думы и увѣдомлять его о всѣхъ дѣлахъ Общества; славяне могутъ принимать новыхъ членовъ не иначе, какъ съ дозволенія послѣдняго, который долженъ будетъ хотя бы одинъ разъ въ годъ отдавать отчетъ Верховной Думѣ о распространеніи и дѣлахъ Славянской Управы“. Бестужевъ-Рюминъ не совѣтовалъ особенно стараться о пріобрѣтеніи новыхъ членовъ, такъ какъ Южное Общество уже довольно сильно. Зато онъ обращалъ вниманіе

---

1) Показаніе Бечаснова.

на необходимость медленнаго и осторожнаго приготовленія солдатъ. Онъ не совѣтовалъ также принимать въ Общество поляковъ и гражданскихъ чиновниковъ, такъ какъ революція должна быть чисто военная. Наконецъ Бестужевъ требовалъ, чтобы ему, какъ уполномоченному отъ Верховной Думы, были доставлены бумаги Славянскаго Общества и списки его членовъ. На этомъ окончилось совѣщаніе [1]).

Итакъ, соединеніе Обществъ было уже дѣломъ рѣшеннымъ. Славянамъ оставалось перейти къ организаціи, предложенной Бестужевымъ. Черезъ день послѣ описаннаго засѣданія члены Общества Соединенныхъ Славянъ собрались въ квартирѣ того же Андреевича для ликвидаціи дѣлъ своего Общества и для организаціи новой Управы.

Предполагалось, что на это собраніе пріѣдетъ и Бестужевъ. Прождавъ нѣкоторое время, Спиридовъ послалъ къ нему спросить, пріѣдетъ ли онъ, но посланный встрѣтилъ посланца Бестужева съ извѣстіемъ, что Бестужева не будетъ. Тогда приступили къ совѣщанію. Прежде всего Борисовъ 2 представилъ собранію отчетъ о дѣятельности Общества, списки его правилъ и списки членовъ. Всѣ эти бумаги были представлены Борисовымъ для того, чтобы, по одобреніи ихъ всѣмъ Обществомъ, передать Бестужеву. Собраніемъ руководилъ Спиридовъ. По выслушаніи отчета Борисова, Спиридовъ произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ задачи Южнаго Общества: оно „имѣетъ цѣлью доставить одинакія преимущества для всѣхъ вообще, что предоставилъ Всевышній Творецъ для рода человѣческаго, что въ этомъ Обществѣ есть люди самые умнѣйшіе, а изъ нашихъ—полковники Швейковскій и Тизенгаузенъ“. Затѣмъ онъ началъ читать правила, которыхъ надо держаться присоединяющимся членамъ къ Южному Обще-

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 441—443.

ству въ дальнѣйшей ихъ дѣятельности. Онъ подробно разъяснялъ правила принятія новыхъ членовъ для того, „дабы не ошибаться и не открыть такому, который откроетъ существованіе Общества“. За открытіе Общества угрожалось смертью какъ тому, кто его откроетъ, такъ и тому, кто принялъ измѣнившаго члена. Далѣе Спиридовъ говорилъ, „чтобы никто не смѣлъ просить ни переводовъ ни отставокъ, чтобы собраніе сіе держать въ священнѣйшей тайнѣ подъ неизбѣжною смертью, и что кто на себя не надѣется, тому есть еще время отказаться, но непремѣнно подъ казнію сохранить тайну, ибо слѣдующій разъ будетъ клятва производиться“. Затѣмъ онъ объяснялъ, какъ надо подготовлять солдатъ, а самимъ до времени сносить всякаго рода несправедливости со стороны начальства. По словамъ Сухинова, который, какъ кажется, не былъ на послѣдующихъ собраніяхъ, отъ присутствующихъ тогда же „отобрана была клятва“: „во-первыхъ, въ томъ, чтобъ хранить сію тайну подъ смертною казнью; а во-вторыхъ, чтобы быть твердымъ въ духѣ и непоколебимымъ въ начинавшихся предпріятіяхъ“. Надо сдѣлать оговорку, что предлагавшіяся Спиридовымъ правила представляли собою лишь проектъ, который онъ предполагалъ внести въ слѣдующее собраніе на окончательное утвержденіе. Эта мысль была единодушно одобрена.

Въ томъ же собраніи занялись избраніемъ посредника для сношеній между членами бывшаго Славянскаго Общества и Верховной Думы Южнаго Общества, какъ было условлено въ прошлый разъ. Выборъ единогласно палъ на того же Спиридова [1]).

Это засѣданіе, кромѣ дѣлового характера, обсуждало еще нѣкоторые вопросы, повліявшіе въ сильной мѣрѣ

---

[1]) Показанія Спиридова; показанія Шахирева, стр. 4; показанія Фурмана и Сухинова въ дѣлѣ С. Муравьева, стр. 176 и 212; записки Горбачевскаго, 445.

на горячность и энтузіазмъ собравшихся сочленовъ. Одинъ изъ членовъ сообщилъ собранію, что командиръ первой роты Саратовскаго полка слишкомъ жестоко обращается съ своими подчиненными. Всѣ страшно возмутились и требовали наказанія за жестокость. Поручикъ Кузьминъ предложилъ взбунтовать роту, что и было поручено тутъ же присутствовавшему юнкеру Шеколлѣ. Дѣйствительно, дѣло едва не дошло въ ротѣ до возмущенія, которое искусно повелъ Шеколла, но струсившій полковой командиръ пошелъ на уступки и перемѣнилъ ротнаго командира. Въ томъ же собраніи выяснилась и неосторожная поспѣшность того же поручика Кузьмина. Оказывается, что онъ уже объявилъ своей ротѣ о скоромъ возстаніи и взялъ съ нихъ слово умереть вмѣстѣ съ нимъ для блага отечества. Когда это выяснилось, всѣ постарались замять это слишкомъ скорое начинаніе [1]).

Между тѣмъ Спиридовъ, какъ посредникъ, вступилъ въ сношеніе съ Муравьевымъ. Они имѣли свиданіе уже на слѣдующій день, Спиридовъ сообщилъ Муравьеву о „невѣроятныхъ“ успѣхахъ Славянскаго Общества. „Каждый день,—говорилъ онъ,—Общество усиливается новыми членами; кромѣ прежнихъ офицеровъ Черниговскаго полка, пріобрѣтено еще нѣсколько новыхъ въ томъ же полку, въ другихъ полкахъ обоихъ дивизій и артиллеріи“. Къ удивленію Спиридова, Муравьевъ не одобрилъ такой дѣятельности и даже выразилъ неудовольствіе, что въ Славянское Общество приняты офицеры Черниговскаго полка; по его мнѣнію, этихъ офицеровъ „можно возбудить къ возстанію, объявивъ объ этомъ наканунѣ дѣла“. Спиридовъ объяснялъ, что нѣкоторые изъ черниговскихъ офицеровъ состоятъ уже давно членами Общества и, наконецъ, что правила Общества требуютъ увеличенія числа членовъ.

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 446—449.

— Эти правила,—сказалъ Муравьевъ,—уничтожены соединеніемъ Обществъ; они могутъ быть пагубны нашему дѣлу. Планъ нашихъ дѣйствій совсѣмъ иной: солдаты и офицеры должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего; они будутъ орудіями и произведутъ переворотъ. Вы знаете, что за люди русскіе солдаты и офицеры?!

Этотъ взглядъ Муравьева весьма удивилъ Спиридова, привыкшаго къ совершенно иному отношенію къ солдатамъ и офицерамъ. Въ этомъ сказывалось глубокое различіе между Славянами и между нѣкоторыми изъ членовъ Южнаго Общества.

Но наиболѣе интереснымъ моментомъ въ исторіи сношеній между Славянами и членами Южнаго Общества является частное собраніе въ квартирѣ С. Муравьева и Бестужева-Рюмина (они оба жили въ одномъ баракѣ). Оно было созвано для ознакомленія членовъ обоихъ обществъ и носило характеръ простой бесѣды. У Муравьева были слѣдующіе члены Южнаго Общества: полковники Артамонъ Муравьевъ, Тизенгаузенъ, Повало-Швейковскій и Враницкій, кап. Пыхачевъ, поручики Нащокинъ и Врангель. Изъ членовъ бывшаго Общества Соединенныхъ Славянъ тутъ были: Горбачевскій, Пестовъ, Борисовъ 2, Андреевичъ 2, Аполлонъ Веденяпинъ, Кирѣевъ, Громницкій.

Цѣль этого собранія заключалась въ томъ, чтобы на дѣлѣ показать Славянамъ силу Южнаго Общества и разсѣять сомнѣнія, которыя иногда возникали въ ихъ средѣ. Съ другой стороны, имѣлось въ виду подкрѣпить рѣшимость Славянъ и примирить ихъ съ мыслью о крайнихъ мѣрахъ, предположенныхъ въ Южномъ Обществѣ. Вопросъ о цареубійствѣ, хотя совершенно ясно вытекалъ изъ рѣчей Бестужева, не подымался еще открыто въ собраніяхъ Славянъ. Муравьевъ и Бестужевъ, очевидно, имѣли цѣлью усилить ненависть Славянъ къ династіи.

Уже было сказано, что собраніе это носило частный характеръ. Удивленныхъ Славянъ, маленькихъ офицеровъ, Бестужевъ рекомендовалъ членамъ Южнаго Общества, говоря: „Господа, это наши члены!“

Разговоръ все время вращался около правительства и необходимости конституціи. С. Муравьевъ много говорилъ объ угнетеніи со стороны властей, о „презрѣніяхъ, кои претерпѣваютъ всѣ, въ особенности офицеры, о безчувственности другихъ, приписывая сіе невѣжеству“. Всѣ осуждали правительство, „какъ имѣющее за правило—угнетеніе“. Много говорилъ Муравьевъ о царствующей фамиліи, осуждалъ императора, который „всему злу есть первая причина“. Между прочимъ, онъ говорилъ: „Слишкомъ стыдно, чтобы пятьдесятъ милліоновъ страдали отъ одного человѣка и несли ярмо его: надобно истребить зло и быть свободными“. Собесѣдники вторили ему. Артамонъ Муравьевъ и Тизенгаузенъ говорили о необходимости истребленія всей династіи. Особенной горячностью отличался Артамонъ Муравьевъ: онъ произносилъ безпрестанныя клятвы—купить свободу своею кровью. Подымались и нѣкоторые частные вопросы. Враницкій и Швейковскій говорили о притѣсненіяхъ и всякаго рода несправедливостяхъ со стороны властей, выказывая твердую увѣренность, что „скоро будемъ счастливы“. Между прочимъ, Швейковскій критиковалъ дѣятельность главнокомандующаго арміей, разсказывалъ о смерти кавказскаго генерала Лисаневича, котораго убили грузинскіе старшины, когда онъ ихъ къ себѣ собралъ.

Вообще все это собраніе производило на славянъ ошеломляющее впечатлѣніе. Полковые командиры изъ гвардейцевъ были очень ласковы къ армейскимъ поручикамъ, просили ихъ бывать у себя и т. п. Славяне могли убѣдиться въ силѣ Южнаго Общества. „Я не могу описать,—показывалъ Горбачевскій,—духа каждаго изъ нихъ, ибо одинъ разъ только ихъ и видѣлъ, но скажу,

что каждый подавалъ на себя надежду изъ сихъ штабъ-офицеровъ за собою увлечь цѣлую пѣшую бригаду, а Артамонъ Муравьевъ — цѣлую свою дивизію, что было видно по ихъ словамъ, а также Бестужевъ сіе нѣсколько разъ повторялъ".

Въ своемъ стремленіи увлечь славянъ, члены Южнаго Общества не замѣчали, что они вызывали въ нѣкоторыхъ собесѣдникахъ недовѣріе къ своимъ словамъ. Аполлонъ Веденяпинъ рѣшился даже сказать самому Муравьеву, что полковые командиры не дѣйствуютъ на солдатъ, не принимаютъ въ Общество достойныхъ офицеровъ своего полка, безъ чего нельзя ожидать успѣха. Вообще онъ весьма недвусмысленно указывалъ на то, что отъ словъ до дѣла далеко. Но сомнѣній Веденяпина никто не поддержалъ. Горбачевскій задалъ вопросъ С. Муравьеву, почему Южное Общество не воспользуется настоящимъ сборомъ корпусовъ и не начнетъ дѣйствовать. Пыхачевъ не далъ Муравьеву отвѣтить и съ жаромъ сказалъ: „Нѣтъ, милостивые государи, я никому не позволю первому выстрѣлить за свободу моего отечества; эта честь должна принадлежать пятой конной ротѣ; я начну, да, я".

Легко догадаться, что результатъ этого совѣщанія былъ тотъ, на который разсчитывали оба члена Васильковской управы. „Бывшіе здѣсь штабъ-офицеры, — показывалъ на слѣдствіи Горбачевскій,—точно много на насъ подѣйствовали; для насъ было сіе какъ бы поразительно, тѣмъ болѣе, что это былъ первый примѣръ для насъ, что сіи люди симъ же занимаются и еще столь ревностно,—сіе послужило тому, что Бестужеву и Муравьеву еще больше начали вѣрить и послѣ сего точно ни въ чемъ имъ не противорѣчили" [1]).

---

[1]) Показанія Горбачевскаго, стр. 19 и 27; показанія Бечаснова, стр. 25—26; показанія Веденяпина I, стр. 6; записки Горбачевскаго, 450.

Чтобы уяснить себѣ въ точности цѣль этого собранія, надо имѣть въ виду, что въ общихъ собраніяхъ Соединенныхъ Славянъ Бестужевъ-Рюминъ, говоря о введеніи республики, не ставилъ открыто вопроса о томъ, что же предполагаетъ дѣлать съ царствующей фамиліей Южное Общество въ случаѣ успѣха переворота. Этотъ щекотливый вопросъ оставался открытымъ и не обсуждался въ общихъ собраніяхъ. Мы уже видѣли, что Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ старались въ частныхъ бесѣдахъ подготовить Спиридова, старшаго изъ Славянъ, къ мысли о цареубійствѣ. Очевидно, и въ данномъ случаѣ шла подготовительная работа въ томъ же направленіи. Очевидно, оба члена Южнаго Общества, наученные несогласіемъ Спиридова, дѣйствовали осторожнѣе. Судя по всѣмъ даннымъ, и въ собесѣдованіи у Муравьева не подымалось прямо рѣчи о цареубійствѣ; но отношеніе членовъ Южнаго Общества къ царствующей династіи должно было подготовить членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ къ этой мысли.

Только что описанное собраніе имѣло одно практическое значеніе въ дѣлѣ организаціи новыхъ союзниковъ Южнаго Общества. Когда Борисовъ сообщилъ Бестужеву объ избраніи посредникомъ Спиридова, что было Бестужеву уже извѣстно, послѣдній выразилъ желаніе, чтобы какъ-нибудь измѣнить выборъ. По мнѣнію Борисова, это было невозможно, тѣмъ болѣе, что Бестужевъ не могъ представить никакихъ основательныхъ причинъ своего нежеланія. Мы теперь знаемъ, что это нежеланіе видѣть Спиридова посредникомъ заключалось въ той оппозиціи, которую Муравьевъ и Бестужевъ встрѣтили въ Спиридовѣ по многимъ вопросамъ, уже рѣшеннымъ въ Южномъ Обществѣ. Бечасновъ вывелъ Бестужева изъ затрудненія, предложивъ раздѣлить Соединенныхъ Славянъ на два округа — артиллеристовъ и пѣхоту —и избрать двухъ посредниковъ. Бестужевъ охотно согла-

сился на это и на слѣдующій же день рѣшено было собрать третье совѣщаніе всѣхъ славянъ [1]).

Это совѣщаніе является продолженіемъ ранѣе описаннаго совѣщанія славянъ и было посвящено организаціонной работѣ; на немъ присутствовалъ и Бестужевъ. Прежде всего замѣтимъ, что это собраніе не обошлось безъ недоразумѣній. Собраніе было назначено на квартирѣ у Аполлона Веденяпина; но за нѣсколько часовъ до собранія Бестужевъ настоялъ на перемѣнѣ мѣста собранія и просилъ собраться у Андреевича 2, при чемъ онъ же взялся увѣдомить о перемѣнѣ мѣста офицеровъ Черниговскаго полка. Между тѣмъ, когда собраніе было уже закрыто и Бестужевъ съ нѣкоторыми членами уѣхалъ, къ Андреевичу является поручикъ Черниговскаго полка Щепиловъ и заявляетъ, что онъ съ другими черниговскими офицерами вовсе не былъ извѣщенъ о перемѣнѣ мѣста собранія. Всѣ были поражены происшедшимъ инцидентомъ: некорректность Бестужева была очевидна. Въ тотъ же день и на слѣдующій день Борисовъ 2 и Горбачевскій употребили всѣ усилія для того, чтобы дѣло не дошло до полнаго разлада, стараясь по возможности успокоить обойденныхъ и обиженныхъ офицеровъ Черниговскаго полка. Объясненія Горбачевскаго и Кузьмина съ Сергѣемъ Муравьевымъ приняли даже острый характеръ. Особенно горячились Кузьминъ и Сухиновъ, когда Муравьевъ заявилъ имъ, что все, касающееся до Черниговскаго полка, принадлежитъ исключительно ему и онъ не позволитъ никому другому въ это дѣло вмѣшиваться. Эта рѣзкость подѣйствовала на присутствовавшихъ, потому что нѣкоторые изъ черниговскихъ офицеровъ, къ удивленію самого Муравьева, давно уже состояли членами Общества Соединенныхъ Славянъ. Сухиновъ отличавшійся рѣшимостью заявилъ Бестужеву: „Если онъ (Сергѣй Муравьевъ) когда-нибудь вздумаетъ

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 451.

располагать мною и моими товарищами, удалять насъ отъ тѣхъ, съ которыми мы быть хотимъ въ связи, и сближать съ тѣми, которыхъ мы не хотимъ знать, то клянусь всѣмъ для меня священнымъ, что я тебя изрублю въ мелкіе куски; знай навсегда, что мы найдемъ дорогу въ Москву и Петербургъ; намъ не нужны такіе путеводители, какъ ты и"... (тутъ онъ взглянулъ на С. Муравьева). Муравьеву и Бестужеву пришлось извиняться. Тѣмъ не менѣе, три офицера — Шультенъ, Тихановъ и Черноглазовъ — совершенно отказались отъ участія въ дѣлахъ Общества [1]). Вообще какъ этотъ инцидентъ, такъ и нѣкоторыя другія шероховатости въ сношеніяхъ Муравьева и Бестужева съ членами Славянскаго Общества производятъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Проводя слишкомъ рѣшительно свой планъ, требуя безпрекословнаго къ себѣ повиновенія, оба они плохо понимали простыя товарищескія отношенія, которыми были проникнуты всѣ члены Славянскаго Общества. Но возвратимся къ разсказу о собраніи Славянъ въ квартирѣ Андреевича 2.

Въ этомъ собраніи были: Шультенъ, Тихановъ, Шахировъ, Пестовъ, Борисовъ 2, Горбачевскій, Спиридовъ, Аполлонъ Веденяпинъ, Драгомановъ [2]). Это собраніе происходило 9 или 10 сентября [3]).

На этомъ собраніи прежде всего Спиридовъ читалъ свой проектъ правилъ, который онъ обѣщалъ доставить въ первомъ организаціонномъ собраніи славянъ и которыя въ принципѣ тогда уже были одобрены. Предложеніе Спиридова заключало въ себѣ, между прочимъ, опредѣленіе отвѣтственности членовъ за свое бездѣйствіе и то, что каждый членъ долженъ былъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, подвергаясь за нескромность,

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 455—456.
[2]) Записки Горбачевскаго, 452.
[3]) Судя по показанію Спиридова.

неосторожность и упущенія по дѣламъ Общества удаленію отъ совѣщанія и проч. За значительную вину членъ наказывался немедленно смертью.

Эта часть проекта Спиридова вызвала, однако, сильное возраженіе, особенно со стороны Бестужева. „Для пріобрѣтенія свободы,—вскричалъ онъ,—не нужно никакихъ сектъ, никакихъ правилъ, никакого принужденія, — нуженъ одинъ энтузіазмъ. Энтузіазмъ,—продолжалъ онъ въ изступленіи,—пигмея дѣлаетъ гигантомъ; онъ разрушаетъ все, и онъ создаетъ новое". Эта фраза очень характерна для Бестужева: онъ самъ былъ прежде всего энтузіастомъ и старался привить энтузіазмъ тѣмъ членамъ, которыхъ онъ принималъ или съ которыми входилъ въ соприкосновеніе. Спиридова пробовали поддержать Борисовъ 2, Горбачевскій и нѣкоторые другіе, болѣе проникнутые духомъ устава Соединенныхъ Славянъ, но большинствомъ голосовъ эти правила были отклонены [1]).

По разсказу Горбачевскаго и Борисова 2, весь проектъ Спиридова былъ отклоненъ. Но это не совсѣмъ точно. Кое-что изъ его предложеній было принято. Осторожный въ своихъ показаніяхъ, Спиридовъ счелъ, однако, нужнымъ покаяться Слѣдственной Комиссіи въ томъ, что нѣкоторыя изъ предложенныхъ имъ правилъ были приняты. Такъ было принято, что приглашеніе новыхъ членовъ возлагается только на однихъ начальниковъ округовъ, „ибо прежде всякій могъ набирать, и посему многіе вступали молодые офицеры болѣе по товариществу, безъ всякихъ разсужденій". Затѣмъ положено не выходить въ отставку въ ожиданіи военнаго возстанія (это правило не было всѣми соблюдено). Наконецъ были положены правила осторожности въ разговорахъ, храненія тайнъ и нѣкоторыя другія [2]).

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 452.

[2]) Показанія Спиридова и письмо Спиридова къ императору Николаю I.

Впрочемъ, не особенно важно, были ли приняты предложенія именно Спиридова. Дѣло въ томъ, что тѣ правила, которыя рекомендовалъ принять Бестужевъ, судя по многимъ показаніямъ, заключаютъ въ себѣ также частью и правила, предлагавшіяся Спиридовымъ. Въ общемъ были приняты слѣдующія постановленія, касающіяся ближайшей дѣятельности вновь присоединенныхъ членовъ Общества. Такъ, положено, не теряя времени, подготовлять солдатъ. Постановлено также увеличить число членовъ, преимущественно избирая ихъ изъ числа недовольныхъ правительствомъ. Бестужевъ предложилъ поляковъ не принимать въ члены Общества, но направлять къ гр. Мошинскому. Въ заключеніе было постановлено, что всѣ, по первому знаку, должны были вооружиться и слѣдовать туда, куда будетъ имъ назначено. За нескромность или отказъ отъ Общества угрожали смертью [1]).

Условившись относительно плана будущихъ дѣйствій, по предложенію Бестужева, приступили къ организаціи вновь присоединеннаго Общества. При обсужденіи этого вопроса Спиридовъ и нѣкоторые другіе офицеры снова возвратились къ таинственной державной Думѣ. Бестужевъ еще разъ объяснилъ организацію Южнаго Общества. Взявъ листъ бѣлой бумаги, онъ начертилъ на немъ кругъ, изображавшій собою державную Думу. Отъ этого круга онъ провелъ радіусы, на концахъ которыхъ нарисовалъ маленькіе кружки: линіи — посредники, а кружки — округа [2]). Но вопросъ о Думѣ былъ сочтенъ нѣкоторыми за признакъ колебанія и недовѣрія. „Зачѣмъ таковое любопытство?—возражали они.—Должно поставлять себѣ счастьемъ быть въ таковомъ общепо-

---

[1]) Показанія Лисовскаго, стр. 16 об.; изложенная въ этихъ показаніяхъ программа засѣданія сходится съ изложеніемъ у другихъ участковъ.

[2]) Это—обычная схема устройства Общества.

лезномъ дѣлѣ!“ Одинъ изъ присутствовавшихъ (по нѣкоторымъ показаніямъ Бечасновъ) обѣщалъ даже десять пуль тому, кто не пристанетъ къ общему дѣлу. Это подтвердили Бестужевъ и другіе „Довольно бы и одной“, отозвался Спиридовъ.

Инцидентъ съ державной Думой былъ улаженъ, и перешли къ выбору посредниковъ и выясненію ихъ роли. Было принято предложеніе Бестужева о раздѣленіи вновь присоединившихся на двѣ управы—пѣхотную и артиллерійскую. Произошло новое избраніе посредниковъ. Выборъ снова палъ на Спиридова для пѣхотной управы, а для артиллеріи намѣчены посредниками Борисовъ и Горбачевскій. Первый рѣшительно отказался и былъ избранъ Горбачевскій. Бестужевъ объяснилъ обязанности посредниковъ и порядокъ сношеній съ ними. Члены одного округа не должны имѣть никакихъ сношеній по Обществу съ членами другого округа, а также и между собою: все, что касается Общества, должно быть сообщаемо посреднику. Избраніе новыхъ членовъ возлагается преимущественно на посредниковъ, и во всякомъ случаѣ избраніе новаго члена зависитъ отъ его согласія. Посредники сносятся по дѣламъ Общества съ Бестужевымъ и черезъ него даютъ отчетъ Верховной Думѣ [1]).

Когда былъ выясненъ вопросъ объ организаціи, Бестужевъ произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на необходимость слѣпого и безусловнаго повиновенія

---

[1]) Показанія Веденяпина 1, стр. 12; показанія Мозгана, стр. 15 об.; показанія Спиридова; показанія Горбачевскаго, стр. 19—20. Здѣсь замѣтимъ, что въ показаніяхъ членовъ Славянскаго Общества часто встрѣчается указаніе на то, что Бестужевъ рекомендовалъ не принимать новыхъ членовъ, такъ какъ Общество и безъ того многочисленно. Дѣйствительно, Бестужевъ не разъ объ этомъ говорилъ. Но въ то же время онъ совѣтовалъ принимать особенно надежныхъ членовъ и притомъ съ большою осторожностью: онъ имѣлъ въ виду увеличеніе членовъ-заговорщиковъ.

членовъ предписаніямъ Верховной Думы и, наконецъ, перешелъ къ вопросу о необходимости переворота въ Россіи. Онъ говорилъ объ угнетеніи народа податями, о бѣдности государства, о недовольствѣ всѣхъ сословій правительствомъ, изъ чего выводилъ необходимость перемѣны правленія и готовность къ этому со стороны населенія [1]). Между прочимъ, въ своей рѣчи Бестужевъ высказалъ свой взглядъ на участіе различныхъ элементовъ общества въ предполагаемомъ переворотѣ. Въ противовѣсъ широкому демократизму славянъ, онъ указывалъ, что весьма опасно дѣлать народъ участникомъ переворота. „Наша революція,—говорилъ онъ,—будетъ подобна революціи испанской (1823 года); она не будетъ стоить не одной капли крови, ибо произведется одною арміею, безъ участія народа; Москва и Петербургъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возстанія войскъ. Наша конституція утвердитъ навсегда свободу и благоденствіе народа. Будущаго 1826 года, въ августѣ мѣсяцѣ, императоръ будетъ смотрѣть 3 корпусъ, и въ это время рѣшится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиранъ падетъ подъ нашими ударами; мы поднимемъ знамя свободы и пойдемъ въ Москву, провозглашая конституцію“.

Рѣчь Бестужева, естественно, привела къ предположеніямъ о способахъ переворота. Самъ Бестужевъ предложилъ дать поясненіе относительно всякаго рода сомнѣній. „Я буду стараться,—заявилъ онъ членамъ,—по возможности, вывести васъ изъ оныхъ (сомнѣній) и пояснить вамъ то, что кажется для васъ не вразумительнымъ“. Борисовъ 2 задалъ первымъ вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, какія приняты Верховной Думой для введенія предположенной конституціи: „Кто и какимъ образомъ будетъ управлять Россіей до совершеннаго образованія новаго конституціоннаго правленія?“

---

[1]) Показанія Ведениапина 1, стр. 14 об.

Бестужевъ пояснилъ, что дѣлами государства будетъ заниматься временное правленіе до полнаго введенія конституціи; это можетъ продолжиться десять лѣтъ. Искренній демократизмъ Борисова, который вообще нѣсколько скептически относился къ планамъ Бестужева и, видимо, не могъ примириться съ уничтоженіемъ Общества Соединенныхъ Славянъ, — не могъ примириться и съ такимъ объясненіемъ; революція будетъ чисто военная, отъ нея будетъ устраненъ народъ, одни военные люди произведутъ переворотъ, утвердятъ конституцію и будутъ въ теченіе десяти лѣтъ управлять страной, но по какому праву и съ чьего согласія и одобренія?

— Какія мѣры,—спрашивалъ Борисовъ,—приняты Обществомъ для удержанія временнаго правительства въ предѣлахъ законности и для обузданія его властолюбія и честолюбивыхъ видовъ, могущихъ быть весьма пагубными для новорожденной республики?

Эти вопросы произвели на Бестужева потрясающее впечатлѣніе; онъ отвѣтилъ съ жаромъ и негодованіемъ:

— Какъ не стыдно вамъ о семъ спрашивать, чтобы тѣ, которые для полученія свободы рѣшились умертвить своего монарха, потерпѣли власть похитителей?

— Это хорошо сказано, но побѣдитель галловъ и несчастнаго Помпея палъ подъ ударами заговорщиковъ въ присутствіи всего сената, а робкій восемнадцатилѣтній Октавій сдѣлался властелиномъ гордаго Рима, — съ досадою отвѣтилъ Борисовъ [1]).

Присутствовавшіе не были на сторонѣ скептицизма Борисова и стали задавать вопросы различнаго характера, какимъ образомъ вести себя по отношенію къ командирамъ и слѣдуетъ ли прилежно относиться къ службѣ, согласятся ли помѣщики на уничтоженіе крѣпостного права [2]).

---

[1]) Показанія Борисова 2 и записки Горбачевскаго, 452.

[2]) Показанія Борисова 2.

Многіе вопросы были столь мелки, что афрапированный Бестужевымъ Борисовъ 2, послѣ отъѣзда Бестужева, пронизировалъ надъ оставшимися въ собраніи сочленами:

— Вы о всемъ спрашивали нашего иллюминатора, а не спросили, позволяютъ ли правила людей благомыслящихъ любить и жениться? Для насъ это довольно важно [1]).

Впрочемъ, на томъ же засѣданіи были поставлены и нѣкоторые другіе болѣе серьезные вопросы: шли разговоры о способахъ приготовленія къ возстанію нижнихъ чиновъ [2]).

На этомъ кончилось второе организаціонное собраніе славянъ. Славяне расходились въ приподнятомъ настроеніи, съ крикомъ: „Виватъ конституція“ [3]). Оставалось закрѣпить союзъ и всю организацію на послѣднемъ общемъ собраніи, еще ранѣе назначенномъ.

Это собраніе состоялось 12, по указанію Борисова 2, или 13 сентября, по запискамъ Горбачевскаго. Это было самое многочисленное собраніе. Настроеніе его было приподнятое: энтузіазмъ Бестужева, его увѣренность въ близости и несомнѣнномъ успѣхѣ переворота воспламенили членовъ Славянскаго Общества: всѣ находились въ упоеніи, всѣ охотно готовы были жертвовать жизнью для свободы. „Люди различныхъ характеровъ,— вспоминаетъ въ своихъ запискахъ Горбачевскій, — волнуемые различными страстями, кажется, помышляли только о томъ, какъ бы слиться въ одно желаніе и составить одно цѣлое; всѣ ихъ мысли были заняты предпріятіемъ освобожденія отечества; всѣ ихъ надежды затмевались надеждою блистательныхъ и несомнѣнныхъ успѣховъ. Радость самоотверженія блистала на ихъ лицахъ, посреди всеобщаго упоенія“. Въ этотъ разъ самъ Бесту-

---

[1]) Показанія Борисова 2.
[2]) Показанія Спиридова.
[3]) Показанія Спиридова.

жевъ находился, видимо, въ особо восторженномъ настроеніи. Его появленіе и затѣмъ его рѣчь произвели на всѣхъ присутствовавшихъ очень сильное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, это была рѣчь, произнесенная съ сильнымъ энтузіазмомъ, на который такъ былъ способенъ Бестужевъ. Въ настоящее время не легко установить окончательно смыслъ этой рѣчи, пропитанной ядомъ къ тиранніи, но общее направленіе ея, несомнѣнно, уцѣлѣло въ показаніяхъ, данныхъ на слѣдствіи. По требованію комиссіи, самъ Бестужевъ воспроизвелъ текстъ этой рѣчи. Его положеніе было таково, что на слѣдствіи ему нечего было скрывать всего того, что лично его касалось, и потому можно съ большимъ довѣріемъ отнестись къ его заявленію, что онъ воспроизводитъ свою рѣчь „съ полною откровенностью“: дѣйствительно, и въ его изложеніи она является мощнымъ призывомъ къ свободѣ. Мы приведемъ эту рѣчь, какъ ее записалъ для Слѣдственной Комиссіи самъ Бестужевъ-Рюминъ. Вотъ она.

„Вѣкъ славы военной кончился съ Наполеономъ. Теперь настало время освобожденія народовъ отъ угнетающаго ихъ рабства, и неужели русскіе, ознаменовавшіе себя столь блистательными подвигами въ войнѣ истинно отечественной,—русскіе, исторгшіе Европу изъ-подъ ига Наполеона, не свергнутъ собственнаго ярма и не отличатъ себя благородной ревностью, когда дѣло пойдетъ о спасеніи отечества, счастливое преобразованіе коего зависитъ отъ любви нашей къ свободѣ? „Взгляните на народъ, какъ онъ угнетенъ. Торговля упала; промышленности почти нѣтъ, бѣдность до того доходитъ, что нечѣмъ платить не только подати, но даже недоимки. Войско все поглощетъ. При сихъ обстоятельствахъ нетрудно было нашему Обществу распространиться и прійти въ состояніе грозное и могущественное. Почти всѣ люди съ просвѣщеніемъ или къ оному принадлежатъ или цѣль его одобряютъ. Многіе изъ тѣхъ, коихъ прави-

тельство считаетъ вѣрнѣйшими оплотами самовластія — сего источника всѣхъ золъ, уже давно ревностно намъ содѣйствуютъ. Самая осторожность нынѣ заставляетъ вступить въ Общество, ибо всѣ люди, благородно мыслящіе, ненавистны правительству: они подозрѣваемы и находятся въ безпрестанной опасности. Общество, по своей многочисленности и могуществу, — вѣрнѣйшее для нихъ убѣжище. Скоро оно воспріемлетъ свои дѣйствія, освободитъ Россію и, быть-можетъ, цѣлую Европу. Порывы всѣхъ народовъ удерживаетъ русская армія. Коль скоро она провозгласитъ свободу, всѣ народы восторжествуютъ. Великое дѣло совершится, и насъ провозгласятъ героями вѣка“ [1])!

Общіе контуры этой рѣчи, въ общемъ согласные съ передачей самого Бестужева, сохранились въ запискахъ и показаніяхъ Горбачевскаго, въ показаніяхъ Борисова 2 и Андреевича 2. Мы приведемъ еще изложеніе ея, сдѣланное Андреевичемъ 2, въ его показаніяхъ и сдѣланное въ общихъ чертахъ. Это еще разъ подтвердитъ намъ достовѣрность общаго смысла и содержанія рѣчи Бестужева. Изложеніе Андреевича 2 указываетъ также на то, что рѣчь была пространнѣе и что въ ней Бестужевъ, для подтвержденія своихъ доводовъ, ссылался на слова священнаго писанія. Если Андреевичъ 2 не совсѣмъ точно передаетъ эту рѣчь, то, во всякомъ случаѣ, не безынтересно привести его изложеніе, хотя бы для того, чтобы судить о впечатлѣніи, ею произведенномъ, и о томъ, что наиболѣе поразило въ ней даннаго слушателя.

По словамъ Андреевича, Бестужевъ указалъ прежде всего, что цѣлью Общества является „освобожденіе цѣлаго отечественнаго народа отъ ига, его угнетающаго, и введеніе въ Россіи конституціи“. Общество это сильно, не требуетъ пріобрѣтенія новыхъ членовъ, но нужно

---

[1]) Показанія Бестужева-Рюмина.

только подготовлять солдатъ, „показывая и объясняя имъ несправедливость понѣшняго правительства, выставляя на видъ пользу отъ перемѣны онаго, вселять въ ихъ любовь къ отечеству и открывать, сколь важенъ постъ солдата, что онъ значитъ и для чего именно служитъ, что согласіемъ и рѣшимостью своею они могутъ облегчить свое состояніе и своихъ соотечественниковъ, приводя въ примѣръ, что и сами рѣшаются приносить жизнь свою въ жертву для освобожденія себя, а болѣе— васъ отъ рабства, которое васъ до такой степени угнетаетъ и лишило васъ пользоваться настояще всѣми дарами природы. Приводя притомъ въ доказательство и слова священнаго писанія, что сколь ихъ намѣреніе благо, говоря притомъ, сколько человѣкъ каждый долженъ любить ближняго и стараться дѣлать ему добро и что человѣкъ, поступающій по симъ правиламъ, исполняетъ законъ Божій. Тотъ же, который дѣлаетъ противно человѣколюбію, мучитъ и тиранитъ людей, есть не человѣкъ, а врагъ, и истреблять его — значитъ истреблять самое зло, увидѣвъ пользу для сограждан моего отечества, желая облегчить ихъ участь“.

Надо замѣтить, что Андреевичъ въ своихъ показаніяхъ, не стѣсняясь, клеймилъ иго рабства. Это былъ очень воспріимчивый человѣкъ, откровенный и твердый: онъ и въ своихъ показаніяхъ указывалъ Слѣдственной Комиссіи на гражданскія добродѣтели Сергѣя Муравьева, на его честность, благородство и заявлялъ о себѣ Комитету, что ему даже „сіе страданіе отрадно, ибо страдаю съ другомъ человѣчества (съ Сергѣемъ Муравьевымъ), который для общаго блага не щадилъ не только своего имущества, но даже жизни“. Андреевичъ примиряется съ осужденіемъ на заточеніе, даже на смерть, въ той увѣренности, что „и самая смерть можетъ пробудить чувства уснувшихъ сыновъ отечества“. Неудивительно поэтому, что Андреевичъ не ретановился и въ передачѣ тѣхъ чувствъ, которыя испытывалъ каждый, слушая

воспламеняющую рѣчь Бестужева: „Каждый чувствовалъ, —говоритъ онъ,—справедливость сихъ убѣжденій и, соображая съ собственными своими обстоятельствами, соглашались жертвовать своею жизнью, клялись мстить своему мучителю, кто бы онъ ни былъ, хотя бы даже въ царствующей особѣ заключалась причина ихъ угнетенія“ [1]).

Приведемъ еще два указанія на содержаніе той же рѣчи Бестужева, какъ она осталась въ памяти у слушателей. Веденяпинъ 2 помнилъ, что Бестужевъ говорилъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ дворянами и низшими классами народа, о злоупотребленіяхъ администраціи и о предоставленіи широкой власти „одному такому же дворянину“ (Аракчееву) [2]).

Напротивъ, въ памяти Мазгана сохранились болѣе рѣзкіе штрихи этой рѣчи. Бестужевъ призывалъ къ дѣятельности, единодушію и къ твердой рѣшимости жертвовать собою для общаго блага отечеству. „На будущій годъ будетъ всему конецъ, и падетъ самовластіе съ высоты своей. Россія избавится отъ деспотизма и будетъ въ благоденствіи, что прославитъ имя свое не въ одной Европѣ, но и на весь свѣтъ, и Богъ намъ поможетъ въ справедливомъ дѣлѣ“ [3]).

Дѣйствительно, эффектъ рѣчи былъ очень сильный. Бестужевъ-Рюминъ, снявъ образъ, висѣвшій на его груди, съ жаромъ поцѣловалъ его и съ чувствомъ произнесъ клятву умереть за свободу. Образъ переходилъ отъ одного къ другому изъ присутствовавшихъ, и всѣ съ жаромъ клялись „мстить тому, кто есть причиною тиранства, слезъ и притѣсненій для моихъ соотечественниковъ“ [4]). Это была торжественная и трогательная сцена. Торжественная и страшная клятва смѣшивалась съ кри-

---

[1]) Показанія Андреевича 2.
[2]) Показанія Веденяпина 2, стр. 11.
[3]) Показанія Мазгана, стр. 15.
[4]) Показанія Андреевича 2.

ками: „Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ народъ! Да погибнетъ различіе сословій! Да погибнетъ дворянство вмѣстѣ съ царскимъ саномъ!“ Славяне цѣловали образъ, обнимали другъ друга.

Впрочемъ, энтузіазмъ, произведенный рѣчью Бестужева, на минуту смѣнился негодующими восклицаніями, благодаря неумѣстному замѣчанію Бестужева. Онъ указалъ, среди общихъ криковъ радости и готовности умереть, что не одна славная смерть ожидаетъ собравшихся, но почести и достоинства. Это замѣчаніе привело въ негодованіе славянъ. „Сражаться до послѣдней капли крови: вотъ наша награда!“ вскричали въ отвѣтъ Бестужеву Славяне [1]).

Это восторженное засѣданіе и было послѣднимъ собраніемъ. 16 сентября войска оставили лагерь подъ Лещинымъ.

Однако необходимо выяснить два обстоятельства, которыми сопровождались совѣщанія членовъ Тайнаго Общества въ Лещинѣ. Одно обстоятельство касается плана самаго переворота и времени его выполненія, а также и способа выполненія; второе обстоятельство—вопросъ о подготовкѣ солдатъ.

Уже изъ предыдущаго изложенія можно было замѣтить, что временемъ для начала революціи полагалось лѣто 1826 года: въ августѣ мѣсяцѣ этого года предполагался императорскій смотръ третьяго корпуса. Этотъ смотръ предполагали удобнымъ для начала рѣшительныхъ дѣйствій. Андреевичъ 2 такъ развиваетъ выработанный тогда планъ: „Увѣрясь въ довѣренности и рѣшимости войскъ, предполагали планы слѣдующіе: чтобы на веснѣ, при сборѣ войскъ въ одно мѣсто, соединясь общими силами, итти въ Москву, тамъ, при собраніи цѣлаго народа, объявить конституцію, а нынѣшній образъ правленія совсѣмъ уничтожить, дабы онымъ облегчить

[1]) Записки Горбачевскаго, 459.

страданіе сограждан, которое столько лѣтъ продолжалось и годъ отъ году увеличивалось, ибо по разнымъ заключеніямъ извѣстно, что благополучіе и несчастіе народа произойти можетъ отъ одного правительства и не отъ народа, почему на него и устремлялись мщеніемъ, какъ на главную причину угнетенія народа“ [1]).

Что касается способа перехода къ республикѣ, то этотъ вопросъ во всѣхъ общихъ засѣданіяхъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи. Въ общихъ собраніяхъ Бестужевъ много разъ говорилъ о томъ, что „тиранъ падетъ подъ ударами заговорщиковъ“, о томъ, что въ будущей республикѣ не будетъ никакого „наслѣдія“. Изъ этихъ выраженій можно было догадываться, что переворотъ предполагаетъ цареубійство. Нѣкоторые изъ слушателей, напримѣръ, Спиридовъ, такъ и показывали на слѣдствіи, что Бестужевъ призывалъ къ цареубійству. Самъ Бестужевъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія въ своихъ показаніяхъ на судѣ. Но другіе рѣшительно отрицали гласность обсужденія вопроса о цареубійствѣ, справедливо указывая лишь на то, что такое намѣреніе вытекало изъ всей сути заговора [2]). Несомнѣнно, что возбуждая энтузіазмъ въ Славянахъ, возбуждая въ нихъ ненависть къ тираніи и рисуя въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ идеалы республики, Бестужевъ въ общихъ собраніяхъ замалчивалъ весьма важное обстоятельство, оставляя открытымъ вопросъ о томъ, кому придется быть цареубійцей и какъ цареубійство должно быть совершено. Очень возможно, что, наученный опытомъ въ сношеніяхъ съ Спиридовымъ по тому же вопросу, Бестужевъ изучалъ духъ, наклонности новыхъ союзниковъ и присматривался къ тѣмъ изъ нихъ, на которыхъ

---

[1]) Показанія Андреевича 2.

[2]) Славяне рѣшительно отрицали также, что имъ было извѣстно о покушеніи на жизнь всей династіи: по ихъ увѣреніямъ, дѣло шло только о царѣ; С. Муравьевъ также утверждаетъ, что Славянамъ не сообщалось плана истребленія всей династіи.

можно будетъ разсчитывать въ дѣлѣ цареубійства. Съ этими онъ имѣлъ въ виду вести болѣе интимный разговоръ. Прощаясь на послѣднемъ собраніи, Бестужевъ убѣдительно просилъ Горбачевскаго, Спиридова и Пестова зайти къ нему передъ снятіемъ лагеря, говоря, что онъ дастъ послѣднія наставленія.

15 сентября всѣ трое были у Муравьева и Бестужева. Сначала разговоръ касался общихъ вопросовъ, и пришедшіе недоумѣвали, зачѣмъ ихъ пригласили Муравьевъ и Бестужевъ. Наконецъ Муравьевъ перешелъ къ вопросамъ, касавшимся Общества. Говорилъ о необходимости увеличенія числа членовъ. Бестужевъ подробно развивалъ мысль о томъ, какихъ надо избирать членовъ, именно „очень недовольныхъ правительствомъ“, которые могли бы покуситься на жизнь государя. Затѣмъ вопросъ прямо перешелъ къ цареубійству. Рѣшено было пересмотрѣть списки членовъ Славянскаго Общества, съ цѣлью опредѣлить, кто изъ нихъ можетъ быть привлеченъ къ покушенію на государя. Спиридовъ читалъ списокъ членовъ своей управы и отмѣчалъ крестиками лицъ, на которыхъ можно положиться. Когда разсмотрѣны были члены управы Спиридова, перешли къ списку членовъ управы Горбачевскаго. Горбачевскій отмѣчалъ крестиками своихъ сочленовъ. Когда дошли до фамиліи Бечаснова, Бестужевъ выхватилъ карандашъ, сказавъ, что онъ самъ ему поставитъ крестикъ, потому что хорошо его знаетъ. Тутъ же Горбачевскій просилъ внести въ списокъ и Борисова 1, который въ то время былъ въ отставкѣ. Бестужевъ возражалъ, заявляя, что отставныхъ принимать не слѣдуетъ. И предложилъ Горбачевскому посовѣтовать Борисову поступить вновь на службу. Бестужевъ обѣщалъ указать ему полкъ, въ который онъ долженъ опредѣлиться [1]). Въ конечномъ ре-

[1]) Борисовъ 1 пріѣхалъ хлопотать объ опредѣленіи вновь на службу какъ разъ тогда, когда начиналось возстаніе Черниговскаго полка, и принялъ въ немъ участіе.

зультатѣ въ списокъ попали: Спиридовъ, Горбачевскій, Пестовъ, Бечасновъ, Борисовъ 2, Громницкій и Тютчевъ, по крайней мѣрѣ, относительно этихъ лицъ было установлено на слѣдствіи [1]). Муравьевъ просилъ Горбачевскаго и Пестова предупредить обо всемъ условленномъ Борисова 2 и просить его побывать у Муравьева до выступленія изъ лагеря. Борисовъ былъ извѣщенъ въ тотъ же день о замыслѣ цареубійства, на другой день былъ у Бестужева и принесъ въ его присутствіи клятву хранить втайнѣ это намѣреніе и не отказаться участвовать въ его выполненіи [2]). Остальныя намѣченныя лица тоже были извѣщены о томъ, что они намѣчены „заговорщиками“ [3]), и, вѣроятно, тоже дали клятву.

Нельзя не обратить вниманія на то роковое обстоятельство, что Бестужевъ привлекъ къ своему замыслу, какъ разъ наиболѣе умѣренныхъ и даже колеблющихся Славянъ: къ соучастію не были приглашены такіе рѣшительные люди, доказавшіе впослѣдствіи свою готовность жертвовать собою, какъ Сухиновъ, Кузьминъ, Андреевичъ 2, частью какъ разъ тѣ самые офицеры Черниговскаго полка, къ которымъ такъ недружелюбно относился Сергѣй Муравьевъ.

Возвратимся къ дальнѣйшему ходу того же совѣщанія. На немъ много вниманія было посвящено вопросу о подготовкѣ къ дѣйствію солдатъ. Этотъ вопросъ принялъ довольно острый характеръ, такъ какъ взгляды Славянъ и членовъ Южнаго Общества оказались радикально противоположны. Сначала спорилъ Горбачевскій съ Муравьевымъ. Первый стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что отъ солдатъ ничего не надо скрывать, но съ осторожностью объяснить имъ всѣ выгоды переворота. Это былъ планъ, одобренный всѣми Славянами. Муравьевъ

---

[1]) Показанія Горбачевскаго, стр. 20 и 43. Письмо Спиридова къ государю отъ 2 февраля 1826 года.

[2]) Показанія Борисова 2.

[3]) Показанія Тютчева, стр. 16.

сильно возставалъ противъ него, полагая, что солдаты не могутъ понять всѣхъ выгодъ переворота. Онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что простой народъ добръ, но онъ „никогда не разсуждаетъ, и потому онъ долженъ быть орудіемъ для достиженія цѣли“. Командиръ имѣетъ много способовъ для того, чтобы привязать къ себѣ солдатъ и заставить ихъ возстать по первому его требованію. У Муравьева была выработана цѣлая система постепенной подготовки солдатъ; между прочимъ, эта система опиралась и на религію. По его мнѣнію, для этой цѣли можно пользоваться многими мѣстами Библіи, при помощи которой можно внушить солдатамъ мысль, что Богъ запрещаетъ избирать царей и имъ повиноваться. У него даже былъ приготовленъ переводъ соотвѣтственно выдержекъ изъ Библіи, который онъ хотѣлъ было вручить Горбачевскому [1]).

Горбачевскій стоялъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, отстаивая здравый смыслъ русскаго народа

---

[1]) Мы приведемъ объясненіе С. Муравьева, данное по этому поводу Слѣдственной Комиссіи. Оно интересно для выясненія взглядовъ С. Муравьева. „Показанія Горбачевскаго, — пишетъ онъ, — что однажды, вынувъ изъ шкатулки выписку изъ Библіи, доказывалъ ему, что ни Богу ни вѣрѣ не противно итти противъ государя, справедливо съ тою, однакожъ, разницею, что разговоръ шелъ не о томъ, противно ли вѣрѣ итти противъ государя, а о томъ, что утверждаемо было мною, что въ случаѣ возстанія, въ смутныя времена переворота, самая твердѣйшая наша надежда и опора должна быть привязанность къ вѣрѣ, столь сильно существующая въ русскихъ, и что потому мы должны во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ стараться не ослаблять сего чувства, на что Горбачевскій отвѣчалъ мнѣ съ видомъ сомнѣнія и удивленія, что онъ полагалъ, напротивъ, что вѣра противна свободѣ. Я тогда сталъ ему доказывать, что мнѣніе его совершенно ошибочно, что можно, напротивъ, сказать, что истинная свобода сдѣлалась извѣстною со времени проповѣданія христіанской вѣры, что Франція, впавшая въ толикія бѣдствія и страданія во время своего переворота, именно отъ вкравшагося безвѣрствія (sic) до того въ умы, должна служить намъ урокомъ, и, вынувъ изъ портфеля выписки мои, сдѣланныя изъ священнаго писанія, я старался самыми текстами онаго оправдать сіе мое мнѣніе“. Показанія С. Муравьева, стр. 261—262.

и, наконецъ, указывая на то, что доказательства на основаніи религіи могутъ имѣть обоюдоострый характеръ. Спиридовъ поддерживалъ Горбачевскаго, и славяне рѣшили не пользоваться совѣтами Муравьева, но подготовлять солдатъ такъ, какъ они находили это наиболѣе удобнымъ [1]).

Изъ наставленій, которыя давали южные члены своимъ новымъ союзникамъ на этомъ совѣщаніи, отмѣтимъ еще одно, касающееся поляковъ. На вопросъ Горбачевскаго, принимать ли поляковъ въ члены, Муравьевъ объяснилъ, что подходящихъ лицъ изъ поляковъ надо направлять къ Бестужеву, но въ члены не принимать: съ поляками самъ Муравьевъ сносится черезъ члена Польскаго Тайнаго Общества гр. Мошинскаго [2]).

На этомъ окончилось послѣднее совѣщаніе членовъ Славянскаго Общества съ предсѣдателями Васильковской управы. Славяне разъѣзжались въ весьма приподнятомъ настроеніи и съ рѣшимостью интенсивно готовиться къ скорому перевороту. Одна изъ сторонъ приготовленія, о которой не разъ говорили Славяне, заключалась въ подготовкѣ солдатъ. Мы уже выяснили ту коренную разницу, которая отличала Славянъ отъ членовъ Южнаго Общества въ этомъ отношеніи. Было много серьезныхъ условій, которыя у тѣхъ и другихъ создали столь неодинаковое отношеніе къ солдатамъ. Члены Южнаго Общества дальше стояли отъ народной среды и имѣли поэтому меньше случаевъ къ сближенію съ солдатами. Это, конечно, не значитъ, что они не любили солдатъ. Съ точки зрѣнія С. Муравьева, воздѣйствіе на солдатъ должно состоять „въ снисканіи ихъ преданности и любви“ [3]). Лично онъ достигъ того, что его батальонъ былъ вполнѣ ему преданъ [4]), доказательствомъ чего слу-

---

[1]) Записки Горбачевскаго, 460—463.
[2]) Показанія Горбачевскаго, стр. 21 об.
[3]) Показанія С. Муравьева, стр. 262.
[4]) „Мемуары декабристовъ“, 288.

жить и возстаніе Черниговскаго полка. Горбачевскій въ своихъ запискахъ не правъ, приводя рѣзкіе отзывы объ отношеніяхъ Пестеля и другихъ видныхъ членовъ Общества къ ихъ солдатамъ [1]). Его сообщеніе опровергается, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Пестелю. Сейчасъ послѣ захвата декабристовъ произведено было негласное разслѣдованіе объ отношеніи солдатъ Вятскаго полка къ своему командиру Пестелю. Оказалось, что солдаты сохранили о немъ воспоминаніе, какъ объ очень хорошемъ командирѣ, и сожалѣли о постигшемъ его несчастіи [2]).

Извѣстно также весьма хорошее отношеніе къ солдатамъ со стороны кн. Волконскаго, не говоря о другихъ, менѣе замѣтныхъ, членахъ Южнаго Общества. Но, привязывая къ себѣ солдатъ, они, дѣйствительно, старались лишь возбудить въ нихъ неудовольствіе, но считали невозможнымъ въ той или другой мѣрѣ говорить о заговорѣ и болѣе явнымъ путемъ подготовлять къ перевороту. Такого отношенія они держались не только къ солдатамъ, но даже и къ младшимъ офицерамъ. Только по отношенію къ бывшимъ семеновскимъ солдатамъ Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ дѣйствовали прямѣе, а черезъ нихъ и на другихъ солдатъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ служили семеновцы. Это былъ вопросъ тактики. Иное дѣло, насколько она была практична; трудно сказать, какіе она могла дать результаты. Несомнѣнно, у многихъ южныхъ членовъ было преувеличенное представленіе о значеніи командира той или другой военной части. Они иногда высказывали убѣжденіе, что достаточно начальнику появиться передъ фронтомъ, и онъ можетъ двинуть эту часть по своему усмотрѣнію, не давая ей разсуждать, куда ее ведутъ [3]). Когда уже были произведены первые аресты,

---

1) Записки, 465.

2) „Русскій Архивъ“, 1875, I, 422.

3) „Мемуары декабристовъ“, стр. 276.

то нѣкоторые изъ членовъ серьезно думали, что князь Волконскій можетъ поднять свою бригаду, несмотря на то, что предварительной подготовки не было сдѣлано [1]).

Такъ, нельзя отрицать того, что члены Южнаго Общества, руководившіе имъ, стояли на ложномъ пути въ вопросѣ объ отношеніи къ солдатамъ и офицерамъ своихъ полковъ, имѣя преувеличенное представленіе о возможности двинуть войска, возбудивъ ихъ энтузіазмъ въ самый моментъ возстанія. Но если они въ данномъ отношеніи заблуждались, то заблужденіе это объясняется какъ условіями той среды, къ которой принадлежали руководители Южнаго Общества, такъ и принятой въ Обществѣ тактикой. Во всякомъ случаѣ, это заблужденіе не исходило изъ презрительнаго отношенія къ солдатамъ, какъ это иногда утверждаютъ.

Однако во вновь присоединенныхъ членахъ Славянскаго Общества Южное Общество нашло въ высшей степени подходящій матеріалъ для дѣйствительной подготовки солдатъ. Эти члены, и по своему происхожденію изъ мелкаго дворянства и по своему положенію въ ротахъ, наконецъ, по проникающему ихъ чувству любви къ низшей братіи и энтузіазму, были весьма способны къ воздѣйствію на сѣрую солдатскую массу.

Въ общихъ собраніяхъ Славяне условились относительно способовъ воздѣйствія на солдатъ. Наиболѣе вліятельный изъ нихъ Спиридовъ совѣтовалъ своимъ сочленамъ „войти стараться въ довѣренность нижнихъ чиновъ и возбуждать ихъ къ ненависти на начальство, осуждая ихъ строгости и муку, которую терпѣливо сносятъ отъ нихъ нижніе чины“ [2]). Это былъ общій принципъ. Теперь посмотримъ, какъ его Славяне проводили на практикѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ

---

[1]) Показанія Лихарева, стр. 19.

[2]) Показанія Мазгани, стр. 15.

данномъ случаѣ можно воспользоваться только нѣкоторыми добровольными признаніями самихъ подсудимыхъ. Слѣдственная Комиссія добыла очень скудный матеріалъ по этому вопросу отъ самихъ солдатъ, даже можно сказать, что въ ея рукахъ не оказалось никакихъ серьезныхъ показаній, вышедшихъ изъ солдатской среды. Очевидно, это произошло по двумъ причинамъ: Комиссія, повидимому, не особенно усердно привлекала къ допросамъ солдатъ, но и небольшое число привлекаемыхъ не давало въ ея руки надежнаго слѣдственнаго матеріала. Это дѣлаетъ большую честь нижнимъ чинамъ. Исключеніе составляютъ только нѣсколько солдатъ изъ числа разжалованныхъ офицеровъ (Рагуза, Башмаковъ), но ихъ показанія относятся почти исключительно къ Муравьеву и Бестужеву и изобилуютъ такими нелѣпыми доносами, что даже Комиссія не придавала имъ значенія. Вотъ почему по данному вопросу можно лишь воспользоваться тѣмъ, что разсказываютъ сами подсудимые. Такія показанія, конечно, представляютъ собою большой интересъ.

Борисовъ 2 показываетъ, что онъ вмѣстѣ съ Андреевичемъ 2 началъ подготовлять солдатъ немедленно по прибытіи на зимнія квартиры. По очень понятнымъ причинамъ, онъ увѣряетъ Комиссію, что солдаты не были расположены слѣдовать его внушеніямъ. Однако онъ заявляетъ, что солдаты „были недовольны своимъ состояніемъ", „жаловались на свой жребій и роптали". Оба офицера старались внушить солдатамъ, что они своею рѣшимостью и твердостью могутъ избавиться отъ этихъ несправедливостей [1]). Андреевичъ 2 избѣгаетъ показывать о томъ, какими путями онъ вліялъ на солдатъ. Онъ говоритъ только, что старался пріобрѣсти ихъ любовь и довѣріе. Солдаты его „превозносили", излагали ему свои жалобы и вообще надѣляли его полнымъ довѣ-

---

[1]) Показанія Борисова 2, стр. 28 и сл.

ріемъ съ своей стороны [1]). Оба офицера объясняли солдатамъ, что русскіе офицеры соединились для того, чтобы освободить себя и нижнихъ чиновъ отъ мученій своихъ начальниковъ, большею частью изъ нѣмцевъ. Это, конечно, осторожная передача того, что въ дѣйствительности говорилось нижнимъ чинамъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло шло о перемѣнѣ „худого на лучшее“. Солдатамъ прямо говорилось о необходимости перемѣны правленія и что государя нужно заставить путемъ военнаго возстанія признать „новое положеніе“. Пускались въ ходъ въ солдатскихъ школахъ и прописи, въ которыхъ говорилось о томъ, что человѣкъ долженъ пользоваться правилами, коими его одарила „натура“ и т. п. Сквозь призму замалчиваній въ показаніяхъ нельзя не замѣтить, что солдаты охотно прислушивались къ словамъ офицеровъ и ручались отъ нихъ не отстать [2]).

Такъ закончился очень важный моментъ въ исторіи Южнаго Общества. Не забудемъ, что всѣ эти переговоры съ Славянами происходили какъ разъ въ тѣ же дни, когда члены Южнаго Общества переживали мучительныя сомнѣнія относительно того, не начать ли немедленно возстаніе по поводу отнятія полка отъ Швейковскаго. Теперь Южное Общество значительно усилилось и главнымъ образомъ получило то, чего ему недоставало, несмотря на всѣ усилія Пестеля,—людей, обрекавшихъ себя для цареубійства. Бестужевъ могъ гордиться такимъ успѣхомъ и могъ съ гордостью говорить М. Муравьеву, что онъ, настаивая только на цареубійствѣ, составилъ цѣлое Общество „заговорщиковъ“, тогда какъ Пестель, проповѣдующій истребленіе всей царской фамиліи, не могъ найти людей, готовыхъ пожертвовать собою [3]). Въ Славянахъ Бестужевъ видѣлъ именно „за-

[1]) Показанія Андреевича 2, стр. 44.
[2]) Показанія Бечаснова, стр. 40—41.
[3]) Показанія Матвѣя Муравьева-Апостола.

говорщиковъ", которыхъ въ Южномъ Обществѣ строго отличали отъ членовъ. Онъ, наконецъ, нашелъ ту самую une garde perdue, которую тщетно искалъ Пестель.

Но уже было поздно...

VII.

Зарожденіе Сѣвернаго Общества и его первоначальныя сношенія съ Южнымъ.

Первоначальная исторія Сѣвернаго Общества очень проста. Ея почти нѣтъ до появленія въ немъ Рылѣева. Исторія зарожденія Сѣвернаго Общества и жизнь его въ первые годы существованія является какъ бы отдѣломъ исторіи Южнаго Общества, потому что проходитъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ членовъ Южнаго Общества. Члены Южнаго Общества время отъ времени появлялись въ Петербургѣ и своимъ появленіемъ побуждали къ дѣятельности здѣшнихъ членовъ. Внѣ этихъ воздѣйствій со стороны жизнь Сѣвернаго Общества проявлялась въ крайне незначительномъ видѣ, выражаясь въ рѣдкихъ совѣщаніяхъ членовъ по различнымъ политико-юридическимъ вопросамъ.

Прежде всего является не безынтереснымъ вопросъ о томъ, какъ смотрѣли члены Сѣвернаго Общества на свое Общество: какъ на продолженіе Союза Благоденствія или какъ на новое Общество? Въ своихъ показаніяхъ члены не особенно охотно говорятъ о связи новаго Общества съ Союзомъ Благоденствія. Это, конечно, могло проистекать изъ соображеній защиты тѣхъ лицъ, которыя не примкнули къ Обществу послѣ разрушенія Союза. Въ показаніяхъ нѣкоторыхъ членовъ (Оболенскаго, Трубецкого, Митькова, Нарышкина) проглядываетъ мнѣніе, что Сѣверное Общество образовалось вновь. Но это сужденіе болѣе молодыхъ, кромѣ Тру-

бецкого, членовъ. Никита Муравьевъ, хотя и говоритъ о новомъ образованіи Общества въ 1822 году, однако если слѣдить за его показаніями, то нетрудно замѣтить, что ихъ авторъ свыкся съ мыслью о безпрерывномъ продолженіи Союза Благоденствія; онъ дѣлаетъ обмолвки въ этомъ отношеніи и считаетъ Общество существующимъ съ 1821—1822 гг., когда оно не проявляло своей дѣятельности [1]). Въ позднѣйшихъ своихъ запискахъ Фонъ-Визинъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія и даже называетъ оба Общества, Южное и Сѣверное, Союзомъ Благоденствія [2]). Положимъ, Фонъ-Визинъ не принималъ участія въ возрожденіи Сѣвернаго Общества, но, разумѣется, онъ былъ достаточно освѣдомленъ для того, чтобы не сдѣлать подобной ошибки. Мы увидимъ впослѣдствіи, что даже уставъ Сѣвернаго Общества имѣетъ извѣстную генетическую связь съ уставомъ Союза Благоденствія. Все это доказываетъ, что Пестель былъ правъ, стоя въ своихъ показаніяхъ на точкѣ зрѣнія, что Тайное Общество послѣднихъ трехъ годовъ является продолженіемъ Союза Благоденствія. Можетъ-быть, это признаніе связи удержало основателей Тайныхъ Обществъ дать ему какое-нибудь названіе: тѣ же лица въ первые годы 1817—1820 существованія Общества охотно старались подыскать какое-нибудь наименованіе. Теперь же употреблять названіе Союза Благоденствія было неудобно, такъ какъ члены старались замести его слѣды изъ боязни наблюденія со стороны полиціи.

Первыя попытки возобновить Общество принадлежатъ Николаю Тургеневу. По возвращеніи своемъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ 1821 г., онъ официально объявилъ членамъ объ уничтоженіи Союза Благоденствія, но въ то же время собралъ нѣкоторыхъ членовъ бывшаго Союза и предложилъ имъ вновь образовать тайное об-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, стр. 51.
[2]) „Общественныя движенія“, 189.

щество. Въ числѣ приглашенныхъ были: Семеновъ, кн. Оболенскій, Нарышкинъ и вновь приглашены: Яковъ Толстой, полковники Митьковъ и Миклашевскій. Впрочемъ, эта попытка образовать Общество не имѣла дальнѣйшаго значенія. Дѣло было какъ разъ передъ извѣстнымъ выступленіемъ гвардіи въ западно-русскія губерніи, съ нею ушли и нѣкоторые приглашенные Тургеневымъ члены, оставшіеся же бездѣйствовали. Трудно сказать, успѣлъ ли Тургеневъ дать своему Обществу сколько-нибудь опредѣленное образованіе. Сообщающій эти извѣстія Семеновъ, заявилъ, что онъ не помнитъ, была ли поставлена этимъ Обществомъ опредѣленная политическая цѣль, но тутъ же прибавляетъ: „Насколько мнѣ извѣстенъ образъ мыслей Тургенева, главнѣйшей цѣлью его было: освобожденіе крестьянъ, распространеніе просвѣщенія, свобода книгопечатанія, учрежденіе присяжныхъ и гласность въ судахъ. Затѣмъ онъ остался бы доволенъ какимъ ни есть представительнымъ правленіемъ“ [1]). Это очень характерное показаніе. Тургеневъ, дѣйствительно, былъ наиболѣе умѣреннымъ изъ членовъ Тайнаго Общества. Образовывая новое Общество въ Петербургѣ, онъ обратился къ лицамъ также весьма умѣреннаго направленія; трое изъ нихъ (Толстой, Семеновъ, Миклашевскій) вскорѣ отпали отъ Общества, Оболенскій тогда еще далеко не составилъ себѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія, а Митьковъ и Нарышкинъ и впослѣдствіи не проявляли интенсивной дѣятельности по Обществу Тургеневъ не обратился ни къ Никитѣ Муравьеву, ни къ Шипову, ни къ другимъ, которые въ то время выражали радикальные взгляды. Отсюда ясна основная цѣль Тургенева: составить болѣе умѣренное общество, сравнительно съ Союзомъ Благоденствія въ политической программѣ, одобренной на собраніи 1820 г. въ Петербургѣ.

[1]) Показаніе Семенова, стр. 42.

Мы привели это показаніе Семенова и полагаемъ, что къ нему должно отнестись съ полнымъ довѣріемъ: Семеновъ далъ вообще очень точныя показанія; называя себя въ числѣ членовъ, онъ, конечно, не имѣлъ бы нужды измышлять не существующій фактъ. Подполковникъ Миклашевскій также не отрицалъ своего соучастія въ Тургеневскомъ Обществѣ [1]). Такимъ образомъ странныя отрицанія Тургенева въ своихъ письмахъ изъ-за границы и мемуарахъ отпадаютъ въ виду этихъ данныхъ. Вообще отрицанія Тургенева носятъ странный и непріятный характеръ: они были бы еще умѣстны на судебномъ слѣдствіи, такъ какъ составлены весьма тонко, какъ бы въ отвѣтъ на тѣ показанія, которыя могли сдѣлать на него его бывшіе сотоварищи по Обществу. Но, конечно, всѣ эти отрицанія были совершенно неумѣстны въ мемуарахъ и въ письмахъ къ друзьямъ. Повидимому, странная позиція, занятая Тургеневымъ, находитъ себѣ объясненіе въ его нежеланіи потерять довѣріе и любовь Жуковскаго и своего брата: разъ заявивъ этимъ въ высшей степени искреннимъ и правдивымъ людямъ, на горячихъ парахъ, хлопоча объ оправданіи, о своей невиновности, Тургеневъ продолжалъ на ней настаивать, какъ бы давая объясненія не столько современникамъ, сколько суду потомства, которое можетъ сравнить его объясненія съ объясненіями другихъ декабристовъ.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что Тургеневское Общество прекратило свое существованіе въ зародышномъ состояніи. Только осенью 1822 года Общество снова начало свое существованіе. Ближайшія условія его возрожденія остаются не совсѣмъ ясными: составилось ли оно подъ вліяніемъ слуховъ изъ Тульчина, или же самостоятельно. Повидимому, къ тому времени въ Петербургъ проникъ слухъ о томъ, что Общество въ Тульчинѣ продолжаетъ существовать. Но съ внѣшней стороны ини-

---

[1]) Показаніе Миклашевскаго, стр. 25.

ціатива исходила отъ Никиты Муравьева. Можетъ-быть, разговоры о возобновленіи Общества велись еще во время пребыванія гвардіи въ западныхъ губерніяхъ: въ этомъ отношеніи, вѣроятно, не безрезультатными были свиданія Никиты Муравьева съ Нарышкинымъ и Оболенскимъ въ Минскѣ и Лидѣ; не случайно также Муравьевъ во время пребыванія гвардіи тамъ же подвергъ пересмотру свои политическіе взгляды и началъ писать конституцію въ монархическомъ духѣ, охладѣвъ окончательно къ республиканскимъ идеямъ [1]).

Вполнѣ понятенъ поэтому разсказъ кн. Оболенскаго, что передъ уходомъ гвардіи изъ Петербурга, „съ сожалѣніемъ повиновались мы сему повелѣнію“, т.-е. рѣшенію о закрытіи Союза Благоденствія. Но когда гвардія возвратилась въ Петербургъ, то нѣкоторые изъ бывшихъ сочленовъ Союза: Муравьевъ, Пущинъ, Нарышкинъ и самъ Оболенскій, вспомнили о прежнемъ Обществѣ: „Воспоминаніе прежняго побудило насъ возобновить прежнюю цѣль соединенія нашего, оставивъ *всѣ формы прежняго Общества*... и каждый изъ насъ обязался тремиться къ прежней цѣли тѣми же путями, какъ и прежде, т.-е. распространеніемъ просвѣщенія, умноженіемъ числа членовъ и проч.“ Правителемъ Общества былъ избранъ Никита Муравьевъ [2]). Такъ, представляется дѣло возникновенія Сѣвернаго Общества въ разсказѣ кн. Оболенскаго. Никита Муравьевъ не даетъ никакихъ подробностей, можетъ-быть, потому, что инициатива исходила отъ него. Но нельзя не указать на одно обстоятельство, не совсѣмъ, впрочемъ, ясное. На совѣщаніи южныхъ членовъ, на контрактахъ 1822 года, между прочимъ, было постановлено снестись съ петербургскими членами при посредствѣ Поджіо [3]); имѣлось въ виду

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, в. I, стр. 51.
[2]) Показаніе кн. Оболенскаго, стр. 6 об.
[3]) Стр. 97.

воздѣйствовать на Никиту Муравьева. Нѣтъ никакихъ указаній, писалъ ли дѣйствительно Пестель или кто-нибудь Поджіо. Одно только можно сказать, что послѣдній въ то время былъ уже подготовленъ въ смыслѣ намѣреній Южнаго Общества. Еще въ 1820 году онъ былъ въ сношеніяхъ съ Шиповымъ, Сергѣемъ и Никитой Муравьевыми. Рѣшительный Лунинъ впервые сообщилъ ему свое мнѣніе о необходимости покушенія на жизнь государя; Поджіо имѣлъ также отношеніе къ Союзу Благоденствія, но въ то время онъ еще не проявлялъ сколько-нибудь активной дѣятельности [1]). Если дѣйствительно къ нему обратились съ юга, то въ немъ, несомнѣнно, нашли дѣятельнаго сотрудника. Самъ Поджіо къ концу 1822 года относитъ начало своего „убѣжденія приготовленія себя къ содѣйствію Общества, ибо я усматривалъ по сношеніямъ или по проѣздамъ Давыдова и Волконскаго возобновленія онаго“. Такое настроеніе Поджіо испытывалъ до своего вступленія въ Южное Общество, т.-е. до 1823 года. Вспоминая объ этомъ, онъ говоритъ: „На меня возложено было привести Петербургскую Управу къ возобновленію и содѣйствію поспѣшному“ [2]). Послѣднее замѣчаніе можетъ, конечно, относиться и къ послѣдующимъ порученіямъ, которыя получилъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, Поджіо. Но во всякомъ случаѣ виденъ какой-то намекъ на переломъ въ его настроеніи, относящійся къ концу 1822 года. Въ показаніяхъ кн. Трубецкого встрѣчается не совсѣмъ ясное указаніе на то, что около этого времени въ Петербургѣ узнали о возрожденіи Общества въ Тульчинѣ [3]). Итакъ, можно высказать вполнѣ вѣроятное предположеніе, что и первый моментъ зарожденія Сѣвернаго Общества произошелъ не безъ вліянія Тульчинскихъ членовъ.

[1]) Показанія Поджіо отъ 16 апрѣля 1826 года, стр. 52.
[2]) „Мемуары декабристовъ“, в. I, стр. 194.
[3]) Показанія кн. Трубецкого, стр. 13.

Но во всякомъ случаѣ первый годъ въ жизни Сѣвернаго Общества отмѣчается полной его бездѣятельностью и даже ослабленіемъ. Отъ Общества уклонились Павелъ Колошинъ, Горсткинъ, Шиповъ, Каппистъ, Челищевъ Норовъ; послѣдній впослѣдствіи, однако, попалъ въ число осужденныхъ, какъ соучаствовавшій въ предположеніяхъ Сергѣя Муравьева начать возстаніе подъ Бобруйскомъ [1]).

Узнали ли южные члены о возобновленіи Сѣвернаго Общества, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ они въ теченіе всего 1823 года совершаютъ рядъ усиленныхъ атакъ на Никиту Муравьева и другихъ членовъ. Вѣроятно, эти атаки были результатомъ кіевскихъ или каменскихъ совѣщаній. Начинаются поѣздки членовъ Южнаго Общества съ цѣлью установить сношенія обоихъ Обществъ и добиться объединенія ихъ дѣятельности. Такой планъ былъ вполнѣ естественъ и провести его было необходимо для осуществленія намѣреній Южнаго Общества.

Надо замѣтить, что хронологія поѣздокъ членовъ Южнаго Общества отличается большой запутанностью. Впрочемъ, мы будемъ приводить основанія, по которымъ мы относимъ поѣздки къ тому или другому времени.

Сношенія начались поѣздкой Давыдова въ Петербургъ. Это была его первая поѣздка. Она относится къ февралю 1823 года. Время ея опредѣляется указаніемъ Пестеля [2]), а также и тѣмъ, что Давыдовъ не засталъ еще въ Петербургѣ Матвѣя Муравьева, который пріѣхалъ только въ іюнѣ мѣсяцѣ того года, и, наконецъ, тѣмъ, что Давыдовъ велъ переговоры съ Никитой Муравьевымъ и частью съ Тургеневымъ и, слѣдовательно, кн. Оболенскій тогда еще не былъ членомъ Думы.

Пестель вручилъ Давыдову „предлинное письмо“ къ Никитѣ Муравьеву, „въ которомъ оспаривалъ разные

[1]) Никита Муравьевъ, „Мемуары декабристовъ“, в. I, стр. 51.
[2]) „Былое“, 1906, мартъ, 228.

пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей“ [1]). Замѣтимъ между прочимъ, что приведенное свидѣтельство Пестеля еще разъ подтверждаетъ нашу мысль о предшествующихъ сношеніяхъ Пестеля съ Никитой Муравьевымъ, такъ какъ оказывается, что Пестелю была уже извѣстна конституція Никиты Муравьева, и Пестель уже написалъ на нее критику. Съ этимъ письмомъ Давыдовъ явился въ Петербургъ. Давыдовъ всего одинъ разъ какъ-то встрѣчался съ Никитой Муравьевымъ, и послѣдній едва узналъ Давыдова, когда онъ къ нему явился. Въ первый разъ разговоръ былъ „неопредѣлительный“. Во второе посѣщеніе Давыдовымъ Муравьева послѣдній старался убѣрить своего собесѣдника въ постоянствѣ своихъ намѣреній, въ своихъ стараніяхъ распространять кругъ дѣйствій Общества, но жаловался на то, что мало находится людей, готовыхъ примкнуть къ Обществу. Потомъ онъ вдругъ обратился къ своей конституціи, началъ ее читать Давыдову и убѣждать его въ превосходствѣ своей политической теоріи сравнительно съ Пестелевой. „Я ничего почти не говорилъ и слушалъ, хотя видѣлъ, что его цѣль не согласна съ цѣлью Пестеля“, разсказываетъ Давыдовъ. Получилась такимъ образомъ довольно странная конкуренція: вмѣсто отвѣта на предложенія Давыдова, Никита Муравьевъ дѣлаетъ попытку найти въ Давыдовѣ своего послѣдователя, или, можетъ-быть, черезъ него даже воздѣйствовать на Южное Общество. Давыдовъ еще разъ былъ у Никиты Муравьева, засталъ тамъ Тургенева, но, по его завѣренію, разговоровъ объ Обществѣ въ тотъ вечеръ не было. Предъ отъѣздомъ Давыдова Муравьевъ зашелъ къ нему и вручилъ ему два пакета: одинъ съ письмомъ и съ текстомъ конституціи для Сергѣя Муравьева и другой—съ письмомъ къ Пестелю, заключавшимъ въ себѣ

---

1) „Былое“, тамъ же.

тѣ же общія завѣренія въ готовности содѣйствовать, которыя Муравьевъ устно передавалъ Давыдову [1]).

Итакъ, эти первыя сношенія Южнаго и Сѣвернаго Обществъ состояли пока въ академическомъ спорѣ между Пестелемъ и Муравьевымъ о превосходствѣ республики или конституціонной монархіи съ федеративнымъ устройствомъ. Съ внѣшней стороны поѣздка Давыдова была безрезультатна. Никита Муравьевъ ею готовъ былъ воспользоваться для цѣлей пропаганды своей излюбленной идеи. Между прочимъ замѣтимъ, что послѣдняя черта неоднократно сказывается въ сношеніяхъ Южнаго и Сѣвернаго Обществъ. Но была одна сторона, которая дѣлала поѣздку Давыдова весьма плодотворной. Легко догадаться, что Давыдовъ воспользовался ею для того, чтобы повидаться съ Поджіо. Оба они не говорятъ въ своихъ показаніяхъ объ этихъ своихъ сношеніяхъ. Но таковыя сношенія надо предполагать по направленію дальнѣйшей дѣятельности Поджіо. Вѣроятно, содѣйствіе Поджіо требовалось лишь въ дѣлѣ возбужденія петербургскихъ членовъ къ образованію Общества, возрожденіе котораго тогда еще не могло считаться совершившимся. Цѣлей Южнаго Общества Давыдовъ не открылъ Поджіо; это сдѣлалъ нѣсколько позже Матвѣй Муравьевъ. Замѣтимъ также, что тогда Поджіо считалъ себя членомъ Сѣвернаго Общества, будучи принятъ Никитой Муравьевымъ [2]), и только впослѣдствіи былъ принятъ Давыдовымъ въ томъ же 1823 году въ члены Южнаго Общества [3]).

---

[1]) Показанія Давыдова, стр. 58.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, стр. 200.

[3]) Обвинительный актъ Комиссіи относитъ это принятіе ко времени пребыванія Поджіо въ Кіевѣ въ 1823 году. Но гораздо вѣроятнѣе, что Поджіо былъ принятъ на контрактахъ 1824 года, когда онъ, дѣйствительно, здѣсь встрѣтился съ Давыдовымъ и когда онъ сдѣлался наиболѣе рѣшительнымъ прозелитомъ Южнаго Общества. Намъ представляется дѣло такъ, что Поджіо былъ пріобщенъ къ Южному Обществу Давыдо-

Впрочемъ, на югѣ, видимо, мало полагались на Поджіо, и Пестель нашелъ возможнымъ направить еще нѣкоторыхъ членовъ въ Петербургъ. Раннею весною того же года, именно въ маѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ появляется кн. Барятинскій.

Кн. Барятинскій ѣхалъ въ столицу при главнокомандующемъ, въ качествѣ адъютанта. Данныя Барятинскому порученія состояли въ слѣдующемъ: прежде всего Пестель писалъ черезъ него Никитѣ Муравьеву письмо, въ которомъ онъ, извѣщая о послѣднихъ предположеніяхъ Южнаго Общества, заключавшихся въ принятіи мысли о республикѣ и объ истребленіи царскаго семейства, требовалъ отъ Муравьева увѣдомленія объ успѣхахъ Сѣвернаго Общества по увеличенію его членовъ, о силѣ войска, на которое можно разсчитывать; Пестель также спрашивалъ: можно ли полагаться на преданность членовъ, когда Муравьевъ думаетъ быть достаточно сильнымъ, чтобы начать возстаніе, прибавляя, что полумѣры не дѣйствительны [1]). Кромѣ того, Пестель поручалъ Барятинскому о тѣхъ же вопросахъ лично поговорить съ Никитой Муравьевымъ; съ тѣми же вопросами кн. Барятинскій долженъ былъ обратиться къ остальнымъ членамъ Общества [2]). По изложенію самого кн. Барятинскаго, онъ долженъ былъ „упрекнуть Сѣверное Общество въ его бездѣйствіи, стараться дать имъ высокое понятіе о Южномъ Обществѣ и о его дѣятельности. Сказать имъ, что мы непремѣнно рѣшились дѣйствовать въ сей годъ и требовать отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта: могутъ ли и хотятъ ли содѣйствовать нашимъ усиліямъ; хотя и не намѣревалось Южное Обще-

---

вымъ или М. Муравьевымъ въ Петербургѣ, а къ числу бояръ былъ пріобщенъ въ 1824 г. уже въ Кіевѣ. Впрочемъ, это второстепенное обстоятельство, но важно лишь то, что съ этого момента въ лицѣ Поджіо южные члены нашли дѣятельнаго сотрудника въ Петербургѣ.

[1]) Показаніе Поджіо. „Мемуары декабристовъ“, стр. 200—201.

[2]) Показаніе кн. Барятинскаго, стр. 18 и 42.

ство начинать въ семъ году, но для того должно было имъ сіе сказать, чтобы возбудить въ нихъ болѣе дѣятельности". Надо замѣтить, что данныя Барятинскому порученія, равно и письмо Пестеля, были ему даны съ согласія всей Думы, т.-е. Юшневскаго, Давыдова и Волконскаго [1]). Кромѣ этихъ порученій, Давыдовъ черезъ него же передалъ письмо Поджіо, служившему тогда еще въ Петербургѣ, имѣвшее также цѣлью побудить къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ [2]).

Барятинскій въ Петербургѣ прежде всего посѣтилъ Никиту Муравьева. Предположенія Сѣвернаго Общества поразили Никиту Муравьева. Прочитавъ письмо Пестеля и выслушавъ сообщеніе кн. Барятинскаго, Муравьевъ воскликнулъ: „Ради Бога, не начинайте, ибо вы тамъ возстанете, а меня генералъ Гладковъ [3]) возьметъ и посадитъ!" [4]) Но этотъ отвѣтъ совершенно не удовлетворилъ Барятинскаго. Онъ отправился съ письмомъ Давыдова къ Поджіо. Оба встрѣтились впервые. Барятинскій просилъ Поджіо съѣздить и переговорить съ Никитой Муравьевымъ о томъ, что онъ думаетъ о письмѣ Пестеля и на что хочетъ рѣшиться.

Поджіо, дѣйствительно, отправился къ Муравьеву; тотъ прочелъ ему письмо Пестеля и сказалъ: „Вѣдь они Богъ вѣсть, что затѣяли, они всѣхъ хотятъ" (т.-е. истребить [5]). Однако Поджіо былъ человѣкомъ настойчивымъ и „пламеннымъ", когда дѣло касалось Общества. Онъ, очевидно, убѣдилъ Муравьева нѣсколько расширить

---

[1]) Показаніе кн. Барятинскаго, стр. 42. Что́ касается той части извѣщенія Южнаго Общества, которая касалась вопроса о республикѣ и объ истребленіи царствующаго дома, то это вытекаетъ изъ многихъ намековъ показанія. Самъ Барятинскій, охотно ссылавшійся на запамятованіе, далъ по этому вопросу не вполнѣ опредѣленное показаніе.

[2]) „Мемуары декабристовъ", в. I, стр. 200; показаніе Давыдова, стр. 49 об.

[3]) Гладковъ—тогдашній начальникъ полиціи въ Петербургѣ.

[4]) Показанія кн. Барятинскаго, стр. 42.

[5]) „Мемуары декабристовъ", в. I, стр. 201.

дѣятельность Общества. Это свиданіе Муравьева и Поджіо имѣло своимъ результатомъ свиданіе всѣхъ троихъ въ Лѣтнемъ саду. Князь Барятинскій и въ этотъ разъ настаивалъ на полученіи рѣшительнаго отвѣта. Муравьевъ отказывался тѣмъ, что гвардейскіе офицеры „только думаютъ, какъ на балахъ веселиться, а совсѣмъ не склонны къ тому, чтобы быть членами Общества". Барятинскій возражалъ, „что это невозможно, ибо вѣрно онъ всѣхъ гвардейскихъ офицеровъ не знаетъ и не можетъ рѣшить, чтобы не было между ними способныхъ для Общества". Въ концѣ-концовъ, Муравьевъ заявилъ: „Впрочемъ, мы начнемъ дѣйствовать, но только пропагандою" [1]).

Барятинскій вообще очень ревностно дѣйствовалъ въ Петербургѣ. Въ доказательство того, что среди гвардейскихъ офицеровъ нетрудно найти членовъ для Общества, Барятинскій принялъ двухъ—именно Поливанова и Вадковскаго, присоединивъ ихъ къ Южному Обществу, чѣмъ былъ весьма недоволенъ Муравьевъ. Принимая Вадковскаго, онъ сказалъ Поджіо: „У него рука не дрогнетъ; это намъ нужно".

На это Поджіо ему отвѣтилъ фразой, которая весьма характеризуетъ способъ дѣйствій Муравьева: „Муравьевъ ищетъ все толкователей Бентама, а намъ дѣйствовать не перьями" [2]). Дѣйствительно, Муравьевъ болѣе увлекался научными занятіями и составленіемъ своей конституціи, чѣмъ практической дѣятельностью по увеличенію числа членовъ и по ихъ подготовкѣ къ революціи. Барятинскій видѣлся также съ Шиповымъ и нѣкоторыми другими, но, повидимому, серьезныхъ разговоровъ съ ними не велъ. Незадолго до отъѣзда кн. Барятинскаго изъ Петербурга туда пріѣхалъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

1) „Мемуары декабристовъ", в. I, стр. 201, показаніе Барятинскаго, стр. 42.

2) Тамъ же.

Впервые съ нимъ встрѣтился Барятинскій въ послѣднее свое посѣщеніе Муравьева. Въ этотъ разъ Муравьевъ, повидимому, желая казаться болѣе дѣятельнымъ, „оправдывался насчетъ малой своей дѣятельности“. Тогда же онъ читалъ обоимъ собесѣдникамъ проектъ своей конституціи [1]). Наконецъ передъ самымъ отъѣздомъ Барятинскій побывалъ еще у Матвѣя Муравьева. Послѣдній весьма сѣтовалъ на то, что „Никита и другіе члены все умствуютъ и ничего не дѣлаютъ“. Въ свою очередь и Барятинскій жаловался на Никиту Муравьева на то, что послѣдній „отклоняется и ему рѣшительно не отвѣчаетъ“ [2]).

Пріѣздъ кн. Барятинскаго и сдѣланныя имъ сообщенія произвели на членовъ Сѣвернаго Общества сильное впечатлѣніе и притомъ неблагопріятное планамъ Южнаго Общества. Братъ Никиты, Александръ, говорилъ по этому поводу Матвѣю Муравьеву: „Южная Управа съ ума сошла. Она сама не знаетъ, что затѣваетъ [3]). Результаты поѣздки кн. Барятинскаго были не богаты. Никита Муравьевъ поручилъ ему передать Южной Управѣ, что въ Сѣверномъ Обществѣ членовъ очень мало, что на гвардейскихъ офицеровъ надежда плохая, но что на маневрахъ Никита Муравьевъ постарается ихъ обрабатывать для Общества [4]). Вѣроятно, въ томъ же духѣ было написано и письмо Муравьева къ Пестелю. Поджіо отвѣчалъ Давыдову болѣе утѣшительно, обѣщая ему всевозможное содѣйствіе съ своей стороны [5]).

Мы уже видѣли, что еще до отъѣзда изъ Петербурга кн. Барятинскаго здѣсь появляется Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. По словамъ Пестеля, данное Матвѣю Муравьеву поручение состояло „въ содержаніи связи между

---

[1]) Показаніе кн. Барятинскаго, стр. 42, об.
[2]) Тамъ же и показаніе Матвѣя Муравьева.
[3]) Показаніе Матвѣя Муравьева.
[4]) Показаніе кн. Барятинскаго, стр. 43, об.
[5]) „Мемуары декабристовъ“, стр. 201.

Южнымъ и Сѣвернымъ округами, въ совмѣстномъ дѣйствіи и пріобрѣтенія членовъ“ [1]). Матвѣй Муравьевъ въ то время вышелъ въ отставку и, по его словамъ, получилъ черезъ брата Сергѣя порученіе тогда же отправиться въ Петербургъ и „стараться Южное и Сѣверное Общества соединить и подчинить одной власти“. Такимъ образомъ Матвѣй Муравьевъ нарочито отправился въ Петербургъ для дѣятельности въ духѣ Южнаго Общества и жилъ тамъ съ этою цѣлью болѣе года. Матвѣй Муравьевъ представляетъ собой весьма любопытную личность. Это былъ человѣкъ мягкій, добрый и вѣчно колебавшійся. Въ тюрьмѣ онъ былъ убитъ горемъ, одной изъ причинъ котораго было сознаніе, что онъ является причиной гибели двухъ своихъ младшихъ братьевъ, Сергѣя и Ипполита. Но въ дѣйствительности онъ находился подъ постояннымъ вліяніемъ своего младшаго брата Сергѣя. Матвѣй Муравьевъ постоянно колебался между Южнымъ и Сѣвернымъ Обществами. То онъ строилъ планы покушенія на жизнь государя, то вдругъ пишетъ своему брату Сергѣю письмо и представляетъ ему дѣла Общества въ совершенно безнадежномъ видѣ и въ мрачныхъ чертахъ представляетъ честолюбивые замыслы отдѣльныхъ его членовъ. И это письмо онъ пишетъ почти въ самый разгаръ своей дѣятельности въ цѣляхъ Общества. Такъ странно въ немъ сочетались и качества дѣятельнаго члена Общества и недовѣріе къ его успѣхамъ и даже къ поставленной имъ цѣли. М. Муравьевъ былъ постояннымъ Гермесомъ Южнаго Общества, много хлопоталъ, пользовался любовью сочленовъ, но вліянія не имѣлъ и на свои силы не надѣялся.

Когда онъ въ Петербургѣ явился въ первый разъ къ Никитѣ Муравьеву, то онъ сначала заявилъ ему, что „я въ полномъ его расположеніи; я съ нимъ говорилъ до-

---

[1]) „Былое“, мартъ, 230.

вольно откровенно на счетъ Южнаго Общества", т.-е., очевидно, въ неодобрительномъ духѣ. И потомъ онъ снова сталъ дѣйствовать въ цѣляхъ Южнаго Общества [1]). Матвѣй Муравьевъ засталъ Сѣверное Общество „въ совершенномъ разстройствѣ"; по его наблюденіямъ, Никита Муравьевъ и Трубецкой „совсѣмъ отклонились отъ онаго", а Тургеневъ „потерялъ всякую надежду".

Итакъ, Южное Общество имѣло теперь въ Петербургѣ двухъ „ходоковъ". Но Матвѣй Муравьевъ дѣйствовалъ пока очень слабо. Нельзя того же сказать о Поджіо, на котораго, повидимому, менѣе всего разсчитывали южные члены. Когда началось лѣто и войска выступили въ лагери, Поджіо имѣлъ частыя свиданія съ Никитой Муравьевымъ на одной бумажной фабрикѣ, и тутъ они много толковали о дѣлахъ Общества. Однажды Муравьевъ вручилъ Поджіо литографированный листъ съ изложеніемъ правилъ Союза Благоденствія и просилъ его составить новыя правила для Общества. Тутъ же Муравьевъ предлагалъ Поджіо внести въ правила выработанныя ими сообща условія пріема членовъ [2]). Данныя Муравьевымъ правила были, очевидно, или правила второй части Союза Благоденствія или, можетъ-быть, переработка этихъ правилъ, сдѣланная на съѣздѣ въ Москвѣ. Эти переговоры были шагомъ впередъ въ дальнѣйшемъ развитіи Сѣвернаго Общества. Но пока все это были приготовленія. Неизвѣстно, какъ дальше пошло бы дѣло, если бы южные члены вновь не появились въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что раннею осенью 1823 года въ Петербургѣ появляется кн. Волконскій и Давыдовъ.

По словамъ перваго изъ нихъ, Южная Управа по безрезультатной поѣздкѣ Барятинскаго „обратилась къ нему и Давыдову, и они были прошены именемъ Управы сперва

---

[1]) Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

[2]) „Мемуары декабристовъ", 201.

ѣхать въ Москву, чтобъ тамъ сдѣлать розыски и открытіе полагаемаго Общества и потомъ въ Петербургъ для предложенія Муравьеву взойти въ переговоры и, будетъ возможно, заключить союзъ обоихъ Обществъ". Надо замѣтить, что поѣздка Давыдова и Волконскаго относится именно къ ранней осени 1823 года, что можно заключить изъ того обстоятельства, что оба они вели переговоры съ Никитой Муравьевымъ и, слѣдовательно, Оболенскій тогда не былъ еще членомъ Сѣверной Управы.

До Москвы Волконскій и Давыдовъ доѣхали вмѣстѣ. Послѣдній остался здѣсь въ поискахъ предполагаемаго Общества, а Волконскій направился въ Петербургъ, гдѣ онъ немедленно вступилъ въ переговоры съ Никитой Муравьевымъ. Однако послѣдній далъ ему понять, что „соединеніе обществъ не въ его намѣреніяхъ, что онъ во многомъ имѣетъ противныя мысли Пестелю". Наконецъ Муравьевъ указывалъ на то, что въ Петербургѣ наблюденіе полиціи мѣшаетъ дѣятельному распространенію Общества [1]).

Вскорѣ въ Петербургѣ появился и Давыдовъ. Онъ привезъ съ собою, кромѣ письма Пестеля къ Муравьеву, и копію „Русской Правды" Пестеля (конечно, сокращенную), которую въ дорогѣ хранилъ на своей груди. Наиболѣе интересно общее собесѣдованіе, которое имѣли оба депутата съ Муравьевымъ. Послѣдній сначала повторилъ тѣ же соображенія, которыя онъ высказывалъ кн. Волконскому. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы Пестель самъ пріѣхалъ для детальныхъ переговоровъ. Оба южные депутата, между тѣмъ, предлагали выработать соглашеніе общихъ дѣйствій обоихъ Обществъ, „а наипаче о соглашеніи *на одну цѣль* нѣкоторыми уступками съ обѣихъ сторонъ". Шла тутъ рѣчь и о будущемъ государственномъ устройствѣ; наиболѣе говорили

[1]) Показанія кн. Волконскаго, стр. 28.

о „фаворитной мысли“ Пестеля о составленіи волостей и объ отдачѣ крестьянамъ половины или, по крайней мѣрѣ, значительной части помѣщичьей земли; говорилось также о способахъ избранія въ палату представителей. Никита Муравьевъ читалъ собесѣдникамъ нѣкоторыя мѣста своей конституціи. По словамъ Давыдова, весь этотъ разговоръ „кончился ничѣмъ“. Впрочемъ, кн. Волконскій добавляетъ, что Муравьевъ заявилъ имъ о нѣкоторыхъ успѣхахъ Сѣверпаго Общества и назвалъ вновь принятыхъ членовъ: кн. Бѣлосельскаго, Щербатова, Уварова, Поливанова и Вадковскаго (послѣдніе двое — тѣ самые, которые были приняты Барятинскимъ въ Южное Общество [1]).

Кромѣ этого общаго совѣщанія, Давыдовъ имѣлъ съ Муравьевымъ еще одно собесѣдованіе, посвященное вопросамъ о преобразованіи правительства и планѣ дѣйствій Общества. Было условлено, что Давыдовъ запишетъ вопросы, и на нихъ будетъ давать свой отвѣтъ Муравьевъ. Давыдовъ пріѣхалъ и „привезъ на клочкѣ (бумаги) вышеупомянутые предметы для памяти“, но, по его словамъ, диспута у нихъ по этимъ вопросамъ не было. По словамъ же Муравьева, разговоръ начался, но вскорѣ оборвался. Первый вопросъ былъ объ освобожденіи крестьянъ. Выслушавъ разборъ этого вопроса, сдѣланный Муравьевымъ, Давыдовъ, будто бы, сказалъ: „Вы судите справедливо, я самъ этого мнѣнія, но у насъ такъ положено и этого перемѣнить нельзя“ [2]).

Давыдовъ и Волконскій повидались еще кое съ кѣмъ изъ петербургскихъ членовъ. Такъ Волконскій имѣлъ свиданіе съ полковникомъ Митьковымъ, который высказывался въ столь же осторожномъ духѣ, какъ и Никита Муравьевъ. Затѣмъ онъ видѣлся, конечно, съ Матвѣемъ

---

[1]) Показанія кн. Волконскаго, тамъ же. Показанія Давыдова, стр. 59.

[2]) Показанія Давыдова, тамъ же. Показанія Муравьева въ „Мемуарахъ декабристовъ“, ст. 57.

Муравьевымъ, и послѣдній жаловался ему на несогласія и бездѣятельность въ Сѣверномъ Обществѣ [1]). Давыдовъ видѣлся нѣсколько разъ также съ Матвѣемъ Муравьевымъ и съ кн. Трубецкимъ, но эти свиданія не прибавили ничего новаго. Рѣчи князя Трубецкого были „въ смыслѣ Никиты Муравьева“, и даже Матвѣй Муравьевъ показался ему довольно умѣреннымъ, хотя и проявлялъ больше ревности къ дѣламъ Общества [2]).

Такъ оба депутата Южнаго Общества выѣхали изъ Петербурга безъ особенныхъ результатовъ. Отвѣтъ Никиты Муравьева Пестелю былъ переданъ черезъ кн. Волконскаго и этимъ отвѣтомъ „Пестель былъ недоволенъ очень“ [3]). Никакого Общества въ Москвѣ Давыдову открыть не удалось. На обратномъ пути онъ также еще разъ заѣхалъ въ Москву. Оба члена были въ Петербургѣ около того времени, когда уже стало складываться Сѣверное Общество.

Оба южные члена не имѣли особенныхъ результатовъ своей поѣздки, съ точки зрѣнія цѣлей Южнаго Общества. Но ихъ поѣздка, несомнѣнно, находится въ непосредственной связи съ возрожденіемъ дѣятельности Сѣвернаго Общества. Настоянія южныхъ членовъ были настолько внушительны, планы ихъ были настолько смѣлы и такъ противорѣчили умѣреннымъ взглядамъ руководителей Сѣвернаго Общества, что послѣдніе готовы были вѣрить въ возможность скорой революціи и водворенія въ Россіи республики. Такого переворота на сѣверѣ опасались и готовы были ускорить переворотъ и провести излюбленныя здѣсь идеи: и при малыхъ силахъ у нихъ была болѣе удобная позиція, чѣмъ у южныхъ членовъ. Пестеля въ Петербургѣ побаивались, не любили и считали его всесильнымъ. Кн. Трубецкой въ своихъ показаніяхъ довольно наивно увѣряетъ, что

---

[1]) Показанія кн. Волконскаго, тамъ же.

[2]) Показаніе Давыдова, тамъ же.

[3]) Показаніе Давыдова.

когда сдѣлалось извѣстнымъ о возможности пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, то Муравьевъ, увидѣвшись съ прежде бывшими членами Общества, полагали, что „необходимо надобно для узнанія мыслей и состоянія Общества Пестеля показать ему что-нибудь здѣсь образованное и составилъ здѣсь Управу“. Трубецкой не разъ настаиваетъ на томъ, что такова именно была первоначальная мысль его и Муравьева. Разбирая цѣли Южнаго Общества, Муравьевъ убѣждалъ Трубецкого въ томъ, „что по сему случаю непремѣнно нужно имѣть здѣсь, въ С.-Петербургѣ, Общество, хотя въ маломъ числѣ членовъ, для того, чтобъ члены Южнаго Общества не могли здѣсь распространять свое Общество, какъ то они уже начали дѣлать, ни своего образа мыслей; я съ нимъ въ этомъ согласился“ [1]). Всѣ эти увѣренія можно было бы почесть за наивное желаніе сыскать благосклонность Слѣдственной Комиссіи. Но въ дѣйствительности нѣчто подобное было. Между главами Южнаго и Сѣвернаго Обществъ началось соревнованіе. Никита Муравьевъ никому изъ членовъ Сѣвернаго Общества не показалъ конституціи Пестеля, чѣмъ былъ весьма недоволенъ Пестель [2]). Онъ же препятствовалъ вербовкѣ членами Южнаго Общества членовъ въ Петербургѣ. Какъ уже приходилось говорить, кн. Барятинскій принялъ Вадковскаго и Поливанова, и объ этомъ фактѣ онъ, между прочимъ, говоритъ въ своихъ показаніяхъ: „Раздраженный симъ Муравьевъ мнѣ сіе никогда не простилъ и послѣ моего отъѣзда увѣрялъ (какъ я сіе послѣ узналъ отъ Пестеля) Вадковскаго и Поливанова, что я ихъ не имѣлъ права принимать, и снова они были переприиняты, что меня крайне оскорбило“ [3]). И, дѣйствительно, впослѣдствіи оба были приняты Муравьевымъ въ члены Сѣвернаго Общества.

[1]) Показанія кн. Трубецкого, стр. 14 и 119.
[2]) Показанія Матвѣя Муравьева.
[3]) Показанія кн. Барятинскаго, стр. 42 об.

Итакъ, руководители Сѣвернаго Общества рѣшили приступить къ его организаціи. Если въ этомъ и играло нѣкоторую роль различіе взглядовъ руководителей обоихъ Обществъ или даже соревнованіе, то, независимо отъ этого, настоянія южныхъ членовъ, ихъ побужденія къ дѣйствію играли въ этомъ дѣлѣ важнѣйшую роль. Не забудемъ, что одновременно съ пріѣздами южныхъ членовъ въ Петербургъ подъ ихъ вліяніемъ дѣйствовали Поджіо и Матвѣй Муравьевъ, который тогда занялъ нѣсколько странную позицію и по непрочности своихъ убѣжденій склонялся къ Сѣверному Обществу. Оба они дѣйствовали на Никиту Муравьева независимо одинъ отъ другого, такъ какъ даже не были другъ съ другомъ знакомы. Мы знаемъ уже, что Поджіо подготовлялъ свой проектъ устава Сѣвернаго Общества. Весьма освѣдомленный М. Муравьевъ прямо говоритъ, что первое организаціонное собраніе Сѣвернаго Общества составилось, потому что „Сѣверная Управа, по убѣжденію Южнаго Общества, рѣшилась опять возобновить свои дѣйствія“ [1]).

Въ октябрѣ 1823 года, въ 10 час. вечера, въ квартирѣ Пущина состоялось первое организаціонное засѣданіе. Здѣсь были: Николай Тургеневъ, Нарышкинъ, кн. Оболенскій, Митьковъ, Матвѣй Муравьевъ, Бригенъ, Никита Муравьевъ, Поджіо и самъ Пущинъ. Надо замѣтить, что организаціонныхъ засѣданій было не одно, а два: первое собралось въ квартирѣ Пущина, а второе — въ квартирѣ Митькова. Въ показаніяхъ участниковъ, оба засѣданія часто сливаются въ одно, что и понятно, такъ какъ показывающіе излагаютъ ходъ организаціи. Но показанія Митькова даютъ возможность расчленить оба собранія. Второе собраніе отличалось отъ перваго по составу присутствующихъ тѣмъ, что на немъ уже въ первый разъ былъ Рылѣевъ. Кажется, есть возможность расчле-

---

[1]) Показанія М. Муравьева.

нить и вопросы, которые подымались на томъ и другомъ засѣданіи. Итакъ, переходимъ къ первому засѣданію, бывшему въ квартирѣ Пущина.

Оно началось заявленіемъ Никиты Муравьева, „что Южное Общество требуетъ отъ него невозможное, что оно думаетъ испугать Сѣверную Управу разсказами своихъ дѣйствій, но что Петербургъ не провинція и что надобно имѣть большую осторожность“. Затѣмъ Поджіо читалъ свой проектъ устава Общества, но онъ не былъ принятъ. Тургеневъ при этомъ сказалъ: „Это почти то же, что и Благоденствіе“. Во всякомъ случаѣ рѣшено было, по примѣру Южнаго Общества, выбрать трехъ директоровъ. Между прочимъ замѣтимъ, что и въ фактѣ избранія не одного директора, а трехъ, сказалось вліяніе членовъ Южнаго Общества. Изъ признаній Матвѣя Муравьева и Поджіо видно, что среди нихъ не разъ велись разговоры о необходимости низложенія Никиты Муравьева, медлительность и нерѣшительность котораго были причиною малаго „рвенія“ въ Обществѣ. Очевидно, теперь пока остановились на мысли ослабить вліяніе Муравьева избраніемъ ему сотоварищей. Сначала единогласно былъ выбранъ Тургеневъ, но онъ отказался, ссылаясь на свои занятія и на то, что „ужъ столь былъ неудаченъ въ правленіи, что не хочетъ болѣе того, но что отъ Общества не отклоняется“; онъ указывалъ также на свое намѣреніе ѣхать въ скоромъ времени за границу. „Ему упрекнули всѣ въ семъ отказѣ“. Тогда избраны были: Никита Муравьевъ, князь Оболенскій и князь Трубецкой, котораго въ этомъ засѣданіи не было. Тутъ уже оба директора условились, что директоры будутъ видѣться одинъ разъ въ недѣлю и что безъ согласія директора члены не должны принимать новыхъ членовъ. Наконецъ каждый изъ присутствующихъ назвалъ членовъ, которыхъ онъ предлагаетъ принять. Поджіо назвалъ Валеріана Голицына, Пущинъ — Рылѣева, заявивъ, что съ нимъ присоединится

какое-то морское общество, членомъ котораго состоитъ Рылѣевъ. Предложенія эти всѣми были одобрены.

Послѣ этой организаціонной части засѣданія приступили къ вопросу о занятіяхъ членовъ. Новые директоры просили членовъ, чтобы каждый изъ нихъ взялъ себѣ какое-нибудь занятіе. Въ этомъ предложеніи хорошо обрисовывается Никита Муравьевъ, болѣе академикъ, чѣмъ заговорщикъ. Самъ онъ обѣщалъ представить планъ своей конституціи съ тѣмъ, чтобы по прочтеніи его члены сдѣлали свои замѣчанія. Тургеневъ обѣщалъ написать о судѣ присяжныхъ, Оболенскій — объ обязанностяхъ гражданина, а Матвѣй Муравьевъ обѣщалъ переписать конституцію Никиты Муравьева и послать ее въ Южную Управу, что онъ впослѣдствіи и сдѣлалъ черезъ Поджіо. Тутъ же Митьковъ говорилъ, „что надобно поставить обязанностью членамъ Общества говорить о свободѣ крестьянъ, что, бывши въ деревнѣ недавно, онъ это дѣлалъ и видѣлъ что сіи разговоры производятъ большое дѣйствіе на слушателей“. На этихъ предположеніяхъ кончилось это первое засѣданіе [1]).

Послѣ этого перваго засѣданія дѣятельность Общества въ значительной мѣрѣ оживилась; собранія членовъ бывали довольно часто. Впослѣдствіи мы познакомимся съ характеромъ этихъ собраній, а также увидимъ, что въ этомъ оживленіи Сѣвернаго Общества первое время большую роль играли Матвѣй Муравьевъ и Поджіо, пока одухотвореніе Общества не перешло къ Рылѣеву. Но теперь остановимся собственно на организаціи Общества. Мы только что видѣли, что проектъ Поджіо не прошелъ. Между тѣмъ оказывается, члены не оставили мысли написать уставъ Общества. Такой уставъ и былъ написанъ. Онъ былъ представленъ

---

[1]) Показанія Матвѣя Муравьева-Апостола; показанія Митькова отъ 19 апрѣля 1826 года, стр. 20; показанія кн. Оболенскаго, стр. 7; разсказъ Поджіо въ „Мемуарахъ декабристовъ“, в. I, стр. 201—202.

авторомъ его, Тургеневымъ, нѣсколько засѣданій спустя послѣ только что описаннаго. Можно даже догадываться, что это совѣщаніе, о которомъ сейчасъ будетъ итти рѣчь, было послѣ отъѣзда Поджіо изъ Петербурга (въ самомъ началѣ 1824 года), потому что Поджіо не присутствовалъ на засѣданіи и совсѣмъ не знаетъ объ уставѣ. Такимъ образомъ, хотя уставъ былъ окончательно принятъ нѣсколько позже описываемыхъ событій, мы все-таки здѣсь съ нимъ познакомимся, такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ непосредственную связь съ самымъ фактомъ зарожденія Общества, а также и для того, чтобы впослѣдствіи не прерывать разсказа о жизни Сѣвернаго Общества.

Собраніе, о которомъ идетъ рѣчь, происходило въ квартирѣ Митькова. Здѣсь Тургеневъ читалъ проектъ правилъ, составленный имъ. Николай Тургеневъ читалъ предложеніе, разсказываетъ М.' Муравьевъ, которое онъ сдѣлалъ для составленія Общества. Онъ раздѣлялъ членовъ на два разряда: первый разрядъ могъ принимать членовъ, а второй— нѣтъ. Впрочемъ, ничего не было „замѣчательнаго въ семъ предложеніи“ [1]). Митьковъ также сообщаетъ нѣкоторыя особенности этихъ правилъ, насколько память его ихъ сохранила [2]). Здѣсь необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Комиссіей не было найдено писаннаго устава Сѣвернаго Общества. На слѣдствіи немногіе изъ членовъ знаютъ о томъ, что уставъ былъ написанъ. Тѣмъ не менѣе существовали правила, опредѣлявшія организацію Общества; съ ними мы сейчасъ познакомимся. Отсюда надо сдѣлать простое предположеніе, что правила эти были составлены и, такъ какъ они были очень не сложны, то самый уставъ былъ уничтоженъ. Очень точное воспроизведеніе этихъ правилъ даетъ, напримѣръ, Александръ Бестужевъ,

---

[1]) Показанія Матвѣя Муравьева.

[2]) Показанія Митькова, стр. 10 об.

вступившій позже въ Общество и гораздо позже принявшій въ немъ близкое участіе.

Теперь познакомимся съ организаціей Сѣвернаго Общества.

Члены Общества дѣлятся на *два круга*. Первый кругъ состоитъ изъ основателей Общества и членовъ, ими избранныхъ. Этотъ кругъ составляетъ *Думу*, иногда называвшеюся Верхнею. Число членовъ этого круга неопредѣленно, смотря по тому, сколько находится подходящихъ для него людей. Эти члены избираютъ изъ своей среды 3 *распорядителей* или *директоровъ*. Сначала они были безсмѣнны, но впослѣдствіи, по настоянію Рылѣева, рѣшено ежегодно перезбирать одного изъ директоровъ. На обязанности директоріи лежатъ сношенія съ отсутствующими членами, денежные сборы и расходы ихъ на нужды Общества, затѣмъ всякаго рода текущія дѣла [1]). Примѣромъ своей дѣятельности директоры ободряютъ „лѣнивыхъ“ и подыскиваютъ но-

---

[1]) Относительно денежныхъ сборовъ Оболенскій сообщаетъ, что всего „въ теченіе восьми лѣтъ“ (онъ считаетъ отъ основанія Союза Благоденствія) было собрано около десяти или одиннадцати тысячъ рублей (показанія кн. Оболенскаго, стр. 8). Никита Муравьевъ сообщаетъ, что Сѣверное Общество собрало за время своего отдѣльнаго существованія около шести тысячъ рублей (показанія Никиты Муравьева, стр. 11). Князь Трубецкой даетъ болѣе подробную справку. На рукахъ у Никиты Муравьева послѣ закрытія Союза Благоденствія осталось до трехъ тысячъ рублей, отданныхъ взаемъ Сергѣю Муравьеву. Послѣдній возвратилъ свой долгъ, передавъ деньги кн. Трубецкому. Часть денегъ была отдана въ пособіе училищу взаимнаго обученія, часть осталась до момента возобновленія Сѣвернаго Общества, и тогда было еще собрано, по словамъ Трубецкого, тысяча или тысяча двѣсти рублей. Общество расходовало эти деньги на слѣдующія надобности: Пущину при отправленіи его въ Москву дано было шестьсотъ рублей, Никитѣ Муравьеву было уплачено столько же за литографскій станокъ, купленный Михаломъ Лунинымъ. Впрочемъ, Трубецкой считалъ, что вся сумма числится за нимъ, такъ какъ произведенные имъ расходы онъ долженъ принять на свой счетъ; Трубецкой за собой считалъ до пяти тысячъ рублей (показаніе кн. Трубецкого, стр. 48—49).

выхъ членовъ. Они же созываютъ Думу для общихъ рѣшеній. Одно время предполагалось, по словамъ Нарышкина, образовать такія управы изъ одного члена перваго круга и изъ четырехъ или пяти—второго круга; посредствомъ перваго члена такая Управа могла бы сноситься съ Думой. Подобнаго рода Управу можно, дѣйствительно, видѣть въ томъ кружкѣ моряковъ, который группировался около Рылѣева. По словамъ того же Нарышкина, Пущину было поручено, какъ живущему постоянно въ Москвѣ, „производить сношенія съ Совѣтомъ“, т.-е., очевидно, отъ имени мѣстнаго отдѣла; у него же „находилось изложенное въ нѣсколькихъ строкахъ положеніе или образованіе Общества“.

На обязанности Верхней Думы лежало давать отчетъ каждые полгода всему Союзу о своихъ дѣйствіяхъ и вообще о состояніи Общества. Но это правило не было соблюдаемо.

Члены Общества дѣлились, какъ мы уже сказали, на два круга. Первый носилъ названіе „убѣжденныхъ“, второй—„согласныхъ“ или „соединенныхъ“. Права убѣжденныхъ членовъ состояли въ слѣдующемъ: 1) въ выборѣ членовъ въ Думу, 2) въ принятіи новыхъ членовъ въ Общество, 3) въ полученіи и требованіи отчета отъ Думы и дѣйствіяхъ ея и вообще о состояніи Общества, 4) безъ согласія всѣхъ членовъ союза убѣжденныхъ никакія рѣшительныя мѣры Думою не могли быть предпринимаемы („сіе подразумѣвалось единственно о членахъ, присутствующихъ въ городѣ“), 5) изъ союза согласныхъ въ союзъ убѣжденныхъ не иначе можно было вступать, какъ по согласію членовъ союза убѣжденныхъ. По мнѣнію кн. Оболенскаго, пріемъ новаго члена въ число убѣжденныхъ происходилъ съ согласія общаго собранія, хотя это правило рѣдко соблюдалось. Условія пріема были слѣдующія: „честное слово не открывать, что будетъ ему сказано, не любопытствовать о тѣхъ, кто еще члены, хотя бы и подозрѣвалъ кого, и, наконецъ, пови-

новеніе безусловное къ принявшему. „Къ выбору новыхъ членовъ относились съ большою осторожностью“. Правила для пріема были слѣдующія, говоритъ Александръ Бестужевъ: „во-первыхъ, изслѣдовать жизнь того, на кого мѣтятъ. Всѣ люди, преданные игрѣ, вину и женщинамъ, исключались безъ вопроса. Членъ долженъ былъ быть не запятнанъ ни однимъ подлымъ поступкомъ, дознаннаго безкорыстія, твердаго характера, если можно храбръ (на войнѣ или на поединкѣ) и даже крѣпкаго здоровья, чтобы могъ служить Обществу, не струсивъ, и не измѣнить ему, когда попадется“. Существовали даже извѣстнаго рода пріемы, при помощи которыхъ рекомендовалось узнавать образъ мыслей предполагаемыхъ къ принятію въ члены,—„начинать противорѣчить, и когда тотъ разгорячится, то и видѣть образъ его мыслей“ [1]). Рекомендовалось также къ „разсудительнымъ“ обращаться съ доказательствами, а людямъ пылкимъ открывать блестящую картину будущаго, людямъ часто-любивымъ „оставлять надежду, какъ они будутъ славны, а людямъ требующимъ руководителей уже съ именемъ, не обманывая намекать, что тутъ есть люди“. Принять въ члены значило показать новопринятому механизмъ Общества и позволить избирать самому.

Что касается цѣли Общества и плановъ ея исполненія, то рекомендовалось не сразу открывать то и другое вновь принимаемымъ; не всѣмъ говорилось одно и то же, но примѣнялись къ характеру образованности и образу мыслей. „Неосторожныхъ болтуновъ и головорѣзовъ“ совсѣмъ не принимали.

Изложенныя правила примѣнялись при избраніи всѣхъ членовъ. Члены, принадлежавшіе къ кругу убѣжденныхъ, имѣли возможность общенія между собою, будучи созы-

---

[1]) Этотъ пріемъ, дѣйствительно, практиковался, что можно видѣть по спору полковника Булатова съ молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ. „Мемуары декабристовъ“, в. I, стр. 222.

ваемы на общее собраніе. Но при частныхъ сношеніяхъ членовъ другъ съ другомъ каждый обращался только къ тому члену, который его принялъ, а если это было нужно, то послѣдній передавалъ далѣе, и вопросъ или сообщеніе доходили до Думы. Члены изъ круга согласныхъ знали одного только члена, принявшаго ихъ; они не имѣли права принимать повыхъ членовъ. Если принявшій кого-нибудь членъ уѣзжалъ на долгое время, то онъ передавалъ своего „пріемыша“ своему же преемнику.

Письменныя сообщенія между членами строго воспрещались, равнымъ образомъ воспрещались всякаго рода наружные знаки для опознанія членовъ.

Такова внѣшняя схема образованія Общества. Интересенъ вопросъ, были ли при образованіи Общества поставлены какія-нибудь опредѣленныя его цѣли и планы ихъ выполненія. Плана дѣйствій, несомнѣнно, выработано не было, но цѣль была поставлена и притомъ въ очень общихъ выраженіяхъ. Митьковъ передаетъ ее такъ: „Старайся изыскивать средства къ измѣненію въ правительствѣ, о чемъ при принятіи новыхъ членовъ не объявлять. Подъ симъ послѣднимъ правиломъ разумѣть должно было „изыскивать средства къ полученію конституціи“, въ чемъ и состояла цѣль Общества. Почти въ такихъ же словахъ передаетъ цѣль Общества и Александръ Бестужевъ: „Цѣль сего Общества была распространять понятія о правахъ людей и со временемъ возстановить ихъ въ Россіи“.

Это были первыя осторожныя начертанія цѣли Сѣвернаго Общества. Плана дѣйствій оно, дѣйствительно, не выработало до самаго момента начала революціи. Мы впослѣдствіи увидимъ, какую форму принимала мысль о конституціи въ умахъ руководителей Общества. Теперь только приведемъ еще одинъ фактъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ. Члены Общества имѣли къ нему различное отношеніе,—близкое и отдаленное. Спра-

шивается, въ какую схему укладывалось представленіе объ Обществѣ и его цѣляхъ у тѣхъ членовъ, которые не принимали участія въ разработкѣ тѣхъ политическихъ основъ, которыхъ держалось Общество, — такихъ членовъ, которые принимали сообщаемое имъ, такъ сказать, къ свѣдѣнію и исполненію. Кирасирскій поручикъ Титовъ былъ принятъ Нарышкинымъ, когда цѣли Сѣвернаго Общества получили бо́льшую опредѣленность. Въ своемъ показаніи онъ сообщаетъ текстъ „артикуловъ", которые ему были сообщены и которые онъ сообщалъ другимъ. Приведемъ эти артикулы: „Артикулы, сообщенные мнѣ полковникомъ Нарышкинымъ и переданные моимъ пріемышамъ: 1) доставить государству конституцію, подобную Американскимъ Штатамъ; 2) освобожденіе рабовъ отъ крѣпости; 3) облегчать и улучшать участь крестьянъ крѣпостныхъ, сколько возможно; 4) обращаться съ подчиненными, сколько можно человѣколюбивѣе; 5) съ начальниками быть почтительному, не позволяя себѣ выскочекъ; такъ же исполнительному по службѣ, сколько можно; 6) когда будетъ приказано, итти со своею командою туда, куда будетъ приказано; 7) жертвовать двадцатою долею годовыхъ доходовъ; 8) писаннаго ничего не имѣть, сообщаться не иначе, какъ изустно и то въ своей Управѣ; 9) людей безъ способностей не вербовать, а порождать въ нихъ соучастіе; 10) женщины могутъ дѣйствовать". Эти „артикулы" чрезвычайно любопытны: они дополняютъ для насъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются другими о цѣляхъ Общества. Оказывается, что на ряду съ политическими цѣлями членами преобразованнаго Общества не были оставлены и цѣли общественныя, какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, человѣколюбивое отношеніе къ подчиненнымъ и т. п. Это болѣе сжатыя и конкретныя правила Союза Благоденствія,—черта въ высшей степени любопытная. Если сопоставить всю вновь принятую организацію Общества и принятыя въ немъ правила для чле-

новъ, то нетрудно замѣтить, что въ Сѣверномъ Обществѣ мы имѣемъ простое перерожденіе Союза Благоденствія, — выводъ, на который намъ приходилось уже указывать и на основаніи другихъ данныхъ [1]).

Такъ какъ это вопросъ очень важный, то мы подтвердимъ сказанное еще нѣсколькими фактами. Не отъ одного Титова при принятіи въ члены требовалась не только политическая дѣятельность въ извѣстномъ направленіи. Николай Бестужевъ, принятый въ Общество уже Рылѣевымъ, такъ говоритъ о первичныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ ему: „Я получилъ приглашеніе г. Рылѣева присовокупиться къ Обществу, поставившему себѣ цѣлью изученіе состава русскаго государства и его средствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ревностную службу при строгой нравственности для пріобрѣтенія довѣренности правительства и для занятія нѣкогда такихъ мѣстъ, съ которыхъ мы могли бы, подкрѣпляя себя взаимно, дѣйствовать къ улучшенію существовавшаго управленія; вмѣстѣ съ симъ возложена была на каждаго изъ насъ обязанность, избирая молодыхъ людей, ободрять ихъ къ образованію самихъ себя и нѣкоторымъ образомъ служить имъ въ томъ примѣромъ“ [2]). Самъ Бестужевъ, когда принималъ Торсона, то „представилъ мнѣ,— разсказываетъ послѣдній, — что существуетъ Тайное Общество, котораго цѣль есть, собирая подробности злоупотребленій и основываясь на огражденіи права собственности и особы каждаго лица, составить планъ исправленія оныхъ и ожидать естественной кончины покойнаго императора; тогда, при вступленіи на престолъ наслѣдника его, представить обо всемъ и убѣдить принять предполагаемыя мѣры; находя цѣль Общества

---

[1]) Александръ Бестужевъ въ „Мемуарахъ декабристовъ“, в. I, 116 — 119 и 120; показанія кн. Оболенскаго, стр. 38 — 39, отъ 12 апрѣля 1826 года; показанія Митькова, стр. 10 об.; показанія Нарышкина, стр. 26; показанія Титова, стр. 14.

[2]) Показанія Николая Бестужева, стр. 15.

согласною съ моими желаніями, я спрашивалъ Бестужева о главныхъ лицахъ, которыя управляютъ Обществомъ; онъ объявилъ мнѣ, что они неизвѣстны, что Общество принимаетъ и распространяетъ свой кругъ на правилахъ, но объявилъ, что, сказываютъ, въ этомъ Обществѣ есть люди высокаго званія“ [1]).

Изъ вышеприведенныхъ показаній видно, что при пріемѣ въ члены Общества, дѣйствительно, практиковались всѣ тѣ пріемы, о которыхъ говоритъ Александръ Бестужевъ въ своемъ изложеніи правилъ Общества.

Мы познакомились съ возрожденіемъ и строемъ Сѣвернаго Общества и теперь можемъ перейти къ дальнѣйшему знакомству съ его жизнью.

Прежде чѣмъ излагать внутренній ходъ ея, необходимо остановиться на одномъ внѣшнемъ обстоятельствѣ — именно на вторичномъ пріѣздѣ кн. Волконскаго въ Петербургъ. Въ Петербургѣ были въ самой средѣ Сѣвернаго Общества лица, которыя ревностно слѣдили за всякимъ успѣхомъ въ дѣятельности Общества и готовы были направить его цѣли сообразно желаніямъ Южнаго Общества. Это были Матвѣй Муравьевъ и Поджіо. Они могли дать знать въ Тульчинъ объ успѣхахъ Сѣвернаго Общества и о томъ, что во главѣ его теперь стоитъ не одинъ Никита Муравьевъ, а три директора, и что кн. Оболенскій весьма склоненъ дѣйствовать въ духѣ Южнаго Общества. Очевидно, всѣмъ этимъ и объясняется кратковременное появленіе Волконскаго снова въ Петербургѣ въ началѣ 1824 г.

Онъ объясняетъ, что ему „даже подтверждено было не входить въ сношенія съ Никитой Муравьевымъ, а болѣе стараться взойти въ связь съ Трубецкимъ и Оболенскимъ“. Объ этой поѣздкѣ самъ Волконскій въ своихъ показаніяхъ говоритъ весьма уклончиво, поясняя, что онъ не входилъ въ подробности, такъ какъ зналъ,

---

[1]) Показанія Торсона, стр. 13.

что Пестель въ скоромъ времени самъ будетъ въ Петербургѣ. Однако онъ заявляетъ, что „нашелъ болѣе сообщника въ Оболенскомъ, нежели въ Трубецкомъ“; отъ Оболенскаго же онъ узналъ, что „Общество начало дѣйствовать успѣшнѣе, что въ нѣкоторыхъ полкахъ въ нижнихъ чинахъ довольно удачно вселили уже негодованіе по предмету взыскательности“. Дѣйствительно, Оболенскій даже передалъ черезъ Волконскаго письмо Пестелю, въ которомъ извѣщалъ его, что дѣла Общества идутъ хорошо, что члены дѣйствуютъ на нижнихъ чиновъ и просилъ Пестеля прислать „Русскую Правду“. На слѣдствіи Оболенскій отрицалъ содержаніе той части письма, въ которой, будто бы, говорилось о дѣйствіи на солдатъ, а объ остальномъ содержаніи говоритъ: „Не упоминая всего содержанія онаго, я, сколько помню, изъявлялъ ему въ оном ъ искренность желанія моего соединить Общества между собою, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать самому сему соединенію скорою присылкою конституціи и проекта его. Объявилъ ему (сколько упоминаю нынѣ), что со времени послѣднихъ переговоровъ нашихъ съ нимъ новая жизнь появилась въ Обществѣ и что дѣйствія наши успѣшнѣе прежняго“ [1]).

Но во всякомъ случаѣ болѣе благотворныхъ результатовъ эта поѣздка кн. Волконскаго не имѣла.

Теперь мы обратимся къ внутренней жизни Сѣвернаго Общества. Прежде всего напомнимъ, на что намъ не разъ уже приходилось указывать, что дѣятельность М. Муравьева и Поджіо, несомнѣнно, играла весьма крупную роль въ усиленіи жизни Тайнаго Общества въ Петербургѣ. Оба они не настаивали на соединеніи Обществъ и дѣйствовали дальновидно, склоняя здѣшнихъ членовъ къ принятію мыслей, уже утвердившихся въ Южномъ Обществѣ.

---

[1]) Показанія кн. Оболенскаго, стр. 43 об.; показанія кн. Волконскаго, стр. 41; показанія Пестеля, „Былое“, 1906 г., мартъ, 228.

Они въ первый разъ познакомились во время собранія въ квартирѣ Пущина. „Послѣ сего я былъ до отъѣзда моего въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Матвѣемъ Муравьемымъ и Оболенскимъ“, говоритъ Поджіо. По его же завѣренію, Матвѣй Муравьевъ былъ здѣсь „именно для водворенія республиканскаго правленія, изложеннаго Пестелемъ“. Рѣшительный Поджіо весь отдался цѣлямъ Южнаго Общества. Матвѣй Муравьевъ посвятилъ его въ сокровенные планы Пестеля. Между прочимъ, они разбирали планъ Пестеля о составленіи особой une garde perdue для выполненія намѣреній Общества. „Мое же мнѣніе,—говорилъ Муравьевъ,—сіе произвести заговорами, отдѣльными отъ Общества, чтобъ отвратить сіе преступленіе отъ него“. Поджіо соглашался и на это. Насколько они „пылали“ рвеніемъ, доказываетъ также и ихъ разговоръ по поводу смерти Ріего. Поджіо выражалъ сожалѣніе о томъ, что погибъ человѣкъ, уничтожившій инквизицію и доставившій Испаніи конституцію. „Ріего самъ виноватъ,—говорилъ Муравьевъ,—долженъ былъ основать республику и никакъ не вѣрить присягѣ тирана“ [1]).

Поджіо и Муравьева мы встрѣчаемъ почти на всѣхъ засѣданіяхъ Сѣвернаго Общества, особенно Муравьева. Но эти засѣданія, очевидно, мало удовлетворяли обоихъ. Они чаще были посвящены вопросамъ академическимъ, чѣмъ заговору. „Занятія самой Думы были вообще незначительны,— разсказываетъ кн. Оболенскій,—до того времени, когда предположено было начать дѣйствія (т.-е. до 14 декабря). Оныя состояли болѣе въ бесѣдахъ о состояніи государства, о разныхъ пунктахъ будущей конституціи, предполагаемой ввести въ отечествѣ нашемъ. Совѣщанія оживлялись при появленіи члена съ юга съ предложеніями о соединеніи“ [2]). О такомъ же

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, стр. 202.

[2]) Показанія кн. Оболенскаго, стр. 39.

характеръ дѣятельности Общества говоритъ въ своихъ показаніяхъ Н. Бестужевъ. Наблюдая народный ропотъ, Общество положило себѣ правиломъ изученіе силъ и способовъ Россійскаго государства и его постановленій, дабы въ случаѣ какого-либо переворота, и особенно ежели бы оный начался съ низшихъ сословій, быть готовымъ“ [1]). Дѣйствительно, собранія Общества часто были посвящаемы вопросамъ общественнымъ или даже научнымъ. Сообщимъ о нихъ нѣкоторыя, какія можно почерпнуть изъ показаній, свѣдѣнія.

Какъ мы уже сказали, довольно частыя собранія начали происходить послѣ перваго совѣщанія у Пущина. Тогда было условлено, что члены займутся различными вопросами. Кн. Оболенскій выступилъ первымъ и читалъ свою статью объ обязанностяхъ гражданина. Собраніе было на квартирѣ Н. Муравьева. Статья эта, видимо, не понравилась слушателямъ. По словамъ М. Муравьева, это сочиненіе было „болѣе похоже на школьную задачу“. По прочтеніи его, Н. Тургеневъ и Митьковъ уѣхали, вслѣдствіе чего М. Муравьевъ выразилъ свое удивленіе, а Поджіо сказалъ: „Нечего ожидать отъ нихъ“ [2]).

---

[1]) Показанія Николая Бестужева.

[2]) Показанія М. Муравьева.—По словамъ самого Оболенскаго, его сочиненіе объ обязанностяхъ гражданина „весьма не пространно и заключало въ себѣ главныя отношенія человѣка къ семейству, отъ котораго онъ происходитъ,—къ семейству, которое онъ самъ основалъ, и, наконецъ къ отечеству, какъ заключающему въ себѣ первыя два отношенія человѣка. Въ сихъ трехъ видахъ я разсматривалъ гражданина и опредѣлялъ обязанности ихъ. Сочиненіе сіе мое было прочтено, сколько я нынѣ упомню, Рылѣевымъ, Никитою Муравьевымъ и Барышкинымъ; другихъ не упомню. Мысль моя при сочиненіи семъ была единственно, дабы члены, имѣя экземпляръ онаго у себя, давали читать оное знакомымъ, безъ всякихъ предосторожностей, но замѣчали вліяніе нравственное, какое оно могло произвести на молодыхъ людей, еще не познавшихъ всѣхъ высокихъ обязанностей своихъ, и по вліянію сему судили о большей или меньшей готовности ихъ вступить въ Общество. Впрочемъ, сіе сочиненіе могло быть свободно прочитано всѣми, не заключая въ себѣ ничего законопреступнаго“. Показанія кн. Оболенскаго, стр. 58.

Тургеневъ не выполнилъ своего обѣщанія и не читалъ о судѣ присяжныхъ. На слѣдующихъ собраніяхъ читалась конституція Н. Муравьева. Одно изъ нихъ было въ квартирѣ Рылѣева. На одномъ изъ этихъ собраній Рылѣевъ сообщилъ о существующемъ, будто бы, морскомъ обществѣ и спрашивалъ мнѣніе, присоединить ли это общество къ Сѣверной Управѣ [1]).

На одномъ собраніи у Поджіо, гдѣ были Оболенскій, Валеріанъ Голицынъ, Никита Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ и нѣкоторые другіе, Никита Муравьевъ „говорилъ объ американской конституціи“, т.-е., очевидно, объяснялъ присутствующимъ государственное устройство Соединенныхъ Штатовъ.

Впрочемъ, эти спокойныя собесѣдованія иногда прерывались инцидентами, указывающими на политическое настроеніе собравшихся. На одномъ собраніи у Нарышкина, на которомъ были: Оболенскій, Пущинъ, Рылѣевъ, Матвѣй Муравьевъ, Никита Муравьевъ, Вальховскій и др., читалась конституція Никиты Муравьева. Присутствовавшій тутъ же саперный офицеръ (Слѣдственной Комиссіи не удалось его найти) возсталъ противъ этого проекта конституціи, потому что она была монархическая. Онъ говорилъ, обращаясь къ М. Муравьеву: „Думаете ли вы остановить дѣйствіе государя у насъ мнимой конституціей?“ Этотъ офицеръ оставилъ

---

[1]) Показанія Матвѣя Муравьева. Впрочемъ, самъ Рылѣевъ на слѣдствіи объяснялъ это обстоятельство слѣдующимъ образомъ: „Особаго морского общества въ Кронштадтѣ никакого не существовало; а вскорѣ по пріемѣ моемъ объявилъ я, что имѣю виды на трехъ Бестужевыхъ: Александра, Николая и Михаила, и также на Торсона. При чемъ сказалъ, что посредствомъ ихъ можно будетъ составить значительную отрасль въ Кронштадтѣ. Не зная тогда еще Кронштадта и даже ни разу еще не бывавъ въ немъ, я основывалъ упомянутое мнѣніе свое на образѣ мыслей и дарованіяхъ П. Бестужева и Торсона. Предложеніе сіе было принято всѣми единогласно, и я на другой же день открылся А. и П. Бестужевымъ и принялъ ихъ. Скоро за симъ П. Бестужевымъ былъ принятъ и Торсонъ“. Показанія Рылѣева, стр. 44, отъ 24 апрѣля 1896 года.

Общество [1]). Въ одномъ изъ собраній было сужденіе о созваніи великаго собора. Рылѣевъ предложилъ вопросъ: „А что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ?“ Пущинъ сказалъ: „Это въ самомъ дѣлѣ загадка!“ Рылѣевъ тогда предложилъ: „Не вывезти ли за границу?“—„Болѣе нечего дѣлать“, сказалъ, подумавъ, Трубецкой. Съ этимъ мнѣніемъ тогда согласились всѣ присутствующіе: Митьковъ, Н. и М. Муравьевы, Оболенскій и Тургеневъ [2]).

Наиболѣе интереснымъ, однако, является собраніе у Оболенскаго. Поджіо, видимо, заранѣе подготовлялъ Митькова. Здѣсь уже рѣчь шла о цареубійствѣ всей царской фамиліи. По словамъ Поджіо, на вопросъ Митькова объ его мнѣніи относительно плана Южнаго Общества, Поджіо ему отвѣтилъ: „Покушеніемъ на жизнь царской всей фамиліи“. — „Я также того мнѣнія, до корня“, отвѣтилъ Митьковъ. То же мнѣніе выражалъ и кн. Голицынъ [3]). Передъ самымъ отъѣздомъ Поджіо изъ Петербурга было собраніе у Митькова. Здѣсь былъ и Рылѣевъ, который тутъ же обѣщалъ написать катехизисъ свободнаго человѣка, а также пѣсни въ народномъ духѣ. Первое обѣщаніе имъ не было выполнено [4]).

Изъ предыдущаго видно, что въ собраніяхъ Сѣвернаго Общества въ послѣднее время пребыванія здѣсь Поджіо не разъ подымался вопросъ о мѣрахъ, предположенныхъ Южнымъ Обществомъ, и эти мѣры находили здѣсь сочувствующихъ. Вопросы эти подымались или самимъ Поджіо или М. Муравьевымъ. Послѣдній не мало содѣйствовалъ распространенію мыслей Пестеля въ частныхъ бесѣдахъ съ отдѣльными членами. Такъ, напримѣръ, Рылѣевъ говоритъ, что онъ очень часто откровенно

---

[1]) Показанія Матвѣя Муравьева.

[2]) Показанія Рылѣева, стр. 44, отъ 24 апрѣля 1826 года.

[3]) Этотъ разсказъ Поджіо отрицался на слѣдствіи упоминаемыми имъ лицами.

[4]) „Мемуары декабристовъ“, т. I, 203.

бесѣдовалъ съ М. Муравьевымъ и „видѣлъ, что онъ со мною одного образа мыслей и чувствъ, и притомъ все, касательно моего образа мыслей здѣсь показанное, отъ него не было скрыто мною. Я не соглашался съ нимъ только въ одномъ, и именно: онъ полагалъ, что въ Россіи можно прямо ввести республиканское правленіе и должно о томъ стараться. Я же говорилъ, что Россія еще къ тому не готова, и что я на республику тогда только соглашусь, когда уставъ оный одобрится большинствомъ народныхъ представителей“ [1]).

Меньшій успѣхъ имѣлъ М. Муравьевъ въ сношеніяхъ своихъ съ двумя другими директорами Сѣвернаго Общества. По его словамъ, Н. Муравьевъ и Трубецкой не были склонны принять мысли Южнаго Общества, а Оболенскій соглашался съ ними, когда они были вмѣстѣ, но вообще раздѣлялъ мнѣніе Сѣвернаго Общества. Что же касается до остальныхъ членовъ, то, по его словамъ, они „были болѣе склонны къ республиканскимъ мыслямъ“ [2]).

VIII.

Пестель въ Петербургѣ.

Пока Поджіо былъ въ Петербургѣ, онъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ довольно успѣшно поддерживалъ въ петербургскихъ членахъ острое революціонное направленіе. Необходимо, впрочемъ, подчеркнуть то весьма важное обстоятельство, что такое направленіе было воспринято не руководителями Сѣвернаго Общества, но второстепенными его членами, въ родѣ Митькова, Валеріана Голицына, и нѣкоторыми др. Направленіе руководителей этого Общества было всегда сдержанное. Вотъ почему Поджіо, уѣхавъ изъ Петербурга и не бывъ тамъ въ теченіе 1824

[1]) Показанія Рылѣева, стр. 46, отъ 24 апрѣля 1826 года.

[2]) Показанія Матвѣя Муравьева.

и 1825 гг., былъ впослѣдствіи вполнѣ увѣренъ, что идея цареубійства одобрена Сѣвернымъ Обществомъ или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ его членовъ; онъ не зналъ о происшедшемъ охлажденіи въ средѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ Поджіо имѣлъ вліяніе. Но съ отъѣздомъ Поджіо [1]) дѣятельность петербургскихъ членовъ снова приняла умѣренный характеръ, выражаясь въ обсужденіи различныхъ формъ правленія. Во всякомъ случаѣ и самъ Поджіо вынесъ неблагопріятное впечатлѣніе, съ его точки зрѣнія, о настроеніи петербургскихъ членовъ, именно потому, что рѣшительныя дѣйствія не были одобряемы руководителями Сѣвернаго Общества. Это мы уже знаемъ по докладу Поджіо, сдѣланному имъ Южной Думѣ на контрактахъ 1824 года. Онъ былъ главнымъ образомъ недоволенъ осторожностью Н. Муравьева и поддерживалъ мысль М. Муравьева о необходимости смѣнить Н. Муравьева. О настроеніи же членовъ Поджіо былъ того мнѣнія, что „мнѣніе раздѣлено, что иные хотятъ республику съ покушеніемъ на жизнь всей царской фамиліи и что другіе, какъ мнѣ говорилъ М. Муравьевъ, отвергнули республику“ [2]).

Итакъ, во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ въ Петербургѣ было таково, что далеко не соотвѣтствовало настроенію и планамъ Южнаго Общества: въ послѣднемъ отношеніи на Петербургъ нельзя было опереться Пестелю. Многократныя поѣздки южныхъ членовъ въ 1823 году и пребываніе М. Муравьева, такимъ образомъ, не принесли желаемыхъ результатовъ. У Южнаго Общества оставался еще одинъ послѣдній рессурсъ—поѣздка самого Пестеля. Пестель однако, повидимому, не торопился къ нему прибѣгать. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ шагъ

---

[1]) Это было въ послѣдніе дни 1823 г., потому что Поджіо былъ въ Кіевѣ въ концѣ января 1824 г., предварительно заѣхавъ на нѣсколько дней въ имѣніе своей матери въ Кіевской губерніи.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, 204 и 214.

былъ отвѣтствененъ, потому что въ случаѣ неудачи переговоровъ, сношенія между Обществами могли бы совсѣмъ прекратиться. Не малую роль должны были играть и соображенія личнаго характера. Пестель былъ очень самолюбивъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ управлялъ Южнымъ Обществомъ, почти не встрѣчая здѣсь оппозиціи.

Пестель также хорошо зналъ отношеніе къ нему въ Петербургѣ. Здѣсь ему не довѣряли, боялись его честолюбивыхъ замысловъ и того вліянія, которымъ обладалъ Пестель. М. Муравьевъ говорилъ Поджіо, что въ Петербургѣ „страшатся“ Пестеля, „какъ желающаго будто присвоить власть къ себѣ“ [1]). Даже къ его проекту конституціи относились съ недовѣріемъ, потому что подозрѣвали Пестеля въ стремленіи къ диктатурѣ [2]). Эти свѣдѣнія южныхъ членовъ объ отношеніи къ Пестелю въ Петербургѣ вполнѣ соотвѣтствовали утвердившемуся здѣсь взгляду. Незадолго до его пріѣзда Н. Муравьевъ представлялъ Пестеля Трубецкому, „какъ человѣка опаснаго и себялюбиваго“. По мнѣнію Трубецкого, Пестель былъ „человѣкъ вредный“ и его не должно допустить къ усиленію, необходимо ослабить даже. „Онъ меня привелъ въ ужасъ,—пишетъ кн. Трубецкой,—къ счастью, я увидѣлъ, что ему необходимо содѣйствіе петербургскаго Общества, и, слѣдовательно, что онъ не можетъ привести намѣренія своего въ дѣйствіе по одному собственному произволу и собственными средствами. Я заключилъ тогда изъ сего, что онъ не такою большою силою располагаетъ, какъ желаетъ заставить думать о себѣ, но, между тѣмъ, заключилъ также, что онъ человѣкъ вредный и что не должно допускать его усилиться но стараться всевозможно его ослабить, тѣмъ болѣе, полагали мы необходимымъ имѣть здѣсь Общество, что

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, в. I, 202.

[2]) Тамъ же, 214.

боялись, если такового не будетъ, то Пестель найдетъ средства завести здѣсь отдѣленіе, которое будетъ совершенно отъ него зависѣть и котораго дѣйствія будутъ отъ насъ тогда сокрыты“ [1]). Не надо думать, что этотъ отзывъ былъ написанъ для Слѣдственной Комиссіи: особыхъ цѣлей у Трубецкого не было, и другія извѣстія это подтверждаютъ. Но если одни боялись Пестеля, то зато другіе сочувствовали его взглядамъ и желали его пріѣзда въ Петербургъ. Среди такихъ лицъ былъ третій членъ петербургской директоріи—кн. Евгеній Оболенскій. Мы уже знаемъ, что онъ сочувственно относился къ планамъ Южнаго Общества. Къ самому Пестелю онъ чувствовалъ большое влеченіе и считалъ его „замѣчательной личностью“. „Не имѣвъ случая сблизиться съ нимъ,—говоритъ Оболенскій,— я могъ только высказать впечатлѣніе, имъ на меня произведенное. Павелъ Ивановичъ былъ въ то время полковникомъ и начальникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Роста небольшого, съ пріятными чертами лица, Павелъ Ивановичъ отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои душевныя мысли. Въ Южномъ Обществѣ онъ пользовался общимъ довѣріемъ и былъ избранъ съ самаго основанія Общества въ члены Верховной Думы. Его взглядъ на дѣйствія Общества и настоящую цѣль онаго соотвѣтствовалъ его умственному направленію, которое требовало во всемъ ясности опредѣленной цѣли и дѣйствій направленныхъ къ достиженію этой цѣли“ [2]).

Итакъ, къ Пестелю весьма неодинаково относились въ Петербургѣ. Оболенскій передавалъ даже черезъ южныхъ членовъ о желательности пріѣзда Пестеля въ Петербургъ. О томъ же не разъ писалъ и М. Муравьевъ.

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, в. I, 78.

[2]) „Воспоминанія“ въ „Общественныхъ движеніяхъ“, т. I, 237.

Поджіо былъ также того мнѣнія, что Пестелю необходимо самому отправиться въ Петербургъ [1]). Пестель откладывалъ поѣздку почти до конца 1824 г. (въ сентябрѣ онъ еще былъ въ Тульчинѣ). Наконецъ ко всѣмъ неблагопріятнымъ извѣстіямъ о Петербургѣ присоединилось и то еще обстоятельство, что Пестель сталъ замѣчать „холодность“ къ себѣ въ М. Муравьевѣ (послѣдній былъ временно у себя въ деревнѣ въ августѣ и сентябрѣ этого года). Всѣ эти причины привели къ тому, что Пестель „рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ и во всемъ своими глазами удостовѣриться“, какъ объяснялъ онъ Поджіо [2]).

Цѣль Пестеля была добиться соединенія обоихъ Обществъ. Онъ предвидѣлъ затрудненіе, которое онъ встрѣтитъ въ лицѣ Н. Муравьева, хотя, повидимому, надѣялся на свои силы. По дорогѣ въ Петербургъ онъ цѣлый день провелъ въ Кіевѣ съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ и высказывалъ свои предположенія относительно будущихъ переговоровъ. Вотъ какъ говоритъ С. Муравьевъ о планахъ Пестеля: „Передъ отъѣздомъ же своимъ въ Петербургъ Пестель говорилъ мнѣ, что онъ намѣренъ всѣ средства употребить, чтобы совершенно свесть въ одно оба Общества, что для сего намѣренъ онъ предложить Сѣверному Обществу признаніе надъ собою директорства Южнаго, обѣщая имъ таковое признаніе и со стороны Южнаго; что онъ болѣе всего ожидаетъ сопротивленія насчетъ принятія „Русской Правды“, тѣмъ паче, что въ Сѣверномъ Обществѣ существуетъ конституція, соч. Н. Муравьева, и что сопротивленіе сіе тѣмъ болѣе ему непріятно будетъ, что онъ не можетъ отступиться отъ „Русской Правды“, признанной всѣмъ Южнымъ Обществомъ, но что во всякомъ случаѣ употребитъ онъ всевозможное стараніе для со-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 214.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, 214.

вершеннаго соединенія и введенія единодушія между обоими Обществами“ [1]).

Съ такими мыслями отправлялся Пестель въ Петербургъ.

Надо замѣтить, что Пестель ѣхалъ для переговоровъ не одинъ. Передъ нимъ туда же отправился полковникъ Повало-Швейковскій. Когда Пестель былъ уже въ Петербургѣ, туда же пріѣхалъ кн. Волконскій. Всѣ трое явились въ Петербургъ въ разное время, вѣроятно, въ цѣляхъ предосторожности, чтобы не обратить на себя вниманія полиціи. Надо думать, что поѣздка была такъ обставлена Пестелемъ не безъ расчета. Въ Петербургъ явились начальники 4 полковъ южной арміи, что должно было бы импонировать на капитановъ и поручиковъ Сѣвернаго Общества, которые стояли во главѣ его, и въ то же время это должно было доказывать бы силу Южнаго Общества. Съ другой стороны, Пестеля упрекали въ диктатурѣ; присутствіе сочленовъ долженствовало дать отпоръ такимъ мнѣніямъ. Наконецъ каждый изъ пріѣхавшихъ велъ дѣло переговоровъ преимущественно съ однимъ изъ директоровъ Сѣвернаго Общества: Швейковскій—съ Трубецкимъ, Волконскій — съ Оболенскимъ; Пестель на себя рѣшился принять удары критики со стороны Н. Муравьева.

Первымъ пріѣхалъ въ Петербургъ Швейковскій. Программа дипломатической миссіи Швейковскаго, какъ передаетъ ее кн. Оболенскій, состояла въ слѣдующемъ: Южное Общество предлагало Сѣверному: „1) признать одного правителя какъ здѣшняго, такъ и Южнаго Общества; 2) обязать безпрекословнымъ къ нему повиновеніемъ; 3) оставя дальній путь достиженія конституціоннаго образа правленія, посредствомъ просвѣщенія, принять уже составленную ими конституцію и клятвою подтвердить, что, кромѣ сей конституціи, другой въ Россіи

---

[1]) Показанія Сергѣя Муравьева-Апостола, стр. 258.

существовать не будетъ“ [1]). Кн. Оболенскій при этомъ прибавляетъ, что эти предложенія были предметомъ обсужденія Сѣверной Думы, почему и сдѣлались ему самому извѣстны, такъ какъ онъ лично съ Швейковскимъ не видался. Сѣверная Дума нашла, что эти предложенія не сообразны „ни нашимъ правиламъ, ни нашей цѣли, ни политическимъ нашимъ видамъ и потому рѣшительно отвергла соединеніе съ Обществомъ юга“.

Теперь прослѣдимъ частные переговоры Швейковскаго съ сѣверными директорами. По пріѣздѣ онъ прежде всего отправился вмѣстѣ съ М. Муравьевымъ, къ которому имѣлъ письмо отъ его брата Сергѣя, къ кн. Трубецкому. По извѣстію М. Муравьева, Швейковскій требовалъ отъ Трубецкого рѣшительнаго отвѣта, желаетъ ли Сѣверное Общество соединиться съ Южнымъ. Трубецкой рѣшительнаго отвѣта не далъ, и собесѣдники холодно разстались [2]). Самъ Швейковскій даетъ подробный отчетъ объ этомъ посѣщеніи Трубецкого. Сначала шелъ „партикулярный“ разговоръ. Его прервалъ М. Муравьевъ, сказавъ Трубецкому:

— Вы здѣсь все лишь проводите время въ разговорахъ и спорахъ. У васъ нѣтъ и не будетъ согласія. Вы умствуете только, а Южное Общество устроено. Я давно говорю: присоединитесь скорѣе къ оному; тамъ написанъ и положительно уже признанъ порядокъ новаго правленія, тамъ и войска много, вамъ это полковникъ подтвердитъ, а у васъ нѣтъ ни того ни другого.

Въ разговоръ вступилъ Швейковскій, который сказалъ: „Что это, дѣйствительно, справедливо, что приличнѣе присоединиться къ тому, которое устроено, — ежели точно ваше Общество находится въ такомъ несогласіи между собою, то трудно требовать, чтобы

---

[1]) Показанія кн. Оболенскаго, стр. 7.

[2]) Показанія М. Муравьева-Апостола.

къ нему присоединилось то, которое устроено. Развѣ согласиться на это для того, чтобы было разстройство въ томъ и другомъ". На эту рѣчь Трубецкой съ досадой отвѣчалъ:

— Полковникъ, въ устройствѣ Южнаго Общества надо доказательства; разскажите мнѣ, какія ваши средства и какія правила предположены новаго правленія, а безъ того я полагаю всѣ слова ничтожны.

На это Швейковскій сказалъ:

— Князь, позвольте ваше любопытство оставить безъ удовлетворенія [1]).

Не меньшая неудача постигла Швейковскаго въ переговорахъ съ Н. Муравьевымъ. Къ нему онъ явился съ неизмѣннымъ Меркуріемъ—М. Муравьевымъ. Н. Муравьевъ отказался вести переговоры, ссылаясь на то, что онъ извѣщенъ уже о пріѣздѣ Пестеля [2]).

На Швейковскаго, по словамъ М. Муравьева, всѣ эти переговоры произвели непріятное впечатлѣніе. Возвратясь отъ Н. Муравьева къ себѣ, онъ сказалъ М. Муравьеву: „Je readmire d'avoire la patience d'agir et d'être avec ces gens, а вашъ братъ мнѣ говорилъ, что я буду имѣть удовольствіе съ нимъ познакомиться" [3]).

Наконецъ пріѣхалъ въ Петербургъ и самъ Пестель. Прежде всего онъ принялъ Швейковскаго на квартирѣ его въ Демутовомъ трактирѣ „въ бояры Южнаго Общества", т.-е. онъ ему открылъ, — разсказываетъ М. Муравьевъ,—весь ходъ Южнаго Общества. Швейковскій очень обрадовался, слыша все, что ему разсказывалъ Пе-

---

[1]) Показанія Повало-Швейковскаго, стр. 42, отъ 7 апрѣля 1826 г. Показаніями другихъ подробности этого разговора установить нельзя. Но нѣтъ основанія сомнѣваться въ правдивости изложенія Швейковскаго потому, что оно совпадаетъ съ общей характеристикой, данной М. Муравьевымъ. Трубецкой говоритъ вскользь о посѣщеніи его Швейковскимъ. Показанія Трубецкого, стр. 15.

[2]) Показанія М. Муравьева.

[3]) Показанія М. Муравьева.

стель“ [1]). На этомъ кончилась неудавшаяся миссія Швейковскаго, и онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

М. Муравьевъ ознакомилъ Пестеля съ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ, и это навело Пестеля на мысль сначала поговорить съ каждымъ изъ членовъ директоріи поодиночкѣ, „дабы ихъ отклонить другъ отъ друга“, поясняетъ М. Муравьевъ. Кн. Оболенскій былъ первымъ изъ директоровъ, съ которымъ повелъ переговоры Пестель. Оболенскій былъ приведенъ М. Муравьевымъ на квартиру Пестеля. Послѣ этого они имѣли еще нѣсколько свиданій. Пестель открылъ Оболенскому всѣ намѣренія Южнаго Общества. По словамъ М. Муравьева, „кн. Оболенскій обѣщалъ ему склонить всѣхъ членовъ Сѣверной Управы на принятіе всѣхъ предложеній, сдѣланныхъ Пестелемъ, и соединить Сѣверное и Южное Общества“. Самъ Оболенскій въ своихъ показаніяхъ признаетъ, что „въ частныхъ совѣщаніяхъ со мною находилъ (Пестель) меня болѣе склоннымъ къ соединенію обоихъ Обществъ и одобряющимъ болѣе предлагаемую имъ конституцію, нежели кн. Трубецкой и Муравьевъ... При семъ нужнымъ считаю представить, что, дѣйствительно, при свиданіяхъ моихъ съ полковникомъ Пестелемъ я ему сказалъ желаніе мое соединить Общества нераздѣльно между собою и даже полагалъ возможнымъ принятіе предлагаемой имъ конституціи. Сверхъ всего, поистинѣ полагая, что соединеніе сіе необходимо для успѣшнаго дѣйствія Общества, я, сколько помню, обѣщалъ ему содѣйствовать по возможности къ сему соединенію“. Дальнѣйшіе переговоры съ Оболенскимъ поручено было вести кн. Волконскому, вскорѣ затѣмъ пріѣхавшему въ Петербургъ [2]).

На этомъ закончены были предварительные переговоры съ Оболенскимъ. Затѣмъ Пестель началъ перего-

---

[1]) Показанія М. Муравьева.

[2]) Показанія кн. Оболенскаго, отъ 13 апрѣля 1826 года, 42; показанія М. Муравьева.

воры съ другими директорами. На другой день послѣ своего пріѣзда онъ уже былъ у кн. Трубецкого. Разговоръ начался съ жалобъ Пестеля на то, что въ Петербургѣ „ничего нѣтъ, что никто ничего не хочетъ дѣлать, что Муравьевъ ничего ему не отвѣчалъ ни по письмамъ ни по словеснымъ порученіямъ“. Пестель говорилъ о хорошемъ устройствѣ Южнаго Общества и что въ немъ дѣла идутъ хорошо. Онъ совѣтовалъ и въ Петербургѣ установить такой же порядокъ, что „для сего надобно непремѣнныхъ управляющихъ членовъ и совершенное безпрекословное имъ повиновеніе“. Говорилъ о необходимости сліянія обоихъ Обществъ и о своей конституціи. Въ это же посѣщеніе Пестелемъ Трубецкого или въ другое онъ велъ разговоръ и о своихъ планахъ цареубійства. Тутъ трудно опредѣлить въ точности ту позицію, которую занялъ Трубецкой. Въ своихъ показаніяхъ онъ утверждаетъ, что онъ настойчиво защищалъ необходимость монархическаго правленія въ Россіи. Пестель же говоритъ, что „Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ее“. Слѣдовательно, показаніе Трубецкого въ извѣстной мѣрѣ оправдывается словами самого Пестеля. Можно также вѣрить и тому, что Трубецкой не высказывалъ рѣшительнаго образа мыслей. Это было слѣдствіемъ какъ его нерѣшительнаго характера, такъ и той политики, которой рѣшились держаться руководители Сѣвернаго Общества по отношенію къ Пестелю. Объ ихъ тактикѣ намъ еще придется говорить. Повидимому, и Пестель иногда готовъ былъ показать свою уступчивость для того, чтобы окончательно не порвать связи съ Сѣвернымъ Обществомъ. Такъ, сообща съ Трубецкимъ они соглашались, что если бы не была принята республика, то слѣдуетъ избрать императоромъ великаго князя Александра Николаевича при регентствѣ. Зная рѣшимость Пестеля добиваться во что бы то ни стало

республиканскаго правленія, довольно трудно предположить, чтобы согласіе на объявленіе императоромъ вел. кн. Александра Николаевича не было уступкой со стороны Пестеля. Наконецъ Пестель съ Трубецкимъ имѣли разговоръ и о деталяхъ плана цареубійства. На возраженія Трубецкого о томъ, что Общество потеряетъ въ народномъ мнѣніи совершивъ цареубійство, Пестель возражалъ, что таковое можно сдѣлать при помощи лица, не причастнаго къ Обществу; Общество только должно доставить для этого подходящій случай [1]).

Достигнувъ полнаго успѣха въ переговорахъ съ однимъ изъ директоровъ и нерѣшительнаго согласія другого, Пестель направилъ свою энергію на наиболѣе виднаго изъ членовъ Сѣвернаго Общества, тогда еще не принадлежавшаго къ составу Думы. Съ Рылѣевымъ онъ имѣлъ долгій разговоръ, продолжавшійся около двухъ часовъ. По словамъ самого Пестеля, онъ говорилъ съ Рылѣевымъ „про одно только раздѣленіе земель“ [2]). Но Рылѣевъ гораздо подробнѣе описалъ эту бесѣду. Очень естественно, что въ его памяти она сохранилась отчетливо, потому что другъ Оболенскаго, конечно, съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидалъ встрѣтить Пестеля и былъ о немъ высокаго мнѣнія. Темою разговора были чисто теоретическіе вопросы, почему Комиссія и не сочла нужнымъ установить точность разсказа Рылѣева. Разговоръ этотъ настолько интересенъ и такъ хорошо характеризуетъ обѣ личности, что мы познакомимся съ нимъ по разсказу самого Рылѣева.

„При свиданіи съ Пестелемъ я имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ, продолжавшійся около двухъ часовъ. Всѣхъ предметовъ, о коихъ шла рѣчь, я не могу припомнить. Помню только, что Пестель, вѣроятно, желая вывѣдать

---

[1]) Показанія кн. Трубецкого, стр. 14, 119, 136: показанія Пестеля „Былое“, апрѣль, 1906 г., 229.

[2]) „Былое“, тамъ же.

меня, въ два упомянутыхъ часа былъ и гражданиномъ Сѣверо-Американской республики, и наполеонистомъ и террористомъ, то защитникомъ англійской конституціи, то поборникомъ испанской. Напримѣръ, онъ соглашался со мною, что образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ есть самый приличный и удобный для Россіи. Когда я замѣтилъ, что Россія къ сему образу правленія еще не готова, т.-е. къ чисто республиканскому, Пестель сталъ выхвалять государственный уставъ Англіи, приписывая оному настоящее богатство, славу и могущество сего государства. Спустя нѣсколько времени онъ согласился со мною, что уставъ Англіи уже устарѣлъ, что теперешнее просвѣщеніе народовъ требуетъ большей свободы и совершенства въ управленіи, что англійская конституція имѣетъ множество пороковъ и обольщаетъ только слѣпую чернь, лордовъ, купцовъ „да близорукихъ англомановъ, — подхватилъ Пестель. — Вы совершенно правы“. — Потомъ много говорилъ онъ въ похвалу испанскаго государственнаго устава, и, наконецъ, зашла рѣчь и о Наполеонѣ. Пестель воскликнулъ: „Вотъ истинно великій человѣкъ! По моему мнѣнію, если уже имѣть надъ собою деспота, то имѣть Наполеона. Какъ онъ возвысилъ Францію! Сколько создалъ новыхъ фортунъ! Онъ отличалъ не знатность, а дарованія“ и проч. Понявъ, куда все это клонится, я сказалъ: „Сохрани насъ Богъ отъ Наполеона! Да, впрочемъ, этого и опасаться нечего. Въ наше время даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ“.—„Разумѣется,—отвѣчалъ Пестель.—Я только хотѣлъ сказать, что не должно опасаться честолюбивыхъ замысловъ, что если бы кто и воспользовался нашимъ переворотомъ, то ему должно быть вторымъ Наполеономъ, и въ такомъ случаѣ мы всѣ останемся не въ проигрышѣ“. Послѣ сего онъ спросилъ меня: „Скажите же, какое вы предпочитаете правленіе для Россіи въ теперешнее время?“ Я отвѣчалъ, что мнѣ удобнѣйшимъ для

Россіи кажется областное правленіе Сѣверо-Американской республики при императорѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента Штатовъ. Пестель задумался и сказалъ: „Это счастливая мысль! Объ этомъ надо хорошенько подумать“. При чемъ я прибавилъ, что я хотя и убѣжденъ въ совершенствѣ предлагаемаго мною образа правленія, но покорюсь большинству голосовъ членовъ Общества, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы и тотъ уставъ, который будетъ принятъ обоими Обществами, былъ представленъ великому народному собору, какъ проектъ, и чтобы его отнюдь не вводить насильно. Пестель возражалъ на это, что ему, напротивъ, кажется и справедливымъ и необходимымъ поддержать одобренный Обществомъ уставъ всѣми возможными мѣрами, а иначе значило бы остановиться на половинѣ дороги, что, по крайней мѣрѣ, надобно стараться, дабы какъ можно болѣе попало въ число народныхъ представителей членовъ Общества. „Это совсѣмъ другое дѣло,— сказалъ я,—безразсудно бъ было о томъ не хлопотать, ибо этимъ нѣкоторымъ образомъ сохранится законность и свобода принятія государственнаго устава“. Затѣмъ разговоръ перешелъ, дѣйствительно, къ раздѣленію земель. Пестель излагалъ свою излюбленную теорію націонализаціи части поземельной собственности и надѣленія крестьянъ землею. Вѣроятно, тутъ было не обсужденіе вопроса, а Пестель лишь излагалъ свою теорію, и отношеніе къ ней Рылѣева остается неизвѣстнымъ [1]).

Кромѣ названныхъ лицъ, Пестель имѣлъ свиданіе съ Нарышкинымъ у кн. Оболенскаго и съ Краснокутскимъ.

Подготовивъ такимъ образомъ до нѣкоторой степени почву, заручившись согласіемъ Оболенскаго, Пестель явился въ первое общее собраніе членомъ Сѣверной Думы. Ему благопріятствовало одно случайное обстоятельство. Н. Муравьевъ не могъ принимать участія въ дѣлахъ Обще-

[1]) Показанія Рылѣева, стр. 46.

ства по болѣзни своей жены. Первое общее собраніе поэтому было безъ него. Сочувствующій Пестелю кн. Оболенскій разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ Пестель на собравшихся: „Пестель: съ обычнымъ, увлекательнымъ даромъ слова объяснилъ намъ, что неопредѣленность цѣли и средствъ къ достиженію оной давало Обществу характеръ столь неопредѣленный, что дѣйствія каждаго члена отдѣльно терялись въ напрасныхъ усиліяхъ, между тѣмъ, какъ, бывъ направлены къ опредѣленной и ясно признанной цѣли, могли бы служить къ скорѣйшему достиженію оной". Эта мысль не была новой для членовъ Сѣверной Думы,—они не разъ ее обсуждали, но не успѣли облечь въ опредѣленную форму. Въ предложеніи Пестеля эта форма была готова и привлекательна, „какъ плодъ долгихъ личныхъ соображеній ума свѣтлаго и въ особенности украшеннаго его убѣдительнымъ даромъ слова". „Трудно было устоять, — прибавляетъ кн. Оболенскій,—противъ такой обаятельной личности" [1]).

И сѣверные члены не устояли. Въ этомъ засѣданіи Пестель достигъ того, что постановлено было слить въ одно оба Общества [2]). Только тогда Пестель отправляется къ Никитѣ Муравьеву. Разговоръ сначала коснулся конституціи. Муравьевъ изложилъ собесѣднику свой планъ, состоявшій въ томъ, что, по окончаніи своего проекта конституціи, онъ предполагаетъ „распущать ее повсюду" и принимать всѣхъ тѣхъ, кто будетъ съ ней соглашаться, въ Общество; желательно обращеніе этого проекта также и среди не членовъ. Пестель настаивалъ на своихъ планахъ. Съ его точки зрѣнія, конституціонныя начала будущаго правленія должны быть тайною управляющихъ Обществомъ во избѣжаніе преній. Предварительно надо достигнуть того, чтобы царская фамилія не существо-

---

[1]) „Воспоминанія", „Общественныя движенія", т. I, 238.

[2]) „Мемуары декабристовъ", 55.

вала. Тогда должно заставить Синодъ и Сенатъ объявить временное правительство съ неограниченною властью, которое, раздавъ министерства и начальство надъ войскомъ, постепенно введетъ новое государственное устройство. Между тѣмъ Общество должно продолжать свое существованіе, изъ него должны быть назначаемы гражданскіе и военные начальники. Шелъ также вопросъ о способѣ истребленія царской фамиліи, и Пестель настаивалъ на своей мысли о совершеніи этого при помощи лицъ, находящихся внѣ Общества [1]).

Взгляды обоихъ собесѣдниковъ были противоположны, и поэтому можно повѣрить заявленію Н. Муравьева, что онъ „ничего не могъ отвѣчать на это, прервалъ разговоръ“. И немедленно Муравьевъ сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы разстроить соглашеніе, которое можно было считать уже состоявшимся.

Прежде, чѣмъ выяснить дальнѣйшее положеніе дѣлъ, мы постараемся суммировать тѣ предложенія, съ которыми пріѣхалъ Пестель въ Петербургъ. О нихъ уже намъ не разъ приходилось говорить; поэтому теперь слѣдуетъ лишь свести въ одно; дѣло въ томъ, что ни Пестель ни члены Сѣверной Думы не перечисляютъ всѣхъ пунктовъ соглашенія, съ которыми пріѣхалъ Пестель. Наконецъ не выясняютъ также мотивовъ, по которымъ они не могли согласиться на его предложенія. Для того чтобы выяснить какъ характеръ предложеній Пестеля, такъ и тѣ взгляды, съ которыми онъ столкнулся въ Петербургѣ, остановимся на предложеніяхъ Южнаго Общества, дѣлавшихся Сѣверному. Предложенія Пестеля носили тотъ же характеръ, заключали въ себѣ тѣ же пункты, которые выставлялись еще предшествующими миссіями членовъ Общества. Для выясненія разногласія, существовавшаго между обоими Обществами до того момента, когда въ Сѣверномъ Обществѣ первенствующую

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 55—56.

роль сталъ играть Рылѣевъ, мы воспользуемся показаніями М. Муравьева. Онъ часто возвращается къ этому вопросу, подводя итоги сношеній между обоими Обществами. Въ его разсужденіяхъ не всегда можно въ точности установить, къ какой изъ миссій Южнаго Общества относится то или иное его замѣчаніе. Это въ сущности и не такъ важно, потому что во время всѣхъ этихъ переговоровъ дѣло шло объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ. Суть всѣхъ миссій Южнаго Общества заключалась прежде всего въ томъ, чтобы побудить Сѣверное Общество къ большей дѣятельности. По мнѣнію Пестеля, Петербургъ—„главный пунктъ дѣйствій“. Между тѣмъ петербуржцы больше заняты разсмотрѣніемъ конституціи, чѣмъ принятіемъ членовъ. Пестель называлъ ихъ „византійцами“. „Кн. Барятинскій, В. Давыдовъ, кн. Сергѣй Волконскій, полковникъ Швейковскій, Пестель и я,— мы имѣли сію цѣль возбудить болѣе рвеніе членовъ Сѣвернаго Общества“, говоритъ М. Муравьевъ. Кромѣ побужденій къ дѣятельности, южные члены предлагали и нѣкоторые пункты, которые могли бы объединить оба Общества. Изъ числа этихъ пунктовъ былъ вопросъ о временномъ правленіи. Согласно предложеніямъ Пестеля, новый порядокъ не можетъ быть сразу введенъ и для его водворенія должно нѣкоторое время существовать временное правленіе, составленное изъ членовъ Общества и другихъ лицъ. Изъ директоровъ Сѣвернаго Общества только кн. Оболенскій одобрялъ эту мысль. Вторымъ пунктомъ былъ вопросъ объ истребленіи царствующей фамиліи и введеніи республики. По заявленію М. Муравьева, Н. Муравьевъ и Сергѣй Трубецкой были противниками этого мнѣнія; но были и члены, по его завѣренію, соглашающіеся на эту мѣру, среди коихъ онъ называетъ: Николая Тургенева, кн. Оболенскаго, Рылѣева, Александра Бестужева, кн. Валеріана Голицына, Митькова, Поливанова, Вадковскаго, Свистунова, Аненкова и Депрерадовича. Впрочемъ, это указаніе надо

принимать весьма осторожно въ виду рѣзкихъ отрицаній, которыя сдѣланы были многими изъ нихъ на слѣдствіи. Обратимъ еще вниманіе на тѣ доказательства, которыя приводилъ Пестель, защищая излюбленную свою мысль о временномъ правленіи. Онъ полагалъ, что главная ошибка, препятствующая введенію новаго порядка вещей, состоитъ въ предположеніи, что изъ стараго порядка можно перейти непосредственно въ новый. Онъ ссылался на примѣръ Сѣверной Америки, достигшей своихъ цѣлей, „потому единственно, что она имѣла временное правленіе сильное и ничѣмъ не остановленное въ своихъ дѣйствіяхъ, что сіе временное правленіе находилося въ особѣ Вашингтона, который былъ военный и гражданскій начальникъ Америки“ [1]). Ко всему этому надо добавить, что представители обоихъ Обществъ не были согласны и въ вопросахъ конституціоннаго устройства. Пестель мечталъ о республикѣ съ сильною властью въ центрѣ и съ полнымъ демократическимъ устройствомъ. Н. Муравьевъ настаивалъ на монархической конституціи съ широкой децентрализаціей и съ сохраненіемъ цензовыхъ преимуществъ. Но все это были предметы спора, касавшіеся будущаго государственнаго устройства. Былъ одинъ важный пунктъ разногласія, который касался факта, который былъ принятъ Южнымъ Обществомъ уже въ настоящемъ. Это польскій вопросъ. Мы хорошо знаемъ, что весьма либерально настроенные люди далеко не одобряли всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя даже русское правительство принимало по отношенію къ Польшѣ [2]). Эти мѣры признавались слишкомъ большою уступкою со стороны Россіи. Мы знаемъ также, что Южное Общество уже заключило соглашеніе съ Польскимъ Тайнымъ Обществомъ. „Сношенія сіи,— говоритъ Н. Муравьевъ, — весьма огорчили членовъ Сѣвернаго Общества, полагавшихъ, что не должно уступать пріобрѣ-

[1]) Показанія М. Муравьева.

[2]) „Идеалы декабристовъ“, стр. 101.

тенiй и собственности Россiи и входить въ сношенiя съ иноплеменниками, хотя бы они подъ однимъ управленiемъ съ нами находились, тѣмъ болѣе, что уступка сiя произошла бы совершенно чуждой, а впослѣдствiи, вѣроятно, и враждебной Россiи державѣ. Члены Сѣверной Думы доказывали Давыдову, а потомъ и Пестелю, сколь мѣра сiя противна духу и самолюбiю народа, привыкшаго въ продолженiе двухъ вѣковъ пріобрѣтать, а не отдавать области. Но они отвѣтствовали, что это воля южныхъ бояръ—обѣщано и перемѣнить нельзя“ [1]).

Это было мнѣнiемъ не только антагониста Пестеля. Соглашенiе съ Польскимъ Обществомъ отталкивало отъ Южнаго такихъ членовъ Сѣвернаго, которые были близки къ нимъ по другимъ своимъ взглядамъ. „Я сильно возставалъ противъ сего,—говоритъ Рылѣевъ,— утверждая, что никакое Общество не въ правѣ сдѣлать подобнаго условiя, что подобныя дѣла должны быть рѣшены на великомъ соборѣ“. Не одобряя даже и политики правительства, подчеркивающей обособленность Польши и ничего не сдѣлавшей, „дабы нравственно присоединить оныя (польскiя провинцiи) къ Россiи“, Рылѣевъ высказываетъ здравое понятiе объ этнографическихъ границахъ Польши: граница Польши начинается тамъ, гдѣ кончается малорусское и „русское“ (т.-е. бѣлорусское) нарѣчiя; гдѣ населенiе говоритъ на этихъ нарѣчiяхъ и исповѣдуетъ греческую и унiатскую вѣру,—„тамъ Русь, древнее достоянiе наше“ [2]).

Таковъ былъ длинный рядъ несогласiй, которыя раздѣляли Сѣверное и Южное Общества. При такихъ условiяхъ соединенiе было дѣломъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что Пестель требовалъ дискрецiонной власти для директорiи, которая объединила бы оба Общества. Теперь возвратимся снова къ дальнѣйшей дѣятельности Пестеля въ Петербургѣ.

---

[1]) Показанiя И. Муравьева, стр. 12.

[2]) Показанiе Рылѣева, стр. 48.

Мы уже знаемъ, что Н. Муравьевъ не пошелъ ни на какія уступки въ своихъ сношеніяхъ съ Пестелемъ. Въ собраніи Сѣверной Думы рѣшено было отказаться отъ предложенныхъ Пестелемъ условій соединенія обоихъ Обществъ. Для отпора авторитету Пестеля явился еще Н. Тургеневъ. Устроено было собраніе, въ которомъ находились: Н. Тургеневъ, Оболенскій, Н. и М. Муравьевы и Пестель. Тургеневъ сильно возставалъ противъ конституціоннаго плана Пестеля и его теоріи націонализаціи земли, полагая, „что, не мѣшая промышленности, земли непримѣтнымъ образомъ сами собою раздѣлятся“. По наблюденію М. Муравьева, мнѣніе такого авторитетнаго лица, какъ Тургеневъ, „очень подѣйствовало на всѣхъ членовъ Сѣверной Управы“ [1]). Это признаетъ и кн. Оболенскій, который совѣщался по поводу предложеній Пестеля съ Тургеневымъ и Митьковымъ [2]).

Послѣ такой подготовки состоялось, наконецъ, въ квартирѣ Оболенскаго соединенное собраніе представителей Сѣвернаго и Южнаго Обществъ; здѣсь присутствовалъ и М. Муравьевъ, а по словамъ Трубецкого и Тургеневъ. Детали этого интереснаго совѣщанія въ точности не могутъ быть провѣрены. По словамъ Трубецкого, Пестель на этотъ разъ не защищалъ своей конституціи, но „подалъ видъ, что онъ отъ нея отступается, говоря, что конституцію можетъ устроить народное собраніе и что это вообще дѣло отдаленнаго будущаго“. Онъ настаивалъ только на соединеніи обоихъ Обществъ подъ общимъ управленіемъ и на безпрекословномъ повиновеніи членовъ Правленію Общества. Но, повидимому, Пестель на этомъ совѣщаніи далеко не былъ такъ уступчивъ.

---

[1]) Показанія М. Муравьева.

[2]) Показанія Оболенскаго, стр. 42. Пестель говоритъ о преніяхъ съ Тургеневымъ только по вопросу о раздѣленіи земель; „но, — замѣчаетъ онъ о Тургеневѣ,—впрочемъ, былъ въ республиканскомъ образѣ мыслей“. Для даннаго періода послѣднее является, вѣроятно, преувеличеніемъ. „Былое“, 229.

Встрѣтивъ сильную оппозицію въ присутствующихъ, онъ ударилъ рукой по столу, сказавъ: „Такъ будетъ же республика!“ [1]). Во всякомъ случаѣ соглашенія между Обществами не послѣдовало, и обѣ стороны пошли на компромиссъ. Оба Общества должны были оставаться самостоятельными. Но условились, что ни одно изъ Обществъ не начнетъ рѣшительныхъ дѣйствій безъ согласія другого. Пестелю предложено было прислать свою „Русскую Правду“ въ Петербургъ, равно и планъ рѣшительныхъ дѣйствій Южнаго Общества. Предполагалось, что Сѣверное Общество сообщитъ Южному свое письменное заключеніе по этимъ вопросамъ. Условились также, что члены обоихъ Обществъ, переходя изъ своего Общества въ районъ дѣйствія другого, должны пользоваться преимуществами, связанными съ тѣмъ разрядомъ, въ который они были приняты въ своемъ Обществѣ. Для сношеній съ Южнымъ Обществомъ Сѣверное должно было адресоваться къ М. Муравьеву. „Такъ, Сѣверное и Южное Общества отдѣльны,—говорилъ Пестель.—Всѣ свѣдѣнія, которыя вы будете желать имѣть отъ Южнаго Общества, оно вамъ ихъ доставитъ, надѣясь, что вы съ вашей стороны то же сдѣлаете. Вотъ М. Муравьевъ здѣсь остается, и вы можете къ нему адресоваться, въ чемъ *вамъ нужно будетъ для Южнаго Общества*“ [2]).

Такъ закончились переговоры, результатъ которыхъ былъ столь важенъ для Южнаго Общества и на кото-

---

[1]) Пестель отрицалъ послѣднюю фразу на слѣдствіи, хотя не отрицалъ удара рукой по столу. Онъ вообще на слѣдствіи отрицалъ случаи, когда онъ прибѣгалъ въ спорахъ къ жестикуляціи, очевидно, ему свойственной, но иногда долженъ былъ признать это на очныхъ ставкахъ. Возможно, что и въ данномъ случаѣ отрицанію Пестеля не слѣдуетъ довѣрять. Объ этомъ разсказываетъ М. Муравьевъ, а Поджіо слышалъ буквально то же самое отъ Пестеля.

[2]) Показанія Матвѣя Муравьева-Апостола; показанія кн. Трубецкого, стр. 14; показанія кн. Оболенскаго, стр. 42; показанія Никиты Муравьева, „Мемуары декабристовъ“, 56; Поджіо, тамъ же, 215; показанія Пестеля, „Былое“, 229—230.

рые Пестель возлагалъ большія надежды. Съ точки зрѣнія домогательствъ Южнаго Общества этотъ результатъ означалъ полный разрывъ. Но онъ былъ опасенъ для Сѣвернаго Общества и весьма невыгоденъ для Южнаго.

Получивъ отпоръ въ общемъ собраніи, Пестель дѣлаетъ попытку еще разъ обратиться къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ членамъ. Пестель побывалъ еще у кн. Трубецкого и лично ему предлагалъ такую схему соединенія обоихъ Обществъ: „Здѣсь, вѣроятно, выберутъ меня въ третьи члены главнаго правленія,—показывалъ кн. Трубецкой,—изъ коихъ два у нихъ на югѣ: одинъ—онъ, другой—Юшневскій“. Но Юшневскій давно уже уклоняется отъ дѣлъ Общества, такъ что фактически Пестель и Трубецкой останутся руководителями соединеннаго Общества, и тогда каждый изъ нихъ дастъ другъ другу „клятву“ соглашаться на все то, что будетъ дѣлать его товарищъ, чтобы не связывать другъ друга. Но Трубецкой отказался. Уходя, Пестель сказалъ Трубецкому: „Стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и предполагаетъ въ другомъ личные какіе виды; послѣдствіе окажетъ, что такихъ видовъ нѣтъ“ [1]).

Члены Сѣверной Думы также не хотѣли рвать всѣхъ нитей, связывающихъ ихъ съ Южнымъ Обществомъ. На своемъ собраніи они дали порученіе кн. Оболенскому „сблизиться съ полковникомъ Пестелемъ еще болѣе и убѣдить его въ моемъ искреннемъ желаніи, — показываетъ Оболенскій, — соединить Общества, дабы посредствомъ меня имѣть всегда звено, соединяющее оба Общества между собою, ибо полковникъ Пестель былъ недоволенъ вообще холодностью, съ которою его приняли“. Оболенскій посѣтилъ еще нѣсколько разъ Пе-

[1]) Показанія Трубецкого, стр. 14, об. 15; показанія Пестеля, стр. 231. Пестель не отрицалъ этого разговора, но объяснялъ, что предложенный имъ Трубецкому порядокъ управленія Обществомъ принятъ былъ обоими директорами Южнаго Общества и что давалась не клятва, а простое разрѣшеніе.

стеля и обѣщалъ ему съ своей стороны всяческое содѣйствіе. Мы уже знаемъ, что еще ранѣе между нимъ и Пестелемъ было условлено, что дальнѣйшіе переговоры съ нимъ поведетъ кн. Волконскій. Дѣйствительно, оба они видѣлись нѣсколько разъ, при чемъ Оболенскій старался увѣрить Волконскаго въ своемъ усердіи къ дѣлу объединенія Обществъ [1]).

Недовольство Пестеля результатами переговоровъ сдѣлало то, что онъ пытался, дѣйствительно, основать въ Петербургѣ отдѣленіе Южнаго Общества, на ряду съ Сѣвернымъ. Такое порученіе Пестель далъ М. Муравьеву, предложивъ ему опереться на содѣйствіе Ѳеодора Вадковскаго. Послѣдній познакомилъ съ Пестелемъ Свистунова. Для того, чтобы Вадковскій и Свистуновъ были „свободны въ своихъ дѣйствіяхъ", Пестель сдѣлалъ ихъ боярами Южнаго Общества. Затѣмъ Пестель принялъ въ члены своего же Общества Аненкова, Поливанова, Кривцова и Депрерадовича [2]). Такимъ образомъ Пестелю удалось образовать ядро Южнаго Общества въ самомъ Петербургѣ, но оно состояло изъ очень молодыхъ людей и, оставшись безъ руководителя послѣ отъѣзда М. Муравьева и Ѳ. Вадковскаго, переведеннаго въ армію, не дало тѣхъ результатовъ, на которые могъ разсчитывать Пестель.

Таковы результаты поѣздки Пестеля. Они весьма огорчили Пестеля и, судя по его дальнѣйшему настроенію, можетъ-быть, неуспѣхъ въ Петербургѣ повергнулъ Пестеля въ апатію, охладилъ въ немъ вѣру въ выполнимость его плановъ. Къ неуспѣху личныхъ его переговоровъ присоединилось и еще весьма досадное для него обстоятельство. М. Муравьевъ выѣхалъ изъ Петербурга и поселился у себя въ деревнѣ. Внѣшней причиной отъѣзда были плохія дѣла отца Муравьева, такъ что

---

[1]) Показанія кн. Оболенскаго, стр. 43; показанія кн. Волконскаго.
[2]) Показанія Матвѣя Муравьева.

Пестель даже предлагалъ сдѣлать подписку среди членовъ, чтобы доставить М. Муравьеву возможность жить въ Петербургѣ [1]). Но въ дѣйствительности М. Муравьевъ сильно охладѣлъ и къ Пестелю и къ дѣлу Общества. Пестель въ Петербургѣ произвелъ на него непріятное впечатлѣніе. „Все это дѣлается, — писалъ онъ брату Сергѣю,—изъ ничтожнаго тщеславія, ради того, чтобы тономъ учителя навязать писаныя гипотезы, о которыхъ одному лишь Богу извѣстно, примѣнимы онѣ или нѣтъ“ [2]). И на другихъ, даже южныхъ, членовъ эта поѣздка произвела столь же непріятное впечатлѣніе. По словамъ кн. Барятинскаго, раздоръ произошелъ оттого, что одинъ опровергалъ сочиненія другого: „Сіе болѣе походило на прения авторскихъ самолюбій, нежели на совѣщаніе Тайнаго Общества“ [3]).

Такъ было использовано Южнымъ Обществомъ послѣднее, съ его точки зрѣнія, средство воздѣйствія на Сѣверное Общество.

Итакъ, съ внѣшней стороны результатъ поѣздки Пестеля былъ весьма неудаченъ. Такъ на него смотрѣлъ и самъ Пестель. Быть-можетъ, ему и не удалось до самой смерти узнать, что его поѣздка имѣла весьма важныя послѣдствія, которыхъ онъ не ожидалъ. Можно повѣрить кн. Оболенскому, другу Рылѣева, что Пестель на него имѣлъ рѣшительное вліяніе [4]). А, между тѣмъ, Рылѣевъ, нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Пестеля, сдѣлался такимъ же вдохновителемъ Сѣвернаго Общества, какимъ Пестель былъ на югѣ, и развиваемые имъ планы революціи сходны были, съ нѣкоторыми поправками, съ планомъ, открытымъ Пестелемъ Рылѣеву. Такимъ образомъ между обоими Обществами заключенъ былъ не формальный союзъ, котораго въ сущности до-

---

[1]) Показанія М. Муравьева.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, 275.

[3]) Показанія кн. Барятинскаго, стр. 18.

[4]) Воспоминанія, „Общественныя движенія“, 238.

бивался Пестель, но зародилось сродство убѣжденій. Объ этомъ намъ сейчасъ придется говорить. Но теперь мы, чтобы не прерывать нашего разсказа о сношеніяхъ обоихъ Обществъ, остановимся еще на одномъ немаловажномъ звенѣ въ этихъ отношеніяхъ. Мы имѣемъ въ виду послѣдній этапный пунктъ этихъ сношеній—пребываніе кн. Трубецкого въ Кіевѣ и его переговоры съ членами Южнаго Общества.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Пестеля изъ Петербурга, Трубецкой былъ назначенъ адъютантомъ при кн. Щербатовѣ, начальникѣ корпуса, главной квартирой котораго былъ Кіевъ. Очень интересно объясненіе самого кн. Трубецкого о той цѣли, которую онъ, между прочимъ, преслѣдовалъ, отправляясь въ Кіевъ: „Я имѣлъ въ виду пользу Общества, и что тамъ я могу ближе наблюдать за Пестелемъ“ [1]). Судя по тому, что мы знаемъ объ отношеніяхъ къ Пестелю со стороны Сѣверной Думы, въ этомъ признаніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Мало того, будучи въ Кіевѣ, Трубецкой хотѣлъ узнать о силахъ Пестеля и ослабить его [2]). Такимъ образомъ Трубецкой разсчитывалъ дѣйствовать лично противъ Пестеля; но члены Южнаго Общества тотчасъ же рѣшили воспользоваться требованіемъ Трубецкого въ Кіевѣ для воздѣйствія черезъ него на членовъ Сѣвернаго Общества.

Прежде всего къ нему въ Кіевъ былъ „откомандированъ“ М. Муравьевъ, „дабы склонить его къ принятію мѣръ о распространеніи членовъ въ 4-мъ корпусѣ“. Цѣлый мѣсяцъ Муравьевъ провелъ въ Кіевѣ, но въ его сношеніяхъ съ княземъ „ничего не было примѣчательнаго“ [3]). Въ Кіевѣ Трубецкой видѣлся съ кн. Волконскимъ, Тизенгаузеномъ, съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ; чаще всего съ двумя послѣд-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, стр. 87.
[2]) Тамъ же, стр. 79.
[3]) Показанія М. Муравьева.

ними. Въ своихъ показаніяхъ о сношеніяхъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, Трубецкой вскрываетъ цѣлую картину разлада, существовавшаго внутри Южнаго Общества, несмотря на видимое господство Пестеля. Трудно, конечно, провѣрить справедливость его разсказовъ, такъ какъ Бестужевъ-Рюминъ и Сергѣй Муравьевъ въ своихъ показаніяхъ не вскрывали этихъ отрицательныхъ сторонъ строя Южнаго Общества, но мы увидимъ, что это близко къ дѣйствительности. Трубецкой приписываетъ своему вліянію на Бестужева его охлажденіе къ Пестелю, но это едва ли вѣрно. Трубецкой вообще желалъ достигнуть того, чтобы „оторвать“ Бестужева отъ Пестеля. Въ Муравьевѣ Трубецкой будто бы нашелъ человѣка, недовѣрчиво относящагося къ Пестелю, хотя и поддерживающаго его въ виду общности цѣлей [1]). Но съ другой стороны, несомнѣнно, и на Трубецкого свиданія съ Бестужевымъ и Муравьевымъ тоже произвели впечатлѣніе въ томъ смыслѣ, что онъ получилъ высокое мнѣніе о силѣ Южнаго Общества и принялъ нѣкоторыя изъ его положеній, по крайней мѣрѣ, соглашался, уступая доводамъ Муравьева и Бестужева. Такъ онъ „изъявлялъ согласіе“ на отдѣленіе отъ Россіи Польши, сосѣднихъ съ нею провинцій, соглашался также и на введеніе въ Россіи республики. Правда, въ обоихъ случаяхъ Трубецкой старается увѣрить своихъ судей, что его согласіе не было съ его стороны искреннимъ [2]). Этимъ оправданіямъ можно вѣрить лишь въ томъ смыслѣ, что Трубецкой вообще не отличался устойчивостью своихъ убѣжденій. Во всякомъ случаѣ, уѣзжая изъ Кіева въ Петербургъ къ зимѣ 1825 г., Трубецкой давалъ С. Муравьеву и Бестужеву обѣщанія „употребить все свое стараніе для привлеченія сѣверныхъ членовъ къ едино-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 88; показанія Трубецкого, стр. 15 и стр. 120.

[2]) Показанія Трубецкого, стр. 120 и 136.

душному соединенію“ съ Южнымъ Обществомъ [1]). И самъ Трубецкой признаетъ, что онъ обѣщалъ въ Петербургѣ все устроить „по ихъ желанію“ [2]). Желаніе же членовъ Васильковской Управы заключалось въ томъ, чтобы, въ случаѣ успѣха, временное правленіе было ввѣрено Сѣверному Обществу и затѣмъ долженъ быть выполненъ планъ, придуманный Бестужевымъ. Во всякомъ случаѣ Муравьевъ и Бестужевъ убѣждали Трубецкого, „чтобы онъ уговорилъ членовъ Сѣвернаго Общества оставить пустые споры“ и, набравъ достаточное количество членовъ, начать возстаніе вмѣстѣ съ Южнымъ Обществомъ, согласившись на введеніе республиканскаго правленія [3]). Таковы тѣ соглашенія, съ которыми Трубецкой уѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ.

Онъ далеко не приложилъ личной энергіи къ дѣлу, такъ какъ вообще не склоненъ былъ проявлять усиленной личной инициативы. Но отчетъ, который онъ далъ членамъ Сѣверной Думы, собственно Рылѣеву, долженъ былъ несомнѣнно весьма сильно повліять на усиленіе энергіи самого Рылѣева. Такъ въ дѣйствительности и случилось.

IX.

Рылѣевъ—членъ Сѣверной Думы.

Появленіе Рылѣева въ Обществѣ представляетъ важнѣйшую страницу его исторіи. Въ скоромъ времени вся жизнь Сѣвернаго Общества, можно сказать, концентрируется въ Рылѣевѣ. Мы уже видѣли, что онъ былъ принятъ И. И. Пущинымъ осенью 1823 г., когда Общество

---

[1]) Показанія С. Муравьева, стр. 258 об.

[2]) Показанія кн. Трубецкого, стр. 38.

[3]) Показанія М. Муравьева; показанія Бестужева-Рюмина, стр. 164 и стр. 67.

только стало прочно складываться. По свойству своего характера, Рылѣевъ не могъ довольствоваться медлительной дѣятельностью и холодными разсужденіями о превосходствѣ той или иной конституціи. Онъ былъ болѣе подготовленъ, чѣмъ кто-либо, къ идеямъ Общества: въ то время Рылѣевъ уже былъ поэтомъ съ именемъ, за которымъ установилась извѣстность пѣвца свободы, поэта-гражданина. Онъ воспѣвалъ свободу, гражданскія доблести, внушалъ ненависть къ тирану, и въ его произведеніяхъ въ романтической обстановкѣ вездѣ выдвигалась свободная Русь, гордая мужами, проявляющими высокія гражданскія доблести. Онъ понималъ значеніе свободы, всѣми фибрами своей души чувствовалъ ненависть къ тиранніи; онъ любилъ Россію искреннею, беззавѣтною любовью. Онъ мечталъ о подвигѣ для блага отечества, готовый на самопожертвованіе. Но можно съ увѣренностью сказать, что какъ до вступленія въ Общество, такъ даже и въ періодъ своей бурной дѣятельности въ немъ Рылѣевъ не могъ прочно остановиться на той или иной политической доктринѣ. Въ Общество онъ вошелъ, не имѣя опредѣленнаго воззрѣнія на то, въ какія юридическія формы должна быть воплощена та свобода, къ достиженію которой онъ такъ горячо стремился. . . . . .

Вступивъ въ Общество, Рылѣевъ въ скоромъ времени весь предается самой кипучей дѣятельности. Его задушевный другъ кн. Оболенскій говоритъ, что даже члены должны были сдерживать рвеніе Рылѣева: „Какъ новый членъ,—разсказываетъ Оболенскій,—онъ былъ пораженъ высокою нравственною идеею Общества и потому съ чрезвычайнымъ рвеніемъ старался о распространеніи онаго. Вскорѣ имъ приняты были Бестужевыхъ три брата, Александръ, Николай и Михаилъ. Но симъ кончилось его первоначальное вступленіе, ибо мы препятствовали дальнѣйшему принятію новыхъ членовъ, которые при настоящемъ положеніи Общества были для

онаго безполезны“ [1]). Мы уже знаемъ, что въ первыхъ же засѣданіяхъ Рылѣевъ вызывался составить катехизисъ свободнаго человѣка, собирался писать пѣсни въ народномъ духѣ (катехизиса онъ не составилъ, но нѣсколько пѣсенъ написалъ и онѣ въ свое время пользовались извѣстностью), предлагалъ присоединить къ Сѣверному Обществу „общество моряковъ“, какъ показывали нѣкоторые изъ его сочленовъ, или просто группу моряковъ, какъ утверждалъ самъ Рылѣевъ. Такое Общество появилось гораздо позже. Но вмѣстѣ съ своимъ другомъ, А. Бестужевымъ, Рылѣевъ принялъ цѣлый рядъ лицъ: братьевъ Бестужевыхъ, кн. Одоевскаго, Торсона, Батенькова, Панова, Вильгельма Кюхельбекера, Завалишина, Каховскаго, Арбузова, Якубовича и мн. др.

Вліяніе Рылѣева въ средѣ членовъ Сѣвернаго Общества быстро возрастало. Съ отъѣздомъ кн. Трубецкого въ Кіевъ, Рылѣевъ избранъ членомъ Думы. Этимъ выборомъ создавалось для Рылѣева и широкое поле дѣятельности и весьма отвѣтственное положеніе. Пока въ Думѣ былъ Никита Муравьевъ, можно было не заботиться о планѣ дѣйствій или о проектахъ будущаго государственнаго строя: Муравьевъ очень заботился о будущей конституціи и весьма старательно воздерживался самъ и воздерживалъ другихъ отъ принятія какого-нибудь плана революціонныхъ дѣйствій. Но съ отъѣздомъ Н. Муравьева пришлось пополнить Думу и выборъ палъ на друга Рылѣева—А. Бестужева; это было въ апрѣлѣ 1825 г. [2]). Такимъ образомъ Дума составилась изъ трехъ молодыхъ друзей (въ ней былъ еще кн. Оболенскій). Бестужевъ и Оболенскій не отличались энергіею. Тогдашнее времяпрепровожденіе А. Бестужева хорошо извѣстно. Онъ велъ веселую жизнь гвардейскаго офицера, которому

---

[1]) Показанія кн. Оболенскаго, стр. 7.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, 121.

красота и литературная извѣстность давали достаточный матеріалъ для развлеченій. Всѣ трое не были подготовлены къ выработкѣ опредѣленнаго плана дѣйствій. Мы уже знаемъ, что Оболенскій сильно колебался между двумя крайностями—Пестелемъ и Муравьевымъ. Прочно утвердившаяся въ Обществѣ традиція требовала опредѣленнаго плана будущаго государственнаго устройства, готовой конституціи на случай успѣха. По той же традиціи признавалась конституція Н. Муравьева. Но умѣренные планы Муравьева въ мечтахъ Рылѣева начинаютъ вскорѣ переплетаться съ крайними планами Южнаго Общества.

Положеніе Рылѣева оказалось наиболѣе отвѣтственнымъ. При указанномъ характерѣ его сотоварищей, при ихъ инертности, при тѣсныхъ дружественныхъ связяхъ всѣхъ тропхъ, — вскорѣ вся Дума сосредоточилась въ лицѣ одного Рылѣева. Нѣсколько озлобленный на слѣдствіи Каховскій вскрываетъ эту сторону дѣятельности Думы и его слова вовсе не являются преувеличеніемъ. „Рылѣевъ все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и, сколько я знаю, то по его отрасли совѣщаній никакихъ не было... И члены собирались лишь спорить; но онъ дѣлалъ все по-своему: имъ выбранъ въ диктаторы кн. Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора“ [1]). Этотъ абсолютизмъ Рылѣева въ Думѣ и во всемъ Сѣверномъ Обществѣ является вполнѣ естественнымъ, если принять во вниманіе личныя качества Рылѣева. Онъ обладалъ въ высшей степени всѣми средствами для того, чтобы привлекать къ себѣ довѣріе и любовь окружающихъ начиная съ обаятельной наружности и кончая высокими душевными качествами. Онъ говорилъ съ большимъ воодушевленіемъ, которое вселялъ и въ собесѣдника. „Въ

---

[1]) Щеголевъ, Каховскій. „Былое“, 1906 г. январь, 157.

его взглядѣ, — говоритъ Розенъ, — въ чертахъ его лица виднѣлась одушевленная готовность на великія дѣла; его рѣчь была ясна и убѣждена" и глубоко проникала въ сердца. Его „состраданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины" сдѣлали извѣстнымъ въ столицѣ, говоритъ Н. Бестужевъ. Въ дружбѣ Рылѣевъ былъ чрезвычайно „пылокъ". Онъ готовъ былъ на самопожертвованіе для друзей и успѣлъ неоднократно выказать это качество. Разумѣется, все это въ сильной мѣрѣ привлекало окружающихъ къ Рылѣеву. Можно сказать, его же словами, что именно онъ былъ полонъ „огнемъ душевной силы". Между тѣмъ, по собственнымъ словамъ Рылѣева, въ посланіи къ Бестужеву, вокругъ него была безотрадная картина „труповъ хладныхъ" по отношенію къ дѣламъ Общества:

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А находишь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Насколько Рылѣевъ былъ способенъ къ энергичной дѣятельности, насколько онъ могъ увлечь даже широкіе круги Общества, показываетъ извѣстная исторія дуэли Чернова и Новосильцева. Оба были молодые гвардейскіе офицеры. Черновъ происходилъ изъ бѣдной семьи и случайно попалъ въ Семеновскій полкъ при его переформированіи въ 1820 г. Блестящій гусарскій офицеръ Новосильцевъ сталъ ухаживать за сестрой Чернова, и вскорѣ они были объявлены женихомъ и невѣстой. Но вдругъ Новосильцевъ прерываетъ всякія отношенія, такъ какъ его мать не могла одобрить женитьбы родовитаго дворянина на дочери бѣдной помѣщицы. Дѣло кончилось дуэлью между Черновымъ и Новосильцевымъ, ближайшее участіе въ которой принималъ Рылѣевъ. Оба дуэлянта были смертельно ранены. Черновъ былъ членомъ Тайнаго Общества и дальнимъ родственникомъ

Рылѣева. Поступокъ Чернова былъ настолько популяренъ, что скромная квартира умирающаго безпрестанно наполнялась лицами, ему вовсе неизвѣстными, желавшими выразить ему свое сочувствіе. На похороны собрался весь мыслящій Петербургъ. Во время похоронъ образовалась грандіозная процессія, явившаяся демонстраціей Тайнаго Общества. „Трудно сказать, — пишетъ кн. Оболенскій, — какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища; все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выражало сочувствіе тому, кто собою выразилъ идею общую, которую всякій сознавалъ и сознательно и безсознательно: защиту слабаго противъ сильнаго, скромнаго—противъ гордаго“[1]). „Нашъ братъ Лазарь умеръ“, многозначительно сказалъ на похоронахъ А. Бестужевъ Батенькову, тогда еще не принадлежавшему къ Обществу.

Въ заключеніе приведемъ характеристику Рылѣева, сдѣланную въ своихъ показаніяхъ А. Бестужевымъ и въ немногихъ словахъ выясняющую эту интересную личность: „Рылѣевъ,-- пишетъ А. Бестужевъ, — одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ Общества, человѣкъ весь въ воображеніи, но кромѣ либерализма, составлявшаго, такъ сказать, точку его помѣшательства—чистѣйшей нравственности. Онъ вѣровалъ, что если человѣкъ дѣйствуетъ не для себя, а на пользу ближнихъ, и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, то значитъ само Провидѣніе имъ руководитъ. Это мнѣніе частью дѣлили съ нимъ многіе изъ насъ. Хотя онъ былъ лучшій мой другъ, но для истины не скрою, что онъ былъ главною пружиною предпріятія: воспламенялъ всѣхъ своимъ поэтическимъ воображеніемъ, подкрѣпляя своею настойчивостью. Онъ первый далъ мысль, чтобы служить въ палатахъ для показанія, что люди облагораживаютъ мѣста и для примѣра безкорыстія. Ему послѣдовалъ Пущинъ, и потомъ, по переходѣ

1) „Девятнадцатый вѣкъ“, т. I, 319.

сего послѣдняго въ Москву въ надворный судъ, многіе молодые люди сдѣлали то же. Онъ часто укорялъ меня за лѣность и равнодушіе къ Обществу — я отзывался, что берегу свою дѣятельность на дѣло. Пріѣздъ и намѣреніе Якубовича зажгло потухшую искру начать дѣйствіе, но какъ бы то ни было, если замыселъ Якубовича былъ непреложенъ, онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ отклоненію удара. Въ вопросѣ объ уничтоженіи царствующей фамиліи онъ всегда былъ мнѣнія, чтобы оставить въ покоѣ Константина Павловича для того, чтобы новое правленіе не раздѣлилось на партіи, имѣя грозу на границахъ. — Изъ этого видно, какіе дѣтскіе были у насъ расчеты; да и въ преобразованіи Россіи, признаюсь, насъ болѣе всего прельщало русское платье и русскія названія чиновъ. Со смертію государя императора его квартира была сборнымъ мѣстомъ заговорщиковъ. Онъ приглашалъ къ себѣ новыхъ знакомцевъ изъ полковъ, принималъ извѣстія, уговаривалъ всѣхъ. Дня за два у насъ было шумное засѣданіе; между прочимъ Рылѣевъ думалъ, что если не удастся, то съ поднятыми полками ретироваться на поселенія. Я сказалъ, что для марша надобны деньги, и для этого не худо захватить положенныя въ губернскомъ правленіи, заимообразно. Онъ очень разсердился за такое мнѣніе и сказалъ, что это будетъ грабежъ, что собственность должна быть неприкосновенна. Впрочемъ, прибавилъ: „теперь нечего разсуждать, наше дѣло будетъ слушаться приказовъ начальника“. Съ вечера сдѣлавъ распорядокъ, кому гдѣ быть и какъ итти, разошлись. Передъ дѣломъ я зашелъ къ нему спросить, нѣтъ ли какихъ новыхъ распоряженій, онъ сказалъ: „теперь Богъ управитъ остальное“. — На площади его видѣлъ мелькомъ съ гвардейскимъ экипажемъ и болѣе уже не видалъ“.

Таковы особенности характера Рылѣева, которыя влекли его къ кипучей дѣятельности и которыя создавали широкій просторъ для нея. Но не надо забывать,

что Рылѣевъ, по словамъ Николая Бестужева, на всѣхъ и на все способенъ былъ смотрѣть „въ радужные очки своей прекрасной души“. Отдаваясь со всѣмъ пыломъ молодости и свѣжести излюбленной идеѣ, Рылѣевъ въ высшей мѣрѣ способенъ былъ увлекаться ею, былъ скорѣе мечтателемъ, чѣмъ политикомъ, и не умѣлъ хладнокровно обсудить тѣхъ препятствій, которыя должны встрѣтиться на пути къ осуществленію его цѣлей. Эта черта свойственна и многимъ другимъ декабристамъ, но у Рылѣева она проявлялась въ высокой мѣрѣ.

Итакъ, Рылѣевъ былъ способенъ сообщить Тайному Обществу свою богатую энергію, свое пылкое стремленіе къ свободѣ, но онъ не могъ дать ни тонко обдуманнаго плана дѣйствій, ни зрѣло обдуманнаго плана будущаго государственнаго устройства, что, несомнѣнно, одно съ другимъ связывалось. Поэтъ не могъ превратиться въ юриста, человѣкъ съ открытымъ довѣрчивымъ характеромъ — въ замкнутаго конспиранта. Рылѣевъ постоянно колебался между монархіей и республикой. Онъ усвоилъ себѣ конституціонный планъ Н. Муравьева, но холодная убѣдительность доводовъ Пестеля заставляла его безпрестанно колебаться. Онъ не могъ остановиться окончательно ни на монархіи, ни на республикѣ, находя доводы за и противъ той и другой формы правленія. Иногда онъ доказывалъ, что Россія еще не созрѣла для республиканскаго правленія. Но въ душѣ онъ тяготѣлъ къ устройству Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; ему иногда представлялось возможнымъ даже такое устройство государства, при которомъ императоръ обладалъ бы властью президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. „Мы желаемъ монархіи ограниченной, — говорилъ Рылѣевъ Штейнгелю, — только съ тѣмъ, чтобы раздѣлить Россію на области, подобныя Сѣверо-Американскимъ Штатамъ“. Но въ то же время онъ нерѣдко высказывался противъ монархіи. Въ разговорѣ съ Батеньковымъ

онъ доказывалъ, что „въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ, ни истинныхъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ отъ аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ“ [1]). Это раздвоеніе и вело къ тому, что Рылѣевъ представлялъ себѣ будущее Россіи съ государственнымъ устройствомъ штатовъ и съ императоромъ во главѣ. „Въ разговорахъ своихъ, — показываетъ онъ, — о разныхъ образахъ правленія, я всегда отдавалъ преимущество уставу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, полагая, что онъ для Россіи удобнѣе всѣхъ другихъ по ея обширности, разности народовъ, ее населяющихъ. Объ англійской конституціи говорилъ я, что она устарѣла и имѣетъ множество пороковъ; но никогда не старался убѣждать другихъ, что уставъ Штатовъ надобно ввести въ Россіи безъ перемѣнъ. Я всегда говорилъ, что вмѣсто президента для Россіи нуженъ императоръ“.

Несомнѣнно, въ этихъ колебаніяхъ Рылѣева между монархіей и республикой большую роль сыграло то впечатлѣніе, которое на Рылѣева произвелъ Пестель. Рылѣевъ отошелъ влѣво отъ воззрѣнія Н. Муравьева, но и не дошелъ до планомѣрности воззрѣній Пестеля. Отъ Муравьева Рылѣевъ отличался бо́льшимъ демократизмомъ. Онъ считаетъ опредѣленіе избирательнаго ценза конституціею Муравьева несогласнымъ „съ законами нравственности“. Онъ также считалъ необходимымъ освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ не только огородною землею, какъ предполагалось у Муравьева, но и полевою землею [2]). Отъ Пестеля и С. Муравьева Рылѣевъ отличался бо́льшимъ стремленіемъ къ реставраціи русскихъ національныхъ учрежденій и не предполагалъ навязать народу ту или другую форму конституціи: по

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 166.

[2]) „Девятнадцатый вѣкъ“, т. I, 361.

его убѣжденію, „великій соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій народа“ долженъ рѣшить судьбу государства въ случаѣ успѣха революціи [1]). Въ этомъ сказался поклонникъ новгородской вольности, съ горечью вспоминавшій о печальной судьбѣ Пскова, гдѣ „задушены послѣднія вспышки русской свободы“ [2]).

Итакъ, политическія воззрѣнія Рылѣева не отличались опредѣленностью. Несомнѣнно, однако, что съ теченіемъ времени мысли Рылѣева болѣе и болѣе сближаются съ взглядами Пестеля. Интересно, что онъ даже воспринимаетъ идею временнаго правленія, противъ которой онъ самъ раньше протестовалъ. Очень вѣроятно, что и въ этомъ отношеніи онъ колебался, но достойно замѣчанія то обстоятельство, что такое мнѣніе онъ иногда высказывалъ, какъ мнѣніе всего Тайнаго Общества. Рылѣевъ говорилъ Каховскому, что „Дума на нѣкоторое время должна будетъ удержать правленіе за собой“, и на возраженія Каховскаго сказалъ ему: „Ты хочешь отъ аристократовъ чего добраго? Что, Мордвинова что ли сдѣлать правителемъ? Пожалуйста не мѣшайся, ты ничего болѣе, какъ рядовой въ Обществѣ, да и отъ меня немного зависитъ; какъ опредѣлитъ Дума, такъ и будетъ“ [3]). Несмотря на отрицанія Рылѣева, этому показанію Каховскаго должно вѣрить: оно передаетъ мнѣніе Южнаго Общества, о которомъ едва ли имѣлъ какое-нибудь понятіе Каховскій.

Если Рылѣевъ задумывался надъ вопросомъ о республикѣ съ императоромъ во главѣ или безъ него, то ему приходилось иногда останавливаться и на мысли о томъ, что дѣлать съ императоромъ и императорской фамиліей, если она не согласится признать новаго порядка вещей. Въ его показаніяхъ мы встрѣчаемъ полупризнаніе, что мысль о цареубійствѣ не разъ занимала Рылѣева. „Въ

1) Показанія Рылѣева, стр. 57 об.
2) „Русскій Архивъ“, 1890, № 6, 143.
3) Щеголевъ, „Былое“, 1906 г., январь, 164.

заключеніе, дабы совершенно успокоить себя, — говоритъ онъ,—я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Я полагалъ, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли Общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партію, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи и что все это совокупно, неминуемо породить междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи, я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или по крайней мѣрѣ ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ, да и самъ, наконецъ, рѣшительно обратился къ прежней мысли своей, что участь царствующаго дома, а равно и то, какой образъ правленія ввести въ Россіи, въ правѣ только рѣшить великій соборъ, что постоянно и старался внушить всѣмъ извѣстнымъ мнѣ членамъ“ [1]). Но Рылѣевъ не все сказалъ на слѣдствіи. Этому мягкому человѣку, которому казалось, что онъ снискалъ довѣріе верховнаго слѣдователя, тронувшаго его заботами о семьѣ, было тяжело признаться, что онъ не только мечталъ самъ съ собою объ истребленіи царской фамиліи, но временами признавалъ эту мѣру необходимой. Въ виду подтвердительныхъ показаній А. Бестужева, Каховскаго, М. Муравьева-Апостола, можно вѣрить, что Рылѣевъ примирялся и съ этою мыслью. А. Бестужевъ признаетъ что и онъ самъ раздѣлялъ эту мысль: она созрѣла у Рылѣева около половины 1825 года, и потомъ мы увидимъ, подъ какимъ вліяніемъ. „Оболенскій и Рылѣевъ сказали, — показываетъ

---

[1]) Показанія Рылѣева, стр. 59.

А. Бестужевъ, — вслѣдствіе, кажется, южныхъ инстигацій, что надобно уничтожить всю фамилію — не знаю, какіе были ихъ виды, кажется тѣ, чтобъ не оставить точки опоры приверженцамъ, и я присталъ къ этому же мнѣнію“ [1]). Правда, Рылѣевъ иногда колебался. Зная характеръ Рылѣева, нетрудно предвидѣть, что онъ не былъ способенъ быть убійцею; оттого и неудивительно, что онъ иногда какъ бы спохватывался и строилъ планы объ увозѣ царской фамиліи за границу, какъ будто боясь, чтобы дѣйствительно не совершилось цареубійство, какъ бы не довѣряя самому себѣ.

Но періодами мысль о цареубійствѣ настолько завладѣвала Рылѣевымъ, что онъ даже подыскивалъ „отверженное лицо“ и ставилъ его въ такое же точно положеніе, въ какое ставилъ Пестель. Такое лицо онъ и нашелъ впослѣдствіи въ лицѣ Каховскаго.

Итакъ, вотъ къ чему въ конечномъ результатѣ, который выяснился во второй половинѣ 1825 г., подходилъ Рылѣевъ. Разумѣется, это были скорѣе мечты съ постоянными колебаніями въ ту или другую сторону, но не хладнокровно составленный планъ дѣйствій. Эти мечты были очень далеки отъ зрѣло обдуманнаго плана, выработаннаго въ Южномъ Обществѣ. Но если теперь мы сопоставимъ то, къ чему пришелъ Рылѣевъ, сдѣлавшись распорядителемъ Сѣвернаго Общества, съ тѣмъ, къ чему подходилъ Н. Муравьевъ, то разница получится весьма существенная. Рылѣевъ колебался въ томъ, какъ надо дѣйствовать, но, во всякомъ случаѣ, самъ дѣйствовалъ и побуждалъ другихъ, заражая ихъ своею энергіею. Между тѣмъ планъ Н. Муравьева разсчитанъ былъ на сравнительно медленную подготовку Общества къ принятію опредѣленной, именно имъ самимъ составленной конституціи. Сопоставимъ этотъ планъ, выработанный Муравьевымъ до своего отъѣзда изъ Петербурга, слѣдова-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 123.

тельно, къ началу 1825 года, съ порывистыми мечтаніями Рылѣева. Н. Муравьевъ предполагалъ: „1) распространить между всѣми состояніями людей множество экземпляровъ моей конституціи, лишь только оная будетъ мною окончена; 2) произвесть возмущеніе въ войскѣ и обнародовать оную; 3) по мѣрѣ успѣховъ военныхъ, во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ приступить къ собранію избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, мѣстныхъ управленій, учрежденію областныхъ палатъ, а въ случаѣ великихъ успѣховъ и народнаго вѣча; 4) если бъ и тогда императорская фамилія не приняла конституціи, то, какъ крайнее средство, я предлагалъ изгнаніе оной и предложеніе республиканскаго правленія“ [1]).

И въ этомъ планѣ, какъ крайнее средство, предполагается увозъ царской фамиліи, о чемъ нерѣдко говорилъ и Рылѣевъ.

Мы выяснили настроеніе Сѣвернаго Общества, сливавшееся съ настроеніемъ его вдохновителя, въ самый бурный годъ жизни этого Общества. Радикальныя мысли, къ которымъ пришелъ Рылѣевъ, создавались въ немъ постепенно, какъ разъ подъ вліяніемъ событій этого года. Намъ теперь надлежитъ познакомиться съ жизнью Общества въ 1825 г.

X.

Сѣверное Общество наканунѣ революціи.

Александръ Бестужевъ и кн. Оболенскій утверждаютъ, что 1825 годъ начался для Сѣвернаго Общества при предзнаменованіяхъ, говорившихъ, что все пройдетъ спокойно. Въ началѣ этого года „по дѣламъ Общества

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 57, показаніе Н. Муравьева.

все находилось въ какомъ-то затишьѣ". Многіе члены разъѣхались изъ Петербурга: Трубецкой былъ въ Кіевѣ, Пущинъ и Нарышкинъ—въ Москвѣ, Н. Тургеневъ—за границей [1]). Къ этому можно прибавить, что въ скорости уѣхалъ къ себѣ въ деревню на продолжительное время и Н. Муравьевъ. По словамъ А. Бестужева, „все Общество въ бездѣйствіи, не имѣя ни средствъ, ни предлога, что-либо предпринять". „Я ничего не видѣлъ вблизи, до смерти Александра I", прибавляетъ онъ [2]).

Но дѣйствительность оказалась далеко не такой. 1825 годъ былъ весьма бурнымъ годомъ, въ который Рылѣевъ съ наибольшею силою развилъ свою энергію. Къ этому году относится появленіе въ Обществѣ Якубовича, Каховскаго, и, наконецъ, уже окрѣпли связи съ морскими офицерами, о чемъ мечталъ Рылѣевъ еще съ самаго момента своего вступленія въ Общество. Всѣ эти обстоятельства усилили Общество и, главнымъ образомъ, подѣйствовали на Рылѣева, легко поддававшагося экзальтаціи. Якубовичъ и Каховскій почти одновременно вступили въ сношенія съ представителями Сѣвернаго Общества.

Якубовичъ служилъ въ гвардіи, но затѣмъ былъ тѣмъ же чиномъ переведенъ на Кавказъ. Въ Грузіи онъ прославилъ себя битвами съ горцами, такъ что явился въ Петербургъ окруженный ореоломъ героя. Въ Петербургѣ онъ долѣчивалъ свою рану. Еще въ Москвѣ онъ встрѣтился со своимъ старымъ пріятелемъ Александромъ Бестужевымъ. По словамъ послѣдняго, Якубовичъ—„замѣчательное лицо". Пріятели сдружились, „либеральничали вмѣстѣ, но другъ другу совсѣмъ еще не открылись". Разсѣянная жизнь въ Москвѣ мало способствовала серьезнымъ разговорамъ. Когда Якубовичъ и Бестужевъ возвратились въ Петербургъ, тогда всѣ три

[1]) Воспоминанія, „Общественныя движенія", 243.
[2]) Мемуары декабристовъ, 122.

директора ближе ознакомились съ Якубовичемъ [1]). Это было въ самомъ концѣ 1824 г. или въ первые дни 1825 года.

Рылѣевъ еще до пріѣзда Якубовича въ Петербургъ много слышалъ „о его подвигахъ противъ горцевъ и о его рѣшительномъ характерѣ“. Съ перваго же свиданія Рылѣевъ имѣлъ намѣреніе принять Якубовича въ члены Общества. Подходящій предлогъ далъ самъ Якубовичъ. Въ дружеской бесѣдѣ съ Рылѣевымъ, Оболенскимъ и А. Бестужевымъ Якубовичъ открылъ имъ причину своего пріѣзда въ Петербургъ. Между пріятелями произошло въ высшей степени интересное объясненіе. Якубовичъ сказалъ имъ:

— Господа, признаюсь, я не люблю никакихъ тайныхъ обществъ. По моему мнѣнію, одинъ рѣшительный человѣкъ полезнѣе всѣхъ карбонаровъ и масоновъ. Я знаю, съ кѣмъ я говорю, и потому не буду опасаться. Я жестоко оскорбленъ царемъ! Вы, можетъ, слышали. (Тутъ вынувъ изъ бокового кармана полуистлѣвшій приказъ о немъ по гвардіи и подавая оный мнѣ, — разсказываетъ Рылѣевъ,—онъ продолжалъ все съ большимъ и большимъ жаромъ). Вотъ пилюля, которую я восемь лѣтъ ношу у ретивого. Восемь лѣтъ жажду мщенія!“

И сорвавъ повязку съ головы, такъ что показалась кровь, онъ продолжалъ:

— Эту рану можно было залѣчить и на Кавказѣ безъ вашихъ Арентовъ и Буяльскихъ; но я этого не захотѣлъ и обрадовался случаю хоть съ гнилымъ черепомъ добраться до оскорбителя. Но, наконецъ, я здѣсь! И увѣренъ, что ему не ускользнуть отъ меня. Тогда пользуйтесь случаемъ, дѣлайте, что хотите! Созывайте вашъ великій соборъ и дурачьтесь досыта!

Слова Якубовича, голосъ, движенія, зіяющая рана произвели на слушателей сильное впечатлѣніе. Все это

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 121—122.

было совершенно для нихъ неожиданно. Мечтая о переворотѣ, они еще были слишкомъ далеки отъ мысли реальнаго его осуществленія съ пролитіемъ крови. Наболѣе впечатлительный Рылѣевъ, стараясь скрыть свое волненіе, тутъ же пытался охладить Якубовича, представляя ему, что такой поступокъ можетъ его обезславить, что, при его дарованіяхъ и съ его именемъ, онъ можетъ быть гораздо полезнѣе для отечества. Якубовичъ возражалъ, что онъ знаетъ только двѣ страсти, которыми движется міръ: благодарность и мщеніе; всѣ другія—не страсти, а страстишки; онъ словъ на вѣтеръ не пускаетъ и свое намѣреніе непремѣнно приведетъ въ исполненіе, и даже назначилъ два срока—время маневровъ или петергофскій праздникъ. Несмотря на настоянія Рылѣева, Якубовичъ продолжалъ выражать твердое намѣреніе убить государя.

— Я не хочу принадлежать ни къ какому обществу,— говорилъ онъ, — чтобы не плясать по чужой дудкѣ. Я сдѣлаю свое, а вы пользуйтесь этимъ, какъ хотите. Коли удастся послѣ этого увлечь солдатъ, то я разовью знамя свободы, а не то истреблюсь: мнѣ наскучила жизнь.

Твердость намѣренія Якубовича настолько поразила его собесѣдниковъ, что, по словамъ А. Бестужева, Рылѣевъ даже говорилъ (въ этотъ или въ слѣдующій разъ, трудно сказать), что готовъ на колѣняхъ просить Якубовича хотя бы на время отложить свое намѣреніе.

На этотъ разъ такъ переговоры ничѣмъ не окончились. По дорогѣ домой Рылѣевъ продолжалъ съ А. Бестужевымъ обсуждать предложеніе Якубовича, и оба рѣшили остановить его намѣреніе. Этотъ инцидентъ привелъ въ волненіе все Общество. Рылѣевъ сейчасъ же сообщилъ Одоевскому, Н. Муравьеву и Бригену. Всѣ были согласны въ томъ, что Якубовича необходимо удержать во что бы то ни стало, и это было возложено на Рылѣева. На слѣдующій день Рылѣевъ „пробился“ два часа съ Якубовичемъ, представляя ему все тѣ же

доводы, но Якубовичъ стоялъ на своемъ. Бывшій при этихъ разговорахъ Одоевскій, выйдя съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ, высказалъ мнѣніе, что ему Якубовичъ представляется просто сумасшедшимъ и пустымъ говоруномъ. Напротивъ, Рылѣеву онъ казался „самымъ опаснымъ человѣкомъ и для Общества нашего и для видовъ опаго“. Долго говорили объ этомъ пріятели, и, прощаясь, Рылѣевъ сказалъ:

— Я рѣшился на все! Его завтра же вышлютъ! Прощайте, господа!

Бестужевъ и Одоевскій въ первый моментъ не обратили вниманія на эту угрозу Рылѣева. Но на другой день рано утромъ оба они уже были у Рылѣева, и Бестужевъ ему сказалъ:

— Рылѣевъ, на что ты рѣшаешься, подумай, любезный, ты обезславишь себя! Чѣмъ доносить, не лучше ли взять какія-нибудь другія мѣры. Лучше драться съ Якубовичемъ!

Рылѣевъ, видимо, и самъ одумался и заявилъ, что готовъ еще испытать средства, но, въ случаѣ неудачи, „готовъ на все“. Рѣшено было тутъ же попробовать уговорить Якубовича отложить на время свое намѣреніе, представивъ ему, что Общество еще не готово для того, чтобы воспользоваться его предложеніемъ. Всѣ трое отправились къ Якубовичу и послѣ продолжительныхъ убѣжденій уговорили его отложить свое намѣреніе на годъ, а впослѣдствіи Рылѣевъ склонилъ его отложить и на неопредѣленное время [1]).

Тутъ является вопросъ о тѣхъ побудительныхъ причинахъ, вслѣдствіе коихъ члены Сѣвернаго Общества такъ странно отнеслись къ намѣренію Якубовича. Въ числѣ мотивовъ, представленныхъ Якубовичу, мелькаетъ

---

[1]) Разсказъ А. Бестужева. „Мемуары декабристовъ“, 122; Н. Муравьевъ, тамъ же, 52; показанія Рылѣева, стр. 42—50; показанія Якубовича. Недопуская до очной ставки съ Рылѣевымъ, Якубовичъ призналъ весь его разсказъ.

и тотъ, что въ данный моментъ Общество не было готово воспользоваться услугами Якубовича. Но былъ ли это только мотивъ для Якубовича, не посвященнаго въ тайны Общества, или дѣйствительно такъ было рѣшено въ Сѣверной Думѣ? Надо сознаться, что истинные мотивы такого отношенія членовъ Общества къ предположенію Якубовича остались для насъ скрытыми. На общемъ фонѣ искренняго желанія удержать Якубовича замѣтна нѣкоторая двойственность. Но самое отвѣтственное опредѣлить, принадлежитъ ли эта двойственность всему Обществу или по крайней мѣрѣ его Думѣ, или только отдѣльнымъ его членамъ. Если бы въ Думѣ въ данный моментъ склонялись къ цареубійству, то это обстоятельство было бы раскрыто на слѣдствіи, какъ и всѣ другія обстоятельства. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что Н. Муравьевъ, помимо общаго сдерживающаго направленія, которое онъ давалъ Обществу, не былъ склоненъ ни въ какомъ случаѣ къ цареубійству. Онъ, какъ и нѣкоторые другіе члены въ Москвѣ, искренне высказался противъ цареубійства. Съ другой стороны, Общество въ данный моментъ, дѣйствительно, не считало себя подготовленнымъ къ такому рѣшительному шагу. Поэтому, и болѣе рѣшительные члены понимали, что сейчасъ воспользоваться предложеніемъ Якубовича невозможно, безполезно и даже опасно для существованія и цѣлей Общества. Конечно, откровенное признаніе Рылѣева могло бы все выяснить въ данномъ вопросѣ, но онъ всячески затушевывалъ этотъ инцидентъ, какъ и свои переговоры съ Каховскимъ. Вообще Рылѣевъ достовѣрно показывалъ по всѣмъ вопросамъ, кромѣ вопроса о цареубійствѣ. Однако его разговоръ съ Трубецкимъ, по пріѣздѣ послѣдняго въ Петербургъ,—уже полупризнаніе (стр. 293). Трубецкой въ своихъ показаніяхъ довольно опредѣленно намекаетъ, что Рылѣевъ считалъ предпріятіе Якубовича неудобнымъ въ данный моментъ только по неподготовленности Общества. По своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ

разсказываетъ, между прочимъ, князь Трубецкой, онъ узналъ, что князь Оболенскій „полагалъ, что Общество не въ состояніи будетъ пользоваться преступленіемъ Якубовича“, а Рылѣевъ ему сказалъ, что Якубовичъ „долженъ будетъ прежде ѣхать въ грузинскій корпусъ, изъ коего будетъ стараться возвратиться сюда, и на вопросъ мой, что если и тогда Общество не будетъ готово, то что́ сдѣлаетъ Якубовичъ, Рылѣевъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ отложитъ исполненіе своего намѣренія, что его можно будетъ уговорить“. Правда, изложенный разговоръ происходилъ значительно позже, когда мысль самого Рылѣева въ данномъ направленіи окрѣпла. Но мы сейчасъ увидимъ, что поѣздка Бригена въ Кіевъ къ Трубецкому вскорѣ послѣ переговоровъ съ Якубовичемъ, повидимому, имѣла опредѣленную цѣль—развѣдать на югѣ о томъ, можно ли теперь же воспользоваться предложеніемъ Якубовича.

Итакъ, какъ кажется, дѣло обстояло такимъ образомъ, что часть членовъ съ Н. Муравьевымъ искренне воспротивилась намѣренію Якубовича и даже нѣкоторые готовы были во что бы то ни стало ему воспрепятствовать, другая же часть съ Рылѣевымъ и Оболенскимъ колебалась, но главнымъ образомъ по причинѣ неподготовленности Общества. У Рылѣева въ скоромъ времени могло прибавиться и еще одно соображеніе, касающееся собственно личности Якубовича, когда съ такимъ же намѣреніемъ предложилъ свои услуги Каховскій. Во всякомъ случаѣ эта двойственность въ средѣ членовъ сказалась и на послѣдующихъ сношеніяхъ членахъ Общества по тому же поводу. Петербургскіе члены сочли необходимымъ обмѣняться мнѣніями съ наиболѣе видными членами Общества. Въ показаніяхъ, этотъ обмѣнъ мнѣній выставляется въ такомъ свѣтѣ, что Сѣверная Дума, убѣдившись, что Якубовичъ только откладываетъ свое намѣреніе, рѣшила опросить мнѣніе членовъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго удержанія Якубовича. Но, можетъ-быть,

въ этомъ можно видѣть и нѣкоторое колебаніе относительно того, не воспользоваться ли предложеніемъ Якубовича. Сдѣлать такой опросъ мнѣній членовъ въ Москвѣ и Кіевѣ направились нѣкоторые изъ петербургскихъ членовъ. Рылѣевъ просилъ Бригена заѣхать къ Трубецкому въ Кіевъ и разсказать ему о предложеніи Якубовича [1]).

Н. Муравьевъ, отправляясь въ свои деревни, поѣхалъ черезъ Москву и тутъ имѣлъ совѣщаніе съ Пущинымъ, Нарышкинымъ, Семеновымъ, и даже вызванъ былъ изъ своей деревни Фонъ-Визинъ. Всѣ московскіе члены, по словамъ Н. Муравьева, были противъ намѣренія Якубовича. Фонъ-Визинъ говорилъ, что хотя онъ въ душѣ своей увѣренъ, что Якубовичъ не исполнитъ свое намѣреніе, но „долгъ нашъ ему въ томъ воспрепятствовать“. Фонъ-Визинъ давно уже не принималъ никакого участія въ дѣлахъ Общества и даже говорилъ въ этомъ собраніи, что „Общество, по моему мнѣнію, можетъ сдѣлать одну только хорошую вещь — разойтись и посовѣтовать своимъ членамъ заняться исполненіемъ своихъ семейныхъ обязанностей“. Тогда же рѣшено было, что Нарышкинъ по дорогѣ въ свое крымское имѣніе заѣдетъ въ Кіевъ къ Трубецкому и сообщитъ ему о рѣшеніи сѣверныхъ членовъ и спроситъ мнѣніе Трубецкого, какимъ образомъ предупредить намѣреніе Якубовича, не подвергая опасности существованія Общества [2]). Насколько члены московскаго совѣщанія были искренни въ этомъ вопросѣ, свидѣтельствуетъ черновикъ письма, найденнаго при арестѣ у Фонъ-Визина; письмо это, помѣченное 13 января 1825 года, представляетъ собою доносъ на Якубовича; оно не было отправлено по адресу только потому, объяснялъ на слѣдствіи Фонъ-Визинъ, что онъ хотѣлъ собрать еще болѣе точныя свѣдѣ-

---

[1]) Показанія Рылѣева, стр. 50 об.

[2]) „Мемуары декабристовъ“, 52—53.

нія о Якубовичѣ, но ихъ получить ему потомъ не удалось [1]).

Тамъ же, въ Москвѣ, Н. Муравьевъ отдѣльно совѣщался съ ген. Орловымъ по тому же вопросу. Орловъ, видя, что съ нимъ говоритъ Муравьевъ, какъ съ сочленомъ, сказалъ ему: „Вы знаете ли, что я не принадлежу уже болѣе вамъ и не знаю даже, изъ кого состоитъ теперь Общество ваше". На это ему возразилъ Муравьевъ: „Несмотря на то, Сѣверная Дума желаетъ имѣть ваше мнѣніе". Генералъ Орловъ былъ также противъ цареубійства [2]).

Между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, Фонъ-Бригенъ, по порученію Рылѣева, долженъ былъ заѣхать къ кн. Трубецкому, а Нарышкинъ долженъ былъ сдѣлать то же самое, по порученію Н. Муравьева. Кромѣ этого совѣщанія съ Трубецкимъ о намѣреніи Якубовича, оба они имѣли также цѣлью разузнать о состояніи Южнаго Общества; это, съ несомнѣнностью, относится, по крайней мѣрѣ, къ Бригену. Оба они были въ Кіевѣ въ разное время и видѣлись не только съ Трубецкимъ, но и съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ. Бригенъ всѣмъ троимъ объявилъ о намѣреніи Якубовича и разспрашивалъ о состояніи Южнаго Общества. Бестужевъ разсказалъ Бригену, что Общество очень сильно и что оно въ лагерѣ подъ Лещинымъ едва не начало возстанія. „Бригенъ былъ очень радъ это слышать,—разсказываетъ М. Муравьевъ,—онъ сказалъ, что онъ намѣревался ѣхать за границу въ 1826 году, но что оставляетъ сіе намѣреніе" [3]). Нарышкинъ былъ нѣсколько позже Бригена. Отъ обоихъ членовъ Васильковской Управы онъ получилъ тѣ же отрадныя свѣдѣнія о состояніи Южнаго Общества и о намѣреніи его въ 1826 году ввести рес-

---

[1]) Показанія М. Фонъ-Визина, стр. 4—5.
[2]) „Мемуары декабристовъ", 53.
[3]) Показанія М. Муравьева.

публику. Нарышкинъ съ большими подробностями разсказываетъ о своихъ разговорахъ съ Трубецкимъ и съ Бурцевымъ, къ которому онъ ѣздилъ по порученію Трубецкого. Оба весьма рѣшительно высказывались противъ такого намѣренія [1]). Очень возможно, что отставшій отъ Общества Бурцевъ и высказывался рѣшительнымъ образомъ противъ цареубійства. Очень возможно также, что Трубецкой съ Нарышкинымъ говорили въ томъ же духѣ, такъ какъ показанія ихъ обоихъ, данныя независимо одно отъ другого, совпадаютъ. Но относительно Бригена нельзя сказать того же, и, вѣроятно, данное ему Рылѣевымъ порученіе было такого характера, что о немъ приходилось на слѣдствіи всячески замалчивать. Изъ приведенныхъ словъ М. Муравьева, можетъ-быть, бывшаго тогда еще въ Кіевѣ, видно, что Бригенъ былъ пріятно удивленъ, узнавъ о силахъ Южнаго Общества.

Этими переговорами исчерпывается инцидентъ съ Якубовичемъ. Повторяемъ, что весьма трудно съ достовѣрностью уяснить ту позицію, которую въ немъ занималъ Рылѣевъ: считалъ ли онъ тогда цареубійство дѣломъ ненужнымъ для успѣха намѣренiй Общества, или щадилъ кавказскаго героя, признавая его нужнымъ для Общества въ случаѣ успѣха революціи и слишкомъ дорогою жертвою для Общества,—все это трудно сказать. Ясно только, что Рылѣевъ имѣлъ какія-то соображенія, въ силу коихъ стремился удержать Якубовича. Можетъ-быть, онъ подыскивалъ для той же цѣли менѣе полезнаго для Общества „отверженнаго человѣка“. Это выясняется изъ его отношеній къ Каховскому.

Каховскій является одной изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ средѣ декабристовъ. Мало общительный, мрачно настроенный, онъ стоялъ особнякомъ, тая въ себѣ ненависть къ поработителямъ свободы и неуклон-

---

[1]) Показанія Трубецкого, стр. 16; показанія Нарышкина, стр. 9 и 22; показанія М. Муравьева.

ную отвагу для борьбы съ ними. Каховскій еще съ юности былъ „воспламененъ“ героями древности. Неудивительно поэтому, что Рылѣевъ билъ по его чувствительной струнѣ, когда восхвалялъ заслуги Брута. „Человѣкъ чѣмъ-то огорченный, одинокій, мрачный, готовый на обреченіе,—однимъ словомъ Каховскій. Онъ самъ предложилъ себя, на случай надобности въ сеиды“ [1]). Подъ этой мрачной и некрасивой наружностью скрывались огромная энергія и способность къ самопожертвованію. Весь складъ ума Каховскаго, всѣ его чувства были проникнуты самоотверженной любовью къ отечеству съ нѣсколько романтической подкладкой. Умереть за родину или пострадать за нее представлялось ему высокимъ чувствомъ самоудовлетворенія. „Мнѣ не нужна и свобода; я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ: тотъ силенъ, кто позналъ въ себѣ силу человѣчества“, писалъ Каховскій своимъ судьямъ. Такъ же относится онъ и къ смерти: „Я за первое благо считалъ не только жизнью — честью жертвовать пользѣ моего отечества. Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ самую минуту наслажденія,—не все ли равно. Но что можетъ быть слаще, какъ умереть, принеся пользу“. По собственному признанію, онъ такъ былъ проникнутъ любовью къ отечеству, стремленіемъ принести ему пользу, что одна мысль о бѣдахъ, претерпѣваемыхъ Россіей, приводила его „въ раздраженіе“ [2]). Идея умерщвленія тирана соотвѣтствовала всему складу души и ума Каховскаго. Романтически настроенный, онъ искалъ подвига, и такимъ подвигомъ ему представлялась месть тирану. Неудивительно поэтому, что сотоварищи считали Каховскаго „пылкой душой“, „вторымъ Зандомъ“.

Не надо, однако, думать, что въ лицѣ Каховскаго мы видимъ энтузіаста, готоваго дѣйствовать подъ вліяніемъ

---

[1]) Записка барона Штейнгеля, „Общественныя движенія“, 437.

[2]) Щеголевъ, „Былое“, январь, 1906, стр. 141—143.

охватившей его страсти. Каховскій былъ человѣкъ хорошо образованный, съ сложившимися политическими взглядами, съ богатымъ запасомъ наблюденій надъ русской и иностранной жизнью.

Онъ самъ признаетъ въ письмѣ изъ крѣпости къ генералу Левашову, что его убѣжденія, какъ и многихъ другихъ, сложились гораздо раньше знакомства съ Тайнымъ Обществомъ [1]). Каховскій собирался уѣхать въ Грецію, гдѣ тогда лилась кровь за свободу, и передъ отъѣздомъ попалъ въ Петербургъ. Тутъ онъ встрѣтился съ своимъ старымъ знакомымъ Рылѣевымъ, и знакомство вскорѣ перешло въ дружбу. Они часто видались, и „при свиданіяхъ разговоръ нашъ шелъ большею частью о правительствѣ. Согласіе въ мнѣніяхъ насъ подружило". Каховскій былъ принятъ Рылѣевымъ въ Общество [2]). Онъ началъ усиленно дѣйствовать и вербовать новыхъ членовъ. „Особливо старайся, — наставлялъ Каховскаго Рылѣевъ, — принимать офицеровъ гвардіи, но будь осторожевъ въ выборѣ и не открывай цѣль настоящую, а лишь возбуждай ненависть къ правительству и стремленіе къ свободѣ; до прочаго каждый самъ дойдетъ. Рисковать намъ много не надо. Мнѣ съ тобой скрываться не нужно, ты самъ столь же готовъ, какъ и я; ты многое узнаешь, но, пожалуйста, при пріемѣ не открывай членовъ и береги Общество". Рылѣевъ открылъ также Каховскому и то, что наиболѣе соотвѣтствовало его пылкому настроенію: въ цѣли Общества входило истребленіе царствующей фамиліи и водвореніе народнаго правленія [3]). Очевидно, Каховскій, узнавъ объ этомъ, торопилъ Рылѣева и настаивалъ, чтобы онъ ему открылъ Думу. Рылѣевъ всячески уклонялся отъ этихъ „нескромныхъ вопросовъ" и сдерживалъ торопливость Каховскаго. Мы

---

[1]) Щеголевъ, тамъ же, 152.
[2]) Тамъ же, 153.
[3]) Тамъ же, 153.

приведемъ одинъ изъ разговоровъ между пріятелями. Разговоръ въ высшей степени характерный, вводящій насъ въ душную атмосферу безпрестанныхъ толковъ о цареубійствѣ, центромъ которыхъ мало-по-малу становится Рылѣевъ. Въ началѣ 1825 года, разсказываетъ Рылѣевъ, входитъ къ нему Каховскій и говоритъ:

— Послушай, Рылѣевъ, я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшился убить царя. Объяви объ этомъ Думѣ. Пусть она назначитъ мнѣ срокъ.

„Я, въ смятеніи вскочивъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему:

„— Что ты, сумасшедшій! Ты вѣрно хочешь погубить Общество, и кто тебѣ сказалъ, что Дума одобритъ такое злодѣяніе?

„За симъ старался я отклонить его отъ сего намѣренія, доказывая, сколь оно сможетъ быть пагубно для цѣли Общества; но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобъ я насчетъ Общества не безпокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился и намѣреніе свое исполнитъ непремѣнно. Опасаясь, дабы онъ въ самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я, наконецъ, рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему:

„— Любезный Каховскій! Подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, — схватятъ и меня, потому что ты часто у меня бывалъ. Я Общество не открою, но вспомни, что я—отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?

„Каховскій прослезился и сказалъ:

„— Ну, дѣлать нечего, ты убѣдилъ меня.

„— Дай мнѣ честное слово, — продолжалъ я,—что ты не исполнишь своего намѣренія.

„Онъ мнѣ далъ слово. Но послѣ сего разговора онъ часто сталъ задумываться, я охладѣлъ къ нему, мы ча-

сто стали спорить другъ съ другомъ, и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и настоятельно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ Думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что я жестоко ошибся въ немъ и раскаиваюсь, принявъ его въ Общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга“ [1]).

Въ этомъ показаніи, однако, Рылѣевъ сказалъ не все и кое-что сказалъ не такъ, какъ было. Суть дѣла въ томъ, что Каховскій, дѣйствительно, торопился исполнить свое намѣреніе, торопился объявить его Думѣ, такъ сказать, взять съ нея обѣщаніе, что именно ему будетъ предоставлено убить царя. Правда, что Рылѣевъ до времени сдерживалъ Каховскаго. „Отверженный человѣкъ“ былъ подъ рукой, но Общество было еще не готово. На этой почвѣ между Каховскимъ и Рылѣевымъ произошла даже, дѣйствительно, размолвка. Каховскій хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга, побуждаемый отчасти денежными обстоятельствами (онъ постоянно нуждался и одолжался у того же Рылѣева). Рылѣевъ узналъ о предположеніи Каховскаго уѣхать и началъ убѣждать Каховскаго остаться въ Петербургѣ. Онъ доказывалъ, что „Общество скоро начнетъ свое дѣйствіе, — показывалъ Каховскій, — и упрашивалъ меня остаться, говоря, что чрезъ меня соединяется лейбъ-гренадерскій полкъ. На слова мои: зачѣмъ я останусь когда вы еще начнете дѣйствовать?—онъ поклялся мнѣ, взглянувъ на образъ, что непремѣнно въ 1826 году; что все почти готово, членовъ достаточно, что лишь остается приготовить солдатъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что положено истребить царствующую фамилію или въ маскарадѣ, на новый годъ, или на праздникѣ въ Петергофѣ. Онъ совѣтовалъ мнѣ вступить въ службу въ новгородское поселеніе, говоря, что Обществу нужно тамъ имѣть людей надеж-

---

[1]) Показанія Рылѣева, стр. 56.

ныхъ и что я въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣю тамъ приготовить нѣсколько къ возстанію и что мнѣ въ томъ тамъ будутъ помощники. Я согласился съ нимъ остаться въ Петербургѣ, но въ новгородское поселеніе итти служить не рѣшился. Онъ совѣтовалъ мнѣ подать въ какой-нибудь полкъ, говоря, что въ мундирѣ я буду видиѣе и болѣе буду въ силахъ дѣйствовать на солдатъ при возстаніи и что при опредѣленіи найдутъ средства оставить меня въ Петербургѣ. Совѣтовалъ мнѣ опредѣлиться въ учебный карабинерный полкъ, но я и на сіе не согласился. Подалъ просьбу въ елецкій пѣхотный полкъ, куда я и прежде сего думалъ опредѣлиться. Я занялъ у Рылѣева денегъ, и онъ поручился за меня портному“ [1]). Что Рылѣевъ не все показывалъ на слѣдствіи, что онъ старался замять и представить въ нѣсколько иномъ свѣтѣ всѣ эти переговоры, видно, наконецъ, и изъ объясненій самого Рылѣева. Онъ увѣряетъ, что всячески старался удержать Каховскаго отъ исполненія его намѣренія и, наконецъ, чтобы успокоить Каховскаго, обѣщалъ извѣстить Думу: „Между тѣмъ,—показываетъ Рылѣевъ,—при свиданіи мы продолжали спорить и даже ссориться, и, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобъ онъ успокоился, что я извѣщу Думу объ его намѣреніи и что если Общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого, кромѣ его, не употребитъ къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго государя императора“ [2]).

Надо обратить вниманіе на хронологическія указанія въ этихъ показаніяхъ: въ началѣ 1825 года Рылѣевъ, дѣйствительно, сдерживалъ Каховскаго, потому что тогда, по его мнѣнію, Общество было еще слишкомъ слабо и

---

[1]) „Былое“, тамъ же, 161.

[2]) Показанія Рылѣева, стр. 57.

начать революцію было невозможно; за мѣсяцъ до кончины императора Александра I, по собственнымъ словамъ Рылѣева, онъ уже „успокоивалъ“ Каховскаго обѣщаніемъ, что ему будетъ предоставлена честь убить государя. Къ тому времени у Рылѣева уже были свѣдѣнія о необыкновенной силѣ Южнаго Общества и о нетерпѣніи послѣдняго начать дѣйствія; можетъ-быть, и Трубецкой уже пріѣхалъ въ Петербургъ (онъ пріѣхалъ изъ Кіева въ октябрѣ или въ первыхъ числахъ ноября), но теперь уже не Каховскій рвался впередъ, какъ показываетъ Рылѣевъ, но Рылѣеву приходилось убѣждать Каховскаго исполнить свое намѣреніе. Роли перемѣнились. Ссора между пріятелями, дѣйствительно, произошла, но поводъ ея не тотъ, о которомъ говоритъ Рылѣевъ. Все это выясняется изъ показаній Каховскаго и Александра Бестужева. Самолюбіе Каховскаго было сильно задѣто, когда онъ, наконецъ, понялъ (скажемъ словами самого Каховскаго), что „Рылѣевъ, видя во мнѣ страстную любовь къ родинѣ и свободѣ, пылкость и рѣшительность характера, сталъ дѣйствовать такъ, чтобы приготовить меня *быть кинжаломъ въ рукахъ его*“. Все это выяснилъ Каховскому А. Бестужевъ. Трудно понять цѣль этого вмѣшательства А. Бестужева. Конечно, на слѣдствіи Бестужевъ объяснялъ свое вмѣшательство такъ, что онъ хотѣлъ предотвратить неизбѣжность удара. Но, можетъ-быть, это было слѣдствіемъ извѣстной „болтливости“ Бестужева, а, можетъ-быть, онъ испытывалъ Каховскаго, или неудачно выполнилъ щекотливое порученіе Рылѣева. Однажды, осенью, во время прогулки, Бестужевъ открылъ Каховскому, что, по мнѣнію Рылѣева, „найдутся люди, которые не только рѣшатся собою пожертвовать для цѣли Общества, но самую честь принесутъ для нея въ жертву“; цареубійцѣ Общество дастъ всѣ средства бѣжать изъ Россіи, но если онъ не успѣетъ, то не долженъ своего дѣла связывать съ дѣломъ Общества. Самолюбіе Каховскаго было задѣто:

онъ увидѣлъ, что его хотятъ „употребить низкимъ орудіемъ убійства“. Неудивительно, что Каховскій просилъ Бестужева передать Рылѣеву: „Если онъ разумѣетъ меня кинжаломъ, то, пожалуйста, скажи ему, чтобы онъ не укололся; я давно замѣчаю Рылѣева: онъ только меня склоняетъ, но обманется. Я готовъ собой жертвовать отечеству, но ступенькой ему или кому другому къ возвышенію не лягу“ [1]).

Итакъ, передъ нами вскрывается цѣлая картина изъ жизни Сѣвернаго Общества. Въ его средѣ являются два лица, готовыя на цареубійство. Якубовича удерживаютъ и, несомнѣнно, Н. Муравьевъ и его единомышленники дѣлаютъ это искренно. Очень вѣроятно, что у Рылѣева созрѣваетъ свой собственный планъ: кавказскій герой нуженъ Обществу для революціи и послѣ революціи, но на всякій случай нужно имѣть „отверженное лицо“, способное на самопожертвованіе. Пылкій Каховскій не во-время является съ своими предложеніями. Рылѣевъ его тоже сдерживаетъ, но одновременно съ этимъ усиленно заботится о расширеніи Общества. Рылѣевъ въ то же самое время усиленно разрабатываетъ планъ другой комбинаціи—увоза императорской фамиліи за границу [2]). Можетъ-быть, эта комбинація приберегалась на случай добровольнаго согласія царствующаго дома дать конституцію и удалиться. Рылѣевъ самъ въ своихъ показаніяхъ не отрицаетъ того, что онъ имѣлъ порученіе отъ Думы приготовить на всякій случай нѣсколькихъ надежныхъ морскихъ офицеровъ. Когда же Рылѣевъ увидѣлъ, что Сѣверное Общество достаточно усилилось, и узналъ благопріятныя извѣстія о Южномъ Обществѣ, онъ началъ усиленно подготовлять свой

---

[1]) „Былое“, тамъ же, 161—163.

[2]) Предполагается ли увозъ императорской фамиліи послѣ умерщвленія государя, или входило въ планъ побудить государя отказаться отъ престола и отправить его за границу — объ этомъ показанія умалчиваютъ.

планъ. Этимъ и объясняются осенніе, за мѣсяцъ до смерти государя, переговоры съ Каховскимъ.

Теперь разсмотримъ другія стороны дѣятельности Сѣвернаго Общества въ тотъ же періодъ. Особенную заботу о Кронштадтѣ и морякахъ Рылѣевъ проявляетъ какъ разъ въ серединѣ лѣта 1825 года Онъ уже имѣетъ не совсѣмъ ясное свѣдѣніе о силѣ Южнаго Общества и объ его настроеніи и старается подготовить сѣверныхъ членовъ къ началу революціи. Неизвѣстно, какимъ путемъ Рылѣевъ получилъ эти свѣдѣнія. Можетъ-быть, Фонъ-деръ-Бригенъ успѣлъ возвратиться въ Петербургъ; можетъ-быть, кн. Трубецкой нашелъ какую-нибудь другую „вѣрную оказію“. Во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія у Рылѣева уже были.

Около средины лѣта 1825 года Рылѣевъ съ особой настойчивостью побуждаетъ къ дѣятельности своихъ друзей изъ моряковъ и прежде всего капитана Торсона. До Рылѣева дошли темные слухи о какомъ-то иностранномъ обществѣ, къ которому принадлежитъ лейтенантъ Завалишинъ. Но самъ Завалишинъ ему ничего опредѣленнаго не говорилъ. Онъ предлагаетъ Торсону принять Завалишина и развѣдать объ обществѣ Завалишина. Оказывается, что Рылѣевъ уже принялъ Завалишина, но послѣдній ничего „не объяснилъ ему“. Торсонъ на это возразилъ: „Если Завалишинъ не объявилъ разъ, то и мнѣ не объявитъ, и прибавилъ: для чего принимать въ Общество молодыхъ офицеровъ, что для Общества полезнѣе старшіе“. Затѣмъ Рылѣевъ сказалъ, что Завалишина надо перевести въ кронштадтскій экипажъ, гдѣ „его можно употребить съ пользою“: тамъ Завалишинъ можетъ составить Общество. Торсонъ заявилъ, что Завалишина перевести можно, но переводы бываютъ только весною. Рылѣевъ доказывалъ Торсону, „что надо стараться спѣшить, ибо дѣла въ арміи въ такомъ состояніи, что едва можно удерживать. Надо, чтобъ Завалишинъ составилъ

Общество, въ которомъ я (показываетъ Торсонъ) или Бестужевъ (Николай) будетъ главнымъ". Торсонъ, между тѣмъ, стоялъ на своемъ, доказывая, что въ Кронштадтѣ „ничего сдѣлать нельзя", „что ни ему, ни Бестужеву никто повиноваться не будетъ" и что наборъ лейтенантовъ и мичмановъ ни къ чему не поведетъ. Надо замѣтить, что Торсонъ довольно далеко стоялъ отъ Думы и мало былъ посвященъ въ ея планы. Это былъ человѣкъ, не способный увлечься мечтаніями, и повліять на него Рылѣеву не удалось. Торсона поддерживалъ Н. Бестужевъ, и Рылѣевъ отговорки обоихъ пріятелей призналъ за ихъ нежеланіе дѣйствовать въ пользу Общества. Между ними произошла даже размолвка. Рылѣевъ доказывалъ, что „при возстаніи войскъ въ Петербургѣ мнѣ (говоритъ Торсонъ) или Бестужеву ѣхать въ Кронштадтъ, гдѣ при помощи членовъ возмутить матросовъ, смѣнить начальство и принять городъ и крѣпость подъ свою команду". Оба моряка сочли этотъ планъ неосуществимымъ [1]).

Но если Рылѣевъ встрѣтилъ холодный отпоръ у Н. Бестужева и Торсона, то тѣмъ не менѣе онъ вѣрно угадалъ, что въ средѣ моряковъ Сѣверное Общество можетъ найти прочную опору. Лейтенанты и мичманы, къ которымъ такъ пренебрежительно отнесся Торсонъ, оказались ярыми революціонерами и доказали это въ день 14 декабря.

Связь съ моряками была заведена сначала при помощи того же Завалишина. Среди молодыхъ офицеровъ морского экипажа либеральное настроеніе, совершенно независимо отъ Тайнаго Общества, приняло весьма острый и рѣшительный характеръ. Моряки для Сѣвернаго Общества явились такимъ же пріобрѣтеніемъ горячихъ и рѣшительныхъ головъ, какимъ славяне оказа-

[1]) Показанія Торсона, стр. 15; тутъ же показанія А. Бестужева, стр. 30; показанія Рылѣева, стр. 70—71.

лись для Южнаго. Въ кружкѣ моряковъ, еще не подозрѣвавшихъ о существованіи Тайнаго Общества, шли разговоры о республикѣ и объ образованіи революціоннаго общества. Такимъ образомъ матеріалъ былъ совершенно готовъ и ожидалъ только болѣе опытныхъ руководителей.

Познакомимся прежде всего съ настроеніемъ въ этомъ небольшомъ кружкѣ молодыхъ морскихъ офицеровъ. Онъ состоялъ изъ Завалишина, Дивова, Арбузова, двухъ братьевъ Бѣляевыхъ, братьевъ Бодиско и нѣкоторыхъ другихъ.

Первоначально этотъ кружокъ состоялъ изъ двухъ Бѣляевыхъ, Арбузова и, вѣроятно, нѣкоторыхъ другихъ. У молодыхъ людей былъ даже планъ составить свое тайное общество. Молодые люди собрались въ квартирѣ Арбузова и начали писать статутъ общества. Бѣляевъ 1 помнилъ изъ этого устава только первый его параграфъ. И этотъ параграфъ весьма многознаменателенъ, и по немъ можно судить о дальнѣйшихъ. Онъ гласилъ: „Свобода въ обществѣ и равенство да будетъ нашимъ удѣломъ“ [1]). Арбузовъ нѣсколько больше помнилъ о характерѣ замышляемаго общества, но онъ скрылъ политическую цѣль его. Правилами предполагалось, что если кто былъ принятъ въ общество и „сдѣлался развратенъ и за всѣми представленіями не исправится“, то такой членъ наказывается смертью; для исполненія приговора избирается одинъ изъ членовъ. Въ этомъ, очевидно, есть кое-что недоговоренное и, очевидно, смерть назначалась за нѣчто болѣе серьезное. Но можно вполнѣ довѣрять Арбузову, что на ряду съ политическими цѣлями ихъ общество должно было преслѣдовать и цѣли общественныя; это вполнѣ согласуется съ настроеніемъ людей описываемаго періода. Цѣлью общества было „исправленіе нравовъ, защищеніе невинности и въ го-

[1]) Показанія Бѣляева 1, стр. 39.

ненiи разврата и злости". Общество предполагалось составить „изъ людей твердыхъ въ нравственности, вѣрѣ и непорочности", и только по испытанiи принимать въ Общество [1]).

Вскорѣ въ этомъ кружкѣ появляется Завалишинъ и, несомнѣнно, имѣетъ въ немъ большое вліянiе. „Большое вліянiе имѣлъ на меня Завалишинъ, — показываетъ Бѣляевъ 1,—человѣкъ, одаренный необыкновеннымъ умомъ, краснорѣчiемъ, сохраняющiй многiя добродѣтели (какъ мнѣ казалось, ибо его хорошо не знаю и недавно познакомился): честность, правдолюбiе, чистоту нрава и любовь къ чел вѣчеству, — что болѣе увлекало меня" [2]).

Однако Завалишинъ только оживилъ кружокъ своихъ сотоварищей, своими разговорами и сообщенiями онъ подавалъ имъ надежду на скорое осуществленiе ихъ желанiй видѣть свободу въ Россiи. Бѣляева 1 спрашивала Слѣдственная Комиссiя, справедливо ли, что они, „слушая Арбузова и Завалишина и прилѣпляясь къ англiйской конституцiи, старались каждое дѣйствiе правительства видѣть съ дурной стороны, и, наконецъ, единою мыслью вашею содѣлалось желанiе введенiя въ Россiи свободы и конституцiи". „Вамъ хотѣлось республиканскаго правленiя, — продолжается вопросъ Комиссiи, — и на сей конецъ вы прежде полагали выслать за границу всю царствующую фамилiю или оставить оную въ заключенiи, пока утвердится правленiе; но одинъ изъ собесѣдниковъ вашихъ доказывалъ, что для твердости правленiя должно истребить онуе; и нѣкоторые изъ васъ согласились съ нимъ" [3]). Бѣляевъ призналъ справедливость всѣхъ этихъ разговоровъ, но рѣшительно отрицалъ вліянiе Завалишина и Арбузова на свой образъ

---

[1]) Показанiя Арбузова, стр. 38 об.
[2]) Показанiя Бѣляева 1, стр. 19.
[3]) Вопросъ составленъ на основанiи показанiй Дивова.

мыслей, „ибо имѣлъ его прежде“. Правда, до знакомства съ Завалишинымъ онъ находился „въ самомъ покойномъ положеніи“. Но знакомство съ Завалишинымъ сдѣлало то, что „единою пищею сдѣлалась любовь къ отечеству и свободѣ. Душа моя желала одного— благоденствія отечества, подъ какимъ бы это правленіемъ ни было — подъ республиканскимъ или монархическимъ“ [1]). То же призналъ и его братъ, заявляя Комиссіи: „Я имѣлъ свободный образъ мыслей“ [2]). Разсужденія на либеральныя темы были предметомъ постоянныхъ бесѣдъ въ кружкѣ. „Первоначальные наши разговоры съ Арбузовымъ и Завалишинымъ,— показываетъ Бѣляевъ 1,—никакой цѣли не имѣли, — въ которыхъ просто разсуждали о правительствахъ и о возможности сдѣлать переворотъ въ Россіи“. Но Завалишинъ принесъ имъ неопредѣленный слухъ о томъ, что есть люди, которые составляютъ „законы самые благодѣтельные и готовы на все рѣшиться для отечества своего“. Тогда разговоры въ кружкѣ приняли болѣе конкретный характеръ. „Одна была мечта — спасти Россію, такъ мы считали ея состояніе ужаснымъ“, говоритъ онъ же [3]).

Интересны эти безконечные разговоры о превосходствѣ той или другой конституціи, того или иного рода правленія. „Республиканское правленіе для насъ казалось самымъ благополучнымъ“, — признаетъ Бѣляевъ 1. Завалишинъ, особенно поддерживалъ эту мысль, указывая, на превосходство правленія Соединенныхъ Штатовъ и показывая, что и въ Россіи „таковое можетъ быть, говоря, что то правленіе только можетъ быть хорошо, въ которомъ соблюдены всѣ права человѣка; а иначе всегда будутъ безпокойства. И вотъ Сѣверо-Американскіе

---

[1]) Показанія Бѣляева 1, стр. 7.
[2]) Показанія Бѣляева 2, стр. 16.
[3]) Показанія Бѣляева 1, стр. 28 и 30.

Штаты намъ могутъ служить примѣромъ, которые также есть не маленькое государство, но въ ономъ правленіе республиканское, и мы видимъ, что тамъ народъ, пользуясь всѣми правами и совершенною свободою, благоденствуетъ, — не такъ какъ у насъ, гдѣ не только народъ, но и дворянство потеряло свои права. Слѣдовательно, чтобы возвратить права, долженъ быть переворотъ; а если уже дѣлать переворотъ, то надобно выбирать лучшее“ [1]).

Много трактовали и о мѣрахъ переворота. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ встрѣчаемъ простые отголоски разговоровъ, ведшихся въ средѣ членовъ Сѣвернаго Общества. Сначала передаточнымъ лицомъ въ этомъ кружкѣ былъ Завалишинъ. Но къ осени онъ сталъ собираться въ отпускъ, и, кромѣ того, Рылѣевъ сталъ относиться къ нему недовѣрчиво, Рылѣевъ „узналъ о Завалишинѣ подробнѣе и сдѣлался противъ него осторожнѣе“ [2]). Ближайшихъ причинъ этой недовѣрчивости мы не знаемъ, ясно только, что между обоими зародились весьма враждебныя отношенія. Записки Завалишина, написанныя уже на склонѣ лѣтъ, еще дышутъ этой враждой. Здѣсь Завалишинъ объясняетъ отношеніе къ нему Рылѣева чисто личными счетами, боязнью потерять вліяніе въ Обществѣ, которое могло перейти къ Завалишину. Можетъ-быть послѣдній, отличаясь болѣзненно развитымъ самолюбіемъ и стремленіемъ къ эффектнымъ ролямъ, дѣйствительно пытался къ воздѣйствію на Общество. Но фактъ тотъ, что Завалишинъ далеко стоялъ отъ Общества и въ своихъ запискахъ говоритъ о немъ въ крайне туманныхъ выраженіяхъ, передавая болѣе свои личныя мысли, чѣмъ мнѣнія Общества. Очевидно, онъ далеко стоялъ отъ центра Сѣвернаго Общества. Несомнѣнно также, что Рылѣевъ просто не довѣрялъ

---

[1]) Показанія Бѣлаева 2, стр. 26.
[2]) Показанія Рылѣева, стр. 70 об.

ему [1]). Незадолго до начала революціи Завалишинъ уѣзжаетъ изъ Петербурга въ продолжительный отпускъ, по его словамъ въ цѣляхъ выполненія какой-то миссіи Общества въ приволжскихъ губерніяхъ и будто бы эта командировка его состоялась въ Обществѣ по настоянію Рылѣева, желавшаго удалить Завалишина. Но всѣ эти сообщенія послѣдняго не подтверждаются ни документами ни позднѣйшими записками декабристовъ, такъ что этотъ разсказъ едва ли не является плодомъ фантазіи Завалишина, или, можетъ-быть, развѣдка о настроеніи умовъ въ приволжскихъ губерніяхъ была предпринята Завалишинымъ по собственной иниціативѣ, но не по желанію Общества. Съ отъѣздомъ Завалишина Рылѣевъ въ лицѣ Арбузова нашелъ лицо, которое въ средѣ моряковъ сыграло такую же роль, какая предназначалась Завалишину. Съ Арбузовымъ Рылѣевъ былъ, повидимому, болѣе откровенъ, почему и всѣ вопросы, волновавшіе Рылѣева, обсуждались и въ средѣ моряковъ. Здѣсь эти вопросы возникали, такъ сказать, сызнова. Повидимому, горячность моряковъ возросла даже съ отъѣздомъ Завалишина. „Въ мысляхъ Завалишина переворотъ былъ очень отдаленъ“. Такъ сообщаетъ Бѣляевъ 1. Между тѣмъ отъ Арбузова моряки узнали, что переворота надо ожидать въ мартѣ будущаго года. Въ кружкѣ думали, что переворотъ сдѣлать легко: „достаточно одной ротѣ взбунтоваться, чтобъ совершился переворотъ, такъ считали

---

[1]) Кромѣ свидѣтельства самого Рылѣева объ его недовѣріи къ Завалишину, приведемъ характеристику послѣдняго, сдѣланную въ показаніяхъ А. Бестужевымъ и разъясняющую причину недовѣрія: „Флота лейтенантъ Завалишинъ бойкая особа, но черезчуръ съ запосчивымъ воображеніемъ. Рылѣевъ принялъ было его въ члены, но узналъ, что онъ писалъ изъ Бразиліи письмо къ государю императору, содержанія коего не хотѣлъ сказать, пріостановился открывать ему все, и послѣ не встрѣчался ему. Впрочемъ, мнѣніе о перемѣнѣ порядка вещей онъ самъ излагалъ. Въ октябрѣ уѣхалъ въ отпускъ и потому никакимъ образомъ участвовать въ предпріятіи на 14 число не могъ“.

гвардію готовою". И тогда мечтали „Россію сдѣлать федеративною республикою. Воображали, какъ все процвѣтетъ,—торговля, промышленность. Вотъ наши единственныя мечтанія, единственные разговоры", характеризуетъ Бѣляевъ 1. Средства для переворота казались достаточными. „Въ мечтаніяхъ нашихъ о переворотѣ считали поселенныя войска лучшею народною гвардіей, и удобнымъ тамъ учредить временное правленіе, ибо думали, что тѣ войска должны быть недовольны. Отъ этого же, я думаю, положено было и ретироваться туда" [1]).

Разумѣется, для перехода къ республикѣ надо было подумать и о томъ, что сдѣлать съ царствующей династіей. Со словъ Завалишина, сначала трактовалась мысль, что династію надо отправить за границу. Думали захватить государя во время пріѣзда его во флотъ. „Мы часто говорили о сей любимой для насъ матеріи съ Завалишинымъ и Арбузовымъ, а особенно съ симъ послѣднимъ", показываетъ Бѣляевъ 1. Но шли разговоры и о неудобствѣ отправить династію за границу: „ибо народъ можетъ вызвать и непремѣнно бы сдѣлалъ оное, то Арбузовъ и Завалишинъ говорили, что лучше истребить". Эта мысль для нѣкоторыхъ была новой. На возраженія указывали, „какъ страдаетъ народъ, въ какомъ жалкомъ положеніи Россія и что надобно же кому-нибудь думать о благѣ несчастнаго народа". Это были убѣдительные аргументы, и возражающіе соглашались. Бѣляевъ 1, отказываясь назвать раздѣлявшихъ мнѣніе объ истребленіи царской семьи, заявляетъ о себѣ, что его умъ, „увлеченный мечтами возвышеннаго человѣчества (такъ я называлъ равенство), склонялся къ республикѣ". Сначала мысль объ истребленіи царской семьи приводила его въ трепетъ, но затѣмъ онъ съ нею примирился: „надъ собою произвести приговоръ не устрашусь: я раздѣлялъ таковыя бесѣды" [2]).

[1]) Показанія Бѣляева 1, стр. 30—31.

[2]) Показанія Бѣляева 1, стр. 19, 28 и 30.

Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Бѣляевъ, намекая на эти разговоры и характеризуя ихъ колоритъ, говоритъ, что тогда въ ихъ кружкѣ „неумѣренно говорили“. Кое-что изъ такихъ „неумѣренныхъ разговоровъ“ всплыло и на слѣдствіи. Завалишинъ часто говарпвалъ: „если будетъ переворотъ, то начинать съ головы“. И прибавлялъ: „Прекрасно выдумалъ мой знакомый Оржинскій: сдѣлать висѣлицу, первымъ повѣсить государя, а тамъ къ ногамъ его и братьевъ“. Обращаясь къ сравненіямъ, онъ развивалъ свою мысль такъ: „Если взять нѣсколько нитокъ и связать ихъ одними концами вмѣстѣ, а другіе къ чему-либо прикрѣпить, и когда оные за узелъ подымешь вверхъ, то нитка будетъ удерживать его въ одномъ мѣстѣ, и соединяющіеся сами въ немъ будутъ держаться; но когда отрѣжешь узелъ, то какъ онъ, такъ и нитки упадутъ. Такъ точно государь и вельможи: покамѣстъ есть государь, есть и защитники“ [1]).

Эти разговоры могутъ характеризовать настроеніе кружка моряковъ и ихъ мечтанія.

Кромѣ разговоровъ, молодые люди дѣлали попытки пріобрѣтать новыхъ членовъ. Надо замѣтить, что официально членами Тайнаго Общества были только Завалишинъ и Арбузовъ. Бѣляевъ 1 былъ принятъ только позднею осенью, а его братъ считалъ себя вообще не принадлежащимъ къ Обществу. Но это не мѣшало всѣмъ вербовать единомышленниковъ. Завалишинъ не разъ проводилъ мысль, что „дурно дѣлаютъ сіи люди (т.-е. руководители Общества), что не обращаютъ вниманія на флотъ, ибо это самое важное“. Это тѣ же мысли, которыя приписываетъ себѣ Завалишинъ и въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ.

Когда весной 1825 года моряки выступили въ Кронштадтъ, то они пробовали вести тамъ пропаганду своихъ идей, „но наши успѣхи были очень плохи, ибо мы были

---

[1]) Показанія Бѣляева 2, стр. 22.

обращены въ смѣхъ“ во время кронштадтскихъ разговоровъ [1]). Это признаніе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое составилось у Рылѣева о Кронштадтѣ. Онъ не разъ говорилъ, что Кронштадтъ—„нашъ островъ Леонъ, а въ немъ, кромѣ картъ, ничего нѣтъ“.

Таковъ былъ кружокъ новыхъ союзниковъ Сѣвернаго Общества. Получивъ отказъ отъ Торсона и Бестужева набирать въ Общество лейтенантовъ и мичмановъ, Рылѣевъ, однако, достигъ своихъ цѣлей при помощи Завалишина и Арбузова. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, весьма заботился о распространеніи либеральныхъ идей во флотѣ, и его весьма занималъ кронштадтскій портъ. Лѣтомъ Рылѣевъ даже самъ отправился въ Кронштадтъ, хотя вынесенныя имъ отсюда впечатлѣнія были далеко не отрадны [2]).

Передъ нами прошелъ цѣлый рядъ событій, волновавшихъ Общество или, вѣрнѣе, самого Рылѣева въ теченіе 1825 года. Рылѣевъ проявляетъ усиленную дѣятельность и, хотя не безъ колебаній, приходитъ къ весьма радикальнымъ рѣшеніямъ. Для исполненія его намѣреній нашлись Якубовичъ и Каховскій. Общество усилилось моряками. Казалось, всѣ обстоятельства складывались благопріятно. Съ лѣта Рылѣевъ иногда уже рѣшительно заявляетъ о приближеніи переворота, къ которому его подбадриваютъ вѣсти съ юга. Проскальзываетъ и срокъ, который предназначался для покушенія—зимній маскарадъ или петергофскій праздникъ. Осенью онъ уже объявляетъ Торсону и Бестужеву, что они должны захватить Кронштадтъ въ случаѣ начала

---

[1]) Показанія Бѣляева I, стр. 29.

[2]) Завалишинъ въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ представляетъ дѣло такъ, что поѣздка въ Кронштадтъ была совершена имъ, въ сопровожденіи Рылѣева, Н. Бестужева и др. и что ему было поручено подготовить здѣсь общественное мнѣніе. („Декабристы“, „Рус. Вѣсти.“, 1884, фев., 840). Но это одно изъ тѣхъ его сообщеній, которое фактами не подтверждается.

возстанія. Тогда же онъ заявилъ Торсону, что „намѣрены“, т.-е. Дума, произвести покушеніе на государя и великихъ князей и ввести республику. Когда Торсонъ спросилъ, что же будетъ съ прочими членами императорскоі фамиліи при учрежденіи республики, Рылѣевъ на это ему отвѣтилъ: „Возьмемъ мѣры, увидимъ“... [1]).

Итакъ, Рылѣевъ былъ рѣшительно настроенъ. Его рѣшимость увеличилась съ пріѣздомъ кн. Трубецкого, который далъ Рылѣеву подробный отчетъ о томъ, что дѣлается на югѣ. Докладъ Трубецкого чрезвычайно любопытенъ. Трубецкой привезъ изъ Кіева самыя утѣшительныя свѣдѣнія. Южное Общество представлялось ему обладающимъ огромными силами, готовымъ начать дѣйствія и способнымъ привести въ исполненіе свои намѣренія. По словамъ Трубецкого, два корпуса, кн. Щербатова и генерала Рота, „совершенно готовы“, въ томъ числѣ и нижніе чины, на которыхъ найдено прекрасное средство дѣйствовать черезъ солдатъ стараго Семеновскаго полка. Трубецкому поручено узнать о силѣ и средствахъ Сѣвернаго Общества. Трубецкой разсказывалъ удивленнымъ Рылѣеву и кн. Оболенскому о томъ, что въ лагерѣ подъ Лещинымъ едва не началось возстаніе. Изъ разсказовъ того же Трубецкого сдѣлалось извѣстнымъ о соединеніи Южнаго Общества съ новымъ обществомъ, т.-е. Славянами, которое имѣло цѣлью „истребить государя“. Трубецкой сообщилъ также и болѣе точныя извѣстія о сношеніяхъ Южнаго Общества съ польскимъ.

Всѣ эти свѣдѣнія Трубецкой сообщилъ Рылѣеву и кн. Оболенскому и спрашивалъ ихъ, въ какомъ положеніи находится Сѣверное Общество. Оба откровенно сказали, что „наши дѣла въ плохомъ положеніи, что мы ни на какое рѣшительное дѣйствіе не готовы по своей слабости“.

---

[1]) Показанія Рылѣева, стр. 69.

— Это худо,—сказалъ Трубецкой.—Южные готовы начать хоть сейчасъ,—и прибавилъ, что они едва не поднялись лѣтомъ, когда у Швейковскаго отняли полкъ, что „какой-то полковникъ, кажется, Тизенгаузенъ, говорилъ по сему случаю своему полку предъ фрунтомъ возмутительную рѣчь и что, по всей вѣроятности, приступятъ къ дѣйствію въ 1826 году".

Черезъ нѣкоторое время Трубецкой спрашивалъ опять Рылѣева о томъ, что можетъ сдѣлать Сѣверное Общество для содѣйствія Южному. Говорили о томъ, можно ли употребить въ дѣло Якубовича.

— А что Якубовичъ? спросилъ Трубецкой.

— Якубовича можно съ цѣпи спустить, да что будетъ проку?—отвѣчалъ Рылѣевъ.—Общество симъ съ самаго начала вооружитъ противъ себя все, ибо никто не повѣритъ, чтобы онъ дѣйствовалъ самъ собою.

Трубецкой замолчалъ. Черезъ нѣсколько дней при свиданіи съ Рылѣевымъ Трубецкой заявилъ ему, что на обратномъ пути въ Кіевъ онъ проѣдетъ черезъ Москву, чтобы разузнать, что дѣлаетъ Пущинъ [1]).

Рылѣевъ очутился въ высшей степени затруднительномъ положеніи. Ему поставленъ для рѣшенія вопросъ: начинать дѣйствія или не начинать. Онъ самъ усердно муссировалъ вопросъ, подготовлялъ цареубійцъ, даже назначалъ сроки. Но пока это были только одни разговоры, мечты, отрывавшія отъ печальной дѣйствительности. Рылѣевъ ободрялъ другихъ и казался самъ бодрымъ и рѣшительнымъ. Когда же ему поставленъ былъ въ упоръ вопросъ о томъ, можно ли начинать революцію, онъ не могъ не признать силъ Общества очень слабыми. Столь же мрачно смотрѣлъ и его другъ кн. Оболенскій, присутствовавшій при докладѣ Трубецкого о

---

[1]) Показанія Рылѣева, стр. 48. Разсказъ Рылѣева признанъ Трубецкимъ на очной ставкѣ съ Рылѣевымъ; показанія Трубецкого стр. 149—152.

Южномъ Обществѣ. А. Бестужева при этомъ не было, и его взглядъ на дѣло неизвѣстенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если хладнокровно посмотрѣть на то, что окружало Рылѣева, то оно не могло представляться отраднымъ. Оба сотоварища Рылѣева по Думѣ не могли оказать ему серьезнаго содѣйствія ни совѣтомъ ни своимъ вліяніемъ на другихъ. Александръ Бестужевъ—человѣкъ рѣшительный, но беззаботный. Можно вполнѣ довѣрить его показаніямъ, въ которыхъ онъ говоритъ о своемъ нѣсколько ироническомъ отношеніи къ дѣлу Общества: Рылѣевъ „проговаривалъ, что надобно начинать въ маѣ или лѣтомъ, но какъ это были слова безъ основанія, я говорилъ: конечно надобно, и строилъ свои частные планы въ полной увѣренности, что въ Обществѣ ничего быть не можетъ... Я ничего не видѣлъ вблизи, и только мечтая о томъ, какъ неизмѣнивъ честному слову, уклониться отъ содѣйствія Обществу, куда завлекло меня воображеніе, языкъ, и отъ намѣреній, которыя взошли въ шаткомъ умѣ и которыхъ чуждалось мое сердце. Совершенное мое недовѣріе къ средствамъ Общества, когда я увидѣлъ Верхнюю Думу, было причиною беззаботности моей насчетъ ея подробностей и моего невѣдѣнія о многихъ вещахъ, о которыхъ меня спрашивали“ (на слѣдствіи). У него, дѣйствительно, происходили многочисленныя ссоры съ Рылѣевымъ и Оболенскимъ, которые упрекали его въ беззаботномъ отношеніи къ дѣлу, въ отвѣтъ на что Бестужевъ оправдывался тѣмъ, что онъ солдатъ и пригоденъ лишь для дѣйствій, а не для разсужденій [1]).

Другой сотоварищъ по Думѣ, кн. Оболенскій, въ высшей степени симпатичная и мягкая личность, правда, находился вполнѣ подъ вліяніемъ Рылѣева. Но онъ не былъ способенъ къ рѣшительной дѣятельности. Кромѣ того, онъ какъ разъ въ это время переживалъ періодъ

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 122.

сомнѣній,—сомнѣній въ раціональности того дѣла, которое связывало его съ Рылѣевымъ. „Я спрашивалъ самого себя,—вспоминаетъ онъ объ этихъ колебаніяхъ въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, — имѣемъ ли мы право, какъ частные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ населенія нашего отечества, предпринимать государственный переворотъ и свой образъ воззрѣнія на государственное устройство налагать почти насильно на тѣхъ, которые, можетъ-быть, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ лучшаго; если же ищутъ и стремятся къ лучшему, то ищутъ и стремятся къ нему путемъ историческаго развитія? Эта мысль долго не давала мнѣ покоя въ минуты и часы досуга, когда мысль проходитъ процессъ самоиспытанія. Можетъ-быть, она родилась во мнѣ вслѣдствіе слова, даннаго нами Пестелю, и рѣшенія, принятаго нами, воспользоваться или перемѣною царствованія или другимъ важнымъ политическимъ событіемъ для исполненія окончательной цѣли Союза, т.-е. для государственнаго переворота тѣми средствами, которыя будутъ готовы къ тому времени“. Оболенскій сообщилъ свои колебанія Рылѣеву и нашелъ въ немъ „жаркаго противника“. „Его возраженія были справедливы. Онъ говорилъ, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства; что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны, и если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго и своекорыстнаго, то суть только выраженія нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженія идеи общей, еще не выраженной большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ полнымъ своимъ одобреніемъ.

Доказательствомъ сочувствія большинства онъ приводилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости, и частныя и проистекающія отъ высшей власти; наконецъ приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ какъ купеческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ коими онъ бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ". Оболенскій цѣнилъ эти возраженія, поддавался имъ, но не былъ вполнѣ удовлетворенъ. Онъ признавалъ, что идеи истины, свободы, правосудія составляютъ необходимую принадлежность всякаго мыслящаго существа, но „форма ихъ выраженія или выраженіе ихъ въ поступкѣ подлежитъ нѣкоторымъ общимъ законамъ, которые должны быть выраженіемъ одной общей идеи". „Я понималъ также,—пишетъ далѣе кн. Оболенскій,—что государственное устройство есть выраженіе или осуществленіе идей свободы, истины и правды; но форма государственнаго устройства зависитъ не отъ теоретическаго воззрѣнія, а отъ историческаго развитія народа, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ сочувствіи". Признанія кн. Оболенскаго Рылѣевъ понималъ какъ охлажденіе съ его стороны къ дѣлу Общества, и потому всѣ усилія его клонились къ тому, чтобы не допустить до окончательнаго охлажденія: цѣлый мѣсяцъ между пріятелями велись разговоры, начинавшіеся вопросами философскими и политическими и неизмѣнно кончавшіеся разборомъ сомнѣній, возникшихъ у кн. Оболенскаго [1]).

На Рылѣева не могла не дѣйствовать охлаждающая критика его плановъ, которую онъ встрѣчалъ со стороны Торсона и Н. Бестужева. Въ послѣдній мѣсяцъ появляется Батеньковъ, котораго Рылѣевъ очень цѣнилъ, но который въ то же время докучалъ Рылѣеву назойливыми вопросами о разныхъ сторонахъ государствен-

---

[1]) Воспоминанія въ „Общественныхъ движеніяхъ", 243—245.

наго устройства, о финансахъ, администраціи и проч. Поэтъ не былъ готовъ дать отвѣты. Батеньковъ ко всему присматривался, вступалъ въ разговоры, давалъ членамъ обильный матеріалъ для критики государственнаго строя, но далеко не былъ склоненъ къ крайнимъ рѣшеніямъ, возникавшимъ въ головѣ Рылѣева.

Пріѣздъ Трубецкого не усиливалъ Общества. Трубецкой охотно подбадривалъ членовъ, ко всему присматривался и прислушивался, но широкой активной дѣятельности не проявлялъ, обладая крайне нерѣшительнымъ характеромъ. Онъ признается, что, пріѣхавъ въ Петербургъ и познакомившись съ замыслами Рылѣева, онъ по отношенію къ нему занялъ такое же наблюдательное положеніе, какое въ Кіевѣ занималъ по отношенію къ Пестелю [1]). И этому признанію легко повѣрить: слѣдя за дѣятельностью Трубецкого въ Обществѣ, можно замѣтить, какъ онъ тщательно оставлялъ за собою слѣды отступленія, на которые потомъ и опирался.

Ко всему этому прибавимъ, что какъ разъ въ то же время и Каховскій оказался болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ предполагалъ Рылѣевъ, не пожелалъ быть „кинжаломъ“ въ его рукахъ. Рылѣевъ суетился, ссорился, называлъ Каховскаго „ходячею оппозиціею“, завѣрялъ, что ошибся въ его „чистотѣ“. Оставалась надежда на Якубовича и молодыхъ моряковъ, но, послѣдніе, конечно, были слабы, чтобы поддержать революцію и удержать власть въ своихъ рукахъ. Напротивъ, они сами разсчитывали, что таинственное Общество очень сильно. А Якубовичъ былъ слишкомъ связанъ съ Обществомъ и пустить его въ дѣло казалось неудобнымъ для будущихъ плановъ Рылѣева.

Итакъ, въ рѣшительный моментъ Рылѣевъ не могъ не сознать безсилія Общества...

---

[1]) Показанія Трубецкого, стр. 120.

Но вдругъ событія пошли съ головокружительной быстротой. Въ концѣ ноября въ Петербургъ является послѣдній посланецъ съ юга. Это былъ капитанъ Корниловичъ, принятый въ члены С. Муравьевымъ въ апрѣлѣ 1825 года. С. Муравьевъ и Бестужевъ посылаютъ Корниловича въ Петербургъ „стараться отклонить Сѣверную Управу отъ пустыхъ споровъ, и если онъ увидитъ, что онъ не успѣваетъ въ семъ намѣреніи, составить отдѣльное Общество, которое бы не имѣло ни какихъ сношеній съ членами Сѣвернаго Общества, и стараться также дѣйствовать на солдатъ посредствомъ ротныхъ командировъ“. Корниловичу дана цѣлая инструкція на бумагѣ. М. Муравьевъ собирался пріѣхать въ Петербургъ въ началѣ 1826 года для начала рѣшительныхъ дѣйствій [1]). Корниловичъ долженъ былъ сдѣлать докладъ Сѣверной Управѣ и привезъ доказательства связей, соединявшихъ Южное Общество съ польскимъ,— очевидно, списокъ тѣхъ условій, которыя составлены были Бестужевымъ [2]).

Отправляя Корниловича въ Петербургъ, Муравьевъ и Бестужевъ говорили ему въ Васильковѣ: „Dites à ces messieurs, que nos affaires vont le mieux du monde. Nous avons 60 m. hommes sous les armes et c'est du positif“. Бестужевъ ему разсказалъ, что и цареубійцы готовы: „Вы не можете себѣ представить, насколько здѣсь умы возбуждены. Есть отъ десяти до пятнадцати человѣкъ, которые явились ко мнѣ съ предложеніемъ сдѣлать покушеніе на жизнь императора; они готовы были бы отправиться даже въ Таганрогъ“.

— Такъ вы приняли убійцъ въ свою среду? — спросилъ Корниловичъ.

— Нѣтъ, они не изъ нашихъ.

Корниловичъ сталъ возражать, что если будетъ намѣреніе сдѣлать покушеніе на жизнь всей царской фа-

[1]) Показанія М. Муравьева-Апостола.

[2]) Показанія Рылѣева, стр. 48 об.

миліи, то онъ откажется отъ дѣла и „даже буду противъ нихъ“.

— Но мы одного съ вами мнѣнія — отвѣчалъ Муравьевъ, — и я первый буду ей служить щитомъ [1]).

Докладъ Корниловича долженъ былъ поднять упавшій духъ Рылѣева. Почти одновременно съ пріѣздомъ Корниловича получились извѣстія о болѣзни и потомъ о смерти государя, открылась неопредѣленность вопроса о престолонаслѣдіи... Торсонъ и Н. Бестужевъ настойчиво спрашивали, гдѣ же Общество. Время для дѣйствій, дѣйствительно, было подходящее.

И Рылѣевъ послѣ мучительныхъ колебаній приступилъ къ мобилизаціи силъ Общества, чтобы начать революцію...

XI.

Южное Общество наканунѣ революціи.

Мы только что познакомились съ положеніемъ Сѣвернаго Общества наканунѣ революціи. Теперь обратимся къ Южному.

Говорятъ, что Николай I такъ характеризовалъ вождей обоихъ Тайныхъ Обществъ: „Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика, въ Рылѣевѣ же — всѣхъ добродѣтелей“. Но, очевидно, императору Николаю не нравились и добродѣтели и пороки, почему онъ обоихъ отправилъ на висѣлицу.

Императоръ Николай ошибся въ своей характеристикѣ: Пестель былъ плохимъ заговорщикомъ.

Въ лицѣ Пестеля Южное Общество имѣло руководителя обширнаго ума. Эта личность приковывала къ себѣ вниманіе всѣхъ, кому съ ней приходилось сталкиваться. Первое, что такъ рельефно выдвигалось въ Пестелѣ, — это его выдающіяся способности, подкрѣпленныя обшир-

---

[1]) Показанія Корниловича, стр. 5.

нымъ образованіемъ въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія: въ военномъ дѣлѣ, въ историческихъ и политико-экономическихъ наукахъ. Выдающіяся способности Пестеля обращали на себя вниманіе еще въ его юности. Для зрѣлаго возраста эти способности хорошо характеризуетъ гр. Витгенштейнъ, отлично знавшій Пестеля какъ своего адъютанта: „Онъ на все годится: дай ему командовать арміею или сдѣлай его какимъ хочешь министромъ, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ“.

При природномъ умѣ Пестель много и серьезно работалъ, доказательствомъ чего служила и его обширная библіотека. Умъ и познанія Пестеля давали ему возможность господствовать надъ людьми, съ которыми онъ сталкивался. „Павелъ Ивановичъ Пестель, — говоритъ о немъ Басаргинъ, — былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикой, такой послѣдовательностію и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія“. Пестель „первенствовалъ“ въ собраніяхъ тульчинскихъ членовъ. „Его свѣтлый логическій умъ управлялъ нашими преніями и нерѣдко соглашалъ разногласія“. При такихъ дарованіяхъ онъ обладалъ, по свидѣтельству Лорера, громадною памятью.

Пестель говорилъ хорошо, живо и убѣдительно и былъ очень устойчивъ въ преніяхъ. „При первомъ же знакомствѣ,—говоритъ о немъ Якушкинъ,—мы проспорили съ нимъ часа два. Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался“. По словамъ Оболенскаго, онъ обладалъ „убѣдительнымъ даромъ слова“. Эту характеристику подтверждаютъ и другіе. „Павла Ивановича пріятно было слушать: онъ мастерски говорилъ и всегда умѣлъ

убѣждать", передаетъ свое впечатлѣніе Лореръ. Но наибольшей увлекательности достигала рѣчь Пестеля, когда онъ говорилъ о вопросахъ политическихъ и общественныхъ (объ этомъ свидѣтельствуетъ Басаргинъ).

До насъ дошло нѣсколько конкретныхъ примѣровъ ораторскихъ способностей Пестеля. „Утро провелъ съ Пестелемъ,—записалъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ, по поводу своей встрѣчи съ Пестелемъ въ Кишиневѣ въ 1821 году.—Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю". Такимъ образомъ темы, о которыхъ любилъ говорить Пестель, были весьма разнообразны. Поджіо и Рылѣевъ, люди очень впечатлительные, подробно передаютъ свои первые разговоры съ Пестелемъ. Въ нихъ поражаетъ живость Пестеля, соединенная съ нѣкоторой театральностью движеній, и богатыя діалектическія способности. Онъ не столько убѣждалъ, сколько ловкимъ веденіемъ разговора испытывалъ мысль и настроеніе своего собесѣдника и, сдѣлавъ рядъ діалектическихъ шаговъ, онъ старался внѣдрить въ собесѣдника ту мысль, которую онъ самъ исповѣдывалъ. Его пріемы напоминаютъ собою пріемы великаго учителя древности, Сократа, и, можетъ-быть, это не случайно, такъ какъ Пестель былъ убѣжденнымъ поклонникомъ античнаго міра. Неудивительно поэтому, что съ нимъ никто „не покушался" спорить.

Умъ Пестеля былъ прежде всего теоретическій, абстрактный. Его „Русская Правда", его планъ революціи — это прежде всего правильно построенный рядъ силлогизмовъ. Разъ выработанное имъ мнѣніе было для него „математической истиной", и, разъ доказавъ себѣ эту истину, онъ всѣми силами стремился къ ея осуществленію.

Какъ руководитель Общества Пестель обладалъ сердцемъ, въ которомъ „гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма“ [1]). Въ своихъ показаніяхъ Пестель подробно изложилъ тотъ путь сомнѣній, порожденныхъ наблюденіемъ надъ тягостнымъ состояніемъ Россіи, который привелъ его къ сознанію необходимости дѣйствовать путемъ революціи. Но онъ не былъ способенъ останавливаться на полдорогѣ. Если начинать революцію, то надо доводить ее до конца, средины тутъ не можетъ быть. Такой срединой являлась бы конституціонная монархія съ сохраненіемъ тѣхъ или другихъ сторонъ установившагося государственнаго строя. Онъ былъ врагомъ этого строя и не былъ сторонникомъ постепеннаго хода государственной жизни по пути къ наивысшей формѣ политической жизни. Политическій строй государства долженъ доставить каждому индивидууму полное политическое благоденствіе и матеріальное обезпеченіе. И Пестель былъ убѣжденъ, что такой переходъ долженъ быть совершонъ сразу, и государство должно принять форму республики на широкихъ демократическихъ началахъ. Строя свой обширный планъ путемъ логическихъ умозаключеній, Пестель, быть-можетъ, сознавалъ силу своего ума. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сыномъ своего времени. Онъ посвящалъ свою жизнь работѣ для пользы народныхъ массъ. Но самъ онъ не придавалъ значенія этой массѣ. Онъ говорилъ: „La masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront les individus qui sont tout“. Въ настоящее время съ такимъ взглядомъ рѣдко кто можетъ примириться, въ настоящее время мы извѣрились въ силѣ индивидуальной мысли. Но въ оправданіе Пестеля мы можемъ сослаться на двухъ великихъ людей, старшаго и младшаго изъ его современниковъ, дѣйствовавшихъ на столь различныхъ поприщахъ, и тѣмъ не менѣе

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, 408.

въ своихъ воззрѣніяхъ сходившихся въ отрицаніи значенія народной массы: мы имѣемъ въ виду Наполеона и Гегеля. Интересно, что даже съ внѣшней стороны современники находили сходство между Пестелемъ и Наполеономъ. Если бы искать сравненій для Пестеля среди великихъ людей, то въ самомъ дѣлѣ надо было бы остановиться на Наполеонѣ. Многія черты характера и ума роднятъ обоихъ. Наполеону недоставало обширнаго образованія, но его умъ приводилъ его къ грандіознымъ замысламъ. Наполеонъ иронизировалъ надъ идеологами, но смѣлость его плановъ казалась бы фантастической, если бы исторія не показала, что Наполеонъ умѣлъ превращать свои фантазіи въ дѣйствительность. Впрочемъ, на островъ св. Елены онъ унесъ еще болѣе грандіозные планы, которые теперь кажутся невыполнимыми даже и для Наполеона. Итакъ, Пестеля и Наполеона роднитъ смѣлость и грандіозность ихъ плановъ.

Но Пестеля современники укоряли и въ томъ, въ чемъ въ сильной мѣрѣ повиненъ и Наполеонъ,—въ непомѣрномъ властолюбіи и честолюбіи.

Пестель самъ сознавалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, но обыкновенно отвѣчалъ тѣмъ, кто говорилъ ему объ этой чертѣ его характера: „На наше дѣло надобно имѣть поболѣе честолюбія. Оно можетъ и васъ подвинуть къ скорѣйшему начатію. А за себя, даю вамъ слово, когда русскій народъ будетъ счастливъ, принявъ „Русскую Правду“, я удалюсь въ кіевскій какой-нибудь монастырь и буду доживать свой вѣкъ монахомъ“. Такъ говорилъ онъ однажды Лореру.

Михаилъ Фонъ-Визинъ, отдавая дань удивленія высокому уму Пестеля, даже его геніальности, замѣчаетъ, однако, что „онъ не обладалъ даромъ, столь необходимымъ для предводителя политической партіи,—привязывать къ себѣ людей. Въ душѣ его было что-то черствое, отталкивающее симпатическое сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ вести къ цѣли“. . . . .

Дѣйствительно, такія натуры, какъ Пестель, не привязываютъ къ себѣ людей, но подчиняютъ ихъ своей волѣ. Онъ не дѣйствовалъ на сердце и душу собесѣдника, что было такъ необходимо при тогдашнемъ нѣсколько сантиментальномъ настроеніи общества, онъ дѣйствовалъ только на умъ своей холодной логикой. Такіе люди возбуждаютъ къ себѣ или беззавѣтную преданность или столь же сильную ненависть тѣхъ, чья воля не могла быть окончательно покорена или чье самолюбіе было задѣто или, наконецъ, тѣхъ, чье увлеченіе охладилось.

Показанія на слѣдствіи и позднѣйшія записки декабристовъ раскрываютъ намъ ту атмосферу, среди которой дѣйствовалъ Пестель: онъ былъ окруженъ величайшимъ піэтетомъ со стороны однихъ и столь же великой злобой со стороны другихъ.

Какъ руководитель Южнаго Общества, Пестель, сообразно наклонностямъ своего ума, цѣликомъ отдался теоретической работѣ. Можно сказать, что онъ не проявилъ практическихъ способностей заговорщика. Впрочемъ, иногда можно замѣтить, что Пестель какъ бы отдаляетъ моментъ дѣйствительнаго расширенія Общества и перехода его къ активной дѣятельности. Можетъ-быть, онъ ожидалъ, когда будетъ окончательно обработана его конституція. Но иногда въ его дѣйствіяхъ проскальзываетъ и черта тактическаго характера. Разумѣется, руководитель заговора по чисто практическимъ соображеніямъ долженъ былъ бы быть неизвѣстенъ массѣ членовъ. Это и предвидѣлось при основаніи Общества. Расширеніе его могло бы исходить отъ другихъ членовъ. Но Пестель ближайшимъ образомъ опирался на Юшневскаго, Волконскаго и Давыдова. Это были люди симпатичные во всѣхъ отношеніяхъ, но совершенно не пригодные для веденія пропаганды.

Оттого въ дѣйствительности и вышло, что силы Южнаго Общества далеко не соотвѣтствовали грандіознымъ планамъ его руководителя.

Теперь выяснимъ, въ чемъ заключался революціонный планъ Южнаго Общества и какъ велики были средства, имѣвшіяся для его осуществленія.

Практическая подготовка къ революціи выходила у Пестеля, несмотря на его огромное вліяніе, очень слабой. Построивъ смѣлый планъ, разработавъ его въ мельчайшихъ деталяхъ, онъ какъ бы боялся ближе подойти къ его осуществленію. Можно даже сказать, не преувеличивая дѣйствительности, что Пестель остановился на порогѣ заговора: онъ подготовилъ только планъ заговора и самъ началъ колебаться. Въ своихъ показаніяхъ онъ самъ выяснялъ Комиссіи ту большую разницу, которая лежитъ между теоріей заговора, между понятіемъ о необходимости поступка, и рѣшимостью приступить къ дѣлу [1]).

О планѣ самого Пестеля и о планахъ, выработанныхъ вообще, въ Южномъ Обществѣ, намъ уже по частямъ не разъ приходилось говорить. Остается теперь лишь суммировать сказанное ранѣе.

По убѣжденію самого Пестеля, планъ революціи требовалъ долгаго времени. Съ его точки зрѣнія, необходимо было образовать весьма численный союзъ единомышленниковъ такъ, чтобы они представили собою „общее мнѣніе“. Эти единомышленники должны сойтись на одномъ планѣ государственнаго устройства, такъ, чтобы во время революціи избѣжать партійной розни и чтобы члены союза, разсыпанные по всему государству, могли поддержать революціонное движеніе и побороть сопротивленіе, которое ему могло бы быть оказано. Въ его планъ входило, какъ непремѣнное условіе, чтобы до начала революціи Тайное Общество рѣшило, какой образъ правленія оно предпочитаетъ, и, вообще, будущее государственное устройство должно быть обдумано до мельчайшихъ подробностей. Такой сложный планъ и

---

[1]) „Былое“, мартъ, 215.

общественной подготовки и планъ будущаго государственнаго устройства, съ точки зрѣнія Пестеля, нужны были для избѣжанія партійной розни [1]).

Такое объясненіе плана сдѣлано было Пестелемъ не для Комиссіи: вся дѣятельность Пестеля является подтвержденіемъ его глубокаго убѣжденія въ цѣлесообразности именно такого плана. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ работалъ надъ своею „Русскою Правдой“. Это очень интересный научный трактатъ, характеризующій его автора болѣе какъ ученаго, чѣмъ какъ заговорщика. Въ силу того же своего убѣжденія Пестель до мельчайшихъ подробностей разработалъ самый ходъ революціи и ея ближайшія послѣдствія. Все было обдумано весьма тщательно, кромѣ одного пункта: какъ избавиться отъ представителя власти. Можно сказать, что Пестель обдумалъ второй шагъ революціи, но первый ему не удался даже въ теоріи.

Прежде всего, Пестель стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что революція должна начаться въ Петербургѣ. Войско на югѣ можетъ только поддержать революціонное движеніе въ столицѣ [2]). Отсюда понятно стремленіе Пестеля объединить Сѣверное и Южное Общества. За движеніемъ въ Петербургѣ должно было начаться движеніе въ южной арміи. Арестъ главной квартиры этой арміи, въ лицѣ главнокомандующаго ею и начальника штаба, долженъ быть первымъ актомъ революціи въ войскѣ. Этотъ пунктъ былъ обдуманъ весьма тщательно: предполагалось, что вятскій полкъ, которымъ командовалъ самъ Пестель, произведетъ это арестованіе: предвидѣлось также и время, наиболѣе для этого удобное, именно, когда этотъ полкъ займетъ караулы въ Тульчинѣ [3]). При этомъ были даны и тѣ порученія, которыя

---

[1]) Тамъ же, стр. 211—214.
[2]) Тамъ же, 219 и 214.
[3]) Тамъ же, 265 и 272.

должны быть выполнены отдѣльными членами Общества. Иногда даже поражаетъ эта забота о мелочахъ. Бобрищевъ-Пушкинъ и другіе члены Общества, находившіеся при главной квартирѣ въ Тульчинѣ, имѣли порученіе наблюдать, чтобы главнокомандующій и его начальникъ штаба не ускользнули изъ рукъ возставшихъ [1]). Поджіо имѣлъ порученіе быть подъ начальствомъ кн. Волконскаго и Давыдова [2]). Послѣ маневровъ въ 1824 году Пестель говорилъ Фохту и Майбородѣ: „Когда надобно будетъ арестовать главную квартиру, то уже вы, господа, съ своими ротами должны дѣйствовать потому, что болѣе другихъ стоите". Майборода отвѣчалъ: „Постараемся", а Фохтъ возразилъ, что солдаты не пойдутъ противъ своихъ начальниковъ. Тогда Пестель продолжалъ: „Вы это лучше должны знать, какъ привязать къ себѣ солдатъ; вы имѣете всѣ къ тому способности" [3]). Крюковъ 2 получилъ отъ Пестеля, на случай начала дѣйствій, духовое ружье. Очевидно, оно предназначалось или для дѣйствій при арестованіи главной квартиры, или, какъ объяснялъ Пестель, при освобожденіи майора Раевскаго, содержавшагося подъ арестомъ при корпусной квартирѣ ген. Сабанѣева [4]). Это все такія мелочныя подробности, которымъ трудно было бы повѣрить, если бы онѣ не были подтверждены самимъ Пестелемъ.

Съ первыми же успѣхами революціи предполагалось собрать Синодъ и Сенатъ и заставить ихъ силою, если они не подчинятся добровольно, издать два манифеста: первый отъ Синода ко всему русскому народу съ требованіемъ присягнуть временному правительству, а второй—отъ Сената, въ которомъ объявлялось бы, что вре-

[1]) „Мемуары декабристовъ", стр. 285.

[2]) Тамъ же, 208. Впрочемъ, Пестель объяснялъ это показаніе Поджіо тѣмъ, что Поджіо состоялъ въ каменской управѣ. „Былое", апрѣль, 257.

[3]) „Былое", апрѣль, 264.

[4]) Тамъ же, 272—274.

менное правленіе обязано ввести конституцію; предполагалось послѣднимъ манифестомъ „отвести подозрѣніе, что директоры хотятъ себѣ присвоить власть“. Временное правленіе должно было состоять изъ директоровъ Тайнаго Общества: „Пестель садился въ Директорію“, какъ выражается М. Муравьевъ. — Тайное Общество должно было продолжать свое существованіе во все время дѣятельности временнаго правленія, „чтобы создать новое политическое мнѣніе насчетъ новаго порядка вещей“. Предполагалось должностныхъ лицъ назначать только изъ членовъ Тайнаго Общества.

И тутъ все было до мелочей обдумано. Временное правленіе дѣйствуетъ восемь или десять лѣтъ. Намѣчены были лица, которымъ должно раздать отвѣтственныя мѣста въ государствѣ. „Говорили о министерствахъ (показываетъ Поджіо и по существу не отрицаетъ Пестель). Здѣсь довольно щедро дарили клевретовъ своихъ мѣстами, однакожъ многихъ и не принадлежащихъ къ Обществу называлъ“ (т.-е. Пестель) [1]).

Или вотъ еще деталь. Срокъ, назначенный Пестелемъ для дѣйствія временнаго правленія, очень великъ и,

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 208, и „Былое“, апрѣль, 257. Повидимому, эти мечтанія о будущихъ назначеніяхъ нерѣдко служили предметомъ разговоровъ въ интимномъ кружкѣ Пестеля. Трудно сказать, насколько серьезно къ нимъ относились собесѣдники. Самъ Пестель какъ будто серьезно смотрѣлъ на дѣло. Признавая показанія Поджіо, онъ заявляетъ, что будто бы такъ тогда разсуждалъ: „Смѣшно бы было толковать теперь о назначеніи или выборѣ сихъ чиновниковъ, не менѣе того лучше бы дѣлать смѣшное теперь, нежели въ нужное время не знать, кому что довѣрить, прибавивъ къ сему, что сіи выборы гораздо труднѣе, нежели по большей части полагаютъ“. Давыдовъ въ своихъ показаніяхъ, подтверждая подобнаго рода разговоры, относится къ нимъ иронически. „Въ пустыхъ нашихъ разговорахъ часто щедро раздавалъ мѣста и министерства и такимъ особамъ, кои объ Обществѣ не слыхали. Помѣщали и кн. Меньшикова и генераловъ Закревскаго, Сипягина, даже преосвященнаго Филарета. Имена сіи доказываютъ, сколь по большей части сіи разговоры были ничтожны, неосновательны, часто начинались и оканчивались шутками“ (показанія Давыдова, стр. 64).

конечно, могъ подать поводъ населенію думать, что правленіе узурпировало власть. Откровенный Поджіо далъ это понять Пестелю. „Что жъ дѣлать! — отвѣчалъ Пестель.—А, впрочемъ, между тѣмъ можно будетъ обратить вниманіе общее на внѣшнюю какую-нибудь мѣру, какъто: объявить войну Портѣ и возстановить Восточную республику въ пользу грековъ; такимъ образомъ явимся на поприще политическое съ самыми благонадежнѣйшими видами для прочихъ народовъ Европы“ [1]).

Таковъ былъ планъ Пестеля. Если отбросить нѣкоторыя мелочи, то планъ этотъ поражаетъ своею грандіозностью. Но теоретичность его совершенно очевидна: такой планъ могло создать лишь богатое воображеніе, и онъ только доказываетъ, что Пестель лишенъ способностей революціонера-практика. Трудно сказать, почему при своемъ огромномъ умѣ Пестель не могъ понять невыполнимости своего собственнаго плана. Быть-можетъ, онъ слишкомъ надѣялся на свою желѣзную волю при его проведеніи. Впрочемъ, факты послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Тайнаго Общества показываютъ, что въ Пестелѣ происходила тяжелая душевная борьба. Можетъ-быть, эта борьба и является признакомъ сознанія эфемерности самаго плана революціи, но честолюбіе не давало ему силъ отказаться отъ этого плана.

Но въ планѣ Пестеля, какъ мы уже замѣтили, отсутствуетъ подготовка къ тому, что самъ Пестель называлъ первымъ шагомъ къ революціи, le premier acte de la revolution. Мы знаемъ, что въ Южномъ Обществѣ былъ принятъ планъ цареубійства и даже истребленія всей царской фамиліи. Но даже и къ этому вопросу Пестель относился чисто теоретически: онъ самъ говоритъ, что этотъ актъ всѣ признали необходимымъ, но никто выполненія его не бралъ на себя, и каждый думалъ, что для

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 207.

этого найдется кто-нибудь другой [1]). И тутъ Пестель создалъ цѣлую теорію. Онъ расчленялъ заговоръ отъ революціи, или отъ переворота, и мечталъ найти цареубійцъ внѣ Общества, даже готовъ былъ пожертвовать ими, когда власть перейдетъ въ руки временнаго правленія [2]). Но и это была чистая теорія. Если бы Пестель, дѣйствительно, приступилъ къ дѣлу образованія такихъ заговорщиковъ, его можно было бы обвинять въ іезуитизмѣ. Но этого обвиненія Пестель не заслуживаетъ просто потому, что, пустивъ мысль въ ходъ, онъ не подготовлялъ ея исполненія. Онъ иногда мечталъ о томъ, что Лунинъ, вызывавшійся еще въ 1817 году произвести покушеніе на жизнь государя, возьметъ на себя предводительство этой когортой цареубійцъ. Но это были мечты, потому что Пестель не сдѣлалъ никакой попытки войти по этому поводу въ сношенія съ Лунинымъ. Очень возможно, что Пестель сталъ даже расчленять заговорщиковъ отъ членовъ Общества подъ вліяніемъ настойчивыхъ возраженій изъ среды Сѣвернаго Общества. Единственный случай, когда Пестель проявилъ намѣреніе подготовить къ цареубійству одного изъ членовъ, — это его бесѣда съ Поджіо. Въ своихъ показаніяхъ послѣдній нарисовалъ цѣлую замѣчательную картину этого счета лицъ царской фамиліи, подлежащихъ умерщвленію. Приведемъ этотъ разсказъ Поджіо, характерный для уясненій той атмосферы въ которой вращались разговоры членовъ Общества. Надо замѣтить, что Поджіо на судѣ изъ страстнаго поклонника Пестеля превратился въ не менѣе страстнаго его антагониста. „На другой день пріѣхалъ къ нему,—говоритъ Поджіо,—нужно было сдѣлать испытаніе надъ склонностями моими въ преступленіи, ибо безъ сего нельзя

---

[1]) „Былое“, мартъ, 215.

[2]) „Былое“, апрѣль, 258 — 260; Мемуары декабристовъ, 203; показанія М. Муравьева; показанія Трубецкого.

было приступить къ дѣйствію, какъ послѣдній предметъ. Здѣсь начался разговоръ, скажу—между двумя ужаснѣйшими въ умышленіяхъ человѣками, стремящимися къ одной цѣли, но каждой, движимой побужденіями разными, одинъ свирѣпѣлъ къ пользѣ всѣхъ и своей, другой кипѣлъ единственно для пользы всѣхъ и даже гибелью своей! Такъ я мыслилъ. Приступили къ заговору о совершеніи невѣроятнаго покушенія даже въ исполненіи.

„— Давайте,—мнѣ говоритъ,—щитать жертвы, и руку свою сжалъ, чтобъ производить щетъ ужасной сей по пальцамъ.

„Видя Пестеля передъ собой, я сталъ называть, а онъ считать; дойдя до женскаго пола, онъ остановилъ меня, говоря:

„— Знаете ли, что ето дѣло ужасное.

„— Я не менѣе васъ въ томъ увѣренъ.

„Но тутъ уже я видѣлъ, что онъ хотѣлъ мнѣ дать усмотрѣть, что я безчеловѣчнѣе его: признаюсь, мнѣ сіе больно было, не менѣе и теперь еще... Сейчасъ же послѣ сего опять та же рука стала предо мной и ужасное число было тринадцать! Наконецъ остановившись, онъ, видя мое молчаніе, говоритъ такъ:

„— По етому и конца не будетъ; ибо также должно будетъ покуситься и на особъ фамиліи, въ иностранныхъ краяхъ находящихся.

— Да, — я говорю, — тогда точно уже конца ужасу сему не будетъ, ибо у всѣхъ великихъ княгинь есть и дѣти, говоря, что для сего провозгласить достаточно отрѣшенія отъ всякаго наслѣдствія, добавивъ, впрочемъ: кто захочетъ столь окровавленнаго престола!

„Вслѣдъ за нимъ онъ мнѣ говоритъ:

„— Я препоручилъ уже Барятинскому приготовить [1]), мнѣ двѣнадцать человѣкъ, рѣшительныхъ для сего!

---

[1]) Этого порученія въ дѣйствительности Пестель не дѣлалъ.

„Довольно мнѣ было сего, чтобъ видѣть, что до меня сіе было уже принято: сообразивъ число сіе и изведеніе цесаревича Константина Павловича Польскимъ Обществомъ, не усумнился, что число уже было жертвъ щитано“ [1]). И въ конечномъ результатѣ Пестель такъ и не подготовилъ придуманнаго имъ Общества заговорщиковъ.

Впрочемъ, есть еще одно указаніе на стремленіе Пестеля дѣйствительно организовать заговоръ противъ жизни государя, хотя дѣятельность тутъ Пестеля надо принимать съ нѣкоторыми оговорками. Дѣло въ томъ, что М. Муравьевъ самъ признается въ своихъ показаніяхъ, что у него въ 1824 году явилось намѣреніе произвести покушеніе на жизнь государя. Онъ нашелъ себѣ сообщниковъ въ лицѣ Ѳ. Вадковскаго и Свистунова. М. Муравьевъ давно носился съ планомъ цареубійства, но въ данномъ случаѣ онъ объясняетъ, что побужденіемъ для него послужила мысль, что Общество открыто, и своимъ поступкомъ онъ хотѣлъ „спасти брата“, т.-е. очевидно, просто хотѣлъ дать возможность Обществу начать революціонныя дѣйствія. Предполагалось даже, что наиболѣе удобнымъ временемъ для цареубійства можетъ быть балъ въ бѣлой залѣ Зимняго дворца [2]). Начало 1824 года, когда шли эти разговоры,—время наибольшаго вліянія Пестеля на М. Муравьева и наиболѣе горячая пора въ дѣятельности послѣдняго. Вотъ почему свидѣтельству Поджіо можно придавать значеніе.

Итакъ, Пестель дѣлалъ попытки найти „сеидовъ“, но онъ подготовлялъ ихъ слишкомъ заранѣе, и подгото-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 206—207.

[2]) Показанія М. Муравьева, Свистунова и Вадковскаго. Показывающіе объ этомъ весь замыселъ принимаютъ на себя. Но, кажется, тутъ надо видѣть и побуждающее участіе Пестеля. Хорошо освѣдомленный Поджіо въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что одно время Пестель, „думалъ употребить М. Муравьева для цареубійства“. „Мемуары“, 204.

вленные успѣвали перебродить прежде, чѣмъ Общество было сколько-нибудь готово къ началу дѣйствій.

Отъ плана Южнаго Общества перейдемъ къ средствамъ, имѣвшимся въ его распоряженіи.

Обладая огромнымъ вліяніемъ на другихъ членовъ, Пестель, однако, весьма слабо подготовлялъ ближайшее средство, необходимое для возстанія: его именно полкъ, солдаты и офицеры, былъ наименѣе подготовленъ [1]). Самъ Пестель въ своемъ показаніи признаетъ, что тульчинская управа, въ которой былъ предсѣдателемъ самъ Пестель, „съ самаго 1821 г. впала въ бездѣйствіе“ [2]). Каменская управа, гдѣ былъ Волконскій и Давыдовъ, приняла только троихъ членовъ, такъ что дѣйствовала одна только васильковская управа.

Но, кромѣ того, среди членовъ далеко не было необходимаго для заговора единодушія и даже необходимаго довѣрія къ самому Пестелю. Уже съ первыхъ дней образованія Южнаго Общества одна часть его членовъ, какъ разъ сосредоточенная въ Тульчинѣ, если не отпала формально, то „впала въ бездѣйствіе“. Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ Басаргинъ откровенно передаетъ это настроеніе. Онъ говоритъ, что по разнымъ причинамъ „большая часть изъ Тульчинскихъ членовъ какъ-то охладѣла“. Онъ считаетъ самого Пестеля виновникомъ такого отношенія къ дѣлу. „Намъ казалось, — говоритъ Басаргинъ, — что онъ скорѣе искалъ „сеидовъ“, нежели товарищей. Ему, вѣроятно, представлялось, что мы стараемся уклоняться отъ него и не довѣряемъ чистотѣ его намѣреній“. Этими членами были Ивашевъ, Вольфъ, Аврамовъ и нѣкоторые другіе. Басаргинъ сознается, что въ его душу стало закрадываться сомнѣніе: пойметъ ли Россія выгоды представительнаго правленія [3]).

---

[1]) Записки Лорера, „Русское Богатство“, 1904, мартъ, 74.
[2]) „Былое“, февраль, 143.
[3]) „Девятнадцатый вѣкъ“, т. I, 75.

Впрочемъ, ничего не было бы удивительнаго въ томъ, что съ теченіемъ времени нѣсколько членовъ могло охладѣть къ дѣлу Общества. Гораздо важнѣе, что съ конца 1824 г. наблюдается болѣе рѣзко выраженное явленіе: въ Обществѣ замѣчается сильный разладъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что Общество готово было распасться. Охлажденіе однихъ было явное, о которомъ много тогда говорили, охлажденіе другихъ тщательно скрывалось, но могло проявиться при первомъ благопріятномъ случаѣ. И это было охлажденіе не къ дѣлу, а къ лицу, стоявшему во главѣ Общества.

Началось съ самыхъ горячихъ сторонниковъ Пестеля— М. Муравьева и А. Поджіо. Письмо Муравьева къ брату Сергѣю, помѣченное 3 ноября 1824 года, свидѣтельствуетъ намъ о томъ душевномъ разладѣ, который онъ тогда переживалъ. И это писалъ М. Муравьевъ непосредственно послѣ поѣздки Пестеля въ Петербургъ. Онъ сомнѣвается и въ томъ, что армія поддержитъ революцію, и въ томъ, что народъ далеко не такъ ненавидитъ государя; даже на гвардію нельзя разсчитывать. „Чтобы построить большое зданіе, нуженъ прочный фундаментъ, а о немъ-то менѣе всего думаютъ у васъ“, пишетъ онъ брату. Онъ намекаетъ на холодную разсчетливость Пестеля, который „тономъ учителя навязываетъ писанныя гипотезы“: „и все это дѣлается изъ ничтожнаго тщеславія“. Онъ сомнѣвается и въ томъ, что въ Петербургѣ можно что-нибудь сдѣлать въ цѣляхъ Общества; особенно недоволенъ М. Муравьевъ результатомъ переговоровъ съ поляками: „Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины“ [1]). Объ этомъ охлажденіи М. Муравьева свидѣтельствуютъ и другіе декабристы. Лореръ посѣтилъ въ деревнѣ М. Муравьева нѣсколько ранѣе времени написанія только что цитированнаго письма.

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 275.

Онъ нашелъ Муравьева „совершенно отвратившимся отъ Общества“, или, какъ говоритъ самъ Муравьевъ о себѣ въ другомъ мѣстѣ, „въ большомъ омерзѣніи насчетъ Общества“ [1]). Въ разговорѣ съ Лореромъ М. Муравьевъ говорилъ объ Обществѣ, „какъ о самомъ пустомъ дѣлѣ, ни къ чему не ведущемъ, хотя опасномъ для его членовъ, говорилъ дурно о Пестелѣ и смѣялся надъ его конституціей“. Сообщающій эти свѣдѣнія со словъ Лорера Василій Давыдовъ тутъ же прибавляетъ, что ему показался и Лореръ „недалекимъ отъ сихъ мнѣній“. Пестель былъ очень недоволенъ такимъ уклоненіемъ М. Муравьева и интересовался причинами его [2]). Но тутъ видна и причина отклоненія М. Муравьева: вся его послѣдующая дѣятельность въ цѣляхъ того же Общества показываетъ, что М. Муравьевъ не извѣрился въ дѣло, которому онъ служилъ и его недовѣріе и холодность относились не къ цѣлямъ Общества, но къ лицу, которое стояло во главѣ его. Бестужевъ-Рюминъ побывалъ въ деревнѣ у М. Муравьева, и онъ снова воспрянулъ духомъ, ѣдетъ въ Кіевъ для того, чтобы вести переговоры съ кн. Трубецкимъ, и въ слѣдующемъ году собирался ѣхать въ Петербургъ и эта поѣздка его должна была привести къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Мы сейчасъ поймемъ причины оживленія вѣры въ дѣло, происшедшей въ Муравьевѣ.

Что касается Поджіо, то этотъ „пламенный“ человѣкъ, готовый на цареубійство, также охладѣваетъ. Онъ ѣдетъ на Кавказъ, потомъ даже выходитъ въ отставку и собирается уѣхать за границу. „Признаюсь,—говоритъ онъ въ своей исповѣди, — видѣлъ людей вблизи, видѣлъ самоуправіе большое,—словомъ, не было во мнѣ того прежняго содѣйствія“. И „властолюбіе“ Пестеля и сознаніе, что „дѣло наше и сверхъ силъ, и времени, и

[1]) Показанія М. Муравьева; Мемуары декабристовъ, 208.
[2]) Показанія Давыдова, стр. 63.

всякаго вѣроятія“ — все это ослабляло энергію Поджіо [1]). И тутъ причины охлажденія состоятъ въ недовѣріи къ Пестелю и даже въ недовѣріи къ самому дѣлу. Но попытка Поджіо поднять возстаніе въ то время, когда Пестель былъ уже арестованъ, показываетъ, что и этотъ случай охлажденія основной причиной своей имѣетъ личное отношеніе къ Пестелю. Вотъ еще нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ. Мы находимъ и еще свѣдѣнія о томъ, что младшій братъ Поджіо и Янтальцевъ незадолго до арестовъ заявляли, что они больше участвовать въ Обществѣ не будутъ [2]).

Пестель обладалъ огромнымъ умомъ и такой же силой воли. Въ спорахъ онъ былъ неотразимъ, для менѣе подготовленныхъ спорить съ нимъ было очень трудно. Эти причины дѣлали то, что съ Пестелемъ часто соглашались, не имѣя доводовъ его опровергнуть Но это согласіе было непрочное, оно не могло перейти въ убѣжденіе. Послѣ всего сказаннаго легко можно повѣрить показаніямъ Давыдова: „Когда бывали вмѣстѣ, много говорили, но оспаривать мнѣній Пестеля никто не покушался“. Онъ же говоритъ, что когда въ ихъ кругу шелъ споръ о разныхъ предметахъ государственнаго устройства, то „противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мыслей уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, моихъ разговорахъ“. Давыдовъ даже приводитъ и одинъ конкретный примѣръ. По вопросу о будущихъ отношеніяхъ Польши къ Россіи онъ и кн. Волконскій не были согласны съ Пестелемъ и, однако, не рѣшались его оспаривать: „Совершенно былъ на все сіе противнаго мнѣнія и при нихъ самихъ могу подтвердить, и въ свидѣтели призываю кн. Волконскаго, который раздѣлялъ мое мнѣніе, хотя послѣ, по слабости своей, согласился быть дѣйствующимъ лицомъ въ сихъ

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 195, 205, 209, 211.

[2]) Показанія Лихарева, стр. 20.

сношеніяхъ, чего даже мнѣ и не предлагали, ибо точно знали, что я откажусь“ [1]). И это писалось не для Комиссіи: мы только что видѣли отношеніе М. Муравьева къ тому же польскому вопросу, а Басаргинъ почти въ такихъ же выраженіяхъ характеризуетъ отношеніе къ Пестелю въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ.

Итакъ, общая картина, которую представляло собою Южное Общество наканунѣ наиболѣе отвѣтственныхъ дѣйствій, заключалась въ глубокомъ „разладіи“. Но этотъ разладъ окажется еще ощутительнѣе, когда мы выяснимъ положеніе, занятое Бестужевымъ-Рюминымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ въ Южномъ Обществѣ. Но теперь замѣтимъ, что всѣ эти явленія чрезвычайно безпокоили самого Пестеля. Онъ замѣчалъ окружающее его недовѣріе. Уже на контрактахъ 1825 года онъ упрекалъ всѣхъ въ бездѣйствіи, но самъ былъ весьма обезпокоенъ „отклоненіемъ“ Муравьева. Можетъ-быть, эти причины, сознаніе, что ему не удалось составить обширнаго и тѣсно сплоченнаго Общества, можетъ-быть, въ него даже закрадывалось сомнѣніе въ возможность выполненія своего грандіознаго плана. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно одно: самъ Пестель началъ колебаться, охладѣлъ къ работѣ надъ своей „Русской Правдой“, къ дѣламъ Общества, и въ его умѣ сталъ появляться столь же грандіозный планъ открытія Общества. Въ предсмертномъ письмѣ изъ крѣпости къ родителямъ Пестель писалъ: „Мнѣ слѣдовало ранѣе понять, что должно полагаться на Провидѣніе (Пестель отличался религіозностью), а не стремиться участвовать въ томъ, что не составляетъ положительной обязанности того положенія, въ которое насъ Богъ поставилъ и не стремиться выйти изъ своего круга. Я это чувствовалъ еще въ 1825 году, но уже было поздно“ [2]). И мы имѣемъ и другія свидѣ-

---

[1]) Показанія Давыдова, 61, 63 и 64.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1875 г., стр. 421—422.

тельства, что это позднее признаніе соотвѣтствовало дѣйствительному настроенію Пестеля въ послѣдній годъ существованія Общества. „Пестель говорилъ мнѣ однажды, — свидѣтельствуетъ Юшневскій въ своихъ показаніяхъ, — въ послѣднюю бытность его въ Тульчинѣ, давъ разумѣть, что онъ внутренно сомнѣвается въ возможности достиженія цѣли по причинѣ малочисленности Общества, по неимѣнію къ тому средствъ и потому, что нѣтъ значащихъ лицъ между членами, но что онъ не обнаруживаетъ сего предъ другими, дабы тѣмъ не обезохотить“ [1]). Но наиболѣе интересенъ разсказъ близкаго его друга Лорера, характеризующій тогдашнее душевное настроеніе Пестеля. „Однажды, придя къ Пестелю вечеромъ, по обыкновенію, я засталъ его лежащимъ. При моемъ входѣ онъ приподнялся и послѣ краткаго молчанія, съ челомъ сумрачнымъ и озабоченнымъ, сказалъ мнѣ какъ-то таинственно:

— „Николаи Ивановичъ, все, что я вамъ скажу, пусть останется тайной между нами. Я не сплю уже нѣсколько ночей, все обдумываю важный шагъ, на который рѣшаюсь... Получая чаще и чаще неблагопріятныя свѣдѣнія отъ управъ, убѣждаясь, что члены вашего Общества охладѣваютъ все болѣе и болѣе къ notre bonne cause, что никто ничего не дѣлаетъ въ преуспѣяніи ея... что государь извѣщенъ даже о существованіи Общества и ждетъ благовиднаго предлога, чтобы насъ всѣхъ схватить, я рѣшился дождаться 26 года (мы были въ ноябрѣ 1825 г.), отправиться въ Таганрогъ и принести государю свою повинную голову, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ внялъ настоятельной необходимости разрушить Общество, предупредивъ его развитіе дарованіемъ Россіи тѣхъ уложеній и правъ, какихъ мы добиваемся. Недавно я ѣздилъ въ Бердичевъ, въ Житомиръ, чтобы переговорить съ польскими членами, но у нихъ не нашелъ

---

[1]) Показанія Юшневскаго.

ничего радостнаго. Они и слышать не хотятъ намъ помочь и желаютъ избрать себѣ „своего короля“ въ случаѣ нашего возстанія. Самъ же государь Александръ, съ 1817 года, видимо, измѣнилъ свое либеральное направленіе, поддавшись совершенно Меттерниху, который напѣваетъ ему, что добротою, снисходительностью можно только потрясти троны и разрушить ихъ... Прусскій король много обѣщавшій и ничего не исполнившій, небось, когда ему приходилось плохо, самъ былъ главою въ 13 и 14 году своего Tugend Bund, а теперь и онъ охладѣлъ. Что скажете вы на мое намѣреніе?

„— Признаюсь вамъ, Павелъ Ивановичъ, что вы подымаетесь на рискованное дѣло. Хорошо, ежели государь снисходительно приметъ ваше извѣщеніе и убѣдится вашими доводами, ну, а ежели нѣтъ? Вѣдь дѣло идетъ о спокойствіи и счастьѣ цѣлой страны, а какъ интересы государствъ, связанныхъ принципомъ макіавеллизма, перетянутъ на свою сторону императора Александра? Что тогда будетъ? По-моему, вамъ однимъ не слѣдуетъ рѣшаться на такой важный шагъ и нужно непремѣнно сообщить вашъ планъ хоть нѣкоторымъ членамъ Общества, какъ, напримѣръ: Юшневскому, Муравьеву, хоть для того только, чтобы никто не могъ васъ заподозрѣть, что вы ищете спасенія личнаго, дѣлаясь доносчикомъ дѣла общаго, въ которомъ отчаиваетесь.

„Пестель пожалъ мнѣ руку и замолчалъ“ [1]).

Такое настроеніе испытывалъ самъ Пестель. Онъ самъ какъ бы извѣрился въ возможность осуществленія своего плана и сознавалъ, что силы Общества незначительны. Но въ дѣйствительности рядомъ съ Пестелемъ въ Южномъ Обществѣ появляется другой руководитель въ лицѣ Сергѣя Муравьева-Апостола.

---

[1]) „Русское Богатство“, мартъ, 1904 г., 77.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ [1])—въ высшей степени симпатичная личность. Онъ выросъ въ Испаніи и Франціи и только юношей вступилъ на русскую почву вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ М. И. По матери онъ былъ южнаго происхожденія, и, можетъ-быть, этимъ объясняется пылкость его характера. Онъ получилъ прекрасное образованіе и былъ весьма начитанъ; повидимому, онъ болѣе всего интересовался политико-экономическими науками. На окружающихъ С. И. производилъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе мягкостью своей натуры, привѣтливостью, остроуміемъ. Онъ пользовался искреннею любовью окружающихъ, цѣнившихъ въ немъ его „добродѣтельную душу“. Солдаты не только его баталіона, которымъ онъ командовалъ, но и всего полка его буквально обожали и съ нимъ готовы были встрѣтить всякую опасность. С. И. искренно былъ преданъ дѣлу заговора. Но, въ противоположность Пестелю, онъ былъ далекъ отъ теоретическихъ разсужденій. Онъ прекрасно понималъ, что Россіи надо доставить свободу. Сначала онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что свобода можетъ быть получена и при монархическомъ образѣ правленія, если Общество добьется конституціи. На югѣ онъ усвоилъ мысль Пестеля о введеніи республики, хотя не соглашался со многими деталями Пестеля. Это единственный членъ Южнаго Общества, который оспаривалъ различныя части конституціи Пестеля, но большинство всегда было на сторонѣ послѣдняго. Въ концѣ-концовъ, Муравьевъ прекратилъ и эти споры. Съ его точки зрѣнія, это были „пустые“ споры. Онъ былъ не теоретикъ, а практикъ заговора. Для него было совершенно безразлично, кто „сядетъ въ Директорію“. Нельзя указать ни одного штриха, который далъ бы поводъ предполагать честолюбивые замыслы въ Муравьевѣ. Онъ

[1]) Братья М., С. и Ипполитъ Ивановичи Муравьевы-Апостолы—сыновья извѣстнаго сенатора, знатока классическаго міра и переводчика И. М. Муравьева-Апостола.

больше чѣмъ кто-либо изъ членовъ сдѣлалъ для развитія силъ Общества. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить только съ Рылѣевымъ. Муравьевъ былъ человѣкомъ въ высшей степени рѣшительнымъ. Увѣренный въ правотѣ своихъ убѣжденій, онъ готовъ былъ жертвовать собою и доказалъ на дѣлѣ свою готовность.

Рядомъ съ С. Муравьевымъ стоялъ его задушевный другъ, о которомъ онъ не могъ безъ слезъ умиленія говорить, 23-лѣтній Бестужевъ-Рюминъ. Оба они составляли „одного человѣка“, какъ характерно выражается Пестель. На окружающихъ Бестужевъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Онъ много говорилъ, часто повторялся, въ его рѣчи отсутствовала ясность мысли. Его обыкновенно считали человѣкомъ весьма недалекимъ, и дружба его съ С. Муравьевымъ казалась весьма странной. Въ свое время никакъ не понимали, какъ можетъ Муравьевъ довѣрять серьезныя дѣла такому человѣку, какъ Бестужевъ. Но подъ этой глуповатой внѣшностью скрывался весьма неглупый человѣкъ. Что же касается рѣшительности, твердости въ убѣжденіяхъ, необыкновенной дѣятельности, то въ этомъ отношеніи Бестужевъ совершенно сливался съ Сергѣемъ Муравьевымъ. Бестужевъ былъ энтузіастъ, беззавѣтно отдавшійся дѣлу и посвятившій ему всю свою жизнь. Якушкинъ и другіе, знавшіе Бестужева, недоумѣвали, какую роль онъ можетъ играть въ Обществѣ. Между тѣмъ оказывается, что Бестужевъ пылкостью своей натуры, своимъ энтузіазмомъ легко могъ вліять на другихъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ и недурной ораторъ. Правда, въ своихъ рѣчахъ онъ часто повторяется, онъ говорилъ нервно, часто вскакивалъ съ мѣста, но въ общемъ все это производило впечатлѣніе, и Бестужевъ былъ весьма способенъ возбуждать въ слушателяхъ сильный энтузіазмъ. Слѣдя за дѣятельностью Южнаго Общества, легко замѣтить, что Бестужевъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ необходимости цареубійства и болѣе чѣмъ кто-либо под-

готовилъ для этого почву. Но онъ не отдѣлялъ себя отъ цареубійцъ или заговорщиковъ, какъ тогда выражались, и самъ охотно вызывался нанести ударъ.

Таковы были оба друга, составлявшіе „одного человѣка“. Оба они горѣли нетерпѣніемъ скорѣе начать дѣло. Въ то время, когда тульчинская и каменская управы занимались теоріей конституціи, Муравьевъ и Бестужевъ подготовляли солдатъ и значительно расширили число членовъ своей управы: „Сила вся была у него“, говоритъ Поджіо. И неудивительно поэтому, что Муравьевъ и Бестужевъ составляли сами, независимо отъ Пестеля, планы переворота. И, несомнѣнно, они начали бы дѣйствовать, если бы государь появился въ лагерѣ. Въ этомъ отношеніи между Муравьевымъ и Пестелемъ было постоянное несогласіе. Но, повидимому, во избѣжаніе всякихъ споровъ Муравьевъ поступалъ просто: вырабатывалъ планъ и извѣщалъ Пестеля о возможномъ началѣ дѣйствій.

Даже и въ вопросахъ первостепенной важности, принятыхъ по настоянію Пестеля въ Южномъ Обществѣ, Муравьевъ держалъ себя вполнѣ самостоятельно. На дѣлѣ онъ не примирился съ мыслью Пестеля объ истребленіи всей императорской фамиліи. Самостоятельно входя въ союзъ съ славянами и подготовляя въ ихъ средѣ цареубійцъ, Муравьевъ и Бестужевъ ведутъ рѣчь только о покушеніи на жизнь императора. Муравьевъ сдѣлалъ лишь уступку въ этомъ отношеніи, согласясь послѣ долгихъ колебаній съ мыслью о покушеніи на жизнь цесаревича изъ того соображенія, чтобы онъ не могъ подавить революціи, двинувшись въ Россію со своими польскими и литовскими войсками.

Муравьевъ совершенно самостоятельно относился и къ другимъ сторонамъ предполагаемаго переворота. Онъ убѣждалъ Трубецкого воздѣйствовать на Сѣверное Общество, чтобы оно оставило пустые споры о формѣ конституціи. Сначала онъ и Бестужевъ сдѣлали какія-то

поправки въ конституціи Пестеля и предлагали Сѣверному Обществу ихъ въ полномъ видѣ принять. Но на это согласія не получили. Тогда они пошли дальше. Трубецкой уполномоченъ былъ объявить въ Петербургѣ, что въ случаѣ успѣха революціи временное правленіе вручается Сѣверному Обществу, а затѣмъ уже можно будетъ составить особый комитетъ, который уже напишетъ проектъ конституціи и пошлетъ ее для одобренія западноевропейскимъ авторитетамъ. Такимъ образомъ предполагалось совершенно устранить многолѣтній трудъ Пестеля и начать составленіе конституціи сызнова. Изъ этого видно отношеніе Муравьева и Бестужева къ „Русской Правдѣ“ Пестеля: они не считали ее символомъ своей политической вѣры.

Вотъ какое направленіе приняла дѣятельность обоихъ членовъ васильковской управы. Оно объясняется не только тѣмъ, что Пестель задерживалъ начало рѣшительныхъ дѣйствій тѣмъ, что планъ не былъ готовъ, но, несомнѣнно, въ этой самостоятельности играло роль и недовѣріе къ Пестелю.

С. Муравьевъ былъ очень осторожепъ и съ внѣшней стороны оставался вѣрнымъ союзникомъ Пестеля. Наиболѣе видные члены Южнаго Общества замѣчали лишь большую самостоятельность въ рѣшеніяхъ Муравьева. Но Трубецкому онъ долженъ былъ открыться, когда велъ съ нимъ переговоры въ бытность его въ Кіевѣ. Оказывается, что С. Муравьевъ „нимало не вдался Пестелю“. Онъ и другіе члены Общества васильковскаго округа „Пестеля ненавидятъ“, Пестелю они не довѣряютъ и готовы видѣть въ немъ жестокаго и властолюбиваго человѣка; Муравьевъ даже готовъ противиться, если замѣтитъ, что Пестель „что-нибудь затѣетъ дѣлать для себя“ [1]). И этому сообщенію можно довѣрять.

---

[1]) Показанія Трубецкого, стр. 15; „Мемуары декабристовъ“, 87—89.

Можетъ-быть, Трубецкой сгустилъ нѣсколько краски, но сущность дѣла была, дѣйствительно, такова. Тогда же Трубецкой сообщалъ Нарышкину о томъ, что Пестелю не довѣряютъ многіе члены Южнаго Общества [1]). Въ томъ же духѣ Трубецкой сдѣлалъ докладъ и Рылѣеву. Матвѣй Муравьевъ лучше другихъ зналъ задушевныя мысли своего брата. Въ своихъ показаніяхъ М. Муравьевъ утверждаетъ, что его братъ былъ готовъ противиться нѣкоторымъ планамъ Пестеля: „Братъ мой Сергѣй всегда имѣлъ мысль отдалить Пестеля отъ Петербурга въ началѣ дѣйствій, чтобы ему не дать исполнить намѣренія его насчетъ истребленія всей царской фамиліи. Вотъ что и подало мысль и Пестелю дать команду надъ предполагаемымъ кіевскимъ лагеремъ. Онъ никогда не раздѣлялъ его мнѣнія. Его сношенія съ Пестелемъ были довольно холодны и чтобы болѣе еще не удалиться отъ него, онъ не говорилъ явно всѣмъ, но, впрочемъ, онъ откровенно сказывалъ объ этомъ Пестелю. Я всегда раздѣлялъ сіе мнѣніе также съ братомъ. А когда братъ былъ выбранъ въ директоры Южнаго Общества, и что лѣвый флангъ сдѣлался сильнѣе праваго, братъ зналъ, что онъ остановитъ сіе предложеніе. Какъ я сказалъ выше, когда я согласился съ Пестелемъ на сіе намѣреніе (т.-е. на истребленіе всей царской фамиліи), онъ мнѣ именно сказалъ: Votre frère est trop pur“.

Но лучшимъ доказательствомъ самостоятельности васильковской управы, сознанія ею своей силы и отношенія ея къ Пестелю служитъ планъ революціи, выработанный С. Муравьевымъ.

Этотъ планъ былъ представленъ на обсужденіе членовъ Общества еще во время контрактовъ 1825 года. Пестель не сочувствовалъ ему, но онъ, повидимому, убѣдился, что Муравьевъ не намѣренъ уступать и потому долженъ былъ наружно согласиться, хотя уже въ декабрѣ 1825 года,

---

[1]) Показанія Нарышкина, стр. 22.

т.-е. наканунѣ арестованія, Давыдовъ по порученію Пестеля объявлялъ членамъ, что въ 1826 г. начало революціи придется отложить, если въ Петербургѣ не начнутъ [1]).

Планъ состоялъ въ слѣдующемъ. Въ 1826 году предполагался высочайшій смотръ третьяго корпуса. Революція должна была начаться умерщвленіемъ государя, затѣмъ предвидѣлось изданіе двухъ прокламацій: одной—къ войску, другой—къ народу. Одновременно сѣверные члены начинаютъ революцію въ Петербургѣ увозомъ императорской фамиліи за границу и объявляютъ временное правленіе. Третій корпусъ направляется въ Кіевъ и здѣсь образуетъ укрѣпленный обсерваціонный лагерь. Другая часть войска отправляется въ Москву и требуетъ отъ Сената преобразованія государства (послѣднее предполагалось, очевидно, на тотъ случай, если въ Петербургѣ не начнутъ). По плану Бестужева, возставшія войска образуютъ даже три укрѣпленныхъ лагеря. Въ этомъ планѣ для Пестеля предвидѣлась скромная роль начальника кіевскаго лагеря, „обсерваціоннаго пограничнаго и притомъ бездѣйствующаго корпуса“, какъ вѣрно замѣчаетъ Пестель. Бестужевъ долженъ былъ начальствовать войсками подъ Москвой, а С. Муравьевъ отправиться въ Петербургъ [2]).

Итакъ, тутъ Пестелю отводилась весьма скромная роль, и онъ вѣрно характеризовалъ положеніе дѣла, заявивъ на слѣдствіи, что этотъ планъ ему просто былъ „сообщенъ“ для свѣдѣнія. Насколько рѣшительно С. Муравьевъ предполагалъ провести этотъ планъ, видно изъ того, что Корниловичъ былъ имъ отправленъ въ Петербургъ съ извѣщеніемъ, что революція будетъ начата Южнымъ Обществомъ въ 1826 году. Корниловичъ былъ отправленъ безъ соглашенія съ Пестелемъ

---

[1]) „Мемуары“, 211.

[2]) Показанія Пестеля, „Былое“, мартъ, 215, апрѣль, 262; показанія С. Муравьева, стр. 162; показанія Бестужева, стр. 67; показанія М. Муравьева.

и прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько дней до 14 декабря.

Вотъ какой оборотъ приняли дѣла въ Южномъ Обществѣ наканунѣ арестовъ.

XII.

Заключеніе.

Передъ нами прошла исторія Тайнаго Общества. Она представляетъ собою поучительную картину органическаго развитія политическихъ задачъ въ средѣ Общества Развитіе это было именно органическое, и это очень важно. Декабристовъ упрекаютъ въ заимствованіи политическихъ идеаловъ изъ западно-европейской жизни. Такого упрека они не заслуживаютъ. Тайное Общество зародилось въ формѣ Союза Спасенія, первоначально преслѣдуя не вполнѣ опредѣленную, но, во всякомъ случаѣ, умѣренную политическую цѣль. Оно зарождалось тогда, когда еще вѣра въ возможность либеральныхъ мѣръ со стороны самого правительства не изсякла въ средѣ русскаго либеральнаго общества. Но реакціонная политика правительства показала неосуществимость этихъ надеждъ, и Тайное Общество поставило болѣе опредѣленную задачу: насильственное ниспроверженіе правительства и введеніе въ Россіи республики или широкой конституціонной монархіи. Если бы декабристы просто заимствовали идею Тайнаго Общества съ Запада, если бы они начали свое дѣло, такъ сказать, съ подражанія Западу, то, разумѣется, мы не замѣчали бы той эволюціи въ настроеніи членовъ Тайныхъ Обществъ, какую въ дѣйствительности мы наблюдаемъ; тогда мы получили бы просто на русской почвѣ греческую гетерію или итальянскихъ карбонаріевъ, даже съ приспособленіемъ того или иного типа обществъ къ русской почвѣ.

Въ дѣйствительности мы ни того ни другого не наблюдаемъ. Правда, Тайное Общество заимствуетъ нѣмецкій уставъ Тугендбунда. Но и тутъ ошибочно было бы видѣть простое подражаніе. Во-первыхъ, уставъ Тугендбунда былъ заимствованъ и притомъ съ серьезными видоизмѣненіями уже тогда, когда русское Тайное Общество существовало, и уставъ этотъ былъ только примѣненъ къ русскому Обществу. Во-вторыхъ, русское Тайное Общество съ самаго момента своего возникновенія отличалось отъ своихъ западно-европейскихъ правыхъ и лѣвыхъ собратій тѣмъ, что оно одновременно ставило и политическую и культурную задачи своей дѣятельности. Такъ, примѣнивъ къ русской почвѣ культурныя задачи Тугендбунда, русскій Союзъ Благоденствія поставилъ и политическую задачу, сначала переворотъ въ направленіи конституціонно-монархическомъ, а впослѣдствіи даже и въ республиканскомъ направленіи. Южное и Сѣверное Тайныя Общества въ сильной мѣрѣ наслѣдовали задачи Союза Благоденствія, по крайней мѣрѣ, это можетъ быть установлено положительно для Сѣвернаго Общества.

Это стремленіе декабристовъ къ раздвоенію задачъ своей дѣятельности на культурную и политическую весьма интересно. Это показываетъ, что они весьма хорошо оцѣнивали значеніе культурнаго роста Общества въ дѣлѣ освободительнаго движенія. Разумѣется, нельзя ставить декабристамъ въ вину того обстоятельства, что такая широкая задача по существу являлась не выполнимой. Эта задача не для небольшого общества, дѣйствующаго притомъ тайно отъ правительства, а задача, выполняемая въ теченіе десятилѣтій совокупной работой школы и печати.

Политическія задачи Тайнаго Общества столь же органически связываются съ тогдашнимъ состояніемъ Россіи. Декабристы не заимствовали механически свободныхъ идей съ Запада для примѣненія ихъ къ Россіи.

Напротивъ, вся тогдашняя жизнь для сколько-нибудь наблюдательнаго зрителя представляла столько отрицательныхъ сторонъ самодержавнаго режима, что та среда русскаго общества, которая была проникнута любовью къ отечеству и свободѣ, естественно, пришла къ мысли о необходимости борьбы съ самодержавіемъ и съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который оно поддерживало [1]).

Итакъ политическія задачи органически развивались въ средѣ Тайнаго Общества, и эти задачи столь же органически были связаны съ современнымъ состояніемъ русскаго государства.

Намъ кажется, что это положеніе вытекаетъ изъ всего хода предшествовавшаго изложенія исторіи развитія Тайнаго Общества.

Но въ исторіи Тайнаго Общества есть стороны, которыя требуютъ поясненія. И современники и потомство неодинаково отнеслись къ Тайному Обществу и къ лицамъ, его составлявшимъ. Декабристы сосредоточили на себѣ величайшія симпатіи русскаго общества, и эти симпатіи относятся какъ къ тому дѣлу, которое защищали декабристы, такъ и къ ихъ личнымъ качествамъ. Но, съ другой стороны, Тайное Общество и его члены не разъ подвергались многочисленнымъ упрекамъ. Эти упреки иногда встрѣчаются и въ историческихъ сочиненіяхъ, большею частью у авторовъ извѣстнаго направленія, такъ даже идутъ и изъ среды самихъ членовъ Тайнаго Общества. Не будемъ полемизировать съ первыми, но укажемъ на нѣкоторыя возраженія, идущія изъ среды самихъ декабристовъ, и вообще постараемся отвѣтить на нѣкоторые вопросы, которые сами собой возникаютъ при детальномъ знакомствѣ съ исторіей Тайнаго Общества.

Первый вопросъ можетъ касаться организаціи самого Тайнаго Общества. Со стороны Николая Тургенева Таї-

---

[1]) Имѣемъ въ виду выводы, вытекающіе изъ нашей книги „Идеалы декабристовъ“.

ное Общество получило наиболѣе упрековъ въ отсутствіи организаціи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Жуковскому онъ утверждаетъ, что, вступивъ въ Тайное Общество, онъ не нашелъ въ немъ „никакой организаціи“. „Я слышалъ только,—говоритъ онъ,—о томъ, что такой-то и такой-то былъ членомъ или продолжалъ быть членомъ Общества. Встрѣчаясь со мною, члены то говорили мнѣ, что Общество падаетъ, что никто не знаетъ, что дѣлать, что тотъ или другой членъ бездѣятеленъ, а тотъ никогда не сходится со своими товарищами; то говорили, что нѣкоторые члены, видя, что Общество бездѣятельно, желали созвать общее собраніе, чтобы рѣшить что-нибудь опредѣленное. Я былъ одинъ или два раза на подобнаго рода собраніяхъ, на которыхъ члены, повторивъ свои обычныя сѣтованія на бездѣятельность Общества, на затруднительность и даже невозможность чего-либо достигнуть при недостаткѣ усердія въ однихъ и равнодушіи другихъ, переходили обыкновенно къ разговорамъ о литературѣ, о текущихъ новостяхъ и т. п.“ [1]). Въ другомъ письмѣ онъ даже утверждаетъ, что „Общества въ настоящемъ или, лучше сказать, въ какомъ-либо смыслѣ точно не было“ и что даже, выражается онъ въ другомъ мѣстѣ, что Общество было просто „вздоръ“, ребячество [2]).

Въ организаціи Тайнаго Общества, во всѣхъ трехъ фазисахъ его развитія, надо различать двѣ стороны: теоретическую и фактическую. Съ теоретической точки зрѣнія, форма придуманной конспираціи была очень удачна. Къ ней обычно прибѣгаютъ Тайныя Общества и даже въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, во главѣ стоитъ кругъ, управляющій обществомъ, отъ котораго въ видѣ радіусовъ расходятся члены, такъ сказать, второстепеннаго значенія. При такихъ условіяхъ конспи-

---

[1]) „Русск. Старина“, ноябрь, 1901, 330.
[2]) „Русск. Старина“, май, 1901, 238, 247.

рація могла быть хорошо соблюдена, и эти условія необходимы для существованія всякаго Тайнаго Общества. Но, правда, тутъ надо оговориться, что въ средѣ декабристовъ эта организація плохо выполнялась, и на практикѣ представители Общества, руководившіе его дѣятельностью, были извѣстны слишкомъ многимъ, не будучи сокрытыми такъ, какъ это слѣдовало бы въ прочно устроенной конспираціи. Завалишинъ прибавляетъ еще одну черту въ жизни Общества, къ которой онъ относится съ сильнымъ порицаніемъ. „Я не понималъ возможности, — говоритъ онъ, — и не выносилъ такой безурядицы, какую находилъ во всемъ и въ Сѣверномъ Тайномъ Обществѣ. Противъ полной безалаберности веденія дѣла, противъ отсутствія правильной подготовки я и возставалъ и вступилъ въ борьбу съ Рылѣевымъ, который, по своему властолюбію устраняя людей способныхъ отъ управленія дѣломъ, окружилъ себя бездарностями, чтобы одному надъ всѣми господствовать. Я требовалъ правильнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, вмѣсто болтовни о томъ, какъ произвести переворотъ“ [1]).

Если подъ „безтолковостью“ разумѣть невыдержанность организаціи Общества, то по этому поводу мы только что говорили. Но, какъ видимъ, надъ Обществомъ тяготѣетъ обвиненіе въ диктатурѣ Рылѣева. Эту диктатуру и другіе считаютъ большимъ недостаткомъ. Николай Бестужевъ даже въ позднѣйшихъ своихъ запискахъ говоритъ о томъ, что Рылѣевъ „оставлялъ его въ совершенной безызвѣстности о силѣ и средствахъ Общества“. Николаю Бестужеву не былъ извѣстенъ составъ Верховной Думы Сѣвернаго Общества [2]). Но именно Ры-

---

[1]) Д. И. Завалишинъ, Декабристы, „Русскій Вѣстникъ“, 1884, февраль, 843.

[2]) Изъ записокъ декабриста И. А. Бестужева, „Истор. Вѣстникъ“, 1904, т. 96, стр. 121.

лѣева трудно винить въ абсолютизмѣ по отношенію къ Обществу. Мы видѣли, что его выдвинули сами обстоятельства. Именно въ послѣдній моментъ исторіи Общества въ немъ какъ разъ было мало „достойныхъ людей“, о которыхъ говоритъ Завалишинъ, и выдвигать было некого, по сравненію, конечно, съ Рылѣевымъ. Съ отъѣздомъ Никиты Муравьева, Николая Тургенева, Трубецкого ряды Сѣвернаго Общества сильно порѣдѣли, и едва ли бы Общество могло быть руководимо такими лицами, какъ Торсонъ, Николаій Бестужевъ или самъ Завалишинъ. При высокихъ достоинствахъ первыхъ двухъ, надо замѣтить, что это были люди весьма умѣреннаго направленія и не обладали тоій пылкостью натуры, которою зажигалъ другихъ Рылѣевъ. Но, какъ бы то ни было, эти лица и не могли быть введены въ Верховную Думу, такъ какъ мѣста въ ней были заполнены уже ко времени вступленія въ нее Рылѣева. Нельзя также сказать, чтобъ этихъ видныхъ членовъ Рылѣевъ не привлекалъ къ болѣе интенсивной дѣятельности: онъ дѣлалъ и въ этомъ отношеніи попытки, при которыхъ пылкость Рылѣева разбивалась о хладнокровіе Николая Бестужева и Торсона. Если Рылѣевъ и главенствовалъ въ Сѣверномъ Обществѣ, то такое положеніе его создалось естественнымъ путемъ, благодаря пылкости и энергичности его натуры. И если дѣятеля всякой конспираціи оцѣнивать по размѣру имъ сдѣланнаго, то съ этой стороны Рылѣевъ не заслуживаетъ упрековъ: при немъ Общество очень сильно возросло и въ количествѣ членовъ и духомъ непримиримости съ самодержавнымъ режимомъ. Рылѣевъ очень искусно направлялъ дѣятельность Общества до декабрьскихъ дней. Какъ проведена декабрьская революція, это другой вопросъ, котораго мы сейчасъ касаться не будемъ. Что же касается до упрековъ по адресу Рылѣева, что онъ многихъ оставлялъ въ неизвѣстности относительности намѣреній

и силъ Общества, то на это можно сказать одно: конспирація есть конспирація.

Слѣдственная Комиссія очень сурово отнеслась къ другому представителю Тайнаго Общества—къ Пестелю. Но уже біографъ Пестеля, г. Павловъ-Сильванскій, замѣтилъ, что Пестель былъ не виновнѣе другихъ своихъ сотоварищей. Онъ превосходилъ ихъ умомъ — это иное дѣло. Пестель былъ умственнымъ аппаратомъ въ Южномъ Обществѣ, работавшимъ больше теоретически, чѣмъ практически.

Присматривалсь къ дѣятельности Тайнаго Общества, несомнѣнно, рождается вопросъ: насколько была необходима для него предварительная разработка формъ конституціи?

Иногда стараются представить дѣло такъ, что декабристы предрѣшали всѣ вопросы, касавшіеся будущаго государственнаго строя. Въ извѣстной мѣрѣ это вѣрно. По отношенію къ Пестелю и тому небольшому кругу лицъ, которыя его до конца поддерживали, это абсолютно вѣрно. Но мы уже имѣли случай замѣтить, что на Пестеля нужно смотрѣть прежде всего какъ на мыслителя, а не какъ на практическаго революціонера. Онъ жилъ въ сферѣ отвлеченныхъ идей и строилъ свой грандіозный планъ будущаго государства. При условіи большей или меньшей свободы печати и мысли, изъ-подъ пера Пестеля мы получили бы интересный политическій трактатъ — вотъ и все. При условіяхъ же русской жизни изъ Пестеля получился революціонеръ, закончившій свою жизнь на висѣлицѣ.

Итакъ, нельзя отрицать того обстоятельства, что детальная подготовка въ нѣдрахъ Тайнаго Общества формъ конституціонной жизни, съ точки зрѣнія практической, была дѣломъ излишнимъ, даже могла бы угрожать спокойствію освобожденнаго государства, или могла бы привести къ тѣмъ самымъ разультатамъ, къ которымъ привела аналогическая попытка ограничить самодержав-

ную власть при воцареніи Анны Іоанновны. Но, не одобряя подобнаго рода схематизма, необходимо, однако, принять цѣлый рядъ условій, при которыхъ и ради которыхъ декабристы вырабатывали свои проекты конституціи.

Прежде всего не можетъ быть сомнѣнія, что Тайное Общество должно было поставить ясно свою задачу. Такъ, естественно, долженъ возникнуть вопросъ и о республикѣ и о конституціонной монархіи и даже объ основныхъ формахъ и той и другой. Всякое тайное общество. рѣшающее ниспровергнуть существующій порядокъ, должно поставить и конечную цѣль, къ которой оно стремится. Повидимому, декабристы, обсуждая именно основы будущаго государственнаго строя, постепенно подошли къ его деталямъ. Но и кромѣ того, въ Сѣверномъ Обществѣ предполагалось предварительно широко подготовить общество къ принятію того конституціоннаго плана, который подготовилъ Никита Муравьевъ. Конечно, слабая сторона этой мысли заключается въ томъ, что въ дѣйствительности Тайное Общество, пока оно является таковымъ, осуществить такого плана не могло; такой планъ говоритъ только о недостаточной практичности Никиты Муравьева.

Но могутъ возразить, что, подготовляя или основы или детали конституціи, декабристы слишкомъ много брали на себя, предвосхищая волю народа. Сознавали или нѣтъ сами декабристы, но историкъ не можетъ не отмѣтить, что ихъ кругъ представлялъ собою цвѣтъ тогдашняго интеллигентнаго русскаго общества, и если они много брали на себя, то это былъ такой кругъ людей, который, дѣйствительно, могъ много дать государству въ смыслѣ культурныхъ силъ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти культурныя силы, сознательно или безсознательно, считали себя обязанными быть готовыми на случай успѣха переворота. Эти лучшія силы для блага государства должны были быть

готовыми на случай того же успѣха. Такъ и въ наши дни партія „кадетовъ“ въ періодъ переворота вступила на путь обновленія государства во всеоружіи предварительной подготовки. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ въ свою среду она, дѣйствительно, вобрала основной культурный фондъ государства. Но если бы кто упрекалъ декабристовъ въ слишкомъ большой заботѣ о второмъ шагѣ революціи, то не надо забывать объ убѣжденіи, проникавшемъ ихъ сознаніе: они боялись революціонной анархіи и неожиданныхъ ея послѣдствій. Правильна или неправильна эта боязнь, но она именно побуждала декабристовъ къ большой подготовленности. Но вспомнимъ только, что внезапное освобожденіе крѣпостного крестьянства въ связи съ столь же внезапнымъ освобожденіемъ отъ традиціоннаго самодержавія, дѣйствительно, являлось дѣломъ весьма отвѣтственнымъ.

Но вотъ еще упрекъ, который посылаютъ декабристамъ писатели даже изъ сочувствующаго имъ лагеря: готова ли была тогдашняя Россія къ переходу къ конституціи,—Россія рабская и рабовладѣльческая въ смыслѣ соціальномъ и политическомъ, не преждевременны ли были для нея формы свободнаго государства? Тургеневъ, напримѣръ, боялся, что освобожденное отъ ига самодержавія дворянство съ тѣмъ большею ревностью будетъ охранять свои рабовладѣльческія права или превратитъ крестьянъ въ безземельныхъ батраковъ и что только въ мощныхъ рукахъ самодержавія возможно было освобожденіе крестьянъ съ землею. Тургеневу вторятъ иногда новѣйшіе историки. Эти предположенія совершенно гадательны. Свобода никогда не бываетъ для государства рановременной.

Иногда къ дѣятельности Тайнаго Общества подходятъ съ оцѣнки чисто личныхъ качествъ его руководителей. Составитель офиціальнаго акта о декабристахъ утверждаетъ, что декабристы прибѣгали къ обманамъ въ сно-

шеніяхъ между Сѣвернымъ и Южнымъ Обществами. А Завалишинъ даже бросаетъ упрекъ, что въ Обществѣ не брезгали правиломъ, по которому цѣль оправдываетъ средства. Это, можетъ-быть, самое тяжелое обвиненіе, которое падаетъ на Тайное Общество. Составитель офиціальнаго донесенія съ ядовитостью передаетъ слова Рылѣева о Сперанскомъ: „Сперанскій нашъ“ или „онъ будетъ нашъ“. Въ кружкѣ Рылѣева разсчитывали и на Мордвинова. Выходитъ, что декабристы опирались на сочувствіе лицъ, отношеніе коихъ къ нимъ было неизвѣстно. Съ внѣшней стороны это такъ, но по существу дѣла — нѣтъ: развѣ не правда, что на Мордвинова и на Сперанскаго можно и должно было разсчитывать,— конечно, не въ подготовкѣ переворота, а съ момента его осуществленія?

Но есть другая сторона. Въ сношеніяхъ Сѣвернаго и Южнаго Обществъ допускалось преувеличеніе силъ Общества. Между тѣмъ по существу силы эти были слабы.

Тутъ надо расчленить обвиненіе на двѣ части: преувеличеніе силъ—это одна сторона, а преднамѣренность преувеличенія — это другая сторона; нельзя отрицать того, что въ средѣ декабристовъ, особенно въ Южномъ Обществѣ, существовало преувеличенное мнѣніе о своихъ силахъ. Увлеченіе было такъ велико, что это преувеличеніе являлось чисто безсознательнымъ. Но съ другой стороны, надо принять во вниманіе условія, при которыхъ живетъ каждое тайное общество, и взгляды на дѣло самихъ декабристовъ. Условія дѣятельности въ каждой конспираціи таковы, что всегда легко могутъ повести къ добросовѣстному заблужденію. Вотъ рельефный примѣръ. Князь Волконскій былъ на кавказскихъ водахъ. По нѣкоторымъ намекамъ, показавшимся ему весьма опредѣленными, онъ пришелъ къ заключенію, что на Кавказѣ существуетъ Тайное Общество. Онъ самъ признается въ своихъ запискахъ, что собранныя имъ

свѣдѣнія казались ему внушающими довѣріе. Но очень понятно, какъ трудно въ такихъ случаяхъ получить необходимыя свѣдѣнія. Волконскій добросовѣстно заблуждался въ данномъ отношеніи и доложилъ директоріи Южнаго Общества, что на Кавказѣ существуетъ Тайное Общество. Развѣ это сообщеніе не должно было окрылить надежды членовъ Южнаго Общества?

Надо принять во вниманіе то увлеченіе, съ которымъ подготовлялось Южное Общество къ перевороту. Это увлеченіе, выразителями котораго были Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, не знало холодныхъ расчетовъ. Увлеченіе—недостатокъ, за который они оба заплатили своею кровью, но развѣ за это они достойны обвиненія? И Пестель и Сергѣй Муравьевъ были искренне увѣрены въ томъ, что солдатскую массу легко двинуть. Сергѣй Муравьевъ это доказалъ на практикѣ при очевидности безпадежнаго исхода. Съ точки зрѣнія Бестужева, очевидно, раздѣлявшейся его другомъ, для дѣла прежде всего и главнымъ образомъ нуженъ былъ энтузіазмъ. Это та же точка зрѣнія, которую по существу исповѣдывалъ Пестель, полагая, что дѣйствуютъ не массы народа, но индивидуумы: они легко могутъ руководить массою. Это заблужденіе, но его не слѣдуетъ разсматривать, какъ обвиненіе.

Слѣдуетъ теперь только стать на почву тѣхъ взглядовъ, которыми были проникнуты члены Южнаго Общества, и тогда будетъ понятенъ источникъ ихъ преувеличеннаго мнѣнія о своихъ силахъ.

По мысли Пестеля, которую готовъ былъ раздѣлять Рылѣевъ, во главѣ государства стоитъ нѣкоторое время временное верховное правленіе, которое проводитъ реформы. Уже многихъ декабристовъ смущало это ученіе о необходимости временной узурпаціи власти для блага народа. Къ этому можно отнестись двояко — и одобрительно и не одобрительно, это зависитъ отъ взгляда. Не оставляя въ сторонѣ примѣры исторіи, напомнимъ

только, что аналогичная мысль высказывалась и позднѣйшими русскими революціонерами, хотя бы, напримѣръ, такимъ умнымъ и энергичнымъ дѣятелемъ, какъ Желябовъ [1]). Можетъ-быть, странно читать теперь, что въ кружкѣ Пестеля говорили о членахъ будущаго временнаго правленія. Но въ самомъ дѣлѣ развѣ Клисѳенъ, Кромвель, Вильгельмъ Оранскій, Вашингтонъ, Робеспьеръ, Наполеонъ и множество другихъ вожаковъ движеній, ниспровергавшихъ правительства, не стали во главѣ государства, когда было низвергнуто правительство, противъ котораго они боролись? И даже слѣдуетъ спросить: не обязаны ли они были стать во главѣ новаго правительства?—Отвѣтъ можно дать только утвердительный.

Декабристамъ казалось просто: слѣдуетъ появиться любимому начальнику къ выстроившемуся въ боевомъ порядкѣ полку или другой части войска и зажечь сердца солдатъ и офицеровъ пламенною рѣчью о свободѣ,—и войско можно двинуть противъ существующаго правительства. Имъ казалось, что всѣ такъ же ненавидятъ царя и его правительство, какъ ненавидятъ и то и другое они сами, и они были увѣрены, что войско ихъ поддержитъ въ борьбѣ противъ царя. Такое отсутствіе холоднаго рас-

1) Напомнимъ то, что писалъ Желябовъ въ „Народной Волѣ“, по этому поводу (по изложенію Туна, „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“, изд. Рутенберга, стр. 242): „Принципъ централизаціи долженъ былъ сохраниться и послѣ побѣды революціи. Временное правительство партіи будетъ имѣть только формальное значеніе; она явится только ликвидаціонной комиссіей, экономическую революцію долженъ произвести самъ народъ, обязанность же правительства только санкціонировать экономическое равенство. Но если самъ народъ не сумѣетъ ниспровергнуть хозяйственныя учрежденія, то это возьметъ на себя временное правительство. Оно отмѣнитъ право частной собственности на землю и на орудія производства и одновременно введетъ новыя учрежденія. Послѣ этого должны послѣдовать выборы, и въ парламентъ попадутъ дѣйствительные представители народа освобожденнаго политически и экономически. Народная жизнь начнетъ регулироваться волею народа“.

чета — увлеченіе, заблужденіе, — и только. Но если даже это и заблужденіе, то оно далеко не легковѣснаго свойства. Надо остановиться надъ вопросомъ о томъ, на чемъ покоится такое представленіе о русскомъ народѣ. Оно исходитъ изъ мысли о революціонномъ настроеніи русскаго народа. Въ такомъ представленіи о народной массѣ повинны многія поколѣнія русской интеллигенціи; вся многолѣтняя исторія русскихъ революціонныхъ движеній тѣсно связана съ глубокой вѣрой въ революціонность русскаго народа. Такой опытный революціонеръ, какъ Бакунинъ, настаивалъ на томъ, что сила революціонной организаціи заключается не въ количествѣ ее составляющихъ лицъ, а въ ихъ качествѣ, отъ удачнаго созданія бунтовского ядра. Что вело нашихъ народниковъ еще такъ недавно „въ народъ“, какъ не также вѣра въ революціонность народной массы? „Вся масса русскаго народа, — говоритъ одинъ изъ народниковъ, Дебогорій Мокріевичъ, — представлялась намъ болѣе или менѣе однородной и почти готовой къ поголовному возстанію... Всякій вѣрилъ, что за нимъ стоятъ милліоны крестьянъ, и это вѣра неудержимо толкала впередъ“. Эта вѣра въ народъ разбивалась о невозможность для массы крестьянствъ сорганизоваться, но она покоилась на вѣрномъ наблюденіи: какъ крѣпостникъ-рабъ ненавидѣлъ своихъ господъ, такъ и въ освобожденномъ крестьянинѣ, едва обезпеченномъ матеріально и инстинктивно чувствующемъ свое политическое рабство, легко просыпается ненависть къ болѣе состоятельнымъ классамъ и къ своимъ угнетателямъ. И развѣ теперь, на нашихъ глазахъ, этотъ народъ не просыпается?..

Мы теперь знаемъ, что силы Общества были не столь значительны, какъ это должно было казаться его членамъ: вѣдь они имѣли право разсчитывать на поддержку многихъ лицъ, которыя, какъ мы *теперь* знаемъ, уклонились отъ Общества; но это не было извѣстно его ру-

ководителямъ. Охлажденіе этихъ членовъ могло сказаться съ момента переворота, но могло произойти и другое: не было бы ничего удивительнаго, если бы мы увидѣли во главѣ возставшихъ войскъ такихъ боевыхъ офицеровъ, пользовавшихся огромнымъ престижемъ въ арміи, какъ генералы Фонъ-Визинъ, Орловъ, полковники: Шиповъ, Моллеръ, Бурцевъ и многіе другіе.

И даже наличныя силы Общества, если стать на точку зрѣнія южныхъ членовъ его (вѣдь главнѣйшимъ образомъ Южное Общество обвиняютъ въ преувеличеніи силъ), не были такъ незначительны. Съ ихъ точки зрѣнія, полковой командиръ двигалъ полкъ и т. д. Между тѣмъ въ средѣ надежныхъ членовъ было три полковыхъ командира, одинъ бригадный, одинъ недавно отставленный отъ полка и рядъ баталіонныхъ командировъ. Въ ихъ увлеченіи это была значительная воинская сила. Но и въ дѣйствительности заговоръ декабристовъ вовсе нельзя считать такимъ ничтожнымъ. Обвинительный актъ былъ подписанъ надъ 118 офицерами и многіе изъ нихъ были въ чинѣ майоровъ и выше. Если принять въ расчетъ число лицъ, которыя были освобождены отъ суда или которыя имѣли нѣкоторое отношеніе къ Обществу, хотя и не попали подъ судъ, то это число надо сильно увеличить, а среди ускользнувшихъ было много офицеровъ въ высшихъ чинахъ. Напомнимъ что императоръ Николай считалъ прикосновенными къ дѣлу 6000—7000 чел., и едва ли онъ ошибался. Но надо помнить, что среди не членовъ Общества были, несомнѣнно, лица, знавшія о немъ, и, очевидно, втайнѣ ему сочувствовавшія. Возьмемъ хотя бы такого виднаго генерала, какъ начальникъ штаба южной арміи Киселевъ. Въ дѣйствительности, развѣ Общество, при малѣйшемъ успѣхѣ, не могло разсчитывать если не на содѣйствіе, то на бездѣйствіе начальника штаба?

Вообще силы Общества представляются довольно значительными и въ настоящее время, хотя плохо сорга-

низованными. Другой вопросъ, что сама революція была поведена неудачно, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ несчастливо для декабристовъ. Но эта сторона дѣла теперь насъ не интересуетъ: ее мы выясняемъ особо.

Но еще одно обвиненіе личнаго свойства тяготѣетъ надъ многими представителями Тайнаго Общества. О немъ не хотѣлось бы говорить. Обвиненіе — въ честолюбивыхъ замыслахъ. Это больше всего касается Пестеля. Непріятно читать и въ показаніяхъ декабристовъ и въ позднѣйшихъ запискахъ указанія на эту черту,— тягостно читать!

Предоставимъ біографамъ разобрать этотъ тонкій психологическій вопросъ. Истинныя свои намѣренія, по нашему глубокому убѣжденію, вполнѣ чистыя и искреннія, декабристы унесли въ могилу. Но представимъ себѣ слѣдующее. Переворотъ совершается во имя извѣстныхъ идей. Переворотъ удачный,—идея получаетъ господство. Переворотъ — одна сторона дѣла, первый шагъ, но цѣль, во имя которой совершался переворотъ, должна быть воплощена въ жизнь, должна быть поддержана. Тѣ, кто вели къ перевороту, кто былъ иниціаторомъ движенія, развѣ тѣ не обязаны были бы стать во главѣ движенія и на своихъ плечахъ нести бремя по устроенію государства послѣ переворота?

2007237414